Edvardas Burokas

Pūtėme prieš vėją

KRAUJU RAŠYTA ISTORIJA

ИСТОРИЯ ПИСАНАЯ КРОВЬЮ

HISTORY WRITTEN WITH BLOOD

L'HISTOIRE EN LETTRES DE SANG

4 dalis

Jei iš XX amžiaus raudonojo ir rudojo fašizmo aukų tektų sudėti kalnus, tai jos prilygtų aukščiausiems Krymo kalnams, šių aukų ir jų artimųjų kančios bei sielvartas – Kaukazo kalnams, tai laisvės kovotojų ryžtas pasiektų Everestą.

Raudonasis fašizmas konclageriuose už laisvės kovą numatė vienintelį atpildą – mirtį, tačiau net jaunutės kalinės, susikibusios rankomis, pastojo tankams kelią Kengyre; vienos žuvo po tankų vikšrais, o išlikusios nebėgo ir šaukė: „fašistai, fašistai!“

Ne už sotesnį kąsnį, šiltesnį baraką, lengvesnį darbą kovojo laisvės kovotojai, jie kovojo už pamintų žmogaus teisių atstatymą, už pavergtų tėvynių laisvę, už laisvąjį pasaulį, kuris egzistavo kažkur ... Net už tuos „didžiuosius“, su išskaičiavimu pardavusius priešui pavergtųjų tėvynes.

XX amžiuje buvo įsiviešpatavęs rudasis ir raudonasis fašizmas. Buvo ir tebėra kitų spalvų. Ar nebus vienas jų – bespalvis, bekvapis, globalizmo raugu užraugtas, užvaldąs protus, sąmonę, besiskverbiantis į žmonių širdis, visų fašizmų tėvas – GLOBALIZMAS?

Если бы из жертв красного и коричневого фашизма XX века пришлось сложить горы, по высоте они не уступали бы самым высоким Крымским горам, душевные страдания и муки жертв и их близких достигли бы Кавказских гор, так самоотверженность борцов за Свободу сравнялась бы с Эверестом.

В концлагерях красный фашизм применял единственную награду в борьбе за свободу-смерть, но даже молоденькие узницы, взявшись за руки, преградили путь танкам в Кенгыре; одни погибли под гусеницами танков, а выжившие не бежали и кричали: « фашисты, фашисты!».

Не за более сытный кусок, не за тепленькое место в бараке или легкую работу боролись борцы за Свободу; они боролись за восстановление попранных прав человека, за Свободу порабощенных родин, за свободный мир, который существовал где-то... Даже за тех, «великих», с расчетом продавших врагу порабощенные родины.

В XX веке господствовал коричневый и красный фашизм. Были и есть другие цвета. Не оин ли из них бесцветный, без запаха, заквашенный на дрожжах глобализма, завладевший умами и сознанием, пронизывающий сердца людей, отец всех фашизмов – ГЛОБАЛИЗМ?

Si on faisait une montagne à partir des victimes du fascisme rouge et du fascisme brun du XXe siècle, elle serait aussi grande que les plus hautes montagnes de Crimée, les souffrances et la douleur des victimes et de leurs proches s'élèveraient jusqu'aux montagnes de Caucase et la hardiesse des combattants pour la liberté – jusqu'au sommet de l'Everest.

Dans les camps de concentration la mort fut la seule récompense pour les luttes de la liberté, prévue par le fascisme rouge. Cependant, même les très jeunes prisonnières se sont données les mains pour barrer la route aux chars à Kengir ; les unes ont trouvé la mort sous les chenilles des chars, et celles qui sont restées vivantes n'ont pas bougé en criant : «Fascistes, fascistes!»

Les combattants n'ont pas lutté pour une meilleure nourriture, pour une baraque plus chaude ou pour un travail moins pénible. Ils ont lutté pour le rétablissement des droits de l'homme foulés aux pieds, pour la liberté des peuples asservis, pour le monde libre qui existait quelque part... Même pour ces «grands» qui avaient vendu à l'ennemi les patries des asservis.

Le XXe siècle fut marqué par le règne du fascisme brun et du fascisme rouge. Il y avait pourtant d'autres couleurs et il en reste toujours, y compris ce processus incolore, sans odeur, qui s'empare des esprits et de la conscience, pénètre dans les cœurs des êtres humains. C'est la MONDIALISATION – la mère de tous les fascismes.

If we had to mound mountains for the victims of red and brown fascism, they would be equal to the highest peaks of Crimea. The torments and pain of these victims and their kinsfolks would be the same height as mountains of Caucasus, and the strength of the fighters for freedom would reach the Everest.

The red fascists saw only one retribution for the fight for freedom in their concentration camps – it was death. But their prisoners were fearless – even very young women prisoners arm-in-arm stayed against the tanks in Kengyr. Some of them perished under the caterpillar tracks of the tanks, others did not get frightened, but only cryed: „fascists, fascists!“

The fighters for freedom fought not for the better food, not for the warmer bunkhouse or easier job. They fought for the trampled human rights, for the freedom of their subdued homelands, for the free world, that existed somewhere... They even fought for those „great countries“, that sold the homelands of those enslaved people.

The brown and red fascism was strangleholded in the world during the XX century. But there were also another colours in the world. And they exist in the world even now. Maybe one of those colours is colourless, odourless, occupying the human minds and hearts, the father of all the fascisms – the GLOBALISM?

Edvardas Burokas

Pūtėme prieš vėją

Ketvirtoji dalis

Krauju rašyta istorija

LIETUVOS LAISVĖS KOVOTOJŲ SĄJUNGA
Vilnius, 2010

UDK

ISBN

Maketavo Gediminas Ruzgys

Edvardas Burokas

Pūtėme prieš vėją. IV dalis

Krauju rašyta istorija

V.Vaineikio tapytas 62-jo spec. ypatingojo baudžiamojo lagerio Vorkutoje vaizdas

Написанная В.Вайнейкисом картина „Вид на 62-ой каторожный лагерь особоспециального назначения в Воркуте“

Tableau de V.Vaineikis.
Image du 62ème camp spécial de punition à Vorkouta

A picture, painted by V.Vaineikis.
A view of special punitive concentration camp in Vorkuta

MIELAS SKAITYTOJAU,

Šią knygą įterpiu tarp savo knygų bendru pavadinimu „Pūtėme prieš vėją“, kuriose atspindima kova už laisvę milijonų represuotų, lageriuose kovojusių žmonių. Medžiagą apie šią didvyrišką kovą rinkau dar būdamas lageriuose, o vėliau – iš įvairių rašytinių šaltinių, tarp jų – iš represinių struktūrų bei asmeninių archyvų.

Žiūrint iš šio laiko aukštumos, matyti, kad žmonijos istoriją ženklina kova tarp siekiančiųjų laisvės ir tironų. XX amžiuje ta kova pasiekė apogėjų, kai iš viešojo gyvenimo į kalėjimų kameras ir koncentracijos stovyklas vergvaldžiai suvarė milijonus už laisvę kovojančių žmonių.

Ar žmonija anksčiau nebuvo pasiekusi tokio savo sąmoningumo lygio, ar nebuvo anksčiau pakankamai kovotojų, pasiaukojančių laisvės siekiams? Ar čia kalti praeities švietėjai, platinę humanistines idėjas, aukštinę žmogaus orumą? O gal kalti tomis idėjomis pasinaudoję „pinigų maišai“– globalistai, sumanę sukurpti pasaulinę valstybę savo piktiems kėslams įgyvendinti bei pradėję XX a. eksperimentus Rusijoje ir Vokietijoje, sužerdami ištisas Europos teritorijas į bendrą tautų katilą, kuriame ketino sudaryti lydinį žmonių, kurių mąstysena atitiktų kosmopolitizmo, tiksliau tariant, globalizmo siekio įgyvendinimą? Pasirodo, reikia laikyti teisiais tuos, kurie XX a. tironiją laiko globalizmo – pasaulinės valdžios siekio – pasekme.

Tačiau knygų „Pūtėme prieš vėją“ tikslas nėra globalistinės tironijos priežasčių ir pasekmių nagrinėjimas, o siekis parodyti realybę, kurioje represuoti žmonės priešinosi ir kovojo su minima užmaskuoto globalizmo pasekme, apie kurią tikriausiai net nenutuokė net patys komunizmo ideologai ar

vėliau jais sekę naciai, kurie globalistų skatinami siekė sukurpti „Laisvą Europą“. Pasekmė – pasauliniai karai, krizės, koncentracijos stovyklos, kuriose tiesiogiai ar netiesiogiai buvo bandyta perauklėti nepritariančiuosius valdančiųjų idėjoms bei tuo pačiu metu panaudoti juos medžiaginių išteklių gamybai, o planams nepavykus, – sužlugdyti asmens dvasią ar sunaikinti patį žmogų.

Globalistų eksperimentai tęsiasi. Gyvuoja bedantė Jungtinių Tautų Organizacija, neturinti jokios sprendžiamosios galios, kurią valdo su savo veto teise Saugumo Taryba. Europos Sąjunga, lydanti tarpusavyje įvairias tautas bei skatinanti žemiausius žmogaus instinktus, maskuotai kėsinasi iš žmogaus atimti sąžinės laisvę, krikščioniškąjį tikėjimą, skatina vien vartotojiškumu grindžiamą pragmatizmą, siekia žmogų paversti pasaulio piliečiu, nuslepiant tuos, kurie kurpia ir jaučiasi valdą tą dar nesukurptą pasaulio valstybę. Ir šis procesas yra tiek įsismarkavęs, kad, regis, be globalistų sukurptų organizacijų, pasaulis nebegalėtų tvarkytis. Žmonija sparčiai pereina į globalistų rankas, jaučiamas nuožmus jos išnaudojimas bei žeminimas, todėl ateityje tikėtinas pasipriešinimas, kuriam gali prireikti tų pačių, tik daug didesnių, globalistų jau suplanuotų, koncentracijos stovyklų...

Pavartykime „Krauju rašytos istorijos“ puslapius. Gal juose sudėtų žinių prisireiks mūsų vaikams ar vaikaičiams.

Knyga išleidžiama keturiomis kalbomis, labiau skiriama kitakalbiams skaitytojams, nemačiusiems ir nepatyrusiems komunistinės prievartos. Rusų kalba pateikiama daugiau surinktos medžiagos, nes didžioji jos dalis, jau skelbta kitose mano knygose lietuvių kalba. Tai tinka ir anglų kalbos tekstams. Dėl lėšų stygiaus bei kitų nepalankių sąlygų, prancūzų kalba pateikiamas tik pagrindiniai duomenys apie lagerių pasipriešinimą.

Už knygos pasirodymą esu dėkingas savo žmonai Jadvygai, broliams Jonui ir Antanui, Algimantui Zolubui, Vaidui Dvilinskui, Rimantui Matuliui, Tatjanai Mitrofanovai, Algirdui Bikulčiui, Dovilei Račkauskaitei, Jonui Mileriui, Reginai Smetonaitei, Petrui Kalibatui, Mintautui Daulenskiui, Romo Petro Šaulio šeimai, Antanui Šakaliui, bendrapavardžiui Jonui Burokui, Čypų šeimai, Gediminui Ruzgiui, Šemberų šeimai, Arvydui Anušauskui, Vytautui Landsbergiui, Radvilei Morkūnaitei, Ramūnui Garbaravičiui, Jurgiui Biručiui, Rimantui Jokimaičiui, Edmundui Simanavičiui, Marcelei Dilienei, Algimantui Patašiui, Eugenijui Peikšteniui, Vilmai Juozaitytei, Viktorui Avguliui, Feliksui Krasavinui, Broniui Zlatkui, Kristinai Kačkuvienei, Linai Rimkuvienei, Donatui Janutui ir visiems talkinusiems savo lėšomis, patarimais, ar gerais žodžiais padėjusiems išleisti šią knygą.

Su pagarba skaitytojui –
autorius Edvardas Burokas

***

Simboliška, kad ši knyga pasieks skaitytojus būtent šiemet, kai minime okupacijos 70-ąsias metines ir švenčiame 20 metų Nepriklausomybės sukaktį. Knygoje apžvelgiami įvykiai, reiškiniai ir pergyvenimai skatina dar kartą susimąstyti apie Laisvės, į kurią atvedė stipri mūsų senelių ir tėvų valia, kainą. Sklaidydami prisiminimais alsuojančius puslapius neišvengiamai dar kartą įvertiname tai, ką turime šiandien.

Apie šimtus tūkstančių lietuvių, jungiančių panašius, it replėmis represinių struktūrų sugniuždytus likimus ir pasipriešinimo nelaisvėje fenomeną knygoje „Pūtėme prieš vėją“ byloja surinkti faktai, dokumentai ir prisiminimai. Byloja apie organizuotus sukilimus, drąsių žmonių pastangas išlaikyti tautiškumą ir puoselėti laisvės troškimą. Neatskiriamos yra ir svetimųjų invazijos, tremties, naikinančios fiziškai ir dvasiškai, patirtys ir negandos, kurias mums, turėjusiems laimę augti ir gyventi Laisvoje Lietuvoje, teko pažinti iš tėvų ir senelių pasakojimų. Ir suprasti, kokia kaina buvo mokama už tai, jog nenorėjo paklusti okupaciniam melo ir prievartos režimui. Už tai, kad neleido pavergti savo ir tautos sąmonės. Už tai, kad pasirinko pasipriešinimą ir kovojo už norą išpažinti savo tikėjimą, tradicijas. Už tai, kad visomis išgalėmis gynė savo siekį laisvai ir savarankiškai kurti savo gyvenimus ir tautos ateitį. Didžiausiais sovietų sąjungos priešais ir „nusikaltėliais“ tuomet režimui tapo mokytojai, studentai, profesoriai, ūkininkai ir šalies šviesuoliai, kurie už žodžius „Laisvę Lietuvai“, už pagarbą trispalvei buvo persekiojami, žudomi, tremiami į Sibirą. Kuomet pasaulis mėgavosi taika, čia pat, Europoje, žmonės buvo siunčiami į pragarą už siekį įgyvendinti savo prigimtines teises.

Tokie prisiminimai, faktai ir liudijimai ypatingai svarbūs šiandien, kai Lietuva jau šeštuosius metus yra Europos Sąjungos narė, – kai esame grįžę į Europos tautų šeimą. Ypatingai svarbūs todėl, kad tokios pastangos skatina naujai permąstyti įvykius, pažinti vieniems kitus ir suvokti skausmingas, nelengvas istorijos akimirkas. Tos akimirkos turi būti žinomos ir be atidėliojimų aptariamos, nes tik suprasdami vieni kitus galėsime sėkmingai kurti savo ir taikios Europos ateitį.

Radvilė Morkūnaitė,
Europos Parlamento narė

PRATARMĖ

Keista ta atmintis – atrodo, viskas buvo neseniai, bet kiek daug laiko praėjo! Kaip mes visi pasikeitėme! Atmintyje greitai išsitrina tai, kas dar prieš dvidešimt metų buvo svarbu. Valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11-ąją daugelį lietuvių privertė naujai pažvelgti ir į savo gyvenimą, ir į tautos istoriją. Ta praeitis, tai okupacija, Lietuvos valstybingumo praradimas, nukrypimas nuo natūralaus tautos ir visuomenės vystymosi kelio, patirti neatlyginti žmonių, valstybės, ūkio nuostoliai. Tie, kurie nepatyrė nei teroro, nei persekiojimų, nei diskriminacijos, ypač jei dar priklausė valdančios nomenklatūros sluoksniui, tą praeitį vertino ir vertina kaip „socialistinį valstybingumą"!, kuomet Lietuva buvo ne tik sovietizuota, bet ir industrializuota ir urbanizuota. Siekiama pamiršti kolektyvizacijos sunaikintą žemės nuosavybę, asmeninės nuosavybės teisių nepaisymą, sudarytas ekologines problemas, prievartinę ateizaciją, valdančiai nomenklatūrai privilegijomis garantuotą socialinį saugumą, amžiną socialistinės visuomenės palydovą – ribotą pasirinkimą (prekių, galimybių ir t.t.) ir t.t. Per dvidešimt metų jau spėjome pamiršti ir tai, kad dešimtys tūkstančių lietuvių patirdavo patyčias sovietinėje armijoje ir dešimtys sugrįždavo į gimtinę cinkuotuose karstuose. Pamiršome, kaip Lietuvos turtas buvo nusavinamas sovietų imperijos naudai, pamiršome psichiatrinę prievartą, baigiame pamiršti KGB ir „geležinę uždangą"... Bet iš tikrųjų tremtys, teroras ir lietuvių pasipriešinimas sovietinei sistemai yra ta praeitis, kurios negalime pamiršti. Edvardo Buroko knyga „Pūtėme prieš vėją" kaip tik ir duoda tą suvokimą, kad daugeliu atžvilgių katastrofiškame XX amžiuje buvo pas mus žmonių, kurie niekada nepasiduodavo. Ir tik to dėka Lietuva du kartus sugebėjo atkurti valstybę.

Dr. Arvydas Anušauskas
Lietuvos Respublikos seimo narys

LAISVĖS KOVŲ ISTORIJA – STIPRYBEI SEMTIS

Atsiminimų apie sovietines tremtis, kalėjimus, lagerius įvairiomis kalbomis prirašyta tiek, kad išsamiau atvaizduoti tą klaikų pragarą gal ir nebeįmanoma. Reikalinga ta literatūra sau ir pasauliui vardan golgotas ėjusiųjų atminimo bei kaip atgrasomoji komunistinės ideologijos su jai savitu teroru priemonė. Tačiau vien sovietinės vergijos baisenybių iki žmogaus pavertimo darbiniu gyvuliu aprašymai tarsi užgožė vykusį pasipriešinimą XX amžiaus vergovinei sistemai. O iš tikrųjų toks partizaninis pasipriešinimas vyko ne vien pavergtose tautose su ginklu rankose, jis vyko kalėjimuose, lageriuose, pasireiškė sukilimais, sabotažu, blogio imperijos ekonomikos žlugdymu. Tokio pasipriešinimo pagrindinis tikslas buvo ne kova už geresnę buitį, o Laisvės idealas, vergovinės sistemos griūtis, kurio buvo siekiama įvairiausiais būdais, tarp jų – imperijos ekonomikos žlugdymu. Esmingai minimą kovą atskleidžia buvęs politinis kalinys, vergo grandinėmis kaustytas, tačiau nepalūžęs, pats organizavęs bei dalyvavęs kalinių streikuose ir sukilimuose, knygų serijos „Pūtėme prieš vėją“ autorius ir sudarytojas Edvardas Burokas.

Iš tikrųjų, kas ieškos šioje knygų serijoje marinimo šalčiu, badu, alinančiu darbu, jo neras, nors visa tai laisvės kovotojams teko patirti su kaupu. Ne vardan to parašytos šios knygos. Nors chrestomatine yra tapusi nuostata, kad vergovinė santvarka žlugo dėl nenašaus vergų darbo, tačiau daugelis sukaustytų nuožmiausios sovietinės vergijos pančiais nesuvokė, kad žlugdyti tą santvarką, išsilaisvinti iš vergovinės imperijos įmanoma ne vien nenašiu darbu, bet sabotažu, streikais, sukilimais, nukreiptais į pačios imperijos ekonomikos žlugdymą. Juk visas vadinamąsias didžiąsias komunizmo statybas vykdė kaliniai už ašakinę

duoną ir buzą gyvybei palaikyti. Knygų serija atskleidžia tai, ko nepasakė Solženicinas savo „Gulago archipelage“ ar Anne Applebaum „Gulago istorijoje“, atskleidžia vardan ko vyko ir buvo laimėta kova už grotų. Dar daugiau: valstybinėse institucijose bandoma sumenkinti ar net suniekinti tos kovos reikšmę, nepripažinti atitinkamo statuso kovotojams, nes jei nebuvo toje kovoje pralieta pakankamai kraujo, anot tų niekintojų, kova nebuvusi tikra. Ir dar keisčiau, kai kovos reikšmę bando iš atminties ištrinti ar ją „pamiršti“ buvę politiniai kaliniai. Iš tikrųjų, reikia žinoti, kad ne visi kaliniai jungėsi į kovą prieš pavergėją; daugelis, kurie siekė tik buitinių sąlygų pagerinimo nelaisvėje, kurie „tūnojo po narais“, dabar nejaukiai jaučiasi, kad nesijungė į visuotinį pasipriešinimą, buvo streiklaužiai ar nepakluso sukilimų organizatoriams.

Nerasime kapitalinėmis laikomose knygose šviečiamosios, propagandinės veiklos, skatinančios žlugdyti sovietinę ekonomiką. Knygų serijoje „Pūtėme prieš vėją“ pastaroji veikla užima deramą, pakankamą įtikinti skeptikus, vietą. Jei akyliausiai prižiūrimoje terpėje, be jokio ryšio su laisvesne aplinka, buvo spausdinami atsišaukimai, laikraštėliai, tarp jų – „Varpas“, reikia ne vien stebėtis drąsuolių išmone, bet ir įvertinti jokiomis tramdymo priemonėmis nesuvaržomą potenciją tikslui pasiekti. Knygose skaitytojas randa autentiškus aukščiausių represinių struktūrų vadovų dokumentus, kurie ir parodo bei įrodo, kaip buvo vertinami laisvės kovotojai ir jų veiksmai, drebinę GULAG-o archipelago pamatus.

Dešimtmetį Lietuvoje trukęs partizaninis karas su okupantu neturi analogų pasaulyje. Neturi analogų pasaulyje ir kova prieš sovietinę imperiją jos viduje, kova kovotojų, esančių nelaisvėje, kovojusių ne dėl asmeninės laisvės, o dėl sovietinės imperijos griūties, dėl pavergtų tautų laisvės. Galime didžiuotis, kad

tokios kovos iniciatoriai daugiausia buvo lietuviai, tarp kurių vienu iš aktyviausių kovotojų buvo ir knygų autorius bei sudarytojas.

Iš tikrųjų kovos su priešu, kai užbrėžta fronto linija, kai turima galimybė įsitvirtinti, kai žinoma gynybos ar puolimo kryptis, sėkmę lemia moraliniai ir medžiaginiai ištekliai. Sunkiau, kai tenka kautis priešo apsuptyje. Labai labai sunku kariauti partizaniniame kare, kai visais atžvilgiais galingesnis okupantas spaudžia iš visų pusių, kai ištekliai labai riboti, kai kiekviename žingsnyje tyko pasalos, išdavystės, kai reikia kariui, vengiant nelaisvės, nešiotis paskutinį šovinį sau. Tačiau sunku net įsivaizduoti, kaip galima kovoti esant nelaisvėje, kai su išore skiria grotos, spygliuotos tvoros, sargybos bokštai su kulkosvaidžiais, sekliai su vilkšuniais, dar toliau – užverbuoti, išdavystei parengti vietos gyventojai, tundra ar taiga, kai jokių medžiaginių išteklių nėra.

Edvardo Buroko knygose skaitytojui pateikiamas ne pramanytas, o savų ir priešo liudytojų dokumentais patvirtintas unikalus fenomenas pasaulyje – priešo pančiais sukaustytų kalinių kova su vergovine sistema, su galinga imperija. Ir nuostabiausia, kad kova buvo laimėta: gulago archipelagas žlugo, sekė imperijos griūtis.

Laisvės kovotojo, laisvės kovų dalyvio bei organizatoriaus šiapus ir anapus kalėjimo sienų Edvardo Buroko knygos „Pūtėme prieš vėją“ IV dalis yra tarsi reziumuojantis tris pirmąsias dalis kūrinys, pateikiamas keturiomis kalbomis, todėl skiriama platesniam skaitytojų ratui. Ir tai yra itin svarbu, nes, jei Lietuvoje iki šiolei buvo nepakankamai išviešinta politinių kalinių kova, užsienyje buvo žinomi tik jos epizodai, kurie pamažu grimzdo į nepelnytą užmarštį.

Pastaruoju metu, anot iškilaus publicisto Viliaus Bražėno,

randasi šunsnukinės istorijos bei grožinės literatūros, žeminančios ar niekinančios partizaninę kovą, kurpėjai. Buvę sovietinės sistemos kolaborantai ar jų atžalos, matydami, kad teisėtvarka ir teisėsauga jiems antsnukių neuždeda, ne tik loja, bet ir kandžiojasi, partizaninį karą bei kovą nelaisvėje niekina ar stumia į užmarštį. Klaidinantis požiūris ir į laisvės kovą tikroje nelaisvėje GULAG-o archipelage turi būti demaskuotas ir pasmerktas. Todėl kovos paviešinimas, laisvės kovotojų iškėlimas ir pagerbimas yra būtinas, žinomas Lietuvoje ir už jos ribų, jis pasitarnaus iš praeities stiprybei semtis, jaunuomenei patriotine dvasia auklėti.

Algimantas Zolubas

IŠSILAISVINIMO KOVŲ PĖDSAKAIS

Užgrobę Rusijoje valdžią 1917 metais, komunistai tuoj pat ėmė steigti koncentracijos lagerius, kuriuose nuo pirmųjų dienų prasidėjo įvairūs maištai, bendri bado streikai ir sukilimai, kūrėsi pogrindinės organizacijos. Todėl prie kiekvienos didesnės lagerių grupės buvo ir baudžiamieji mirties lageriai, kuriuose išaiškinti aktyvūs pasipriešinimo dalyviai buvo sunaikinami. Atsitiktinai likę gyvi, subrandinę pasipriešinimo idėjas, paskleisdavo jas lengvesnio režimo lageriuose. Kildavo streikai, sukilimai, ir laisvės bei antikomunizmo mintys užvaldydavo vergų galvas. Sukilėlius sušaudydavo, bet po kiek laiko šių sukilimų legenda vienur kitur įžiebdavo naujus masinius pasipriešinimus priespaudai. Čekistai, komunistų nurodymu, žalojo kalinius fiziškai, bet palaužti žmogaus valios ir dvasios nesugebėjo. Po šaudymų ir kitų represijų kaliniams pavykdavo atsigauti, kol 1955 m. Vorkutoje buvo pasiektas esminis persilaužimas. Lagerininkų nebešaudė. Apie 50 aktyvesnių kalinių išvežė į Vladimiro kalėjimą ir apie 300 į Taišeto lagerius. Vienur perteisė sumažindami bausmes, o kitur be konvojaus išleido į darbus šachtose. Pagaliau išsigando „draugai“ Kremliuje ateityje bręstančių sukilimų GULAG’e ir 1956 m. įkūrė AT Prezidiumo komisiją, kuri 80% visų kalinių ir 100% tremtinių paleido į „laisvę“.

Komunizmo aukas ir sovietinio genocido laikotarpį, kuriame apie 70 mln. žmonių buvo sunaikinta, t.y. per metus po milijoną, prisimename su kiekvieno žmogaus likimu, su jo fiziniais ir dvasiniais jausmais bei skausmais, su jo šeimos artimųjų ir giminaičių slogiais išgyvenimais. Noriu priminti tų metų didvyriškus lagerių pasipriešinimo legendų atgarsius, kurie pasiekia

mus iš likusiųjų gyvų žmonių prisiminimų ir iš tą genocidą vykdžiusiųjų skurdžių rašytų dokumentų. Nepretenduoju į išsamią įvykių chronologiją, negaliu pateikti tikslaus jame dalyvavusių žmonių skaičiaus, tačiau noriu pasidalyti mintimis apie didvyrius, kurie surakintomis rankomis, beginkliai nepabūgo atsistoti visu ūgiu prieš XX a. piktuosius viešpačius, prieš kuriuos drebėjo ir tebedreba laisvasis pasaulis.

Žemiau – išrankos iš oficialių čekistų pranešimų savo vadovams bei kiti šaltiniai, skelbti spaudoje, ar papasakojimai įvykiuose dalyvavusiųjų. Tarp jų „Soprotivlenije v GULAG'e", M., 1992, A.Šerėno „Vorkutos mirties lageriai", V., 1997. Toliau – faktai pagal SvG ir A.Š.

1923 m. kaliniai Solovkų salose paskelbė bado streiką ir buvo sušaudyti (Volia Rosiji. Nr. 16–17. 1924. Praha.).

1929 m. spalio mėn. už maištą Solovkuose buvo sušaudyta 300 žmonių. Po to buvo sunaikinti kriminaliniai kaliniai, kurie laidojo nušautuosius.

1930 m. Verchneuralsko centrale kaliniai paskelbė bado streiką ir reikalavo politinio kalinio statuso. Buvo sumušti ir aplieti vandeniu iš ugnies gesinimo žarnų.

1936 08 24 kaliniai paskelbė bado streiką Kolymoje.

1936 m. Kotle (Komijos ASSR), pradėjus Europoje sklisti kalboms apie panaudojamą kalinių darbo jėgą, prieš atvykstant Tautų Lygos komisijai, čekistai suvarė kalinius į gyvulinius vagonus ir, nuvežę į nuošalią stoties vietą, nedavė nei valgyti, nei gerti. Kaliniai mirė badu ir troškuliu. Šauksmas ir aimanos sklido aplink. Likę gyvi įsiūbavo vagonus, kurie apvirto. Čekistai pradėjo šaudyti. Likusius gyvus jie surinko ir išvežė etapais.

1936 m. Vorkutoje 500 trockistų (50% žydų, 40% rusų ir 10% gruzinų) paskelbė bado sreiką. Reikalavo politinio kalinio statuso. (A.Š., p. 222.)

1937 m. gruodį Kolymoje, Zelionyj Mys, sukilo kaliniai. Visi sušaudyti ir sudeginti. (SvG.,p.170.)

1937–1938 m. Kolymoje virš. Garanino įsakymu už nepaklusnumą sušaudyta 26 tūkst. žmonių. Vėliau buvo sušaudytas ir jis pats.

1938 m. mokslininką Piotrą Polevoją, kuris nuodugniai ištyrinėjo Vorkutos anglies baseiną, su 200 kitų įžymių „liaudies priešų“, reikalavusių nors elementarių žmogaus teisių, čekistai gyvus sudegino barake prie Uchtos. (A.Š., p.221.)

1936–1937 m. per visus Komijos krašto lagerius nusirito bado streikų banga. Politiniai kaliniai reikalavo atskirti juos nuo kriminalinių. Numalšinus streiką, į Vorkutos plytinę iš lagerių suvežti visi aktyvistai ir po 20–30 žmonių grupėmis sušaudyti. Pagal dokumentus, sušaudyta 173 žmonės, tarp jų du lietuviai – Povilas Venckus, g. 1899 m., ir Galinaitis, miręs tardant. Tuo metu daug kalinių sušaudyta prie Uchtorkos upės. Aukos užkasinėtos dar gyvos. Gyvos ir degintos. Visa tai įvykdyta lagerių viršininko Kašketino įsakymu. Beje, ir jis pats 1938 m. sušaudytas Kotle. Per kalėjimo langą šaukęs: „Žmonės, aš Kašketinas! Aš tas pats, kuris Vorkutoje sušaudė visus liaudies priešus! Gelbėkite!“ (A.Š., p. 223.)

1940 m. Uchtižemlago naftos šachtoje išaiškinta 15 kalinių kontrrevoliucinė diversinė grupė, kuri gadino stakles ir įrengimus.

1941 m. birželio mėn. Urale iš Nerojaus kasyklos bazės, nuginklavę sargybą, 15 kalinių apsivilko karių uniformomis ir pagrobę dokumentus pabėgo. (A.Š., p. 296.)

1941 m. liepos mėn. iš Pečiorlago pabėgo 15 žmonių. Visi jie buvo sulaikyti, tačiau vėl išsilaisvino, užmušę sargybinius, paėmė ginklus, uniformas, susibūrė į „grobiančią ir žudančią banditų gaują“. (A.Š., p. 292.)

1941 m. rugpjūčio 16 d. iš Vorkutlago Jedžyd Kyrtos pabėgo 8-ių kalinių grupė – buvusių jūreivių, nuteistų už kontrrevoliuciją. Šiai grupei vadovavo jūrų (Sevmorfloto) leitenantas Piatych. (A.Š., p. 292.)

1941 m. rugsėjo 22 d. iš Ustvymlago, užmušę šaulį, pagrobė šautuvą pabėgo kalinių grupė, kurie buvo teisti už kontrrevoliuciją. (A.Š., p. 292.)

1941 m. rugsėjo 20 d. Sevželdorlage likviduota kontrevoliucinė grupuotė, turėjusi tikslą sukilti, užgrobti ginklų sandėlius, paleisti kalinius ir „susijungti su vokiečiais“. (A.Š., p. 89 ir 294.)

1941 m. spalio 16 d. likviduota kalinių kontrrevoliucinė organizacija, platinusi atsišaukimus, kuriuose buvo kviečiami visi kaliniai sukilti ir nuversti sovietų valdžią. (A.Š., p. 294.)

1941 m. prie Leningrado sustreikavo kaliniai, kuriuos atvarė apkasų kasti. NKVD būriai sušaudė 300 kalinių.

1941 m. gruodžio 10 d. likviduota sukilėlių organizacija, Abezės Centras, kuri 1941 m. gruodžio 11 d. ruošė sukilimą. Jų tikslas užimti Abezės gyvenvietę, aerodromą, radijo stotį. Suimta 22 žmonės. (A.Š., p. 83 ir 295.)

1941 m. gruodžio 31 d. kaliniai sudegino Kanino raj. pašto pastatus.

Per 1941 metus iš lagerių, esančių Komijos ASSR teritorijoje, pabėgo 2500 kalinių,iš kurių 465 nebuvo sulaikyti, iš jų – 7 ginkluoti. (A.Š., p. 295.)

1942 m. sausio 5 d. sudeginta Pečiorstrojaus elektrinė. (A.Š., p. 292.)

1942 m. sausio 8 d. sudegintas Kožvos VKP(b) rajkomo pastatas. (A.Š., p. 292.)

1942 m. sausio mėn. Sevželdorlago Josezo skyriuje likviduota antisovietinė organizacija, tarp kalinių nuolatos skleidusi

karo pralaimėjimo nuotaikas ir kvietusi susiburti lageryje į sukilimo komitetą Komijos ASSR. (A.Š., p. 83.)

1942 m. tik sausio ir vasario mėnesiais pabėgo ir nesulaikyti 103 žmonės: iš Pečiorlago 37 žm., iš Uchtižemlago 30 žm., iš Sevželdorlago 36 žm. (A.Š., p. 292.)

Iš NKVD Vorkutstrojaus politinio skyriaus viršininko Zachlamino pranešimo 1942 m. vasario 20 d.

„Bėglių sulaikymui antrajame pusmetyje įkūrėme 54 operatyvinius postus, kuriuose yra 115 operatyvinių šaulių. Įkurta 80 sąveikos grupių iš vietinių gyventojų. Jose – daugiau kaip 900 žmonių". (A.Š., p. 116 ir 276.)

1942 m. sausio 24 d. įvyko ginkluotas sukilimas Vorkutai priklausančiame lageryje, apie kurį daug būdavo pasakojama, be to, nemažai yra medžiagos ir oficialiuose čekistų ir komunistinės nomenklatūros archyvuose. Pasinaudosiu Irinos Osipovos žiniomis apie Ypatingosios paskirties būrio Nr.41 apkaltos bylą Nr.785, patvirtintą Komijos ASSR prokuroro Fotijevo 1942 m. rugpjūčio 9 d., bei Algirdo Šerėno archyvine medžiaga.

Pranešimas

Apie ginkluotos gaujos likvidavimą prie Pečioros. 1942 sausio 24 d. gaujai užpuolus Ust Usą užmušti: 9 banditai ir sulaikyta 40 iš gaujos pasitraukusių žmonių. Banditai užmušė 14 mūsiškių, iš jų: NKVD rajono v-ko pavaduotoją Selkovą, 3 milicijos darbuotojus, Valstybinio banko darbuotoją Rodiną, 4 Pečioros laivininkystės darbuotojus ir 3 lagerių šaulius. Sužeista 11 žmonių. 1942 sausio 24 d. miške, už 105 km nuo Ust Usos, prie Lyžos upės nukauta 15 banditų, mes netekome 15 žmonių, iš jų Sevželdorlago skyriaus viršininko Barabanovo, 9 sužeistieji vėliau mirė.

Gaujos sudėtis:

Gaujos vadeivos Retiunino užrašai apie gaujos narių pareigų pasiskirstymą, aptikti jo planšetėje.

Vadovaujantis branduolys:

Gaujos vadas – J. Zverevas, g. 1906 m., buvęs VKP(b);

Štabo viršininkas – Dunajevas, g. 1904 m.;

Karo komisaras – Makejevas, g. 1902 m.

Skyriaus vadas – V. Solominas, g. 1905 m.

Skyriaus vadas – S. Prostakovas, g. 1907 m.

Gurguolės vadas – A. Jaškinas.

Iš jų gyvas paimtas tik Jaškinas. Kiti nukauti mūšio metu ar patys nusišovė.

Iš 109 nuo pradžios dalyvavusių ginkluotame sukilime 51 teistas už kriminalinius prasižengimus.Pastarieji po mūšio prie Ust Usos nuo gaujos atsiskyrė. Gaujoje liko 41 žmogus – 35 nubausti už kontrrevoliucinę veiklą, 2 – laisvai samdomieji, buvę banditai, ir 4 kriminaliniai.

Suimtas banditas Jaškinas, apklausiamas miške, man asmeniškai pasakė apie sukilimo tikslus ir konkrečius planus, kad sukilimas ruoštas nuo 1941 m. rugpjūčio mėnesio ir užmojai buvo platesni, negu faktiškai išėjo. Kartu su „Reidu“ planuota nuginkluoti ir Pečiorlago komandiruotę „Pulja Kurja“ bei jos laisvai samdomą viršininką Poliakovą ir juos prijungti prie Retiunino būrio. Abu šie būriai turėjo užimti visas Ust Usos rajonines organizacijas, suimti visą partinį sovietinį aktyvą ir įvesti savo valdžią. Po to nedelsiant Vorkutlago viršininkui Tarchanovui pateikti ultimatumą – paleisti kalinius. Jei to nepadarytų – sukelti sukilimą Vorkutlage, o vėliau Pečiorlage.

Smulkiau apklausti Jaškiną nėra galimybės. Dabar jis lėktuvu nuskraidintas į Ust Usą, tačiau dėl prastos jo sveikatos neįmanoma išgauti smulkesnių parodymų.

Galutinai susiformavusi gauja, kurioje buvo 41 žmogus, sausio 25 d. turėjo:

Šautuvų – 41 vnt., šovinių jiems 11 558 vnt.,

Revolverių „Nagan“ 15 vnt., šovinių jiems – 1270 vnt.,

Pistoletų TT – 2 vnt., šovinių jiems 187 vnt.,

Mauzerių „Korovina“ – 4 vnt.,

Rankinių granatų – 5 vnt.,

Įvairių signalinių, apšvietimo šovinių – 878 vnt.,

MK šautuvų – 2 vnt., šovinių – 2872 vnt.,

Iš viso – 67 vnt. Ir jiems šovinių – 16 765 vnt.

Gaujos likvidavimo eiga

Už 40 km nuo Ust Lyžos sausio 28 d. 22 val. Prochorovo 100 žm. būrys susitiko su manim. Jie grįžo po kovos su gauja. Būrys užklupo gaują prie Čiumos elnių sovchozo, už 70 km nuo Ust Lyžos, ir sausio 28 d. atkakliai kovojo. Pasak jų, gauja buvo geriau ginkluota už būrį – turėjo kulkosvaidį, rusiškus šautuvus; puikiai apsikasusi iš specialiai įrengtų slėptuvių paleido stiprią ugnį. Netekę vilties gaują nugalėti, jie pasitraukė. Moralinė būrio būklė stūmė į pakrikimą. Dalis karių, galimas daiktas, sąmoningai nusišaldė, kad išvengtų mūšio.

1942 m.vasario 12 d.

Komijos ASSR Vidaus reikalų liaudies komisaro
pavaduotojas Valstybinio saugumo
kapitonas *Simakovas*

Kaltinamasis aktas byloja:

„1942 m. sausio 24 d. 16 val., Vorkutos lagerių „Lesoreido“ lagpunkto kaliniai, vadovaujami laisvai samdomo Marko Retiunino, įvykdė karinį sukilimą prieš Sovietų valdžią…“

„…1942 m. sausio 24 d. (šeštadienį) lagerio viršininkas – karinio sukilimo vadovas Retiuninas įsakė kaliniui, pirties ve-

dėjui, sukilimo dalyviui Liu Fa, kad jis praneštų karinei sargybai, jog pirtis dirbs tik iki 17 val. Gavę pranešimą sargybos šauliai,išskyrus budėjusius postuose, visi atėjo į pirtį. Retiuninas su jam patikimais kaliniais, ginkluotais šaltais ginklais, nuginklavo sargybą ir apginklavo kalinius. <…> Zverevas, Paškevičius, Dunajevas, Avakjanas, Cvetkovas ir kiti užpuolė kareivines, <…> pagrobė 12 šautuvų, 4 revolverius, 1682 vnt. šautuvų šovinių, 105 „Nagano" šovinius ir t.t. Apginklavęs kalinius Retiuninas suėmė sargybos šaulius pirtyje ir uždarė daržovių saugykloje. <…> Susidorojęs su karine apsauga lageryje, Retiuninas pasiūlė visiems kaliniams, kurie nori dalyvauti sukilime, prisidėti prie jo.

…Retiuninas davė įsakymą atrakinti maisto ir drabužių sandėlius ir išduoti visiems sukilėliams naujas ir šiltas uniformas, o visą važiuojamąjį transportą pakrauti maisto atsargų ir suformuoti maisto gurguolę <…> 8 vežimus <…>. Dalis kalinių išsigandę išsibėgiojo, o likusieji sukilėliai – 82 žmonės, vadovaujami sukilimo vadų Retiunino, kalinių – darbų vykdytojo Dunajevo, ūkio dalies vedėjo Zverevo, miško biržos vedėjo Makejevo ir inžinieriaus Solomino apie 17 val. nuvyko į Ust Usos centrą.

Ust Usos centro užpuolimas buvo iš anksto suplanuotas. <…> 17.30 sukilėliai nutraukė visą telefono ryšį centre. Po to, išsiskirstę grupėmis, ginkluoti ir neginkluoti apie 18 val. vienu metu užpuolė rajono ryšių skyrių ir valstybinio banko kontorą, apsupo rajono NKVD skyrių ir tardymo izoliatorių, taip pat buvo apsuptos Pečioros valdybos laivininkystės kareivinės. Iš izoliatoriaus išlaisvintų 38 sulaikytųjų 12 žmonių, kaltinami kontrrevoliucine veikla, susijungė su sukilėliais ir aktyviai dalyvavo sukilime.

…Apie 21 val. ryšių kontoroje sukilėliai sunaikino visą telefono ir telegrafo aparatūrą ir radijo stotį.

Ketvirtoji sukilėlių grupė pabandė užgrobti aerodromą, kuriame tuo kartu buvo 2 lėktuvai. Šiai operacijai įvykdyti 20 val. buvo pasiųsti 6 sukilėliai, bet operacija sužlugo <…>, nes buvo sutikta organizuota ugnimi ir atsitraukė.

…Nuo 18 iki 24 val. ginkluoti sukilėliai savo rankose laikė visas Ust Usoje rajono įstaigas. Tuo metu pavyko pabėgti milicininkui Artejevui į Pečiorlago NKVD „Polja Kurja“ lagpunktą ir pranešti, kad Ust Usą užpuolė ginkluoti sukilėliai.

Iš „Polja Kurja“ lagpunkto į Ust Usą buvo pasiųsta 15 karių su lengvuoju kulkosvaidžiu, kurie 24 val. užpuolė ginkluotus sukilėlius.

…Šios kovos rezultatas Ust Usoje: buvo nukauta 9 sukilėliai ir 1 sužeistas. Sulaikyta 40 sukilėlių ir kai Ust Usą sukilėliai paliko, pasidavė dar 21 žmogus. Sukilėliai nukovė 14 ir sužeidė 11 žmonių. Ust Usoje gausiai pasipildę ginklais… 41 sukilėlis su 10 vežimų patraukė Pečioros upe į Akis ir Ust Lyžos gyvenvietes. Ust Usą palikę, sukilėliai pasidalijo į dvi grupes, pirmajai vadovavo Cvetkovas, antrajai – Dunajevas“.

Tuo laiku Komijos sostinėje Syktyvkare sužinota apie įvykius Ust Usoje ir buvo pranešta visiems rajonų komitetams, juose sutelktos jėgos sukilimui likviduoti. Sukilėliai užsukdavo į lagerius, atimdavo ginklus ir pasipildydavo maisto.Jiems buvo žinoma, kad tuo laiku buvo gabenami ginklai į Vorkutą, todėl Dunajevo, Solomino, Prostakovo ir Kriukovo grupėms pavyko pavyti ginklus vežančią gurguolę ir ją paimti. Žuvo vienas šaulys ir sužeistas gurguolės sargybos viršininkas. Sukilėliai atėmė 18 šautuvų, 2 revolverius, granatų ir daug šovinių.

„…Ust Usos kaime sukilėliai buvo sausio 25 nuo 10 val. iki 15 val. Apiplėšę sandėlį, vienas iš sukilėlių vadų F.Makejevas paliko pakvitavimą pardavėjai apie paimtas prekes „Ypatingo-

sios paskirties būrio Nr. 41“ vardu – taip sukilėliai vadino savo kontrrevoliucinę sukilėlių grupę.

…Pirmieji 55 ir 70 žmonių būriai, organizuoti sukilėlių likvidavimui, atvyko į Ust Lyžą sausio 26 d. 14.30 val. Vienas iš jų 20.30 buvo pasiųstas sukilėlių persekiojimui, kitas sausio 27 d. 4 val. irgi prisijungė. Sausio 28 d.sukilėliai užėmė gynybą dešiniajame ir kairiajame Lyžos krantuos.

…Sausio 28 d. rytą įvyko sukilėlių ir karių kautynės.

…Šauliai, buvę blogesnėse pozicijose negu ginkluoti sukilėliai, patyrė didelių aukų – nukauta 16 žmonių ir sužeisti 7 žmonės. Be to, apie 50 karių apšalo pirmu ir antru laipsniu. Buvo nukauta 16 sukilėlių. Patyrus tokius didelius nuostolius, šaulių būrio vadovybė nutarė būrį iš kautynių išvesti, pergrupuoti jėgas ir toliau persekioti, kol galutinai bus likviduotos ginkluotos sukilėlių grupės. Tuo metu karinė sukilėlių vadovybė, pamačiusi savo padėtį, nusprendė išsiskirstyti mažomis grupėmis ir gelbėtis bėgant į įvairias puses.

…Trečioji, 11 žmonių pagrindinė sukilėlių grupė, vadovaujama Retiunino, buvo pavyta vasario 1 dieną, prie Malyj Terechovejaus (Lyžos intakas) upės apsupta ir po 23 valandų mūšio, vasario 2 d. 16 val. sunaikinta. Kovoje buvo nukauti 3 sukilėliai. Sukilėlių vadovybė Retiuninas, Dunajevas, Avakjanas ir dar 6 žmonės, nematydami jokios išeities, nusišovė, o du sukilėliai – Jaškinas ir Liu Fa paimti gyvi.

…Ust Usos rajono centre likviduojant sukilėlius mūsų netektis – 33 nukauti ir mirę nuo žaizdų, 20 žmonių sužeisti, o 52 žmonės su l-ojo ir 2-ojo laipsnio nušalimais.

…1941m. spalio mėn. įkurta iš atliekančių bausmę trockistų kontrrevoliucinė sukilimo organizacija įkalbėjo ir įtraukė į savo organizaciją buvusį Vorkutlago „Usinskij Lesoreid“ lagpunkto viršininką M.Retiuniną.

Tardymo metu išaiškinta, kad 1941 m. gruodžio mėn. Retiunino bute, viename iš kontrevoliucinės sukilimo organizacijos susirinkimų, buvo įkurtas sukilimo štabas.

Jaškino protokoliniai parodymai

Kontrrevoliucinio karinio sukilimo įvykdymas „Lesoreide" ir visuose Komijos respublikos lageriuose nuverčiant Sovietų valdžią buvo suplanuotas taip:

išvaduoti visus kalinius iš lagerių ir kalėjimų,

įtraukti į sukilimą tremtinius ir vietinius gyventojus, nepatenkintus Sovietų valdžia,

įkurti ginkluotą reguliarią armiją iš savanorių, kurie yra priešiški Sovietų valdžiai,

tuojau pat atkurti asmeninę nuosavybę visose ekonomikos srityse – pramonėje, žemės ūkyje. Išardyti kolūkius.

Kaliniai trockistai Zverevas, Dunajevas, Makejevas, Solominas ir kt., turintys politinės kovos patirtį su bolševikais ir Sovietų valdžia, suprato, kad sėkmingo karinio sukilimo nepavyks įgyvendinti vien tik Vorkutlago izoliuotame Ust Usos „Lesoreide" ir todėl organizavo analogines kontrrevoliucines grupes lageryje „Polja Kurja" Pečiorlago MVD, Kožvos OLP Vorkutlage ir lageryje „Kyz-Raz-Dy" Vorkutlage".

Byloje buvo įtraukti kiti kaliniai: J.Dojčius, B.Murmillas, V.Šatalovas, A.Plečiovas, A.Randveejus, N.Stepninas, A.Bobrovas, B.Alchimovičius, G.Atomčiukas, kurie neprisipažino kaltais. Pagal karinio sukilimo bylą Nr. 785 Vorkutlage buvo nuteisti 68 žmonės, iš jų 49 sušaudant.

(A.Š., p. 288–293, ir I.Osipova „Ypatingosios paskirties būrys" Nr. 41.)

1942 m. Krasnojarsko PDL išaiškinta organizacija „Lietuvos

išvadavimas“. Vadovas Šilingas, buvęs Lietuvos teisingumo ministras. Dalyviai – buvusieji vyriausybės nariai ir politiniai veikėjai.

1942 12 17–18d. nuteisti sušaudyti už kontrrevoliucinį sukilimą Vorkutlagui priklausančiame Abezės lageryje: J.Tatarinovas, V.Starkovas, V.Ladyševas.

Šie žmonės vadovavo „Komitet Samoosvoboždenije Kolony“ (Kolonos išsilaisvinimo komitetas) organizacijai. (SvG., p. 143.)

„Gulago archyvuose yra pranešimas, kad Intoje pabaltijiečiai, ukrainiečiai, lenkų kontrrevoliucinės organizacijos dalyviai, vadinami „nacionalais“, apkaltinti sukilimų rengimu ir ginkluotų pabėgimų organizavimu turint tikslą tęsti kovą su Sovietų valdžia, kad savo tėvynę atskirtų nuo Sovietų Sąjungos. „Pabaltijo išvadavimo sąjungos“ dalyviai – latviai ir lietuviai. Intos PDL 1944 m. (A.Š., p.348.)

1944 m. pradžioje Vorkutlago kombinate veikė karinė sukilėlių organizacija, kuri metų gale buvo išaiškinta ir 1945 m. buvo nuteisti jos vadovai:

B.Ivanovas, gim. 1903 m., rusas, inžinierius,

M.Perelšteinas, gim. 1907 m., žydas, žurnalistas,

N.Ordinskis, gim. 1897 m., rusas, akademikas.

Iš viso pagal šią bylą nuteista 29 žmonės. (SvG., p. 144.)

1941–1945 m. lageriuose buvo likviduota 31 kontrrevoliucinė karinė sukilėlių grupė. Per tą laiką represuoti 4452 žm.; iš jų teisti už kontrrevoliuciją (už politiką) – 3561 žm. Nuteista 3121 kalinys, iš kurių 1232 žmonės nubausti mirties bausme. (A.Š., p. 82.)

Irina Osipova remiasi kitokiais VRM oficialiais duomenimis: per visą karo laikotarpį lageriuose buvo nuteista 225 877, iš jų sušaudyti 9 680 žmonės. (SvG., p.205.)

1946–1947 m. “...Per 1946 m. ir 1947 metų penkis mėnesius

užkirstas kelias 556 pabėgimams, iš jų 139 grupiniams. Suimta ir patraukta baudžiamojon atsakomybėn 129 tėvynės išdavikai, parsidavėliai ir kitoks priešiškas elementas. Vien per l-ąjį ketvirtį teismui perduoti 73 specperkeltieji… Pabėgo 20 ginkluotų žmonių grupė". (A.Š., p.299.)

1946 m. viename iš Šiaurės lagerių už maištą dujomis išžudyta apie 5 tūkst. kalinių. (S.Jurusov. „Na rubeže" 1952)

1946 m. lageriuose buvo nuteista dar 9141 kalinys. (SvG., p. 208.)

1947 m. l ketvirtyje – 10 261 kalinys. (Ten pat.)

„1947 m. birželio mėn. išrašas iš Ustvymlago v-ko Moisejevo pranešimo rezoliucijos.

...Š. m. gegužės mėn. išaiškinta ir patraukta baudžiamojon atsakomybėn už kontrrevoliucinį sabotažą – 12 žmonių, demaskuota pabėgimų – 130 žmonių. (A.Š., p. 428.)

1947 08 10 buvo likviduotas ruošiamas karinis sukilimas, kuriam vadovavo Tulyzinas. Sukilėliai planavo susprogdinti šachtas, išlaisvinti iš lagerių kalinius ir traukti Baltijos link. Sukilime dalyvavo 250–300 kalinių. Lietuviams vadovavo Kėkštas, Vaškevičius ir kt. (A.Š., p. 204.)

1947 m. prie Igarkos prieš vietinę savivalę protestuoja kaliniai, buvę frontininkai. Administracija su jais susitvarko kriminalinių recidyvistų rankomis. Vėliau tuos pačius recidyvistus sušaudo.

Pasakoja ***Juozas Krakauskas***, kuris vėliau dalyvavo Vorkutos 29 šachtos sukilime:

„1947 12 27 lageryje vyksta teismas. Grupė kalinių sudarė štabą, kuris vadovautų Komijos kalinių sukilimui. Tikslas – sukilusius kalinius per Ukrainą, Karpatus išvesti į laisvą

Europą. Teismo sprendimas kap. Draugeliui, Gruodžiui ir J.Krakauskui – sušaudyti. Vėliau bausmę pakeitė į 25 metus kalėjimo…“

1947 m. ginkluotas pabėgimas iš atominio objekto Arzamase-16 (Sarovo miestas). Visi dalyviai (apie 50 žmonių) apsupti ir nukauti. (SvG., p. 209.)

1947 m. sukilimas laivo „Kim“ triumuose. 3000 kalinių buvo vežami į Kolymą, juos prie minusinės oro temperatūros apipila vandeniu iš gaisro gesinimo žarnų. Rezultatas: keletas šimtų apledėjusių lavonų ir daugybė apšalusių invalidų.

1948 m. kovo mėn. MVD įsakymu Nr. 00233 įkurti ypatingieji kalėjimai:

Vladimire, Aleksandrove (Irkutsko sr.), Verchneuralske (Čeliabinsko sr.). Čia sutalpinta 5000 kalinių.

Ypatingiesiems lageriams konspiraciniais tikslais suteikti pavadinimai:

Nr.1. Minlagas. Inta,

Nr.2. Gorlagas. Norilskas,

Nr.3. Dubrovlagas. Mordovija,

Nr.4. Steplagas. Kazachstanas,

Nr.5. Berlagas.Kolyma,

Nr.6. Rečlagas. Vorkuta,

Nr.7. Ozerlagas (1948 m. gruodžio 7.). Taišetas,

Nr.8. Pesčianlagas. Kazachstanas,

Nr.9. Lugavojlagas,

Nr.10. Kamyšlagas. Kemerovo sr.,

Nr.11. Dalnijlagas. Pavlodaras,

Nr.12. Vodorazdelnyjlagas.

(A.Š., p. 237 ir Žak Rossi. „Spravočnik po GULAG’u“, Č. 2. M., 1991., p. 378.)

Pažyma

„Vorkutlagas turi 62 lagerių punktus ir padalinius, kai kuriuos lagerio punktus, todėl atsiskaitytini tik 54 vienetai. Gyv. plotas 1 kaliniui Ajač Jagos šachtose 2 m^2, šachtoje Nr.18 – 1,21 m^2, kalkių gamykloje – 1,13 m^2, Kožvoje 1,12 m^2. Iš viso barakų – 830. Barakuose po tris sekcijas. Kiekvienoje 100 kalinių“.

1948 05 18

Majoras Čepiga

(A.Š., p. 244.)

Iš viso: 830 x 3 x 100 = 249 000 žm. (mano paskaičiavimu. – *Aut*.).

Iš Rečlago v-bos partinio biuro sekretoriaus ataskaitos:

„Tik užliūliavimas kaltas, kad šachtos Nr. 7 gamybinėje bazėje kaliniai suorganizavo granatų gamybą ir netrukdomi nešadavosi jas į lagerio gyvenamąją zoną. Be to, nešdavo amunalą ir ruošėsi užpulti MVD darbuotojus, su ginklu sukilti ir pabėgti … 14-ajame lageryje nevykdo normų 2478 žmonės iš 12 629 dirbančiųjų…“

Rečlago valdybos partinis sekretorius
Avdochinas

(A.Š., p. 246.)

Iš MVD GULAG'o politinio skyriaus v-ko pavaduotojo Sažino kalbos konferencijoje 1948 m. vasario 17–18 d.:

„…Faktai byloja: pirmas vagono sprogimas palaikytas atsitiktiniu reiškiniu. Nei politinis skyrius, nei statybos vadovybė tam neskyrė reikšmės, nors ir anksčiau būta bėgių išjudinimo faktų ir kt. Arba paimkim kalinių ir laisvųjų ryšių faktus – tai gėdingas reiškinys“. (A.Š., p. 300.)

1948 m. Aščhabade žemės drebėjimo metu kaliniai sukilo, išlaužė kalėjimų duris ir pabėgo. Kurie pasiliko ar nespėjo pabėgti, milicija apsupo kalėjimus ir visus kalinius sušaudė, nes jų nebuvo kur talpinti.

1948 m. sukilimą 501 statyboje atskirai aprašo A.Šerėnas, A.Vologodskis, K.Zavojskis ir A.Dobrovolskis.

Politbiuras, laukdamas sėkmingos supergalingos atominės ginkluotės kūrimo pabaigos, iš karto suplanavo, kur ją išdėstyti, kad apsisaugotų nuo Vakarų. 1947 m. vasario 7 d. priėmė nutarimą Nr. 228–104 už Uralo, Ledinuotojo vandenyno pakrantėje, pastatyti superslaptą uostą su toliašaudėmis raketomis Obės žemupio įlankoje. Šiam reikalui reikėjo per neperreinamus Šiaurės Uralo kalnus nutiesti 700 km geležinkelį. Šiam Užpoliarės projektui įgyvendinti vadovavo pulk. Baranovas. Jis sutelkė daugiau kaip 60 tūkst. žmonių kontingentą, kuriame buvo apie 4 tūkst. moterų ir apie 1200 lietuvių. Šią statybą kaliniai vadino „Penki šimtai verkia, vienas juokiasi“. (A.Š., p. 393, 401.)

Pranešimo ištrauka iš politinio skyriaus v-ko Ponfilovo partinėje konferencijoje 1949m. gegužės 28–29 d.:

„Mes 1948 m. neužkirtome kelio ginkluotam didelės grupės itin pavojingų kalinių pabėgimui. Įvyko 64 pabėgimai, pabėgo 129 kaliniai. <...> 66 banditai sugebėjo įveikti ir visai nuginkluoti apsaugos būrį, paimti visus ginklus, atidaryti vartus kolonos, kur buvo 500 kalinių, svarbiausia – nuteistų didelėmis bausmėmis“. (A.Š., p. 403.)

A.Šerėnas rašo: „1948 m. rudenį iš 501-os statybos bėgo ne 500 kalinių, o kur kas daugiau. Sukilusieji norėjo eiti į Vorkutą, pakeliui iš lagerių išlaisvindami kalinius <…> ir per radijo stotį kreiptis į pasaulio visuomenę su pareiškimu apie žmogaus teisių

pažeidimus Sovietų Sąjungoje. Sukilimą valdžia užgniaužė tankais ir lėktuvais. Sukilėliai buvo sunaikinti visi iki vieno.Tarp sukilėlių buvo daug lietuvių“. (A.Š., p. 403–404.)

Apie 501 statybos sukilimą 1948 m. oficialioji spauda tylėjo iki šiol. Tačiau 1995 m. rugsėjį laikraštyje „Argumenty i fakty“ pasirodė A.Dobrovolskio straipsnis „Mažasis karas poliariniame Urale“.

„…Daugėjo vergų – Šiaurės užkariautojų <…> atvežė apie 40 tūkst. žmonių, daugiausia nuteistų pagal garsųjį 58-ąjį straipsnį. 1948 m. rudenį, per patį statybų įkarštį, keliuose lageriuose įvyko sukilimai… Jo šerdis – buvę kariškiai, vadovaujami vieno pulkininko.

Matyt, rizikingai veiklai ruoštasi iš anksto. Paskirtą valandą viename smėlio karjere grupė kalinių užpuolė ir nuginklavo sunkvežimius lydėjusią sargybą. Šiais automobiliais ginkluoti automatais kaliniai atlėkė į savo lagerį, suguldė apsaugą ir atidarė vartus. Taip pat žaibiškai sukilusieji užėmė ir gretimus lagerio punktus. Į laisvę išsiveržė keletas tūkstančių kalinių. Sukilusieji iškart pasidalijo. Dalis patraukė į Vorkutą, matyt, norėdami sukelti gausybę Vorkutlago kalinių. Kitas stambus būrys „išsilaisvinusiųjų“ patraukė Užpoliarės tundra į Šiaurės rytus – prie Obės įlankos. Tikėjosi ten užgrobę laivus išplaukti dar toliau į rytus, pasislėpti bekraštėse Arkties vandenyno pakrantėse. (Dar sklido viena versija – neva sukilimo vadovai turėję ryšį su užsieniu ir tikėjosi, kad į Obės žiotis atplauks užsienio laivai paimti sukilėlių.)

Sukilimą žiauriai numalšino. Buvo skelbiama, kad sukilo vlasovininkai, kurių nėra ko gailėtis. Kovai su kalinių būriais greitai buvo permesti Komijos respublikoje dislokuoti MVD pulkai. Iš didžiosios žemės pasiuntė netgi ešeloną su tankų batalionu, tačiau pasirodė, kad poliarinio Uralo sąlygomis jų panau-

doti negalima. Pagrindinis vaidmuo kovoje su sukilėliais teko vietinei aviacijai. „Kukurūznikai“ buvo paskubomis apginkluoti kulkosvaidžiais ir per keletą dienų iššukavo teritoriją iš oro. Pavymui aviatoriams į darbą stojo MVD „užtveriamieji būriai“. (A.Š., p. 404.)

„Keletą dienų, kol tundroje vyko mūšis, lageriuose likusius kalinius laikė uždarytus zonose. Dieną prie lagerių miestelių sustodavo „agitaciniai traukiniai“, ant kurių platformų buvo suversti sukilimo dalyvių lavonai. O naktimis uždaruose vagonuose vežė užmuštus MVD dalinių kareivius ir karininkus. Kiek iš viso per „mažąjį karą“ poliariniame Urale žuvo žmonių – nežinoma. Archyvai, aišku, neišsaugoti, na o gyvų liudytojų nebeliko: juk belaisvių arba pabėgėlių šiame kare nebuvo“.

Komentaruose A.Šerėnas rašo, kad laisvai samdomas K. iš Vorkutos pasakojo: „Prieš sukilimą į vieną zoną atvyko papildymas – apie tūkstantį kalinių. Jie specialiai buvo MGB organų atrinkti – išprovokuoti sukilimą. Gal tai buvo kriminaliniai, gal politiniai, kuriems, atlikus uždavinį, buvo pažadėta laisvė. Ant „bušlatų“ nugarų, netoli apykaklės, daugeliui jų buvo užsiūti pistoletai (paprastai, einant pro sargybą, sargybiniai nugaros nečiupinėdavo, o „glostė“ šonus). Štai šie provokatoriai ir sukėlė sukilimą. Daugelis drąsių galvų nuėjo paskui juos. Buvo sunaikinti visi provokatoriai ir jais patikėję. Kalba, kad žuvo keturi Raudonosios armijos generolai“.

(Neįtikėtina – *E.B.*). (A.Š., p.405.)

Žiauriai būdavo susidorojama su sukilusiais kaliniais ir po Stalino mirties. Štai eilutės iš J. Belikovo straipsnio„Mirtinas turizmo žygis“ („Komsomolskaja pravda“. 1996 02 02):

„…VS karininkas išklausė manęs ir pasakė: „6-ojo dešimtmečio pabaigoje Sverdlovsko srities šiaurėje prasidėjo kalinių bado streikai. Kaliniai nukovė apsaugą ir metėsi prie geležinke-

lio, pakeliui išlaisvindami kitus lagerius. Prie geležinkelio buvo sutelkta kariuomenė – su tankais ir artilerija. Dalis kriminalinių pasidavė, tačiau didžioji dalis pasuko vėl į taigą. Jų buvo daug. Jie galėjo miškais pereiti į Komijos ASSR, o iš ten į Leningrado sritį. Žinodama šį pavojų, vyriausybė nusprendė apšaudyti perėjas ir kalinių susitelkimo vietas sparnuotųjų raketų vakuuminėmis bombomis. Žuvo daug kalinių, medžiotojų, turistų, geologų, miškininkų. Mišką kerta – skiedros lekia…“ (A.Š., p. 406.)

1949 m. liepos mėn. Vilniaus persiuntimo kalėjime, netoli stoties, kaliniai slapta leido pogrindinį laikraštuką „Politkalinys“. („Lietuvos Aidas“ 2007. 09. 20, Nr. 89; Algirdas Berkevičius).

1949 m. ginkluotas pabėgimas iš Berlago (Nižnij Aturjakas). Pabėgimui vadovavo gen. Semionovas. Visi bėgliai žuvo. (SvG., p. 209.)

1949 m. stambus sukilimas Sučjane (Tolimieji Rytai). Čia sukilo politiniai ir kriminaliniai kaliniai. Žuvo daugiau kaip 1000 kalinių. (SvG., p. 176.)

1949–1950 m. ginkluotas sukilimas politinių ir kriminalinių kalinių „Elgenugol“ (Kolyma) lageryje. (SvG., p. 209.)

Apie nepasisekusį 1949-1950 m. ruošiamą sukilimą Intoje prisiminimuose kalba Benediktas Trakimas, labai abejojęs šio (apie 30 tūkstančių kalinių) sukilimo sėkme. Jame dalyvavo ir lietuviai. Bataliono vadas ir kartu 3–osios kuopos vadas buvo Benediktas Trakimas; 1-osios kuopos vadas – Jonas Boruta, jo adjutantas karininkas Algirdas Gasiūnas; 2-osios kuopos vadas – Anicetas Kalytis; Med. tarnybos v-kas – chirurgas Jonas Daulenskis.

Pasekmė: Suimti kaliniai sukilimo organizatoriai: papulk. Pavlovas, rumunas, ukrainietis, estai ir latviai. Kai kuriuos nuteisė sušaudyti. Vieną tikrai sušaudė, o kitų likimas nežinomas. Išdavė šachtos Nr. 2 dispečeris (A.Š., p. 375.)

1950 m. kaliniai sukėlė maištą Uchtoje. Išlaužė siuntinių

saugyklą ir maisto produktų sandėlį. Jį numalšinus, lageryje buvo išrikiuoti kaliniai ir kas penktas žmogus, taip pat ir organizatoriai be teismo sušaudyti. (A.Š., p. 180.)

1950 m. lageriuose atsikūrė ir pradėjo veikti Rusijos socialdemokratų partija. Pirmininko pavaduotoju išrinktas Jemilijanas Repinas. (*Jo paliudijimas. E.B.*)

1950 m. iš Džezkazgano lagerio bandė pabėgti ginkluota kalinių karininkų grupė, vadovaujama Kudriavcevo. Dalyviai nuteisti. (SvG., p. 174.)

1951 m. Karagandos lageriuose prasidėjo pasipriešinimo judėjimas. Vienijosi pirmiausia ukrainiečiai, jų buvo daugiausia. Jų pavyzdžiu pasekėme ir mes, lietuviai... Vienijomės ir grupavomės, koordinavome visus savo veiksmus. Prasidėjo kova prieš visą vergišką lagerių sistemą. Agitavome už darbo našumo mažinimą, prieš įsigalėjusią lageriuose kalinių išdavikų, bendradarbiavusių su čekistais, sistemą... Kovą dėl būties pamažu pradėjome laimėti... Čekistai tapo bejėgiai mus palaužti. Šnipelių pagalba 1952 m. liepos mėn. buvo atrinkta apie 1200 Karagandos politinių kalinių ir išvežta į Norilską. (Laisvės kovų archyvas, Nr. 34; Kazimieras Vezbergas).

1951 m. Rečlago 9-ajame skyriuje išaiškinta antisovietinė organizacija. (A.Š., p. 268.)

1951 03 04 Kraslage įvyko didelis kalinių sukilimas, kuriame buvo nušauti 64 kaliniai. (SvG., p. 172 ir 209.)

1951 m. Sachalino saloje Vachrušensko lageryje 500 kalinių badavo 5 dienas. (SvG., p. 209.)

1951 04 04 Sosnovkoje Taišeto raj. buvo suimtas Zakiras Gabaidulinas, kuris su kitais kaliniais nuginklavo sargybinius, pagrobė garvežį ir nuvažiavo į Rešiotų pusę. Pakeliui čekistai minavo geležinkelį ir rengė pasalas. Pusę bėglių iššaudė.Buvo nukautų ir čekistų. („Volia“. 1993. Nr.1., p. 9.)

1951 m. masinis bado streikas Uchtižemlage. Daugelis dalyvių išvežti į Norilską. (SvG., p. 209.)

1951 m. Leningrado persiuntimo kalėjime „Kresty“ atkurta Lietuvos Laisvės Kovotojų Sąjunga. Pirmininku išrinktas gydytojas Rubenšteinas.

1951–1952 m. Intoje buvo 10 pabėgimų, iš jų – 4 grupiniai, bandymų pabėgti – 21, pasiruošimai pabėgti – 139. (A.Š., p. 367.)

1950–1951 m. Mordovijos lageryje 385/14 leistas laikraštėlis „Žalgiris“. Išleista 20 numerių. Redaktorius mokytojas Valys. (A. Ruzgas. „Rezistentų pogrindiniai periodiniai leidiniai 1940–1989“ /kompiuterinis leidinys/. 2002, ir „Laisvės kovų archyvas“. 19, p. 274 – 275.)

1952 08 01 Iš Uchtižemlago lagerio viršininko ataskaitos:

„Išaiškinta 28 žmonės, kurie leido antisovietinę literatūrą. Konfiskuota 900 rankraščių ir antisovietinių lapelių“. (A.Š., p. 490.)

„1952 m . įstojau į pogrindinę organizaciją, kurios pagrindą sudarė Algis Višniauskas, A. Maziliauskas ir aš. 1954 m. mūsų pogrindis atliko labai didelį darbą. Lietuviai ir ukrainiečiai aktyviai dalyvavo sukilime visas 40 dienų...

Visą sukilimo laiką man teko budėti prie štabo, saugoti sukilimo vadą Kapitoną Kuznecovą. Iš lietuvių tą sargybą ėjome trise: Antanas Oksas, Jonas Vabuolis ir Antanas Petrikonis. 1954 m. gegužės 26 d. kraujuose paskandino mūsų pasipriešinimą. 1954 m. liepos 3d. mus suvarė į vagonus ir išvežė į Magadaną“. („LK Archyvas“, T. 34, p. 209 - 210, Antanas Petrikonis).

1952 m. Vorkutos 1-ajame lagskyriuje atimta daug antisovietinio teroristinio turinio atsišaukimų. Su jais susiję laisvai samdomi, o 2-ajame lagskyriuje kaliniai į gyvenamąją zoną

atnešė sprogstamosios medžiagos ir kovinių granatų. (A.Š., p. 268.)

1952 m. sausio mėn. Vorkutoje iš kapitalinės šachtos per šurfą (šachtos ventiliacijos oro padavimo anga) bandė pabėgti du katorgininkai (Dobroštanas ir Sablinas). (A.Š., p. 276.)

1952 m. sausio mėn. Masinis bado streikas Ekibastuzlage. (SvG., p. 209.)

1952 m. didelis kalinių maištas Ozerlage, jį iššaukė be jokios priežasties kalinių sušaudymas jiems grįžtant iš darbo kolonoje. (SvG., p. 209.)

1952 m. 505-ojoje statyboje tiesdami kelią (Mirties kelio trasa: Labytnango – Jenisejus) įvykdė karinį sukilimą kaliniai, kuriems vadovavo SSRS didvyris pulkininkas Jeršovas. Nuginklavę kelis divizionus ir išlaisvinę kelis lagpunktus, jie pasitraukė į taigą. Čia buvo sumušti. (SvG., p. 209.)

Apie šį sukilimą girdėjau (1953–1955 m.) 1-ojoje, 7-ojoje ir 4-ojoje šachtose bei persiuntimo etape Gorkio kalėjime. 505-oji statyba tiesė kelią per Uralo kalnus į Salechardą. Čia buvo labai dideli 2 lageriai – po keliolika tūkstančių kalinių, daugiausia nuteisti vlasovininkai.

Jiems vadovavo aukšti karininkai, vienas iš jų pulk. Mechtejevas. Šeštadienį, kai garnizono kariai maudėsi pirtyje, juos suėmė kaliniai. Apsivilkę karių uniformomis, jie nuginklavo sargybinius ir užgrobė ginklų sandėlius, radijo stotį, visureigius. Paskelbė kalinių mobilizaciją atleidžiant tik mažabausmius ir kuriems mažai liko kalėti. Nepaklusnius iššaudė. Kareivius ir karininkus uždarė į BUR'ą ir tardymo izoliatorių. Iš čia patraukė į už 20 km esantį kitą lagerį, nuginklavo sargybą ir išlaisvino kalinius. Atlikę tuos pačius veiksmus, surengė karo tarybą. Nuomonės išsiskyrė – vieni siūlė eiti į žemyno pusę, pakeliui išvaduoti lagerininkus ir ištirpti taigų masyvuose, kiti, daugu-

ma su pulkininku Mechtejevu, – link Vorkutos, išvaduoti čia esančius lagerius ir vėliau patraukti link jūros prie Karos Vartų, tikintis sulaukti pagalbos iš NATO, kurių laivais galėtų pasiekti laisvąjį pasaulį.

Pirmieji teigė, kad toks daugumos planas yra utopija ir, net jeigu amerikiečiai ateis į pagalbą, sovietų kariuomenė neleis sukilėliams priartėti prie jūros. Taigi vieni nužygiavo taigos link, juos sekė lėktuvai, prie kažkokios gyvenvietės kareiviai juos sumušė, bet vis dėlto tuo laiku pabėgo. Vėliau per kelerius metus bėglių kelias dešimtis sugaudė, vienus nuteisė sušaudyti, kitus iki gyvos galvos uždarė kalėjimuose. Vienas iš jų Mitia Safronovas (ar Safonovas) 1955 m. rudenį Kirovo persiuntimo punkte visa tai papasakojo, teigdamas, kad turėjo akistatą su pulk. Mechtejevu, kurį su keletu vadų prie Šiaurinės Vorkutos paėmė gyvus ir visus nuteisė sušaudyti.

Kitų pasakojimu (minėtame persiuntimo kalėjime ir iš kitų šaltinių) sukilėliai užėmė keletą lagerio padalinių ir priartėjo prie Šiaurinės Vorkutos lagerių dalies. Čia jų laukė apginkluoti mobilizuoti laisvieji Vorkutos gyventojai, garnizonai ir desantininkų divizija, lėktuvais atgabenta iš Leningrado, apginkluota visureigiais šarvuočiais. Užvirė žūtbūtinė kova prie Ajač Jagos ir 7 šachtų lagerių. Čekistai, negalėdami atremti sukilėlių spaudimo, išsikvietė karinę aviaciją, kuri be pertraukos bombardavo sukilėlių pozicijas. Vieni sako, kad mūšis trukęs 3 dienas, kiti – savaitę. Baigėsi šoviniai, baigėsi ir sukilėliai. Likusiems gyviems buvo duota komanda pasilikti po vieną šovinį sau. Iš kelių tūkstančių liko apsupti tik apie šimtas sukilėlių, kurie, apnuoginę krūtines, pakilo visu ūgiu ir šaukdami: „Už Tėvynę! Už laisvę!“ su pritvirtintais ant šautuvų durtuvais metėsi į priešus. Čekistai juos skynė kulkosvaidžių ugnimi, bet, nesitikėję tokios atakos, pasileido bėgti palikdami ginklus. Saujelė sukilėlių, pa-

sipildę ginklų, priartėjo prie mirtininkų lagerio „Cementnaja“. Čia prie pat draudžiamosios lagerio zonos jie buvo galutinai sumušti. Ir kada iš šio lagerio buvo atvestas uzbekas felčeris, kad suteiktų šiokią tokią medicinos pagalbą kai kuriems tyčia paliktiems sukilėliams, kad patvirtintų sovietų galią, vienas sukilėlis jam išpoškino: „Ek, jūs vergai, mes ėjome jūsų vaduoti, o jūs net piršto nepajudinote!“ – ir spjovė jam į veidą. Gretimai stovėjęs desantininkas karininkas pridėjo prie sužeisto sukilėlio galvos pistoletą ir iššovė pasakęs: „Priešą didvyrį reikia gerbti. Jam taip bus geriau“.

1952 m. Uchtimžemlage 1000 kalinių, paskelbusių bado streiką, buvo išvežti į Norilską. Be to, ten išvežti ir kaliniai iš Salechardo – Igarkos geležinkelio ruožo, kuriame buvo įvykęs sukilimas, taip pat iš Omskstrojaus lagerio, kuriame buvo užmuštas prižiūrėtojas ir operatyvinis darbuotojas („kūmas“), užpulta ir paimta lagerio administracija.

1952 m. rugpjūčio 1 d. MVD Uchtimžemlago apsaugos skyriaus partijos uždaro susirinkimo ištrauka:

…Romanovo kalba: „Didelį <…> operatyvinį darbą atlikau 46 lagerio punkte <…> , išsiaiškinau kurstytojus – 28 žmones. Streikas greitai buvo nutrauktas: gegužės mėnesį išaiškinau agitavusį tęsti badavimą; jį po 4-ių apklausos valandų pasiūliau ministrui Noginovui ir drg. Judinui (Uchtižemlago viršininkas) išsikviesti, manydamas, kad tai bus badavimo nutraukimo pradinis taškas. Mano viltys išsipildė.

Didelį darbą balandžio ir gegužės mėnesį atlikau lagerio skyriuje Nr. 13, kur tikėtasi sukilėlių išpuolių: ten išaiškinau 8 žmones, visi jie buvo izoliuoti…

Be to, ten pat atėmiau ir peržiūrėjau 900 rankraščių ir išaiškinau antisovietinių kurstomojo pobūdžio lapelių autorių. Jis patrauktas baudžiamojon atsakomybėn“. (A.Š., p. 460.)

„1953 m. gegužės – liepos mėn. Intos antrajame lageryje kaliniai padegė transporterio juostą ir elektros kabelius. Šeštajame lageryje rasti užrašai „Laisvę kaliniams!“ Visa tai reakcija į Vorkutos ir Norilsko įvykius. Vakarų ukrainiečiai ir pabaltijiečių autoritetai, kurstomi trockistų, provokuoja netvarką“.

1953 m. vasarą Uchtoje įvyko grupinis kalinių pabėgimas (pabėgėlių nesugavo). (A.Š., p.197.)

1953 m. birželio 2 d. ištrauka iš pranešimo (Vorkuta):

„Š. m. kovo 20 d. sulaikyti keturi iš 15-ojo lagskyriaus pabėgę žmonės, jie, lydimi į zoną, įsakius 57-ojo lagskyriaus operįgaliotiniui Jevsejevui, konvojaus Čerkašino, Belousovo ir Ovsianikovo buvo sušaudyti“. (A.Š., p. 269.)

1953 m. Vorkutoje įvyko 18 grupinių ir pavienių pabėgimų. Iš viso pabėgo 31 žmogus. Sulaikyta – 21 žmogus. Be to, 1953 m. kaliniai įvykdė 10 816 lagerio režimo pažeidimų. (A.Š., p. 246.)

1953 07 21 Rečlago partinių organizacijų susirinkimo protokolas:

„Šiandien šachtoje Nr. 2 sustreikavo brigada ir nėjo į darbą. Reikalavo pakeisti konvojų“. (A.Š., p. 247.)

„18-ojoje šachtoje aptikta vieta, kur kaliniai, pasigaminę radijo imtuvą, klausėsi „Amerikos balso“. (Ten pat.)

„19-ojoje šachtoje kalinių brigada sustreikavo: susėdo ant kelio, reikalaudami komisijos iš Maskvos“. (Ten pat.)

1953 08 31 d. ištrauka iš Intos Minlago viršininko Fatovo pranešimo:

„Dabar Minlage yra: ukrainiečių 28,5%, rusų 12,5%, lietu-

vių 15,5%. Moterų lageris slapta leido žurnalą „Tautos keliu“.

Kun. Adomas Alminas organizavo materialinę paramą Abezės invalidų lagerio lietuviams. (A.Š., p. 373.)

“...Pavojingiausia Minlage laikoma kalinių kategorija <…> yra Vakarų Ukrainos ir Pabaltijo kaliniai. Šios kategorijos nusikaltėlių veikla turi tikslą:

nelegaliai įsigyti šaltąjį ginklą;

persekioti aktyviausius kalinius gamybininkus – jiems grasinta, jie gąsdinti, su jais fiziškai susidorota;

nustatyti nelegalų ar kitokį ryšį su bendraminčiais už lagerio ribų per buvusius kalinius.

Aktyviausia šios kategorijos kalinių veikla paskutiniu metu išryškėjo 2,3,6 lagerių skyriuose ir Kozymo lagerio skyriuje. Šachtoje Nr. 5, sprogus kalinių padarytai granatai, vienas kalinys žuvo ir vienas suluošintas. Šis faktas liudija, kad granata gaminta nusikalstamais tikslais.

Be to, nusikaltėliai du kartus tyčia padegė šachtą – pirmąsyk transporterio juostą, antrąsyk elektros kabelį.

Trečiajame lagerio skyriuje paskutiniu metu aktyviai reiškiasi banderininkai – jie terorizuoja lagerio gyventojus, chuliganiškai užpuola vidury dienos lagerio aptarnautojus, muša kriminalinį elementą, sąmoningai siekdami šias grupes supriešinti, sukelti netvarką.

Operatyviniai gretimo MVD Rečlago (Vorkutos) duomenys byloja, kad daugelis aktyvių tenykščių įvykių dalyvių bando vėl masiškai sukilti ir, pasak jų, „viską pakartoti, ištaisyti anksčiau padarytas klaidas“; savo uždaviniu jie laiko kenkėjišką darbą plėtoti šiomis kryptimis:

organizuotai ruošti visus lagerio gyventojus sukilti. Užmegzti ryšį tarp visų lagerio skyrių ir su kitais lageriais masiškai vienu metu sukilti;

užmegzti ryšius su aplinkiniais lageriais, su jiems pritariančiais spectremtiniais, buvusiais kaliniais ir kitais elementais, siekiant šiuos kviesti palaikyti ir kartu sukilti;

remiantis palankiai nusiteikusiais jiems gyventojais, organizuoti ir vykdyti skaldomąjį darbą tarp sukarintos apsaugos ir prižiūrėtojų, siekiant patraukti į savo pusę moraliai neatsparius ir nedisciplinuotus asmenis“. (A.Š., p. 372.)

1953 m. rugpjūčio 31 d. Minlago partinio aktyvo susirinkimo protokolo ištrauka:

„Š. m. rugpjūčio 29 d. operatyvinis skyrius sutrukdė 11–12 šachtose ruošiamą diversiją; ten aptikta ir paimta 3 kg 200 gr sprogstamosios medžiagos ir kapsulės – detonatoriai. <...> Turime kalinio B. bylą. Šis kalinys ant drobės parašė atsišaukimą“. (A.Š., p. 374.)

„1953 m. spalio 19 d. ir 1954 m. lapkričio 6–7 d. streikavo Intos šachtos Nr. 11–12. 1954 m. birželio 29 d. ir liepos 6 d. įvyko politkalinių ir kriminalinių kalinių bado streikas Kozymo lagerio punkte“. (Ten pat.)

1953 m. Poliarno lagpunkte prie Sobės upės įvyko maištas. Kaliniai likvidavo lagerio viršininką Udotą. (Žurn. „Karta“. Nr. 4. 1994., G.Archipenkovas.)

1953 m. visuotinis streikas Vorkutoje. Sukurti sukilimo komitetai, į kuriuos įėjo įvairių tautybių atstovai, sava milicija, maisto dalijimo komitetas. Kova prasidėjo 1953 m. liepos 20 d. kalinių sukilimu prie šachtų Nr. 7, 12, 14, 16. (Streikavo visi, išskyrus šachtą Nr. 6. Ši šachta streikavo 1954 m.) Nedirbo visi kaliniai, išskyrus darbininkus prie šachtos vandens siurblių ir ventiliacijos. Plytinės streikavo taip pat. Kaliniai atsisakė derėtis su vietine Vorkutos administracija. Atvyko generalinis prokuroras R.Rudenka, MVD kariuomenei vadovaujantis gene-

rolas pulk. Maslenikovas, generalinio prokuroro pavaduotojas Barsukovas ir kt.

Šachtos Nr.9 streiko komitetas perdavė pareiškimą sovietų vyriausybei. (A.Š., p. 248–249.)

Rugpjūčio 1-ąją į šachtą Nr. 29 atvyko ta pati komisija. Gen. Maslenikovas prisistatė kaip CK narys. Kalbėjo kalinys mokytojas iš Baltarusijos, po to kiti. Reikalavo laisvės. Gen. Maslenikovas pasakė, kad bausmę vis tiek reikės atlikti, tačiau pažadėjo:

„1. Nuimti nuo drabužių nešiojamus numerius;

2. Leisti auginti plaukus;

3. Įvesti už gerą darbą įskaitų sistemą;

4. Neriboti rašomų ir gaunamų laiškų;

5. Nuo barakų langų nuimti grotas;

6. Atlikusiems du trečdalius bausmės išduoti leidimus laisvai vaikščioti už lagerio zonos“. (A.Š., p.249.)

Kaliniai išsiskirstė, bet į darbą nėjo. Kareiviai, ginkluoti automatais ir kulkosvaidžiais, išsikasė apkasus ir apsupo lagerį. Kitą dieną į zoną suėjo grupė karininkų ir fotografavo. Kaliniai sudaužė aparatą ir susikibę rankomis išstūmė čekistus iš zonos. Bandė su gaisrinių mašinų žarnomis vandeniu išsklaidyti kalinius, bet jie supjaustė žarnas. Tada generalinis prokuroras R.Rudenka davė įsakymą šaudyti. Šaudė ir jis pats iš pistoleto. Šaudymas truko dvi tris minutes, pauzė ir vėl ugnis.

Grupė sektantų atsiskyrė iš minios ir pradėjo melstis. Tada kareiviai iš sargybos bokštelių nukovė ir juos.

Visa tai įvyko 1953 m. rugpjūčio 1 d., 11.30 val. Pagal netikslius duomenis žuvo 66 žmonės, sužeisti –134. Kiti šaltiniai sako, kad žuvo keli šimtai kalinių, tarp jų – ...11 lietuvių:

Augustas Bernotėnas (1912 m.)

Afanasijus Kazanas (1898 m.)

Alfonsas Kilbauskas (1923 m.)

Mykolas Čechavičius (1919 m.)
Kazys Kairys (1917 m.)
Vaclovas Mitkauskas (1925 m.)
Vitolis Martinavičius (1929 m.)
Bronius Pukis (1930 m.)
Juozas Riauba (1927 m.)
Edvardas Velička (1929 m.)
Lenconas (galbūt Lenciūnas).

...Lagerio sukilimo komitete prie šachtos Nr. 29 lietuviams atstovavo kap. Afanasijus Kazanas. Svarbiausi protesto akcijos organizatoriai čia buvo Edvardas Bucas ir Igoris Dobroštanas. (A.Š., p. 250.)

Vorkutoje streikas prasidėjo 7-ojoje šachtoje. Buvo sudarytas streiko komitetas, kur vienas iš vadovų buvo lietuvis Ješkūnas. Streikui impulsą davė atvežtieji politkaliniai iš Karagandos ir Kemerovo. Pradėjo streikuoti ŠEC-2 ir Ajač Jagos 12,14,16 bei kitos šachtos ir pagalbiniai lageriai.

Ajač Jagoje atvežtieji iš Karagandos kaliniai buvo uždaryti BUR'e. Sužinoję,kad prasideda streikas, bandė iš šio kalėjimo prasiveržti į lagerio zoną. Sargybinis iš bokštelio pradėjo šaudyti, tačiau nušovė nieko nenutuokiančius prie barakų sėdėjusius du kalinius. Vienas iš jų buvo lietuvis Vytautas Maknevičius, Kauno universiteto studentas. Šis įvykis perpildė kantrybės taurę ir sukilimas įsiliepsnojo visu pajėgumu. Buvo sudarytas streikų komitetas, kuriam oficialiai vadovavo Kolesnikovas, o faktiškai Stasys Ignatavičius, sudaręs visų barakų kalinių komitetų patikimą tinklą. Uoliai jam talkininkavo studentas Vladas Šiška iš Zarasų ir Vytautas Vaineikis iš Šiaulių. Per Ajač Jagos komutatorių streikuojantieji palaikė telefoninį ryšį su kitais lageriais. To ryšio čekistai nesusiprato iš karto atjungti, o vėliau, kai darbas visose Vorkutos šachto-

se buvo atliktas, jį atjungė, tačiau sukilėliai ryšiui panaudojo veidrodėlius.

Kulkosvaidžiais ginkluoti kareiviai reikalavo nutraukti streiką, o gen. Derevenka kreipėsi į susirinkusiuosius „nedaryti kvailysčių", bet jis buvo nušvilptas ir izoliuotas, kaliniai nuo jo nusisuko. Po jo kalbėjęs MVD ministro pavaduotojas Maslenikovas pradėjo prašyti nutraukti streiką. Pažadėjo nuimti nuo rūbų numerius, išsiaiškinti ir nubausti nušautųjų kalinių žudikus, nuo barakų langų ir durų išmontuoti grotas, leisti laisvą susirašinėjimą, mokėti pinigus ir pasiūlyti vyriausybei peržiūrėti kalinių bylas, o jei kaliniai nepaklausys, gali įvykti nepataisoma klaida.

Daugelis kalinių šitoje sueigoje išsakė savo mintis, išklojo savo vargus, pažeminimus ir XX amžiaus pasaulinę gėdą, kurią sankcionuoja Sovietų Sąjungos vyriausybė. Ypač griežtai ten nuskambėjo Vytauto Vaineikio kalba.

Ajač Jagos streiko komitetas, pasitaręs ir įvertinęs grėsmingą padėtį, čekistų paruoštus kulkosvaidžius ir nugirdytus kareivius, nutarė laikinai sustabdyti streiką. Kitą dieną , liepos 31-ąją, Ajač Jagos lageris išėjo į darbą. Po kelių dienų komiteto vadovybė buvo areštuota. Stasys Ignatavičius, Viktoras Kolesnikovas, Stepanas Kovaliovas ir Jurijus Prusalovas buvo uždaryti į tardymo izoliatorių 8-ojoje šachtoje. Po kelių mėnesių karinis tribunolas visus nuteisė sušaudyti, o po mėnesio pakeitė nuosprendį į 25 metus, atliekant bausmę sustiprinto režimo lageriuose.

Kapitalinėje šachtoje Nr.1 irgi buvo sudarytas slaptas streiko komitetas, kuris ragino neišeiti į darbą. Jeigu išėjai į šachtą, tai streikuok itališku streiku – neduok produkcijos. Anglies gamyba sumažėjo kelis kartus, o surasta ir išminuota bomba šachtos nusileidimo angoje išgąsdino ne tik čekistus, bet ir pasyviuosius

ar streiko priešininkus. Mirti neturinčioje kategorijos (šachtų gradacija) pilnoje dujų šachtoje niekas nenorėjo, tačiau streiko komitetas vis lūkuriavo, nes lagerio kontingentas, daugiausiai iškentėjęs čekistų ankstyvesniųjų metų savivales, buvo labai konservatyvus. Pagaliau čekistai leido nuimti nuo langų grotas, nuo rūbų numerius ir paskelbė kitas lengvatas. Į darbą neišėjo tik antra ir trečia pamaina, matyt, bijojo šachtos susprogdinimo. Pasklidus gandui apie 29-osios šachtos sušaudymą, Streiko komitetas paragino išeiti į darbą. Iš lietuvių komitete, Vytauto Svilo žodžiais, dalyvavo jis, Edvardas Laugalys, Juozas Grušys, Albinas Blujis. Streiko komiteto pirmininkas buvo rusas Rybalka.

Paskandinus kraujuje 1953 metų sukilimus Norilske ir Vorkutoje, kaliniai tik trumpam laikui buvo ištikti šoko. Atsitokėjo tuojau pat ir dar su tvirtesniu ryžtu, taisydami savo klaidas, pradėjo ruoštis sukilimams ir ateinančioms kovoms, pralaimėjimams ir pergalėms, nes monolitinis sovietinis režimas vis dar buvo pakankamai stiprus. Aktyviosios lagerio masės pasipildė radikaliu elementu, kuris negalvodamas stačia galva veržėsi į kovą, nes buvo patyręs aukos kartėlį ir nors menko laimėjimo saldų širdies virpulį tikint savo teisėta pergale. Reikėjo išlyginti gretas, patikrinti jų kiekybę ir kokybę, nukreipti radikaliuosius į šnipų išaiškinimą ir jų likvidavimą, įtikinti visus politinius kalinius, kad galima išlikti tik vienas kitą palaikant, t.y. sukuriant naują visuomenę.

1953 m. Vorkutoje po sukilimo buvo įkurta ukrainiečių organizacija „Čub“. Čekistai išaiškino ją ir jos narius nuteisė dešimtims metų uždaro kalėjimo Vladimire.

1953–1954 m. Vorkutoje buvo išaiškinta ir likviduota nemažai „stukačių“.

Susprogdinta 7-osios šachtos elektros pastotė (1954 01 09) ir

čekistų 7-osios šachtos administracijos komunistų partijos susirinkimas (1954 01 14), 4-ąją šachtą maitinantis elektros kabelis (1955 m.) ir sutraukytas kelių šimtų metrų pagrindinis šachtos transporteris. Anglies gavyba krito pusiau.

1954 m. sustreikavo Vorkutos 6 šachta (4 lagskyrius).

„1954 m. 4 lagskyriuje (virš. drg. Žilinas) netinkamas elgesys su ginklu sąlygojo nepaklusnumo aktą.<…>1953 m. daugelį dienų nedirbo pusė Rečlago, o dabar 4-ajame lagskyriuje vėl kartojasi pernykščiai įvykiai…“

Iš politinio sk. v-ko Popovo pranešimo Vorkutos partinėje
konferencijoje, įvykusioje 1954 m. balandžio 24–25 d.
(A.Š., p. 268.)

Algirdas J.Kujalis pasakoja apie Vorkutos 7-ojoje šachtoje veikusią kovinę organizaciją „Juodoji kaukė“, kuri baudusi „stukačius“ ir vykdžiusi diversijos aktus šachtoje. Toliau jis apibūdina (1954–1955 m.) :

“...užsiverbavau į slaptą organizaciją „Juodoji kaukė“. Tai lyg kovinė grupė „stukačiams“ bausti ir kitoms diversijoms vykdyti...

Noriu priminti, kad ir politkalinių buvo ne viena kategorija. Vieni atlikinėjo bausmę tyliai, pasyviai, kiti visais galimais būdais stengėsi kovoti ir lageriuose, net tada, kai atrodė nuveikti nieko neįmanoma“.

(„Vorkutos politkalinių atsiminimai“. V., 1998, p. 107.)

„1954 m. pavasarį Kniažpogosto 21-ajame OLP’e įvyko kalinių streikas. Organizavo kriminaliniai kaliniai. Prižiūrėtojus išvijo iš zonos. Įkaitais buvo paimti v-ko pavaduotojas Zavjalovas ir sveikatos skyriaus v-kas Okunevas. <...> Užlipęs ant vieno barako stogo dūdų orkestras ištisas paras griežė gedulingą Šopeno melodiją. <...> Penktą dieną kaliniai streiką nutraukė. (A.Š., p. 423.)

1954 m. prie Balchašo ežero pakrantės, Rytų Kounrado rūdyne (рудник *rus.*) veikė vario ir molibdeno kasyklos, kuriose dirbo politkaliniai. Čia buvo organizuota leisti neperiodinę „spaudą“. Tai buvo tiesiog sąsiuviniai su užsienio įvykių apžvalga bei patarimai kaliniams. Visą tai buvo daryta tautinės Vienybės fondo (TVF) vardu.

Šachtoje prie kelto buvo susprogdintas vandes siurblys, šachtą pradėjo semti vanduo, keltas nebegelėjo dirbti. Vėliau buvo sugalvota metalo drožlėmis „nusodinti“ akumuliatorius, pripilant į juos tų drožlių. Tai atliko Vincas Gurskis ir K. Kurtinaitis. Rezultatas: elektrovežiai nebepaveždavo rūdos. Sąmoningai buvo gadinami skreperiai ir gręžinio mašinos. V. Stašaitis ir Z. Laugalaitis pasigaminę raktus išlaisvino kalinčius izoliatoriuje. (V.Gurskis. „LK Archyvas“ T-34, p. 230)

1954 m. suaktyvinama LLKS veikla Vorkutos lageriuose.

1954 m. įkurta organizacija „Sojuz borcov za svobodu“ ir „Severnyj sojuz za svobodu“. Vadovas Jemeljanas Repinas.

1954 m. Rusų kalba išspausdintas pogrindinis laikraštis „Severnoje sijanije“ ir keletas atsišaukimų į Vorkutos kalinius, raginantys ruoštis sukilimui.

1954–1955 m.Intos moterų lageryje (Nr.4) buvo leidžiamas pogrindinis laikraštėlis „Žiburėlis tundroje“. Redagavo Natalija Pupeikienė. (A.Ruzgas. Min. str.)

1954 m. Intos lageriuose buvo leidžiamas satyrinis pogrindinis laikraštėlis „Po šimts kalakutų“. Redagavo Algirdas Čeponis ir Stasys Pancerna. (Ten pat.)

1954–1955 m. Žigulių (Kuibiševo elektrinės HES statyba) lageryje buvo leidžiamas iki 24 pusl. apimties pogrindinis laikraštėlis „Tėvynės Aidas“. Išleista 13 numerių. Jį redagavo ir leido: B.Jancevičius, A.Stasiškis, A.Ramanauskas, K.Ramanauskas, J.Vaidelis ir kt. (Laikr. „Širvinta“. 1990. ir A.Stasiškis.)

Algimantas Ruzgys

1954–1955 m. Magadano lageriuose buvo leidžiamas pogrindinis laikraštis „Toli nuo Tėvynės“ apie 30 puslapių apimties. Leido A.Ruzgys, J.Vyšniauskas, P.Paulikas, P.Karčiauskas, B.Šapka, Č.Kavaliauskas ir kt.

(A.Ruzgas. Min. str. ir B.Zlatkus.)

1954 m. Jevgenij Rusinovič, kalinys iš Minsko, pakirto kirviu kareivį, atėmė automatą ir pabėgęs iš zonos užpuolė kitą lagerį. Nušovė kelis sargybinius ir įsitvirtino Vorkutlago pastato 4-ajeme aukšte. Čekistai jį nušovė tik po keliolikos valandų. (A. Šifrin; p. 208).

1954–1956 m. Džezkazgano Rudniko lageryje buvo leidžiamas pogrindinis proginis laikraštėlis „Svajonė“. Išleisti 8 numeriai. Redagavo Celestinas Ajauskas. Leidybai vadovavo ir apipavidalino Stasys Sloveckas.

(A.Ruzgas. Min. str. ir C.Ajauskas.)

1954 m. už tai, kad 22-ų metų Smirnovas Intos v-kui Chalejevui nenukėlė kepurės, buvo pasodintas į karcerį, kur jis susidegino. Todėl kaliniai paskelbė 7-ių dienų bado streiką. Lietuviai dalyvavo aktyviausiai. (A.Š., p. 356.)

1954 m. Maskva, Lukjanovui

„GULAG’o nurodymu iš visų Šiaurės lagerių į Intą numatyta pasiųsti kitų šalių piliečius. Numatyta pervesti 3 tūkst. žmonių. Atvykę į Intą, jie ėmė reikšti pretenzijas. <…> Todėl jie visi organizuotai atsisakė dirbti…“ (A.Š., p. 278.)

1954 m. įvyko stambiausias SSRS sukilimas Džezkazgane, nusinešęs daugiau kaip 600 kalinių gyvybių. Numalšintas tankais.

„Dar iki sukilimo susidarė kalinių grupės, kurios pradė-

jo kovą už savo teises. Rudniko lageryje tautiniam judėjimui vadovavo kunigas Juozas Stankūnas. Buvo suburti lietuvių pasipriešinimo komitetai: pirmajam lageriui atstovavo Juozas Šumskas ir Augustinas Švenčionis, antrajam – Leonas Birgėla, trečiajam – Albinas Drevinskas ir Vytautas Pauliukaitis.“

(Augustinas Švenčionis. „LK Archyvas“. T-34, p. 210)

„1954 m. gegužės 15 - birželio 26 dienomis Džezkazgano - Kengyro lageryje įvyko kalinių sukilimas, pareikalavęs beveik 1000 žmonių aukų. Jame aktyviai dalyvavo ir 1953-ųjų metų Vorkutos bei Norilsko politiniai kaliniai – sukilimų dalyviai, atgabenti iš ten pas mus, į Kengyro lagerį.

Sukilimui vadovavo išrinktas komitetas, jo pirmininkas buvo buvęs pulkininkas Kuznecovas. Komitete dalyvavo ir lietuvis teisininkas J. Kondrotas.

Svarbiausias tikslas išreikalauti, kad iš Maskvos atvyktų komisija ir peržiūrėtų mūsų bylas. Kaliniai už lagerio zonos išvarė visą administraciją, o lagerį iš visų pusių užbarikadavo.

1954 m. gegužės 15-ąją nuo čekistų kulkų žuvo keliasdešimt kalinių. Ir tik birželio 26 d. keli tūkstančiai kareivių ir 6 tankai jį žiauriai numalšino.

Sukilimo metu vyko mitingai, buvo leidžiamas kalinių sienlaikraštis, sekmadieniais laikomos pamaldos... Japonų inžinieriai baigė sukonstruoti radio siųstuvą, kuriuo laisvam pasauliui būtų paskleista tiesa apie šį sukilimą.

Likusius kalinius čekistai išvarė už zonos, surūšiavo. Mane, tarp kelių šimtų kitų, išvėžė į kalinių „sostinę“ Magadaną“ .

(Jonas Žilaitis. „LK Archyvas“. T-34, p. 208 - 209;)

1954 m. gegužės mėn. Džezkazgano – Rudniko lageris palaikė Kengyro lagerio sukilimą, sudarė Pasipriešinimo komitetą, kurio narys buvau ir aš.

1955 m. streikas baudžiamajame lageryje „Izvestkovaja“

Kolymoje.

(SvG., p. 209.)

1955 m. Vorkutoje ypatingajame spec. baudžiamajame lageryje Nr.62 pagamintas detektorinis radijo imtuvas, kurio du mėnesius nuolat klausėsi kaliniai. Dėl to įkurtas Visuotinis Vorkutos streiko komitetas, kuris paruošė 1955 m. streiką ir jam sėkmingai vadovavo.

1955 m. tame pačiame lageryje atkurtas pogrindinis laikraštėlis, spausdintas rusų kalba „Severnoje sijanije". Redagavo J.Repinas. Leido V.Vaineikis, E.Burokas, V.Šiška, S.Ignatavičius, A.Plepys ir kt.

1955 m. tame pačiame lageryje buvo leidžiamas ranka rašytas pogrindinis laikraštėlis „Varpas", kurį redagavo Pranas Veverskis, Edvardas Laugalys, Aloyzas Kudukis, Povilas Vaičekauskas, Adomas Lukaševičius ir kt.

1955 m. tame pačiame lageryje išleistas spausdintas pogrindinis laikraštėlis „Protėvių takais". Redaktorius Teodoras Kilikevičius. Leido LLKS. Taip pat buvo išleista keletas spausdintų atsišaukimų, kurių dalis yra saugoma Lietuvos ypatingame archyve Vilniuje. Leidime dalyvavo V.Vaineikis, E.Burokas, J.Mikelionis, V.Korsakas, E.Smetona, P.Vyturys ir kt.

1955 m. Vorkutos 62-ajame lageryje įkurta pogrindinė antisovietinė kovos mokykla. Dėstė rusų antikomunistai.

1955 m. rudenį tame pačiame lageryje internuota apie dešimt aukštų GULAG'o karininkų. Reikalauta iš karcerio paleisti neteisėtai izoliuotus kalinius.

„Stalinui mirus, buvo paskelbta amnestija, bet politinių kalinių lūkesčiai neišsipildė: pirmiausia buvo paleisti kriminalistai, žmogžudžiai, vagys ir kitas gaivalas. Trūko politinių kantrybė. Prasidėjo streikai (I streikas – 1953 metų liepos 21 d.; II streiką 1955 m. vasarą Vorkutoje pradėjo lietuviai)". (B.Brazdžionis.

Vincas Gurskis

„Poezijos pilnatis“. V.,1989.p.531.)

„Varpo“ laikraštyje 1996 m. Nr.2 (21) ir Nr.3 (22) Vincas Gurskis aprašo apie atsikuriančias LLKS organizacijas ir bręstančius sukilimus sovietų konclageriuose: „Kovos grupės veikė Vorkutos konclageriuose. Anglies kasyklose buvo vykdomi diversiniai aktai, sprogdinami mechaniniai įrengimai, elektros pastotės. Šioje veikloje aktyviai reiškėsi E.Buroko, E.Laugalio, V.Svilo ir E.Smetonos suburtos grupės, kurios 1954 m. susijungė su LLKS grupėmis. Pradėta bendrauti su kitų tautybių politkalinių organizuotomis grupėmis, kurias ėmė vadinti bendru vardu „Sojuz borcov za svobodu“ (Laisvės kovotojų sąjunga). Taip brendo jėgos bendram politkalinių sukilimui“.

Praūžus 1953 m. sukilimo bangai Vorkutos lageriuose ir atsigavus nuo šoko, patirto kalinius šaudant, 1954 m. vėl atkuriamos pogrindinės grupuotės ir jungiamos su LLKS.

LLKS tikslams pasiekti buvo numatyta agitacija, propoganda, sabotažas, diversijos. Visos šios priemonės jau buvo vykdomos. Svarbiausias tikslas lageriuose turėjo būti visuotinis kalinių streikas, reikalaująs pagal aplinkybes dalinės ar visiškos laisvės.

LLKS per laisvai samdomus lagerio ar šachtų darbuotojus užmezgė pastovius ryšius su visais Vorkutos lageriais. Išsiuntinėjo laikinus LLKS įstatus ir veikimo planus. Beveik visuose lageriuose susikūrė LLKS komitetai, kuriems vadovavo autoritetingi, kovose užgrūdinti vadovai. Kiek prisimenu, šachtoms Nr. 1 – V.Svilas ir E.Laugalys; Nr. 8 – J.Klastauskas, A.Brunza; Ajač Jagoje Nr.12, 14, 16 – Skačkauskas, Ivaškevičius, Mileris; Nr. 3 – P.Aleksiūnas; Nr. 4 – M.Kemtys,

T.Kilikevičius, E.Smetona; Nr. 9, Nr. 10 – J.Žilinskas; Nr. 6 – J.Skaržinskas; sanmiesteliui – Z.Paldavičius, 62-ajam spec. ypatingajam lageriui – S.Ignatavičius; Nr. 40 – V.Svetikas, A.Petraitis, Nr. 7 – V.Šiška ir daugelis kitų. Vėliau šie žmonės (1955 m.) tapo šachtų streiko komitetų vadovais.

1953–1954 metais Norilsko, Vorkutos ir Džezkazgano kalinių krauju iškovoti lagerių režimo palengvinimai kalinių nebetenkino. Jie troško laisvės ir idėjų pergalės, dėl kurių buvo netekę laisvės. Abiejų barikadų pusės aiškiai suprato, kad taikos nebus, kalinių pasipriešinimas vis stiprės.

Sutrikę čekistai vartojo smurtą, už menkiausią įtarimą sodino į karcerius ar vežė į garsųjį spec. ypatingąjį griežto režimo 62-ąjį lagerį. Tuo būdu lagerių vadovybė, pati to nenorėdama, subūrė laisvės kovotojų grupuotę, kuri, vykdydama LLKS tikslus, siekė visuotinio Vorkutos kalinių streiko. Dar didesnį poveikį padarė studento iš Kauno Povilo Ulozo išaugintas kristalas ir iš jo pagamintas detektorinis radijo imtuvas, per kurį rusų kalba iš „Amerikos balso“ išgirdome, kad 1945 metais Jaltos konferencija laikinai perdavė SSRS valdyti Lietuvą, Latviją, Estiją, Vakarų Baltarusiją ir Vakarų Ukrainą. Šiuo pagrindu buvo pradėtas ruošti visuotinis 1955 metų Vorkutos streikas.

Suderinus su daugelio lagerių LLKS skyriais, štabas buvo perkeltas į spec. ypatingąjį režiminį 62-ąjį lagerį. Buvo sudaryta nauja ryšių sistema. Iš gretimos 8-osios šachtos atvesdavo remontininkų brigadą, kuriai vadovavo Stasys Laskauskas. Jis ir tapo tiesioginiu ryšininku. Išskaptavęs kaplio kote tuštumą, didžiai rizikuodamas, kasdien pirmyn ir atgal nešė atsišaukimus, nurodymus, laikraštėlius ir pinigus, kuriais kitų lagerių kaliniai rėmė čia esančius. Jis visą korespondenciją perduodavo Jonui Navickui, o pastarasis per ištremtus Pavolgio vokiečius su mo-

tociklais išvežiodavo adresatams.

Vorkutos streikui parengti ir vykdyti buvo sudarytas streiko komitetas:

S.Ignatavičius – pirmininkas, V.Vaineikis – spaudos reikalai, J.Valaitis – koviniai reikalai ir disciplina, E.Burokas – saugumas ir ryšiai, I.Uogintas – strategija ir taktika, V. Šiška – ryšiai su kitataučiais, A. Plepys – ūkio ir kt. reikalai.

S.Ignatavičius „Mindaugo“ vardu parašė laišką kreipimąsi į visus Vorkutos ir Intos politkalinius; jo leitmotyvas – Vakarai 1945 m. Jaltos konferencijoje mus išdavė. Praėjo dešimt metų, kovos mes nenutraukėme nei Tėvynėse, nei lageriuose, todėl kreipiamės į lietuvius, latvius, estus, baltarusius ir ukrainiečius kviesdami skelbti visuotinį 1955 metų streiką. Mes galime sutikti su kompromisu dirbti nelaisvėje tik savo Tėvynėje, o čia – tik laisvais žmonėmis. Kitų tautybių kaliniai kviečiami solidarizuotis su mumis, nes būdami laisvi padėsime ir jiems. Streikas turi būti taikus, bet kokiomis priemonėmis išvengti konfliktų su ČK. Atsiradus pavojui susidoroti su kaliniais kaip 1953 m. – streiką nutraukti. Ir perspėti čekistus: jeigu būtų lemta įvykti kruviniems įvykiams, kaliniai padarys taip, kad Vorkutos anglies šachtos nebus tinkamos eksploatuoti šimtmetį. Streiko data bus paskelbta vėliau.

Čekistai užuodė, kokie įvykiai bręsta Vorkutoje, tačiau tiksliai nežinojo, kas ir kur vadovauja ir kada streikas įvyks. Per savo agentus iš pradžių gąsdino, kad streikas neįvyks, kad streiką rengia provokatoriai su čekistų žinia, norėdami politkaliniams „nuleisti kraują“ ir atkurti buvusį lagerių režimą, nes sovietų valdžia kaip niekados yra tvirta ir ultimatumais nieko nepeši.

Vėl buvo atnaujintas rusų kalba laikraštėlio „Severnoje sijanije“(„Šiaurės pašvaistė“) leidimas. Išleisti du numeriai.

Pradėtas leisti spausdintas laikraštėlis lietuvių kalba „Protėvių takais“, redaguojamas T.Kilikevičiaus, spausdinami atsišaukimai ir sukilimo instrukcijos. Vienu metu dirbdavo net iki 20 kaligrafiškai rašančių žmonių. Tai V.Korsakas, P.Vyturys, J.Mikelionis, E.Smetona ir daugelis kitų.

Atvežus į 62-ąjį lagerį E.Laugalį, P.Veverskį, A.Brunzą, A.Kudukį, A.Lukaševičių, P.Vaičekauską ir kitų mūsų inteligentų, buvo nutarta leisti ranka rašytą „Varpą“. Tai buvo stiprus sąsiuvinio apimties politinis bei literatūrinis laikraštėlis, kvietęs kalinius į streiką, į kovą dėl laisvės. Ukrainiečiai leido vieno lapo laikraštuką, atrodo, „Nepodleglost“ (Nepriklausomybė).

Politkaliniai ėmėsi saugumo priemonių: buvo tikrinami laiškai, vienas žmogus neturėjo teisės prieiti prie prižiūrėtojo. Svarbiausią įnašą saugumo srityje atliko T.Kilikevičius. Jis su savo žvalgybininkais išaiškino kelis, atrodo, pasitikėjimo vertus žmones, kurie buvo agentai, per kuriuos suklaidino čekistus – atseit streikas įvyks porą savaičių vėliau, t.y. rugpjūtyje.

„X“ streiko diena – liepos 21-oji. Apie ją žino tik centrinis Streiko komitetas ir kitų lagerių streiko komitetų pirmininkai. Tačiau 4-ojoje šachtoje įvyksta priešlaikinis streikas. Kaliniai dėl nesutarimo su konvojumi negrįžta į gyvenamąją zoną, o čia, nesulaukdami grįžtančiųjų, neišeina į darbą ir kiti. Čekistai dezinformuoja, tarsi 4-oji šachta sušaudyta. Provokatoriai tiesiog šaukia: „Streikas – provokacija!“ Jau ir taip stipriai ginkluotą sargybą pastiprina Leningrado ir Kantemirovo divizijos, kurioms vadovauja pats generalinis prokuroras Rudenka. Silpnesniųjų valia mažėja, prasideda murmesys: „Kam to reikėjo, iššaudys kaip kiškius“ …Delsti nebuvo laiko. Reikėjo ankstinti sukilimą. Aušo lemiamoji 1955 metų liepos 19-oji diena – visuotinio Vorkutos sukilimo diena, čekistų pavadinta „Pabaltijiečių streiku“.

Pagal Streiko komiteto instrukcijas, kiekviename lageryje 5 val. ryto ginkluoti peiliais LLKS aktyvistai ateina į gyvenamuosius barakus ir perspėja, kad nė vienas kalinys neitų į darbą. Tai pasiekus, visos lagerių zonos pereina į karinį režimą. Dieną ir naktį, vykstant streikui, budi kalinių sargyba.

TEC-2 lageryje šios instrukcijos kaliniai nesilaikė. Naktį nugirdyti kareiviai prakirpo spygliuotas vielas ir, užklupę miegančius kalinius, sumušė. Tai vienintelis streiko metu nukentėjęs lageris.

Atomazga vyko greitai. Valdžia, supratusi, kad nieko nepeš, o gal išsigandusi, kad kaliniai gali pradėti sprogdinti šachtas, ėmėsi taikių priemonių. Kai kuriose šachtose vyko teismai. Nepilnamečius ir atlikusius du trečdalius bausmės paleido, o trečdalį atsėdėjusius – išleido už zonos.

7-ojoje šachtoje panaikino sargybą bokšteliuose ir leido politkaliniams apsigyventi už zonos, kad tik šie eitų į darbą.

Pasiekta pergalė 1955 m. Vorkutos streike pagrindinę politkalinių masę patenkino ir visos šachtos pradėjo kasti anglis.

Streiko nuostoliai: už 1955 m. streiką – sukilimą 47 žmonės vieneriems metams buvo išvežti į uždarą politizoliatorių – Vladimiro kalėjimą. Kiti aktyvesni kaliniai, daugiau kaip 300 žmonių, išvežti į Taišeto lagerius Bratsko rajone.

1953–1954 metų sukilimai Norilske, Vorkutoje, Džezkazgane ir kitur buvo spontaniški, paskandinti kalinių kraujuje, tačiau kiekvienas jų davė rezultatų: lengvino nepakeliamą kalinių dalią, rodė ir ugdė viltį, kad suderinus bendrus veiksmus galima įveikti „nenugalimąją“ vienu ar kitu būdu beveik visą pasaulį pasiglemžusią SSRS.

1955 m. Vorkutos konclagerių streikai jau organizuoti. Tai generalinė repeticija „pakartot ištaisant anksčiau padarytas klaidas“ (rašoma Komijos ASSR archyvuose rastame čekistų do-

kumente (PAKO. F. 2174 A.1.B.258 L.188–19P). 1956–1957 metų visuotinis SSRS kalinių streikas turėjo ekonomiškai parklupdyti „blogio imperiją“, nes visa jos ekonominė sistema laikėsi tik prievarta ir nelaisvu dvidešimties milijonų politinių ir kriminalinių kalinių darbu.

Komunistai užbėgo įvykiams į priekį. Jie 1956 m. išsiuntė į kalinimo vietas Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo komisijas, kurios beveik 90% kalinių išleido į laisvę, kitiems sumažino bausmes.

LLKS, „Sojuz borcov za svobodu“, „Norilsko Vyčiai“ ir kitų pogrindžio organizacijų nariai nenuliūdo, kad 1956–1957 metais neįvyko visuotinis streikas, nes jo pasekmių niekas nenumatė, bet jie džiaugėsi savo laikinąja pergale, po kurios priešas turėjo trauktis. Ne dėl Stalino mirties, o nuo politkalinių streiko pradžios pradėjo byrėti SSRS imperija. Stalino mirtis nenutraukė represijų, žudymo ir genocido. Komunistai savo ideologija per visą valdymo laikotarpį naikino savas ir svetimas tautas. Jau po Stalino mirties „demokrato“ Chruščiovo įsakymu 1953–1954 metais atvirai buvo šaudomi ir tankais traiškomi beginkliai politkaliniai – vyrai ir moterys, 1959 metais – Voronežo Telmano gamyklos dirbantieji, 1960 metais – Temir-Tau (Karagandos srityje), 1962 metais – Novočerkasko (Rostovo srityje) gyventojai.

Gal užmiršome Gorbačiovo inspiruotas žudynes Tbilisyje, Baku, Vilniuje? Daugelis dabar rašančių prisiminimus džiaugėsi: Stalinas mirė, retežiai krito! Visi laimingi „gerųjų komunistų“ laiminami išėjo į laisvę. Neklaidinkime nežinančiųjų, – kad tapome laisvi, padėjo sukilėlių nekaltas kraujas, jų ryžtas ir pareiga tęsti kovą už Tiesą. Tai jie mums suteikė laisvę, o ne stalinų mirtis. Prisiminkime „gerojo komunisto“ A.Sniečkaus laišką SSKP CK SSRS, rašytą 1956 metų gruodžio 6 d.:

„Respublikos politinę padėtį neigiamai veikia ir tai, kad paskutiniuoju metu į Lietuvą po amnestijos ir atlikę bausmę sugrįžo daug asmenų, anksčiau įvykdžiusių sunkius kontrrevoliucinius nusikaltimus. Daugelis jų kitados buvo buržuazinių partijų lyderiai, ginkluotų pasipriešinimo būrių vadai“. („Russkije vojenyje archyvy“. Č.1. M., p. 257–258.)

A.Šerėno knygoje „Vorkutos mirties lageriai“ (p.260.) yra įdėtas į akį nekrentantis, bet įdomus dokumentas, rastas Komijos ASSR partiniame archyve Syktyvkare.

„***Komijos sr. SSKP komiteto sekretoriui***
drg. Osipovui
PRANEŠIMAS

Apie SSRS Vorkutos PDL politinio skyriaus 1955 metų II pusmečio darbą (streiko laikotarpis. – *Aut*.).

…Iki 1956 metų sausio 1 dienos apgyvendinti už zonos išleisti 14 919 žmonių, palengvinto režimo – 12 264, bendrojo režimo – 19 210 žmonių. Kai kurių zonų išardyti aptvėrimai (27-asis OLP’as, aptarnaujantis šachtą Nr. 7, lagerio skyrius Nr. 3, aptarnaujantis šachtos valdybą Nr. 2 (SU-2), buvęs lagerio skyrius Nr.15, aptarnaujantis šachtas Nr. 3 ir Nr. 4).

Politinio skyriaus viršininko pavaduotojas
pulkininkas Popovas“.

(A.Š., p. 260.)

1955 m. išardytos lagerių zonos, išleisti 14 919 žmonių, o SSRS Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo komisija pradėjo amnestuoti kalinius tik 1956 metų vasarą.

Kuo 1955 m. Vorkutos politkaliniai tapo geresni ir nusipelnė

priešlaikinės laisvės? Darbu? Ne – streiku! (nors apie 1955 m. streikus Vorkutoje oficialiai nenorima niekur skelbti, išskyrus BI-BI-SI ir Bernardą Brazdžionį).

Adomas Lukaševičius

Adomas Lukaševičius
„Su „Varpu“…

„Po 1953 m. streikų ir kruvino susidorojimo su kaliniais 1955 metais buvo vėl pradėta ruoštis streikui.

Iš „Kapitalinės“ anglių kasyklos Nr.1 buvo išvežti į 62-ąjį ypatingąjį baudžiamąjį lagerį Albinas Brunza, Edvardas Laugalys ir Adomas Lukaševičius, kurie aktyviai ruošė kalinius streikui 1-ojoje šachtoje. 62-ajame lageryje visa savo esybe įsijungiau į streiko eigą. Pradėjom leisti laikraštėlį „Varpas“, kuris iš rankų į rankas keliavo po Vorkutos gulagus ir kvietė į žūtbūtinę kovą su komunistų ideologija, už tautų ir žmogaus teises, už teisę gyventi… Laikraščiui medžiagą ruošė P.Veverskis, E.Laugalys, A.Kudukis, A.Lukaševičius ir daugelis kitų.

Mūsų kova davė rezultatų. 1956 m. buvo peržiūrėtos politinių kalinių bylos ir didelė jų dalis buvo paleisti iš lagerių ir kalėjimų“. („Varpas“. 2000. Nr. 6. p. 20.)

Ignas Uogintas
„Vorkutos kaliniai sukilo“

„1955 m. į spec. ypatingąjį režimo lagerį Nr. 62 buvau atvežtas kaip streikų agitatorius. Čia tokių pačių, netinkančių kitų lagerių režimams, radau daugiau. Susitikę aptarėme tarptautinę ir SSRS vidinę ekonomiką, kuri laikėsi ant kalinių ir tremtinių darbo. Nutarėme paruošti ir paskelbti 1955

Ignas Uogintas

m. „Pabaltijiečių“ streiką, kuris, mano galva, turėjo peraugti į visos Vorkutos kalinių streiką. Sudarėme Vorkutos Streiko komitetą. Pirmininku buvo išrinktas Stasys Ignatavičius, aš buvau pavaduotojas ir atsakiau už strategiją ir taktiką. Stasį išvežus į uždarą Staraja Russ kalėjimą, streikui vadovauti teko man. Po visus lagerius išsiuntinėjome nurodymus, ypač pabrėždami, kad nekartotų 1953 metų klaidų ir vengtų bet kokių aukų. Matant, kad čekistai gali susidoroti su kaliniais, streiką tučtuojau nutraukti. Šis streikas turėjo būti generalinė repeticija. Gavus kitų lagerių pritarimą, pasiruošimas vyko sklandžiai ir rezultatas buvo teigiamas, išskyrus kelias dešimtis kalinių, kurie buvo išvežti iš Vorkutos į Vladimiro kalėjimą. Po 1953–1955 metų streikų bangos komunistai 1956 metais turėjo atverti lagerio vartus ir šimtai tūkstančių žmonių sugrįžo pas savas šeimas“. (Ten pat.)

Stasys Ulevskis
„Streiko įkvėptas“

„Pagal Visuotinio Vorkutos streiko komiteto instrukciją ir vietos lagerio 7-osios šachtos kalinių sutarimą 1955 metų liepos mėnesį įvyko politinių kalinių streikas.

Buvo reikalaujama išleisti kalinius į laisvę. Streiko metu atėjo lagerio viršininkas Sičiovas su svita nepažįstamų karininkų ir gražiai prašė eiti į darbą, žadėdamas kalinius išleisti į laisvę. Kaliniai jo žodžiais nepatikėjo. Tada jis davė ženklą sargybai bokšteliuose, kad jie iš ten dingtų, o kaliniams pasakė, kad eitų į darbą ir įsikurtų kur nori, net už lagerio zonos. Sargybiniai

Stasys Ulevskis

išlipo iš bokštelių, o žmonės, pasičiupę savo asmeninius daiktus ir patalynę, paliko lagerį.

Kadangi 7-osios šachtos streiko vadovas Feliksas Kirvelaitis jau ankščiau buvo perkeltas į TEC-2, man teko streiko rūpesčiai. Aš kreipiausi į Juozą Žilinską, kuris buvo 9-oje šachtoje, ir kitus, užklausdamas, ką daryti. Gavau atsakymus: tikslas pasiektas, eikite į darbą ir ruoškitės tolimesnei ateities kovai. Žmonės apsigyveno kas kur sugebėjo, o vietoj buvusio lagerio buvo įkurta čekistų seržantų mokykla. Kaliniai turėjo registruotis komendantūroje, kol 1956 m. birželio – liepos mėn. atvykusi iš Maskvos komisija apie 90% kalinių išleido į namus.

Iš viso to supratau, kad laisvę Lietuvai gali atnešti tik kova bet kokiomis sąlygomis ir aplinkybėmis. Todėl būdamas Lietuvoje iš karto įsijungiau į LLKS ir su Juozu Žilinsku dalyvavau Klaipėdoje SSRS antikomunistų suvažiavime ir pagrobiant aukšto rango čekistą Vilniuje. Taip pat iki Atgimimo platinau laikraštį „Varpas“ ir kitus įvairius antisovietinius atsišaukimus Suvalkijoje“. (Ten pat, p.21.)

Juozas Grušys
„Pradėjom…“

„1954 m. Vytautas Svilas, Edvardas Laugalys, Adomas Lukaševičius ir aš pagal LLKS direktyvas pradėjome ruošti streiką šachtoje „Kapitalinė“, bet buvau išaiškintas ir uždarytas į izoliatorių. Čekistai nesugebėjo įrodyti mano dalyvavimo ruošiant streiką, bet, anot jų, bus geriau, jei aš būsiu atskirtas nuo masių. Tais pačiais metais mane išvežė į 59-ąjį lagerį, kuriame buvo laikomi kriminaliniai kaliniai. Čekistai nesugebėjo

Juozas Grušys

palaužti LLKS ryžto, ir streikas „Kapitalinėje“ šachtoje, kaip ir visuose Vorkutos lageriuose, įvyko.

Jaučiu pasitenkinimą, kad ir aš prisidėjau prie XX amžiaus monstro kritimo“. (Ten pat, p. 23.)

Vincas Korsakas. „Vieningai“

„Tai atsitiko 1955 m. liepos mėnesį Vorkutos 7-ojoje šachtoje. Į darbą eidavau retai. Septynias paras atsėdžiu izoliatoriuje, tris keturias praleidžiu gyvenamojoje ar darbo zonoje, po to vėl į izoliatorių. Einančiam iš izoliatoriaus sutikę draugai pasakė, kad rengiamas streikas. Tačiau surengti streiką, kada lageryje keturi penki tūkstančiai įvairių tautybių, įvairaus amžiaus, įvairiai mąstančių kalinių, ne taip paprasta. Norėdamas, kad streikas įvyktų, ir aš vaikščiojau po barakus ir kalbėjausi su streikui nepritariančiais. Vieni bijojo, kad bus sušaudyti, kiti, jog praras lengvesnį darbą, dar kiti, kad bus uždrausti namiškių siuntiniai. Iš savo pusės jie buvo teisūs, tačiau masinis streikas – tai ne kelių asmenybių reikalas. Čia sprendžiamas tūkstančių likimas. Streiko atmosfera buvo jaučiama ne tik lageryje, bet ir už jo: į sargybų bokštelius kėlė kulkosvaidžius. Vietoj vieno sargybinio atsistojo du.

Numatytą dieną streikas prasidėjo. Į pirmąją pamainą ne tik į šachtą, bet ir į antžeminius darbus neišėjo nė vienas kalinys. Tačiau lagerio administracija, matyt, irgi rengėsi iš anksto. Zonoje įtaisė keliolika garsiakalbių ir nuolat kartojo: „Gerbiami kaliniai, neprisidėkite prie sabotažininkų ir streikuojančių. Eikite į darbus be sargybos!“ Atidarė lagerio vartus, iš sargybos bokštelių nuėmė sargybinius.

Streiko organizatoriai tokio negirdėto įvykio SSRS nebuvo

Vincas Korsakas

matę. Visi tikėjosi griežtesnių veiksmų, gal net represijų. O čia iš garsiakalbių liejosi kuo gražiausi pažadai. Pirmoji ir antroji pamaina į šachtą nenusileido. Trečioji – į darbą išėjo beveik visa. Tačiau buvo ir tokių, kurie streiko nenutraukė. Juos, kartu ir mane, išvežė į 62-ąjį lagerį, o iš čia į Vladimiro politizoliatorių – kalėjimą. Kalėjimo viršininkas perskaitė nuosprendį: sabotažas, atsisakymas eiti į darbą, streikų rengimas... – nubaustas vieneriems metams atlikti bausmę Vladimiro kalėjime“. (Ten pat.)

1955 m. sausio mėn. Tiumenės sr. 501 statyboje prasidėjo bruzdėjimas. Užuot nuginklavę sargybą ir pradėję išvaduoti lagerius, buitininkai su ginklais pabėgo į tundrą. Kalinius lageryje čekistai kulkosvaidžiais iššaudė.

Ona Lešinskaitė–Švedienė:

„Dar lageryje būdama buvau įkliuvusi su lagerio spauda – laikraštėliais. Bet spėjau laukan išbėgusi paslėpti. Prižiūrėtoja rado. Aš išsigyniau, už tai manęs pusę metų neišleido už zonos. Du kartus buvau nuėjusi, kur griežto režimo lagery sėdėjo vyrai. Tarp jų buvo man žinomas Juozas Jencevičius“ (vienas iš 1955 m. streiko vadovų. – *E.B.*). („Vorkutos politinių kalinių atsiminimai“.V.,1998, p. 115.)

Antanas Latūžys atsiminimuose rašo:

„1955 m. liepos 26 d. (streikas prasidėjo liepos 19 d. – *E.B.*) pašaukė mane ir liepė atiduoti patalynę. Surinko apie šimtą vyrų, išleido pro vartus, susodino ir mus paliko be sargybos, be šunų. Sėdim, nė iš vietos, laukiam kas bus. Negreitai iš būstinės

išėjo du sargybiniai su mūsų dokumentais ir veda. Mes nustebome, kaip čia yra, kad iš paskos niekas neseka. Atvedė ir paliko prie moterų lagerio. Laukiam, laukiam, o mūsų vadovų nėra. Bijom nuo žemės pasikelti, kad iš sargybos bokštelio į mus nepaleistų automato serijos. Pradėjo spausti gamtos reikalai, nes jau pusė dienos praėjo. Pabandėm atsistoti, nieks nieko nesako ir nešaudo… Išdavė pažymėjimus, laisvai galėjom išeiti ir kada norim grįžti, pasidarėm laisvi gyventojai“. (Ten pat, p.143.)

1955 m. rugsėjo mėn. Vorkutoje solidarumą su kriminaliniais kalinių lageriais čekistams pavyko palaužti provokacijomis. Savo atsiminimuose rašo Vincas Korsakas: „…Čekistams labai rūpėjo susidoroti su baudžiamojo lagerio kaliniais, iš kurių nieko gero negalėjo tikėtis ir ateityje. Savo rankomis to padaryti nenorėjo, todėl pasirinko visur naudotą metodą. Lageryje, kuriame kriminalinių buvo keli tūkstančiai, puolė iš 62-ojo baudžiamojo atvežtus apie du šimtus politinių kalinių, apgyvendintų viename barake. Užvirė nuožmi, atvira ir nelygi kova. <…> Neatlaikę spaudimo šoko į uždraustą zoną, bet čia juos pribaigė automatų šūviai iš sargybos bokštelių. <…> Iš lietuvių prisimenu žuvusį suvalkietį Jokūbauską ir berods žemaitį Makaravą. <…> Po šios tragedijos kilo šurmulys ir mūsų 62-ajame lageryje. Suradome aukštą stiebą ir ant pastato aukštai iškėlėme juodą iš 6 paklodžių susiūtą vėliavą. Įsakė vėliavą nukabinti. Nepadeda nei grasinimai, nei derybos. Budėjom tris naktis. Blogiausia čekistams buvo tai, kad vėliavą matė ne tik čia šalia esanti gyvenvietė, bet ir Vorkutos miestas. Po trijų dienų įvyko gedulo mitingas, buvo pasakyta daug kalbų, pasmerkiančių čekistus ir komunistų partiją, tylos minute pagerbti visų tautybių žuvusieji ir nuleista vėliava“. (Ten pat, p.68–69.)

Prie imituoto karsto, padengto tundros pilkomis samanomis, tris dienas budėjo garbės sargyba, o lagerį nuo čekistų saugo-

jo apie du šimtus lagerio savisaugos karių. Dar viena vėliava, raudono audeklo su juodais kraštais, buvo iškelta V.Vaineikio ir esto E.Russo ant izoliatoriaus stogo.

1955 metais 3-jų dienų streikas Novo Čiunkos lageryje. (P.Pečiulaitis. „Šitą paimkite gyvą". p. 191-192. Kaunas, 1993).

„1956 m. sausio mėn. Taišeto „mirties trasoje" įvyko masinis bado streikas. Ozerlago 307 lagpunkte 950 kalinių reikalavo bylų peržiūrėjimo. Prie jų sausio 12 d. solidariai prisijungė 308 lagpunkto 800 kalinių ir tą pačią dieną paskelbė bado streiką 26-ajame lagpunkte kalintys izoliatoriuje. Daugelis kalinių buvo paleisti, o 23 kaliniai, tarp jų ir šios žinutės autorius, išvežti į Vladimiro politizoliatorių, iš kur 1956 m. rugsėjo mėn. buvo išleisti į laisvę". (G.Klimovičius. 1990 12 12. Gomelis. – SvG, p. 176.)

1956 m. Omsko lagerio UC 16/4 kalinys, dirbęs TV bokšto statyboje, įlipo į bokštą ir pasikorė. Jam ant kojų kabojo plakatas: „Paaukoju jums 25 metus".

1956 m. vasarą įvyko kalinių maištas Vladimiro uždarame kalėjime. Išdaužyti kalėjimo langai. Mieste buvo girdėti iš kalėjimo sklindantys šūkiai: „Laisvės!", „Gėda KPSS!" Maištas baigėsi paliaubomis ir pažadais už šį maištą nieko nebausti. Kalėjimo režimas palengvėjo.

Vladimiro kalėjime į lietuvių kalbą išversta Visuotinė Žmogaus Teisių Deklaracija ir drauge su LLKS memorandumu bei įstatais priimta kaip LLKS programa. (Minėti dokumentai saugomi Šiaulių „Aušros" muziejuje.)

1957 m. vasario mėn. 16 d. Intos lageryje (Nr.5) pradėtas leisti pogrindinis spausdintas laikraštėlis „Laisvės Varpas". Leido kun. Kazimieras Vaičionis, kun. Pranas Račiūnas, Stasys Ignatavičius, Kostas Lekšas, Jonas Pratusevičius, Augustinas Liaugaudas, Alfonsas Čijunskis, Povilas Zagreckas ir Edvardas

Burokas. Kosto Buknio dėka šio leidinėlio trys numeriai buvo išplatinti Intos ir Abezės miestuose. („Varpas“. Nr.12(86), p. 20–21 ir A.Ruzgas. Min. str.)

1957 m. rugsėjo mėn. Vorkutos lageryje „Cementnaja“ LLKS įsteigė pogrindinę kovai su sovietais mokyklą, kurioje buvo dėstoma politekonomija (Sovietų ir Vakarų silpnosios pusės), konjunktūra, žvalgybos ir kontržvalgybos pagrindai, kovos menai, revoliucijų, tautų išsivadavimo bei Rusijos narodovolcų istorija. Dėstė savo dalyką gerai išmanantys diplomuoti politiniai kaliniai: diplomatas Feleksas Krutikovas, Frunzės karo akademijos dėstytojas Jemilijanas Repinas, istorikas Germanas Stepaniukas ir kt. Mokykla veikė iki 1958 m. pavasario, kol lageris buvo likviduotas, o kaliniai išvežti į Taišeto lagerius.

1959 m. Taišeto trasoje Vichorevkos lageryje (kospiraciniais tikslais vietoje LLKS) įkurta Lietuvos Nepriklausomybės ir Progreso partija (LNPP), kurios programoje įtvirtinta Visuotinė Žmogaus Teisių Deklaracija. Išleistas pogrindinis laikraštėlis „Nepriklausoma Lietuva“. Leido Petras Paltarokas, Zigmas Laugalaitis, Vytautas Naudžiūnas ir kt.

1960 m. Čiunos lageryje iš gamybinės zonos medžio apdirbimo kombinato administracijos patalpų buvo pagrobta rašomoji mašinėlė. Įrengti du bunkeriai: vieną iškasė Zigmas Laugalaitis, antrą katilinėje įrengė Viktoras Petkus. Išspausdinti keli atsišaukimai į sovietinius karius ir Visuotinė Žmogaus Teisių Deklaracija (apie 100 egz.). Redagavo atomo fizikas Rivoltas Pimenovas ir Karlas Frusinas. Ruošiantis grupiniam pabėgimui buvo pagaminta trys nagano tipo pistoletai (sukonstravo ir pagamino Gediminas Kraponas ir Zigmas Laugalaitis). Orginalius čekistiškus dokumentus pagamino Ibragimas (Abraomas) Šifrinas.

1960 m. Čiunos lageryje likviduotas čekistams parsidavęs buvęs gen. Vlasovo armijos štabo viršininkas Kudrešovas, bandęs

suskaldyti politinių kalinių vienybę įteisinant draugovininkų organizaciją, turėjusią vykdyti lagerio administracijos užsakymus.

1960 m. buvo nutarta ir pasiruošta sudeginti vieną iš didžiausių Sibire Čiunos medžio apdirbimo kombinatą. Operacija atidėta dėl susiklosčiusių aplinkybių. Ją atlikti turėjo Juozas Tribušauskas, Stasys Čėpla, Albinas Kaulius, Stasys Žukauskas, Zigmas Laugalaitis ir du ukrainiečiai nuo Užgorodo. Kombinatas sudegė, kai Taišeto lageriai buvo likviduoti, o kaliniai išvežti į Mordoviją.

1961 m. Mordovijos lageryje Nr. 14 (uždarame kalėjime) buvo susitarta sujungti LLKS (LNPP) ir Lietuvos Laisvės Gynėjų Sąjungą. LLKS (LNPP) pirmininku vietoje 1960 m. mirusiojo gen. Motiejaus Pečiulionio išrinktas Petras Paulaitis.

1961–1962 m. Mordovijoje, Sosnovkos lageryje buvo leidžiamas LNPP pogrindinis spausdintas ir ranka rašytas laikraštėlis „Laisva Lietuva". Redagavo Pranas Skėveris. Laikraštėlį leido Vytautas Vaineikis, Zigmas Laugalaitis,Vytautas Naudžiūnas ir dar keletas kitų. Išspausdinta keletas egzempliorių LNPP programos. Du jos egzempliorius ir laikraštėlį P.Skėveris, Z.Laugalaitis ir E.Burokas įdėjo į du stiklinius butelius, užliejo laku ir vieną iš jų paslėpė gamybinėje zonoje pagrindiniame radijo dėžučių cecho pastate, prie didžiausių staklių pamato dešiniame kampe, pusės metro gylyje. Kitą prie to paties pastato dešinėje vartų staktos pusėje taip pat pusės metro gylyje.

1961 m. Sosnovkos lageryje įkurta stebėjimo grupė, kuri sekė čekistų agentūrą ir ją išaiškino. Iniciatorius Juozas Tribušauskas.

1975 m. vasarą Mordovijoje, Baraševo lageryje penkias dienas badavo politinės kalinės dėl čekistų susidorojimo su ukrainiečių poetu, disidentu Vasiliu Stusu. (N. Sadūnaitė. „Skubėkite daryti gera". V., 1998, p. 124.)

1977 m. Uzbekijoje sukilo 2000 Uchkuduko kalinių. Buvo

iškviesta kariuomenė, kuri šaudė automatais lagerio zonoje. Žuvo daugiau nei 20 kalinių.

1977 m. vasarą Mordovijos lagerių kaliniai atsisakė eiti į darbą, reikalavo, kad būtų pripažintas sovietų konclageriuose politinio kalinio statusas. N.Sadūnaitė tai tęsė net tris mėnesius. (Ten pat, p. 128–133.)

J.Semaškaitė knygoje „Vaičėno būrio žūtis“ rašo, kad lageriuose buvo leidžiamas pogrindinis laikraštėlis „Vytis“, kurį redagavo Stasys Gerlikas.

1983 m. rugsėjo mėn. Jadvyga Bieliauskienė drauge su kitomis politinėmis kalinėmis badavo 8 dienas dėl žmogaus teisių pažeidinėjimo lageriuose.

Kaip pavadinti 1953–1955 metų įvykius lageriuose? Streikais, bruzdėjimais, maištais ar sukilimais? Čekistams norėtųsi šiuos įvykius sumenkinti, laikyti juos chuliganizmo apraiškomis. Atsisakymas dirbti – netvarka ir anarchija. Tačiau tardytojai ir teisėjai sukilimo komiteto narius ir be teismų išsiųsdami į uždarus kalėjimus vartojo terminą „antitarybinis kontrrevoliucinis sukilimas“. Sukilę kaliniai lagpunktuose išsirinkdavo komitetus, įvesdavo savivaldą ir internacionalines tarybas. Svarstė reikalavimus mitinguose ir teikė juos Maskvai ar kitoms šiems reikalams skirtoms komisijoms. Atsisakydavo eiti į darbą arba net rengdavo masinius bado streikus. Kiek būdavo galima, stengdavosi prisitaikyti prie veikiančių sovietinių įstatymų. Susikūrė nauja 6-ojo dešimtmečio visuomenė, kuri jau akivaizdžiai skyrėsi nuo 4-ojo dešimtmečio visuomenės ne tik socialine, bet ir idėjine padėtimi. Lageriai pasipildė jaunais žmonėmis, kovojusiais dėl nepriklausomybės Ukrainoje, Lietuvoje, Latvijoje ir Estijoje. Nemažai buvo ir karo mokslų bei Vakarų kultūros ragavusių, vlasovininkų bei kitų antisovietinių grupuočių, kovojusių vokiečių pusėje, žmonių. Atsirado ir vienas kitas di-

sidentas iš didžiųjų miestų, niekada nebijantis palaikyti teisiojo.

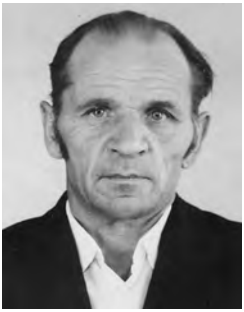
Per kraują, kančias ir badą supratę savo nepavydėtiną dalią, politiniai kaliniai nugalėjo administracijos pagalbininką („pridurką“), kriminalinį elementą ir išsiaugino naują visuomenę, kuri bent jau rėmėsi humanizmo idėjomis ir sudarė prielaidas egzistencijai tokiomis sąlygomis, kurios buvo sąlygotos sovietų įstatymų, suprantant, kad galima išgyventi tik vienam palaikant visus ir visiems vieną. Reikėjo bendromis jėgomis spręsti savo likimą, nebepasikliaujant engėjais. Prireikus buvo galimybė panaudoti ekonominį gamybos svertą, būnant pagrindiniais šios ekonomikos kūrėjais. Šiai visuomenei pasaulio istorijoje analogų nebuvo – tai kalinių dvasiniai laisvieji miestai ar respublikos su visomis kalinių žinybomis, atitinkančiomis lagerio savivaldą, kaip, pavyzdžiui, savisaugos, maitinimosi, kultūros, nerašyta teisine jurisdikcija ir ryšiais su kitais lageriais bei gyvenančiais laisvėje. Dažnai priminė valstybes valstybėje.

Sukilimams buvo ruošiamasi iš anksto, bet iki 1955 metų juos sukeldavo nenumatytos priežastys: ypač agresyvūs čekistų veiksmai, tyčiojimasis ar net smurtinės mirtys. Rengiant sukilimus nebuvo vieningos idėjų visumos ir vienareikšmės masių nuomonės. Be to, visuomet buvo abejojančių, išgąsdintų ir dvasiškai sužlugdytų, beje, buvo ir aktyvių slaptų priešininkų. Tačiau didžiausią žalą darė čekistų užverbuotieji – negalėdami išaiškinti sukilimų rengėjų, bandė jų idėjas pavaizduoti provokatoriškomis, kad atbaidytų aktyvesniąsias kalinių mases.

Sukilėliams reikėjo laviruoti pasinaudojant totalitariniais sovietų įstatymais, įsiterpiant į jų ekonomikos plyšius taip, kad nereikėtų atvirai stoti prieš dar labai tvirtą monolitinę sovietinę sistemą, t.y. veikti sovietinių įstatymų ribose.

Po Stalino mirties politinių (su ekonominiu atspalviu) sukilimų svarba dar mažai ištirta ir pagrįsta. Jie buvo ne tik šiame

laikotarpyje pirmieji, bet ir masiškumu lenkė visus iki tol buvusius. Tokie iš eilės treji metai (1953, 1954, 1955). Galima drąsiai sakyti, kad per šiuos metus streikavo apie 200 000 kalinių. Žmonės protestavo prieš tautų ir asmens genocidą. Šie sukilimai, protesto streikai ir nepaklusnumas sovietams įrodė, kad galima kovoti su totalitarizmu ir be ginklų, legaliai kolektyvinių protestų metodu. Tik šią kovą turėjo palaikyti masės, kurios, atmetusios keturiasdešimt metų jas kausčiusią baimę, sugebėjo įžiebti tokius pasipriešinimus kaip kad Lietuvoje ir Lenkijoje. Šiam tikslui reikėjo agitatorių, propagandistų, reikėjo ir aukų, kad pažadintų „snaudžiančias" žmonių dvasines galias. Didžiausios pagarbos turėtų susilaukti šių sukilimų vadovai ir jų vykdytojai, kurie, negailėdami savęs, savo ateities, savo gyvybės, atsisakę asmeninės gerovės, skiepijo jaunoms kartoms dvasinį tvirtumą, drąsą ir kitas žmogiškąsias vertybes. Tai buvo kažkas panašaus į pirmuosius krikščionis senosios Romos laikais. Lageriuose sukilėliai, streikininkai, protestuotojai ir kiti tvirtos valios bei humanistinių idėjų vedami žmonės dirbo laisvės labui, nebijodami kulkų, kankinimų ir teismų nuosprendžių sušaudant, tvirtino kalinių valstybes valstybėje, suduodami stiprius smūgius vergų imperijos sistemai. Be viso to, grįžę iš lagerių šie dvasios milžinai diegė laisvės idėjas tikros laisvės ieškantiems ir trokštantiems maištingos dvasios žmonėms, pasidalydami lagerių protestuose įgyta praktika, ir galų gale pasiekė pergalę – blogio imperija subyrėjo.

Edvardas Svilainis

1955 M. STREIKAS VORKUTOS 40-OJOJE ŠACHTOJE

1954 metais Intoje, jau po tunelio kasimo bandant pabėgti iš pirmosios šachtos, po tardymų ir t.t., nesugebėję sudaryti bylos, mane – t.y. Edvardą Svilainį-Dulkę ir Joną Valaitį-Viesulą iš kalėjimo atvežė į 2-ąjį lagerį. Drauge su mumis buvo gabenama grupė įtariamųjų: Balys Sadauskas-Naras, Juozas Kliučinskas, Juozas Eidukevičius-Dzūkas bei kiti. Vienas iš tunelį kasusiųjų – Algis Šidlauskas – buvo paliktas Intos 1-ajame lageryje. Taigi, 1954 m. pabaigoje atsidūrėme Vorkutoje. Patekome į vagių lagerio „peresylką“. Vagys zonoje gyveno laisvai, o visi kiti – spygliuota viela aptvertuose barakuose. Praėjus porai savaičių, buvome išvežti į darbo lagerius. Aš, Balys Sadauskas, Juozas Kliučinskas, Juozas Eidukevičius ir dar keletas intiškių patekome į 40-osios šachtos lagerį. Greitai susipažinome su lagerio gyventojais ir įsitraukėme į šio lagerio kasdienybę. Aš buvau atsisakęs dirbti dar Intos šachtoje; savo atsisakymą pakartojau ir čia. Padedant vietiniams kaliniams, pavyko įsitaisyti dirbti šlako blokų (plytų) gamyklos teritorijoje pas lietuvį skulptorių ir geologą Praną Baneliūną, kuris ten turėjo savo dirbtuvę. Tapau jo padėjėju ir darbininku. Liejome iš gipso įvairias statulas, karnizus, vykdėme gipso darbų užsakymus. Užsakovų buvo ir gyvenančių laisvėje! Taigi, toks buvo mano darbas ir gyvenimas 40-osios šachtos („Milijonkės“) lageryje, kuriame kalėjo daugiau kaip 6 tūkstančiai įvairiausių tautybių ir pažiūrų žmonių. Daugiausia ukrainiečių, lietuvių, latvių, estų. Dar prieš atvežant mus iš Intos, čia jau ruoštasi 1955 m. visuotiniam

Vorkutos lagerių streikui. Tiesa, jis tuomet vadintas sukilimu. Koordinacinis komitetas buvo 62-jame baudžiamajame lageryje, kadangi jame buvo visos Vorkutos lagerių atstovų, ir palaikė ryšius su visais lageriais – taigi, ir su mūsų 40-ąja šachta. Įsijungęs į šios šachtos lagerio organizacinę grupę, aš pradėjau susirašinėti su 62-jo baudžiamojo lagerio Organizacinio komiteto nariais: Jonu Valaičiu, Edvardu Buroku ir Ignu Uogintu. Pasirašinėjau Dulkės slapyvardžiu. Pirmiausiai reikėjo suderinti visų streikuosiančiųjų Vorkutos lagerių reikalavimus bei streiko organizacinius ypatumus pagal vieno ar kito lagerio konkrečią padėtį. Toliau reikėjo suderinti streiko paskelbimo pradžią. Tolesnė streiko eiga jau priklausė nuo kiekvieno lagerio aktyvistų ir administracijos agresyvumo – na, ir nuo sėkmės, kuri mus lydėjo. Reikėjo lageryje išlaikyti tvarką, apsisaugoti nuo galimų provokacijų: gaisro ir įvairiausių išsišokimų, kad administracija neišprovokuotų įsibrovimo į zoną dėl netvarkos, gaisro ar kitų priežasčių...

1955 m. liepos viduryje prasidėjo Vorkutos lagerių visuotinis streikas. Apie jo pradžią žinojo tik tie, kam reikėjo ir tiek, kiek reikėjo žinoti. Sudarytos veikiančios grupės. Pirmoji turėjo užimti štabo baraką netoli „vachtos“ (vartų su sargybos postu). Ten buvo radijo stotis, perduodanti lageriui visus čekistų įsakymus: rytą – „podjom“ – keltis ir į darbą, vakare – „otboj“ – miegoti. Kitos grupės paskirtis - sudrausminti nepaklusniuosius, kurie nevykdė mūsų nurodymų. Saugantis galimų provokacijų, buvo budima zonoje ir barakuose. Visos vidaus tarnybos – virtuvė, kepykla, maisto paskirstymo ir ligoninės aprūpinimo skyriai dirbo normaliai. Laisvas gydytojas lankė ligonius. Visa tai vyko darniai, kadangi vakarų ukrainiečiai ir lietuviai buvo gerai suderinę savo veiksmus.

1955 metų vieną liepos ankstų rytą visi buvome savo

vietose. Pirmoji grupė užėmė radijo stotį ir pranešė visam lageriui, kad skelbiamas visuotinis Vorkutos lagerių streikas, kuriame dalyvaujame ir mes – 40-osios šachtos kaliniai. Pareiškėme, jog į darbą neisime tol, kol nesulauksime komisijos iš Maskvos. Trumpai išdėstėme reikalavimus ir paraginome visus laikytis ramiai, nepasiduoti galimoms provokacijoms ir t.t.

Mūsų grupė drauge su ukrainiečiais budėjo prie vartų („vachtos“). Uždavinys buvo sudrausminti nepaklusniuosius. Tokių nors ir nedaug, bet atsirado. Juos teko priversti grįžti į barakus. Tuo metu keitėsi prižiūrėtojų pamainos, ir jie išgirdo per radiją perduodamą mūsų pranešimą. Išgirdę puolė į štabo baraką, bet buvo jau vėlu. Viskas sustojo, lageris streikavo. Prižiūrėtojus perspėjome, kad į zoną nieko neleidžiame, išskyrus laisvą gydytoją. Paaiškinome jiems, jog paskelbėme streiką ir reikalaujame, kad atvyktų komisija iš Maskvos. Su vietine lagerio vadovybe derybų pareiškėme nevesią.

Šiaip vyko normalus lagerio gyvenimas, tik niekas nėjo į darbą. Laikėmės tvirtai, nors visus buvo apėmusi nervinė įtampa ir kankino nežinomybė. Iš atminties dar nebuvo išdilę 1953 metų įvykiai, nusinešę daugybę aukų. Tada vietos čekistams pavyko išprovokuoti riaušes ir sukurti pretekstą įsikišti ginkluotai kariuomenei. Tačiau dabar to nebuvo. Į lagerio zoną niekas nesiveržė. Tik kartą lagerio viršininkas ir „operas“ (operatyvinis darbuotojas) prie vartų bandė įkalbinėti kalinius, kad eitų į darbą, bet vėliau ir tie dingo ir daugiau nesirodė. Aplink lagerį sustiprino sargybą. Bokšteliuose budėjo po du sargybinius su kulkosvaidžiais. Tuo laiku šiaurėje nakties nebūna, dienos karštos. Atlaikę pirmąjį sukrėtimą, žmonės kepinosi prieš saulutę ir laukė, kuo viskas baigsis. Tiktai mūsų nematomas organizacinis centras koregavo viso lagerio gyvenimo tvarką. Viduje didesnių sukrėtimų neįvyko, tik šimtasiūlę kažkas buvo uždegęs. Tiesą

sakant, stambesnę provokaciją nebuvo lengva surengti: visą parą šviesu, visur žmonės... Gal po savaitės mūsų ramybę pamėgino sudrumsti lagerio administracija. Vandens siurblinė buvo už zonos, tad ji pabandė nutraukti vandens tiekimą. Be vandens lageryje liko apie 6000 žmonių, ir dar ligoninė... Žmonėms reikėjo gamintis maistą, virinti vandenį („kipiatoką“) gėrimui ir t.t., ir t.t. Ne juokai. Nutarėme kasti duobę ir rinkti vandenį. Bet čia mus išgelbėjo vyr. gydytojas. Jis užprotestavo tokius administracijos veiksmus dėl galimos epidemijos. Tada vandenį ėmė tiekti. Praėjus kelioms dienoms po šio incidento, iš Maskvos atvažiavo komisija – gal penki ar šeši „ponai“. Su jais į zoną atėjo lagerio viršininkas ir „operas“. Prie vartų pastatėme stalą, uždengėme švaria staltiese. Iš viso lagerio surinkome kėdes, taburetes, suolus. Susirinkome visi. Kalbėjo vienas visų vardu. Pirmas reikalavimas – įvykdyti 1953 metų sukilimo reikalavimus, t.y. peržiūrėti bylas, leisti į darbą be sargybos, sušvelninti vidaus tvarką (lagerio režimą) ir neieškoti streiko organizatorių. Komisija lengvai su viskuo sutiko ir pažadėjo nedelsiant pradėti vykdyti įsipareigojimus. Po pusantros savaitės „poilsio“ visas lageris pradėjo darbą. Iš tiesų lageryje tapo juntamai laisviau. Daugelį kalinių išleido dirbti be sargybos, kai kas net įsitaisė gyventi už lagerio. Taip kokį mėnesį pagyvenome ir mes. Bet po to mus – streiko aktyvistus – surinko ir nugabeno į 62-ąjį baudžiamąjį lagerį. Nukirpo plaukus, ir vėl tapome senojo režimo kaliniais. Be to, čekistai šalia esančios 8-osios šachtos lageryje išprovokavo politinių kalinių ir kriminalistų skerdynes. Su lagerio administracija kilo incidentas, kurio metu nukirpome plaukus lagerio režimo viršininkui ir paskelbėme trijų dienų gedulą. Iškėlėme ant vandens siurblinės juodą vėliavą (juodo čiužinio impilą) ir tris paras neįsileidome į zoną valdžios. 62-asis lageris yra Vorkutos miesto ribose, todėl čekistai nedrįso

imtis jokios prievartos. Tik sustiprino sargybą ir po trijų dienų paskelbė viso lagerio etapą. Per dieną jam buvome paruošti, o vakare jau sėdėjome gyvuliniuose vagonuose, tempiamuose į tolimą kelionę per Uralą, Krasnojarską į Irkutsko sritį, Taišeto rajoną. Atvykome į Ozerlago karaliją... Mus išlaipino Vycharevkos stotyje ir nuvarė į galutinę gyvenvietę miškuose (taigoje), buvusius japonų belaisvių lagerius, ties Andziobos stotimi. Čia praleidome visą 1955–1956 metų žiemą. Į darbą niekur nevarė, tik išvesdavo į taigą malkų lagerio reikmėms pargabenti.

1956 metais iš Maskvos po visus sovietų lagerius pradėjo važinėti komisijos ir „dosniai“ dalyti – kam laisvę, kam trumpesnį bausmės laiką. Atėjo didysis „tautų kraustymosi“ laikotarpis: paleistieji skubėjo namo, likusieji buvo renkami į Mordovijos ir kitus specialius koncentracijos lagerius. Tada atrodė, kad sudrebėjo komunistinės Rusijos pamatai ir baigiasi didžiojo sovietų GULAG'o galybė...

1955 m. Vorkutos visuotinio streiko organizacinio komiteto narius iš 62-jo baudžiamojo lagerio perkėlė į Gorkio, Vladimiro ir kitus SSRS kalėjimus. Likusius lageryje, tarp jų ir mane, kaip jau minėjau, vėliau išgabeno Sibiran – į Taišeto rajoną. Aplinkui buvo vien MGB tarnautojų ir lagerių sargybos gyvenvietės. Su vietiniais lageriais ryšių neturėjome. Dirbti atsisakėme. Tačiau ir čia galiausiai mus pasiekė 1956 m. komisijų rojus: ką paleido, kam sutrumpino bausmės laiką – kaip ir visuose GULAG'o imperijos lageriuose...

Didžiuojuosi streiko organizatorių ir jų bendraminčių ryžtu ir pasiaukojama kova dėl kalinių – ne tik savęs, bet ir visų tuo metu kalėjusių – išsilaisvinimo. Šis judėjimas privertė valdžią sušvelninti režimą, netiesiogiai priartindamas blogio imperijos žlugimą ir Lietuvos valstybės atgimimą.

Edvardas Svilainis

Bronius Zlatkus

NORILSKO SUKILIMO MĮSLĖ

Apžvelgdami 1953 m. vasaros įvykius Norilsko Gorlage, vadovausimės byloje apie VRM Gorlago kalinių masinio nepaklusnumo likvidavimą esančia medžiaga (1-2 tomai, pradėta 1953 m. gegužės 28 d., baigta 1954 m. sausio 20 d.), Norilsko kraštotyros muziejuje sukauptais duomenimis ir to meto įvykių dalyvių prisiminimais.

1952 m. pabaigoje šešiuose Gorlago skyriuose kalėjo per 20 tūkstančių politinių kalinių. Pagal tautybes didžiausią grupę sudarė ukrainiečiai (per 50 %), antri buvo rusai (13 – 15 %), treti lietuviai (per 8 %).

1953 m. vasaros įvykiai Gorlage į istoriją įėjo Norilsko sukilimo pavadinimu, nors sukilėliai ginklų atsisakė ir net nesistengė jų įsigyti. VRM darbuotojų pasiūlymu kalinių veiksmus norėta kvalifikuoti kaip „antitarybinį ginkluotą kontrrevoliucinį sukilimą“. Mes, 1953 m. įvykių dalyviai, vertiname kalinių protestą kaip „dvasios sukilimą“ – aukščiausią nesmurtinio pasipriešinimo nežmoniškai GULAG‘o sistemai apraišką.

1951-1952 m. ypatingo režimo lageriuose formavosi naujo mąstymo kalinių generacija. Atsirado jaunų, maištingų, fiziškai ir dvasiškai nepalūžusių ginkluoto pasipriešinimo ir lagerinių kovų patirtį turinčių kalinių, sąmoningų sovietinės santvarkos priešininkų. Lageriuose formavosi vakarų ukrainiečių, lietuvių ir kitų tautybių kalinių pasipriešinimo branduoliai.

Lietuviai ir vakarų ukrainičiai pagrindiniu uždaviniu laikė ginkluotos rezistencijos tradicijų tęstinumą naujomis sąlygomis, toli už savo Tėvynės ribų. Jų manymu, pagrindiniais po-

litinės kovos metodais turėjo tapti: nepaklusnumas, pasyvumas darbe, ekonominis sabotažas, streikai, sukilimai.

Tai kas gi įvyko 1953 m. Norilsko Gorlage? Ar sukilimas įsiplieskė stichiškai, ar jam buvo gerai pasiruošta? O gal tai buvo ČK provokacija?

Nepaklusnumo atvejų Gorlage būta visą laiką, tačiau su pavieniais, nedidelio masto protestais lagerio administracija susidorodavo nedelsiant ir labai ryžtingai. Šalia lagerių esančiose kapinėse rado prieglobstį ne vienas šimtas kalinių. Tačiau tų neramumų metu nesusidarė ta kritinė masė, iš kurios turėjo susiformuoti vairuojančios jėgos, nebuvo pažadintos prislėgtų kalinių masės. Šis sudėtingas ir daugialypis procesas neįgavo pagreičio.

Esminių permainų įvykiams Gorlage įnešė Karagandos etapas, atvykęs į Norilską 1952 m. rugsėjo 8 d. Jų vaidmuo formuojant ir organizuojant pasipriešinimą lagerio režimui buvo labai reikšmingas. Per trumpą laiką, sujungus senbuvių ir atvykėlių jėgas, pavyko pakeisti patį Gorlago klimatą. A.Solženycino žodžiais tariant, „maišto virusą į Norilską atvežė Karagandos etapas iš Steplago ir Pesčianlago ypatingojo režimo lagerių“. 1952 m., numalšinus bruzdėjimus Karagandos lageriuose, buvo atrinkti patys aktyviausi jų dalyviai. 1200 vyrų buvo atvežti į Norilską „išmirimui“. 500 karagandiečių buvo paskirti į 1-ąjį lagerio skyrių – Medvežką; 400 – į miesto statybas, į 5-tąjį ir 4-tąjį lagerius. Daugumą tarp tų 1200 vyrų sudarė vakarų ukrainiečiai, nacionalinio pasipriešinimo okupantams dalyviai – „banderos“. Be to, buvo apie 70 jaunų, drąsių lietuvių, taip pat aktyvių rusų, kaukaziečių, latvių, estų, Pavolgio vokiečių ir kitų tautybių žmonių. Ukrainiečiams buvo svarbu gauti lietuvių paramą ir drauge atsispirti rusų hegemonijai. Lietuvius ir vakarų ukrainiečius, ypač jaunimą, vienijo

panašūs pasipriešinimo sovietinei okupacijai būdai. Sudaryta Karagandos lageriuose sąjunga Norilsko Gorlage buvo dar labiau sutvirtinta. Suformuotos apsaugos ir kovos grupės rėmė viena kitą.

Kaip formavosi lietuvių pasipriešinimas Gorlage 1952 m. pabaigoje, sujungus esamas senbuvių jėgas su atvykėliais? Buvo sudarytos pogrindinės pasipriešinimo lagerio režimui organizacijos, penketukų principu sukurtos apsaugos-kovos grupės. Vienas iš to penketuko buvo grupės vyresnysis.

Buvo nutarta:

Savavališkai nevykdyti teroro aktų.

Rinkti žinias apie čekistų operatyvinės dalies agentūrinį tinklą – vadinamus „bildukus".

Rinkti žinias apie lagerio administracijos bei jos parankinių iš kalinių tarpo smurtą ir žiaurų elgesį kitų kalinių atžvilgiu.

1952 m. spalio – gruodžio mėnesiais vyko aktyvus apsivalymas nuo nuožmių čekistų parankinių, kaltų dėl likimo draugams padarytų skriaudų, jų suluošinimo bei priešlaikinių mirčių. Daugelis „stukačių", pabūgę vykdomų nuosprendžių, pabėgo iš gyvenamųjų zonų ir ieškojo prieglobsčio pas čekistus. Lagerio administracija prarado kontrolę darbo ir gyvenamose zonose. Likę skundikai, išsigandę vykdomų bausmių, nuščiuvo ir nebeteikė informacijos. Sprendimus dėl nuobaudų priimdavo bendras Pasipriešinimo komitetas, suderinęs tai su tautinių grupių atstovais. Sutarta, kad nuosprendžius vykdo lietuviai lietuviams, ukrainiečiai ukrainiečiams ir t.t. Lietuvių tarpe atsirado tik du išgamos, kurie atsisakė padaryti viešą atgailą ir atsiprašyti likimo brolių.

1953 m. pradžioje pilnai suformuotos lietuvių, ukrainiečių ir rusų karinės pasipriešinimo grupės. Tai ir būtų atsakymas į klausimą – ar buvo pasiruošta lemtingiems 1953 m. vasaros įvykiams?

1952 m. spalio – lapkričio mėnesiais buvo sudarytos šios lietuvių Pasipriešinimo grupės struktūros:

Atstovaujančioji grandis – taryba (komitetas). Palaiko ryšius su kitų tautybių Pasipriešinimo grupėmis, atstovauja lietuviams bendrame lagerio Pasipriešinimo komitete.

Vykdomoji grandis – štabas, sudarytas iš saugos penketukų organizatorių ir vadovų. Vykdo baudžiamąsias operacijas, renka žvalgybos duomenis, organizuoja apsirūpinimą šaltaisiais ginklais. Koordinuoja ir palaiko tamprius ryšius su vakarų ukrainiečių štabu.

Pasipriešinimo grupės branduolį sudarė 25 – 30 drąsių vyrų.

Vėliau sudaryti rezervo penketukai, rėmėjų grupės. Pasipriešinimo grupėse aktyviai dalyvavo apie 100 tautiečių. Sukilimo metu į saugos, sargybos, tvarkos palaikymo būrius įtraukti rezervo penketukai, rėmėjai – iš viso apie 200 vyrų. Sukilimo metu Pasipriešinimo grupė pavadinta „Norilsko Vyčių“ vardu.

Daugelis lietuvių buvo įtraukti į lagerių sukilimo komitetus (Julius Aleknavičius, Algimantas Ruzgys, Juozas Kazlauskas) ir kitas lagerių valdymo struktūras (Benas Balaika, Zenonas Drangis, Bronius Zlatkus). Irena Martinkutė-Smetonienė atstovavo lietuviams 6-ojo lagerio sukilimo komitete.

Atvykusių iš Karagandos lietuvių tarpe buvo daug aktyvių, drąsių vyrų, tokių, kaip Juozas Lukšys, Antanas Vaškevičius, Jonas Šustikas, Kazimieras Vezbergas, Antanas Zinkevičius, Algis Ševelinskas, Vytautas Subačius, Antanas Gailiušis, Petras Gataveckas, Kazys Šalkauskas, Vytautas Kaziulionis ir daugelis kitų. Senbuviai Mikas Misiurevičius, Bronius Ramanauskas, Bronius Zlatkus, Vaclovas Zubkevičius, Česlovas Kavaliauskas, Mindaugas Sudnikas, Justinas Garšva, Vladas Ežerskis, Kajetonas Karčiauskas ir daug kitų labai greitai surado bendrą kalbą su atvykėliais. 3-jame (buvusių katorgininkų) lageryje aktyviai

reiškėsi Zenonas Drongis, Juozas Kazlauskas, Benas Balaika, Zigmas Jocevičius, Vytautas Juodvalkis ir kiti. 2-jame lageryje (Kajerkanas) sukilimo komitetas nebuvo sudarytas, ten veikė pogrindžio organizacija. Iš lietuvių būtų galima išskirti Vytautą Balsį, Petrą Klangauską, Leoną Juodį, Vytautą Makutėną. Gegužės 21 d. į Kajerkano lagerį buvo atkelti peiliais apsiginklavę ypač pavojingi banditai. Įvyko pjautynės, buvo aukų. Banditai pabėgo iš zonos. Lagerininkai neišėjo į darbą, tačiau nepasirūpino zonos apsauga. Gegužės 27 d., nakties metu, kariuomenė apsupo lagerį, prakirpo tvorą ir suėmė 50 ypač aktyvių kalinių lyderių ir išgabeno juos iš zonos.

Po Stalino mirties laukta amnestija politinių kalinių nepalietė, žlugdė jų viltis, ir tai buvo katalizatorius masiniam nepasitenkinimui Gorlage išreikšti.

Operatyvinė ČK dalis ieškojo būdų, kaip atstatyti pašlijusį režimą, susigrąžinti prarastas pozicijas. Numatė įvykių greitinimo planą: vienu metu prižiūrėtojų paliktose zonose išprovokuoti tarp atskirų kalinių grupių kruvinus, kontroliuojamus susirėmimus, taip vadinamą „gaišatį“ („volynką“). Kaliniai žudys vieni kitus, bus išaiškinti Pasipriešinimo lyderiai, aktyvistai, organizatoriai. Juos izoliuos, sugrįš „geri laikai“. 1953 m. gegužės mėn. baudos izoliatoriuose buvo uždaryti specialiai atrinkti kaliniai. Administracijos karininkai ir ČK operatyvinė dalis juos instruktavo, kaip sukelti trumpalaikius, kontroliuojamus susirėmimus tarp supriešintų kalinių grupių. Mes svarstėme esamą padėtį, jautėme artėjančią atomazgą, buvome pasiruošę. Tai atsakymas į klausimą – ar ČK išprovokavo įvykius? O jie klostėsi taip.

1953 m. gegužės 26 d. sargybos viršininkas iš automato apšaudė 5-tojo lagerio gyvenamoje zonoje prie barako stovinčius kalinius. Buvo užmuštų ir sužeistų. Pasipiktinusių kalinių grupė

patraukė į lagerio administracijos pastatą. Karininkai, prižiūrėtojai, civiliai tarnautojai skubiai pasišalino. Tai buvo 1953 m. sukilimo pradžia. Gegužės 27 – birželio 4 d. sukilimo liepsna apėmė visus Gorlago skyrius. Pasipriešinimas iš karto perėmė įvykių kontrolę. Nebuvo chuliganizmo, anarchijos, sąskaitų suvedinėjimo atvejų. Tie stukačiai, kuriems grėsė susidorojimas, buvo patalpinti į baudos izoliatorius ir saugomi mūsų vyrų. Sudaryti sukilimo komitetai perėmė visas lagerio valdymo funkcijas, nors ir neilgam, sudarė „Kalinių respublikas".

Buvo pareikalauta komisijos iš Maskvos, paruošti kalinių reikalavimai: dalis buitinio pobūdžio, kiti politiniai. Vengta kelti reikalavimus, kurie sovietinei sistemai būtų nepriimtini, kategoriški. Stengtasi tilpti į sovietinių įstatymų rėmus. Politinių reikalavimų esmė buvo ta, kad lagerių valdininkai vadovautųsi sovietinėje teisėje esamomis nuostatomis, esama konstitucija. Kad būtų atstatytas teisingumas, peržiūrėtos kalinių bylos, nubausti valdininkai, kalti dėl beprasmio kalinių šaudymo atvejų. 1953 m. birželio 6 d. iš Maskvos atskrido komisija, vadovaujama pulkininko Kuznecovo. Prasidėjo derybos. Buitiniai reikalavimai buvo patenkinti iš karto. Į politinio pobūdžio reikalavimus konkretaus atsakymo nebuvo. Pareikalavo išeiti į darbą. Prasidėjo slopinimo priemonių naudojimas: buvo atskraidintas papildomas kariuomenės kontingentas; panaudotas psichologinis poveikis: įkalbinėjimai, grąsinimai, šaunamųjų ginklų panaudojimas. Kalinių pasipriešinimas – nepaklusnumas 3-jame Gorlago skyriuje – nuslopintas tik rugpjūčio 4 d. Čia ir aukų buvo daugiausiai: 104 užmušti, virš 200 sužeistų. Sukilimas parodė, kad toks GULAGAS, koks buvo prie Stalino, toliau egzistuoti negalėjo. Dar 1953 m. buvo palengvintas režimas. 1953 – 1954 m. iš įkalinimo buvo paleisti žinomi mokslininkai, technikos, ekonomikos specialistai, partiniai funkcionieriai. Su-

kilimuose pralietas kraujas ir aukos nenuėjo veltui. Pranašingos Norilsko kalinių himno eilutės:

Bet iš tamsybių kils šalis ir tautos,
Ir laisvė neužges Norilsko žiburiuos...

1953 m. rugsėjo 27 d. maždaug 1000 aktyvių sukilimo dalyvių grupę išgabeno ir išskirstė po Irkutsko, Kurgano, Magadano sritis, į Kengyrą. Jų tarpe buvome 82 lietuviai. Dalis pateko į Vladimiro kalėjimą, dalis į Kolymoje specialiai paruoštą tuščią nedidelį lagerį „Jubiliejinis“, esantį Ust Utinkoje, dalis į šalia esantį lagerį „Cholodnyj“. Norilske uždegtas „Laisvės deglas“ plačiai įsiliepsnojo. Po įvairių priemonių iš Gorlago skyrių buvo atskirta 2920 kalinių, aktyviai dalyvavusių sukilime.

Bronius Zlatkus
Norilsko sukilimo dalyvis

Edmundas Simanaitis

SUKILIMAI STEPLAGE

GULAG‘o archipelagas – tai realaus sovietinio socializmo sistema, apimanti daugybę prievartinio darbo stovyklų. Derėtų čia vietoj žodžio *stovykla* vartoti terminą *lageris.* Sovietų kaliniams – *zekams* (з/к – заключенный – *rus.* kalinys, zekas – *lagerio žargonas*) ir buvusiai Sovietijos visuomenei įprasti KGB, MVD, MGB, GULAG santrumpos-terminai neverčiami. GULAG‘o sistema veikė iš principo pagal tokias pačias taisykles kaip ir gyvenimas už lagerio spygliatvorių. Okupacijos metais lagerio režimo antspaudai buvo matomi bemaž visose valstybės ir visuomenės gyvenimo srityse. Kita vertus, lagerio režimo būtinoji dalis buvo nuolatinis žmogaus orumo žeminimas ir patyčios. Politiniai kaliniai (PK) tai patirdavo nuolatos tiek lageryje, tiek ir išleisti iš jo.

Po diktatoriaus Stalino mirties visuomenė ir milžiniška jos dalis – zekų nacija – tikėjosi ir laukė teigiamų režimo pokyčių. Lagerio administracijos čekistų savivalė, katorginis darbas, badmiriavimas ir nuolatinis žeminantis elgesys su PK kėlė nepasitenkinimą, provokavo maištus ir sukilimus. GULAG‘as buvo ne tik „liaudies priešų“ naikinimo, vadinto „perauklėjimu“, sistema. Jam buvo skirta ne mažiau svarbi ekonominė funkcija. GULAG‘o ekonomika ištisai rėmėsi neapmokamu vergų darbu.

Represijų mechanizmas veikė be sutrikimų

Sovietijos PK absoliuti dauguma buvo Rusijos demokratinių pažiūrų žmonės, o taip pat Europos ir Azijos okupuotų, prisijungtų kraštų šviesuoliai, patriotai: mokytojai, studentai, visuomeninių organizacijų nariai, politikai, valstybės tarnauto-

jai, dvasiškiai, kariškiai, ūkininkai, pavergtų valstybių laisvės gynėjai – partizanai ir disidentai.

Stalininio režimo sukurtos represinės struktūros išsilaikė per visą sovietmetį. Pagal Kremliaus instrukciją visiems kitamaniams bei prie jų priskirtiems nepatikimiems ar keliantiems įtarimą žmonėms buvo kabinamos etiketės, dažniausiai buožės, buržuazinio nacionalisto, fašisto, išnaudotojo, sabotuotojo, kenkėjo, diversanto ir pan. Visi etiketėmis paženklinti ir kiti rajkomo numatyti planinėms genocido akcijoms gyventojai su šeimomis (išimčių nebuvo nei kūdikiams, nei senoliams) patekdavo į „liaudies priešų" kategoriją. Masinio genocido akcijas, pavyzdžiui, trėmimus planavo Maskva. Planai, kaip įprasta, buvo viršijami. Tuo pačiu buvo palaikomas ir stiprinamas GULAG'o ekonominis potencialas.

Stalinas sugriežtino GULAG'o režimą

Dar 1948 m. Stalino nurodymu buvo pertvarkyta GULAG'o sistema, atskiriant komunistų valdžiai, pasak A.Solženicyno, „socialiai artimus" kriminalinius nusikaltėlius nuo visiškai nepatikimų PK, nubaustų pagal pagarsėjusį okupacinio baudžiamojo kodekso 58-ąjį straipsnį. Pastarieji buvo perkelti į sustiprinto griežto režimo speclagerius katorginiams darbams, dažniausiai spalvotųjų metalų rūdos ar akmens anglies kasyklose, rečiau statybose. Beje, buvo padaryta išimtis tiems PK, kurie buvo bausti už „paprastą propagandą" (str. 58-10), tiesiogiai niekam neadresuotą, su niekuo nesupintą. Jie buvo paliekami bendruose lageriuose kartu su kriminaliniais nusikaltėliais. Tačiau PK – sovietų pavergtų šalių piliečiai – laisvės gynėjai, partizanai, okupacinio teismo nuteisti už tai, kad gindami savo tėvynės laisvę, „išdavė sovietinę rodiną" (58-1a, 1b; *rodina rus.* – tėvynė), buvo visi be išimties buvo suvaryti į sugriežtinto režimo speclagerius. Kazachstano Kengyro ir Žezkazgano gyvenvietėse 1948 m. vasario 28d. buvo įkurtas „Stepių lageris" (Степлаг, Особый лагерь

№4). Pradžiai panaudotos karo belaisviams skirto MVD Spasozavodsko lagerio patalpos.

Lagerio valdžiai nepavyksta supjudyti

Diktatoriui mirus politiniai kaliniai vylėsi sulauksią režimo sušvelninimų. Deja, įvykiai rutuliojosi ne ta kryptimi. Sargyba nušovė merginą Lydą, sužeidė kiną; įvykiai rūdos sodrinimo fabrike, kai buvo sužeista 16 žmonių, įkaitino atmosferą. Sadistinių polinkių turinčio čekisto kpt. Bieliajev elgesys kėlė pasipiktinimą. Kengyro lagerio 3 lagpunktas tris dienas nėjo į darbą. Buvo reikalaujama komisijos iš Maskvos. Derybos vyko su pertraukomis. Lagerio administracija dalį kalinių perkėlė į uždarus kalėjimus. Neramumai nesiliovė. Tada GULAG'o vyresnybė ryžosi panaudoti seną jau ne kartą patikrintą metodą.

Sovietų valdžia ir GULAG'o administracija laikėsi nuostatos – politiniai kaliniai „liaudies priešai" ir su jais terliotis neverta. Vagys ir kiti kriminaliniai nusikaltėliai buvo laikomi „socialiai artimu" ir patikimu kontingentu. Į sukilusio lagerio 3 lagpunktą atvežė 650 vagių ir panašių kriminalistų. Tikėtasi, kad urkos, t.y. „tikrieji vagys" pagal nerašytą vagių įstatytmą su savo pagalbininkais šėšakėmis (šestiorki - *rus.*) sukels skerdynes, o NKVD tik to ir tereikia, kad imtųsi „teisėtai" smurtu atkurti tvarką. Administracija neslėpė, kad atvyko „sveikas kontingentas". Tai buvo tarsi įspėjimas visam „58-ajam straipsniui."

Tačiau sukilėliai galvos nepametė. Keletas iš PK žvalių vyrų šnektelėjo su vagių lyderiais. Buvo tiesmukai paaiškinta, kad politinių kalinių yra keturis kartus daugiau, nei atvykėlių, o barakuose išplėštos visos grotos, o iš jų prisigaminta peilių, durklų, durtuvų ir net kardų. Vagys susiprotėjo, kad su „58-uoju straipsniu" reikia elgtis pagarbiai ir nutarė su „mužikais" būti kartu, nekonfliktuojant.

Pirmosios čekistų teroro aukos

Gegužės 17-18 d. apie 400 PK išardę lagpunktus skiriančias tvoras suplūdo į ūkio kiemą ir moterų zoną. O paryčiu į moterų zoną įžengė kareiviai – baudėjai. Juos pasitiko sukilėliai vyrai ir moterys. Kareiviai iš brandspoitų ėmė laistyti minią ir šaudyti. Buvo nukauta 18 PK, sužeista – 70. Lagerio administracija per radiją reikalavo, kad vyrai išeitų iš moterų zonos. Buvo grasinama ir žadama paklususius nebausti. Sukilėliai neišsigando. 3200 PK neišėjo į darbą, kontroliavo zoną, išlaisvino 252 kalinius iš tardymo izoliatoriaus.

K.Kuznecov PK vardu reikalavo iškviesti vyriausybinę komisiją, o iš kalinių – nutraukti antisovietinę ir nacionalistinę agitaciją, pašalinti ekstremistinius šūkius. Daugelis zekų suprato, kad jeigu diktatorius dar būtų buvęs gyvas, aukas tektų skaičiuoti tūkstančiais. Sukilėliai neišsigando ir tikėjosi, kad jų balsas gali būti išgirstas.

Gegužės 19 d. sukilėliai sudarė derybų su administracija ir valdžios atstovais komisiją iš šešių žmonių, po du iš kiekvieno lagpunkto.

PK derybų komisijos nariai

Plk. **Kapiton Kuznecov** (1913 -1991?), Antrojo pasaulinio karo (APK) dalyvis, 1942 m. buvo patekęs į vokiečių nelaisvę, o 1948 m. nuteistas 25 m. lagerio. Sukilimui prasidėjus jam atėjo iš Maskvos pranešimas apie reabilitaciją. Nėra aišku, ar tai atsitiktinis sutapimas, ar KGB manevras išvilioti sukilimo vadovą iš lagerio zonos? K.Kuznecovą visą laiką lydėjo du petingi ukrainiečiai – peiliais ginkluoti asmens sargybiniai. Kai kurie informacijos šaltiniai pateikia prieštaringų K.Kuznecov’o biografijos žinių. Šiuo atveju palikta A.Solženicyno versija.

Aleksej Makejev (1913-1976) , geografijos mokytojas, APK dalyvis. Teistas už antisovietinę agitaciją 1941, 1942, 1947 metais.

Vladimir Batojan, APK dalyvis, invalidas, ukrainiečių reikalavimu atleistas iš komisijos sudėties 1954 birželį.

Marija Šimanskaja (1904-?), ekonomistė, nuteista 1936 m. už trockistinę veiklą 5 m. lagerio, 1950 m. – už antisovietinę agitaciją 10 m. lagerio, vadovavo tiekimo grupei.

Liubov Beršadskaja (1916-?), 1960 m. Maskvoje rūpinosi žydų emigracijos reikalais. Ukrainiečių ir lietuvių reikalavimu 1954 birželį buvo atleista iš komisijos. 1970 m. emigravo iš SSRS.

Birželį komisija buvo papildyta

Engels Slučenkov, lagerio slapyvardis „Gleb“ (1924-1956), APK dalyvis, karo belaisvis, Rusų laisvės armijos karininkas, teistas 1945,1948, 1952 metais. Vadovavo sukilėlių saugumo tarnybai. Derybose laikėsi nuoseklios bekompromisinės pozicijos.

Jurij Knopmus (1915-?), vokietis, teistas 1945, 1951m. Dalyvavo Gorlago maište 1948m. Vadovavo sukilėlių propagandos skyriui. Jo žinioje buvo radijo mazgas, agitatoriai su ruporais, proklamacijų platintojai ir keturi dvasiškiai. Buvo leidžiami oro balionai su kalinių kreipimuisi į CK KPSS. Kai kuriuose šaltiniuose J.Knopmus pateikiamas kaip rusas, kituose – kaip lietuvis Knopkus. Matyt, Kengyro sukilimo istorija dar laukia tyrėjų pastangų.

Gerša Keller, slapyvardis „Žydas“ (1924-?), žydas, ukrainiečių partizanas, kovojęs prieš nacius ir sovietus, teistas 1944, 1948, 1950 metais. Buvo Sukilimo slaptojo centro (SSC) vienas iš lyderių, vadovavo kariniam skyriui. Buvo suformuoti daugiausia iš ukrainiečių, lietuvių ir čečėnų smogiamieji būriai, sargybos tarnyba, savigynos būriai pagal gyvenamus sektorius. Rūpinosi barikadų rengimu, šaltųjų ginklų – peilių, durklų, durtuvų gamyba.

Artavazd Avakian (1917-?), armėnas, Jerevano pedago-

ginio instituto dėstytojas, 1949 m. nuteistas už „trockistinę veiklą“ 25 metams lagerio. Vadovavo sanitarijos grupei.

Anna Michailevič (1925), ukrainietė, Ukrainiečių nacionalistų organizacijos (OUN) narė, nuteista 20 metų katorgos.

Lidija Suprun (1904-1954, birželio 26 d. šturmo metu buvo sužeista ir mirė), ukrainietė, mokytoja, OUN narė, 1945 m. nuteista 15 metų lagerio.

Emeljan Suničuk (?), dvasiškis, ukrainiečių reikalavimu pakeitęs V. Batojaną. Spėjama jį priklausius Ukrainiečių sukilėlių armijai (UPA). Buvo SSC narys.

Juozas Kondratas, lietuvis, juristas, SSC narys, tyręs lagerio administracijos nusikaltimus, dalyvęs visuose V.Kuznecovo pokalbiuose su PK, derybose su lagerio administracija.

Sukilimo komisija tuojau pat pasiskirstė pareigomis, specializavosi ir darniai dirbo.

Sukilimo vadovai nebuvo naivūs

Sukilimui vadovavo sovietų kariškis plk. Kapiton Kuznecov. Jis sukilimui suteikė deramą, tačiau sovietinio režimo sąlygomis absoliučiai neįsivaizduojamą iki šiol zekų tautos organizuoto politinio protesto pobūdį. Pagal sovietinių politrukų ir agitatorių standartinę mąstyseną taip sukilti ir protestuoti gali tik fabrikantų, buožių ir kapitalistų eksploatuojama skurstanti ir badaujanti liaudis, kuriai būtinai ir be išimčių vadovauja komunistai, žinantys tiesiausią ir trumpiausią kelią į šviesų visos žmonijos rytojų – komunizmą.

GULAG‘o vyresnybę, sovietinius generolus Kremliuje ir vietoje labiausiai stebino pasmerktųjų ir paniekintųjų apšauktųjų „liaudies priešais“ gebėjimas reikšti aiškiai formuluojamus politinius, kultūrinius, ekonominius ir socialinius reikalavi-

mus. Tiesą pasakius, sukilimo vadovai nebuvo naivūs ir nesitikėjo, kad reikalavimai gali būti patenkinti visa apimtimi, tačiau Rubikoną peržengus beliko laukti lagerio valdžios atsakomųjų veiksmų. Jau tada nušvito siaurutė properša galimos demokratijos apraiškų sovietų imperijoje. Zekų tautą vienijo bukaprotiška prievarta, patyčios, nežmoniškas elgesys su numeruotąja sovietų visuomenės dalimi ir teroras. Sukilusieji tikėjosi, kad sušvelnės lagerio režimas, kad bus atkreiptas dėmesys į žmogaus teisių pažeidimus abiejose lagerio užtvarų pusėse.

Stebėtinai aktyvi komisijos veikla

Manoma, kad patys tikrieji sukilimo organizatoriai į Komisiją nebuvo įtraukti. Aktyviai veikė PK centrai pagal tautybę. Komisija dirbo atvirai ir posėdžiaudavo moterų lagpunkto kanceliarijoje, o karinis skyrius buvo įsikūręs 2-ojo lagpunkto pirtyje.

Pirmosios veiklos dienos buvo ypač aktyvios, nes reikėjo viską aptarti, sumanyti ir pradėti veikti. Brigados liko neišardytos, bet vadinosi dabar būriais. Visose pavojingose vietose budėjo piketai, kurie nakčiai buvo sustiprinami. Piketai keisdavosi pagal grafiką. Beje, piketai buvo mišrūs. Psichologai teigia, kad moterų akivaizdoje vyrai elgiasi atsakingiau. Beje, buvo nepagrįstai, net naiviai tikimasi, kad kareiviai ir net čekistai moterų nemuš, nespardys, nešaudys, netraiškys tankų vikšrais. Deja, tikrovė buvo kitokia.

Sukilėliai sukūrė savo vėliavą: baltame lauke, apvestame juoda juosta, raudonas kryžius. Tokia vėliava bylojo: „Mus ištiko nelaimė. Pavojuje moterys ir vaikai“.

Technikos skyriaus nariai buvo išradingi. Kai čekistai nutraukė elektros tiekimą, jie sukonstravo iš vandentiekio čiaupo paleistu vandeniu sukamą hidroturbiną, o iš variklio padarė generatorių. Užteko elektros energijos ryšių tinklui, ra-

dijui ir štabo apšvietimui. Barakų patalpose pasišviesdavo balanomis.

PK maitinimas taip pat nesutriko. Maisto normos buvo paliktos tokios pačios. Generolai nusivylė nesulaukę kriminalistų išpuolio. Tiesos samprata buvo skirtinga. Vienu atžvilgiu PK ir čekistų nuomonės sutapo: ir vieni ir kiti kol kas vengė vartoti žodžius: sukilimas, maištas, revoliucija. Lageryje buvo pupuliarus žodis – *sabantuj* (saban – žagrė, tuj – šventė, tiurk), kuris reiškė gyvą, šventišką sueigą. Sabantujus tęsėsi.

Derybos tęsiasi – rezultatų nėra

Gegužės 20 į Kengyrą atvyko GULAG'o viršininko pavaduotojas Bočkov ir SSRS prokuratūros atstovas Samsonov ir Kazachijos SSR vidaus reikalų ministras.

Buvo tariamasi, kokiomis sąlygomis nutraukti nepaklusnumą lagerio administracijai ir atnaujinti darbą. PK komisija kėlė savo reikalavimus: administracijos pareigūnams į lagerio zoną nevaikščioti, ištirti PK žudynes, nubausti kaltininkus, atšaukti PK numeraciją. Kaliniai buvo numeruojami. Ant švarko ar striukės tekdavo išpjauti tris skyles ir ant jų užsiūti numerį, dažais užrašytą ant balto raiščio. Tai buvo įprastinis stalininis „liaudies priešo“ paniekinimas, išjuokimas ir drauge priemonė atgrasinti bėglius. Pabėgėlis nuplėšęs numerį vis tiek lieka paženklintas. Tokie numeriai būdavo prisiuvami ant: krūtinės, nugaros, kairės rankovės, dešinės kelnių kiškos virš kelio ir ant kepurės iš priekio.

Derybos tęsėsi.

Tankai ir aviacija užviršuoja sukilimą

Generolai įsitikino, kad atvežtieji vagys jau nesukels pjautynių ir neduos rimtos dingsties pradėti neva teisėtą malšinimą.

Tada į Kengyrą atvyko iš Kuibyševo ypatingos paskirties pulkas. Baudėjų snaiperiai nušovė ant barakų stogų budėjusius PK žvalgus. Gyvenvietėje pasirodė daug traktorių, kurie nustojo griaudėti birželio 24 d. Naktį virš lagerio buvo pakabintos parašiutinės lempos. Birželio 25-osios rytą pasigirdo patrankų šūviai ir skutamuoju skridimu virš lagerio praskrido koviniai lėktuvai. Jie turėjo sukelti PK paniką. Per tvoros pralaužas į lagerio teritoriją įžlegėjo tankai, šaudydami tuščiais šoviniais ir vikšrais traiškydami zekus vyrus ir moteris. Paskui tankus įžengė kareiviai. Jie šaudė koviniais šoviniais. Daugiau nei septyni šimtai aukų buvo užkasti stepėje, dalis zonos pakraštyje.

1955 m. rugpjūčio 8 d. Kazachijos SSR Aukščiausiasis Teismas nuteisė mirti du aktyviausius sukilimo vadovus K.Kuznecovą ir E.Slučenkovą. Pirmajam mirties bausmė buvo pakeista 25 metais lagerio, o 1960 m. kovo 12d. jis buvo reabilituotas. E.Slučenkov'as buvo sušaudytas 1956 m. rugsėjo 12 d.

Maištas Žezkazgano lageryje

Kengyro sukilimas išjudino ir Žezkazgano lagerio zekus. Solidarumo jausmo skatinami taip pat organizavosi būriai vidaus tvarkai palaikyti. Visas lageris jau savaitė laiko nėjo į darbus. Kiekvieną dieną vyko audringi mitingai, palaikantys kengyriečius. Streikas neperaugo į sukilimą. Ir šaltų ginklų čia neturėta. Tankai, atlikę kruviną niekšišką darbą Kengyre, atžlegėjo į Žezkazganą ir apvažiavo kelis kartus visą lagerį. Tai buvo įspėjimas – žinokite, kas ir jūsų laukia. Vietiniai PK vadovai, jau žinodami Kengyro tragedijos baigtį, apsvarstę pasikeitusią padėtį, priėmė sprendimą – rytojaus dieną išeiti į darbą.

Edmundas Simanaitis
Jonava, 2010 vasario 1 d.

Antano Gabužio liudijimai

-1-

1949 m. 12 mėn. buvau etapuotas į Ekibastuz (spec. režimo lagerį), kur buvo apie 6,5 tūkst. politkalinių. Čia gavau (vietoje pavardės) Nr СЦ-509. Gyvenimo sąlygos buvo ypatingai sunkios, dirbdavome po 12–14 val. Maistas blogas, režimas ypatingai sunkus – nežmoniškas. Barakai užrakinami 10 val. vakaro, 6 val. ryto atrakinami. Laiškai į namus galima buvo rašyti du, tiek pat ir gauti, jei gauni daugiau, tai cenzūra sunaikina.

Aš nuvežtas į Ekibastuz pradėjau organizuoti lietuvių pasipriešinimo pogrindžio grupę, kur greitai išaugo į organizaciją, mano pirmoji ranka buvo Antanas Vaškaka, dabar gyvena Jonavoje, Sodžio g. 3. Vladas Šiurna, Vladas Sabečius – žuvęs Norilsko sukilime. Jonas Vyšniauskas – gyvenantis Klaipėdoje. Gasparas Rupinis gyv. Šiaulių r. Palaikėme glaudžius ryšius su vakarų ukrainiečiais bei latviais. Bausdavome tiktai savo tautiečius už prožangą, padarius nusikaltimą prieš mūsų organizaciją.

1952.01.23 Ekibastuze grįžtant iš darbo prižiūrėtojai ir konvojus sumušė ukrainietį. Sugrįžę į zoną išvarėme prižiūrė-

-2-

tojus ir paleidome BUR-ą ir nubaudome kalinius „sukas" ir vagius", kurie mus terorizavo ir atimdavo kas tik būdavo geresnio.

Į zoną buvo įvesti ginkluoti kareiviai ir pradėjo šaudyti į kalinius ir suvarinėti į barakus, mes priešinomės turėdami kas ką, geležinius strypus ir akmenis. Per susirėmimą žuvo 8 kaliniai. Jankauskas iš Kauno buvo sužeistas į koją. Mane tą pačią naktį uždarė į BUR-ą, kartu su S. Kuprionu, V. Subačiu ir Z. Bremanu. Tardymas buvo sunkus, nes operatyviniai darbuotojai padedant kaliniams „stukačiams" (buvo informuoti apie mūsų veiklą). Mus mušė ir įvairiais būdais kankino, kad išduotume savo organizacijos narius, bei vadus, kurie organizavo sukilimą. Bet mes išsilaikėme ir nieko neišdavėme.

1952 07 22 buvome išvežti į Karagandą-Maikaduką, kur yra persiuntimo zona ir uždaryti į BUR-ą, visi Ekibastuze dalyvavę sukilime.

1952 08 10 apie 1500 politkalinių, buvome etapuoti į Krasnojarską ir po kelių dienų etapuoti į Dudinką – Taimyro pusiasalį. 1952 08 31 nuvežti į Norilską „Gorlaga" 5 lagerio punktą. Nuvykus (nuvežtus) į Norilsko 5 lag. punktą pradėjau kurti ir atnaujinti lietuvių lagerio pogrindžio organizaciją.

– 3 –

Darbas sekėsi gerai, nes turėjau patirtį ir
laike 2–3 mėn. lietuvių grupėje turėjau
apie 180 vyrų.

1953 05 24 prasidėjo didysis Norilsko „Gorlago" sukilimas (5 lag. punkte buvo
apie 5000 politinių kalinių) lietuvių buvo
apie 800. Siaubingas ir žiaurus buvo susidorojimas be pasigailėjimo, buvo šaudoma į žmones. Tai buvo birželio naktį iš 28 į 29 dienos naktį apie 3 val. Žuvo apie 36 žmonės, ir labai
daug buvo sužeistų. Man teko būti (vadovauti) pirmoje susipriešinimo linijoje (prie sandėlių) kartu su V. Šubačiu, S. Kajoku, V. Kazimkoniu, A. Volongevičium. V. Šubačius buvo nušautas iš karto, krisdamas prispaudė mane
ir aš permirkau jo krauju!

Vienas epizodas iš sukilimo momento
1953 06 16, barake, kuris buvo prie vachtos (jis
buvo dviejų aukštų) ant kurio buvo iškelta
sukilimo vėliava. Kareiviai snaiperiai sušaudė vėliavos kotą. Vėliava nulinko, reikėjo pakeisti naują kotą. Aš kartu su V. Kazimkoniu
ir V. Šubačiu iškelėm vėliavą naujai, nebijodami, kad į mus šaudė kareiviai.

Po žudynių buvome žiauriai sumušti ir
pakeltomis rankomis išvaryti į stepę, už miesto apie 3 km. Išvarė apie 65 žmones. Kareiviai
pranašavo, kad mumis visus sušaudys.

– 4 –

B. Zlatkui tiriant medžiagą apie Noriļsko sukilimą, rasta dokumentacija prokuratūroje su nuoroda, kad kaltus reikia be teismo sušaudyti. Stepėje paguldyti, progulėjome veidu į žemę apie 16 valandų! Atvažiavusi komisija įsakė pakrauti į sunkvežimius ir nuvežti į Dudenką, sugrūsti į baržą ir nuplukdyti į Krasnojarsko kalėjimą, o po 2 savaičių nuvežti į Vladymero uždarą ypatingo režimo kalėjimą (vežė stolipino vagonuose).

Vladymero kalėjimas tai mirties pragaras, režimas ypatingai žiaurus, už menkiausią nusižengimą sugrūsdavo į karcerį, kur išvirsdavo ant galvos šaltojo vandens lašai. Kalėjimo viršininkas perskaitė sprendimą, kad esame gen. prokuratūros SSSR nubausti 2 metams ypatingo uždaro režimo kalėjimo, nusiskundimai ir skundai dėl duotos bausmės nepriimami. Vladymere pabuvau 1 metus ir 4 mėnesius.

1954 12 20 buvome etapuoti į Irkutsko sritį, Bratsko rajono, 165 lag. punktą „Oziorlago" sistemoje. Į darbą nevarė, nes valdžia matyt bijojo, kad neužkrėstume sukilimo infekcija kitų lagerių.

Atsiprašau už klaidas, nes gyvenant Sibire 22 metus ir 6 mėn., rašiau rusų kalba

2001 06 22. [illegible] Versti !

Marcelė Dilienė

Marcelės Dilienės liudijimai

1. Alsuoja dar Kengyro stepė.

Karlagas įkurtas dar prieš antrąjį pasaulinį karą, kuriam priklausė daug lagerių. Jų tarpe buvo ir Steplagas. Steplago apimtyje buvo ir Džeskazgano lageriai, kurie randasi Kazachijos respublikoje. Džeskazganas randasi stepėje, žymima, kaip Kizilkum dykuma. Džeskazgano miesto statybai buvo išnaudojami Kengyro lagerio kaliniai. Iš iškasinų vario rūdos gamybai ir kitoki darbai. Kengyro lag. talpinosi apie 9.000 kalinių įvairių tautybių: lietuvių, estų, latvių, vokiečių, kinų, japonų ir rusų. Apie lagerį dirbant visur buvo randama žmonių kaulų, tai rodė, kad nuo senų laikų jau čia kalėjo japonai, kurie išmirė iš bado ar buvo nukankinti.

kalėjo daug lietuvių, bet tikrų skaičius nežinomas. Vyrų tarpe buvo kalinamas ekonomijos mokslų daktaras docentas – Jurskis, kuris ant narų buvo nužudytas. Buvęs Prancūzijoje Lietuvos karo atašė Leonas Račiūnas, advokatas Balys Knyva, kunigas Baltramonaitis ir kiti.

Kengyro lag. kitaip vadinamas – trečioji oddelenija. Lageris suskirstytas į 3 lagpunktus. Pirmame kalėjo moterys kiti* du vyrų. Trečiame buvo įrengtas das kalėjimas, kur bausdavo nepaklusniuosius karceriu. Lageris buvo aptvertas aukšta mūro (6m) siena, spygliuota viela ir bokšteliuose stovėdavo sargyba, šunys bėgiojo draudžiamoje zonoje. Barakai buvo rakinami nakčiai. Langai grotuoti. Leido rašyti 2 laiškus į metus

Kaliniai rytais ir vakarais būdavo
išvaromi iš barakų ir rikiuoti penketukais
suskaičiuodavo. Naktimis degdavo elektra,
tai geriau stebėti ar kuo neužsiimama.
Blakių pulkai, krisdavo ant miegan-
čių, kas trukdė nuvargusių miegą.
Sekcijos kampe stovėjo bačka (paraša)
gamtos reikalams atlikti. Sekcijose
talpindavo apie 50 kal. Buvo
dviejų aukštų narai. Jau lagerio
zonoje, po darbų, dar varydavo dirbti,
svarbu nualinti kalinį.

Kaliniams būtina nešioti jų pažymėtus
numerius: ant kepurės, rankovės, nugaroje
ir ant kelnių. Vilkėjo senais bušlatais,
vailokais. Šalčiai buvo dideli iki -45°C
Į darbą varant prie vartų vėl skaičiuo-
davo po penketais. Ir taip ilga kolona
lydima iš visų pusių konvojų su
atstatytais ~~štikais~~ durtuvais ir šunimis

Režimas buvo didelis. Išseko kalinių jėgos, nors visokiais būdais vieni kitus stiprindavo, paguosdavo. Susirašinėjimas būdavo, tai laiškelis su akmenuku perrištas ir permesti reikėjo į kitą lagpunktą ar darbe sutartoje vietoje palikti. Tačiau nuatsargų, nes išeinant į darbą ir grįžtant darydavo pas kiekvieną kalinį kratą.

Veikė slapti kalinių pogrindžiai, kur viršininkai negalėjo jų susekti. Buvo sumanyta valdžios sukiršyti pol. kalinius tada atvežė kriminalinius nusikaltėlius. Kas jie per žmonės, visi gerai žino, tai Stalino šalininkai be moralės.

~~Aukštesnioji~~ Lagerio valdžia nenorėjo pripažinti vyriausybės jau numatytų to metu skiriamų lengvatų: Grotų pašalinimo nuo langų, barakus nerakinti. Numerius nuimti, invalidus paleisti bylas peržiūrėti, ir t.t. O kaliniai to reikalavo. Valdžia norėjo sumaištis kalinių tarpe

2. Politinių kalinių ir ~~jų~~ kriminalinių siekiai buvo skirtingi. Juos kareiviai nebausdavo, jei neišeidavo į darbą ar grįždami ką nors parsinešdavo, o pol. kalinius bausdavo.

Kriminalinių vadeivos ~~tuoj~~ susirašinėjo su moterų zonos moterimis. Jų dalis tyčia neišeidavo į darbą. Perlipo per mūro sieną iš trečio lagpunkto į antrą. Pasiskirstė po barakus ėmė plėšikauti, atiminėjo iš pol. kalinių maistą, rūbus. Pol. kaliniai reikalavo juos tuoj išvežti ar, kad jie mūsų neliestų.

Kriminaliniai susipešė su valdžia ir nusprendė būti geruose santykiuose su pol. kaliniais ~~Kaup~~ Dalis jų neišėjo į darbą, ~~o perėję~~ perlipo mūro sieną (6 m) ir atėjo pas moteris. Pol. k. stebėjo jų veiksmus ir ryžosi apginti moteris nuo smurto ir garbės pažeidimų. Kadangi jau į moterų zoną suėjo ginkluoti kareiviai, kilo baisus triukšmas aimanos, veiksmai.

Tuomet jau ržosi ir pol. kaliniai per
iškirstą skylę tvoroje pereiti į moterų zoną.
Buvo smarkiai kryžmine ugnimi apšau-
domi. Ir taip 1954 m. gegužės 16 d.
prasidėjo masinis kalinių susijungimas
(9.000 k.). Griuvo mūro sienos, aidėjo
kulkosvaidžiai, riksmai, šaudymai.
Kaliniai statė barikadas, ginklavosi ir
rankom susikabinę stovėjo barikadose.
Baisus košmaras, bet tikslas vienas
Teisybė, reikalavimai, vienybė. Tuoj
buvo sudaryta kalinių ~~komisija~~ komitetas iš 9 asmenų
įvairių tautybių jai vadovavo rusų
~~tautybės~~ (~~teodor~~ pulkininkas ~~ar majoras~~)
Kuznecovas. Iš lietuvių - teisininkas
Juozas Kondratas ir kiti.
Pasitarimai vyko už zonos su
įkaitais - keičiantis. Derybos tęsėsi,
o kaliniai gyveno lyg ir laisvės
rytu išaušusiu gyvenimu. Vaikštinėjo,
žaidė, dainavo, meldėsi ir savyje

klausi kas bus?

Pasitarimai vykdavo vis su apgaule, kad tik kalinius priprašytų: nutraukti sukilimą, grįžti į savo vietas, eiti į darbą. Atvykdavo Alma Atos, ar kitų rajonų valdžia ~~viršininkai~~, bet komitetas ~~komisija~~ reikalavo, tik iš Maskvos aukščiausios valdžios. Kadangi su Steplago valdžia teigiamų rezultatų nedavė, kaliniai ėmė ruoštis gynybai ~~puolimui~~. Stiprino barikadas, kasė tranšėjas, kalė ginklus, kardus, peilius. Maistą valdžia sumažino iki 300 gr. duonos. Aptvertame lageryje buvo išmuštos skylės. Kas norėjo galėjo laisvai pasiduoti. Bet visi buvo vieningi, tvirti pasiryžę. Veikė radio siųstuvas, budėjo postuose, rašė atsišaukimus, kur aitvarais ~~žirgeliais~~ paleisdavo į stepę.

Virš sukilusio Kengyro lag. vėjas plazdeno pagalbos šauksmo vėliavą. Buvo iškelta ir juoda vėliava – mirties

3. Vykstant žūtbūtinei kovai, virš stovyklos teritorijos skraidė du lėktuvai, gal filmavo pergalę prieš beginklius, bado, ligų, beteisės metų iškankintą minią. Kova tęsės 4 val. Žuvo šimtai kalinių. Tikras skaičius nežinomas. Daug sužeistų. Iš lietuvių žuvo: Vytautas Markevičius, Povilas Seikalis, Kazys Šingždinis, Kazys Rindeika. Tankas žiauriai sužalojo lietuvaitę Vladą Miliūtę.

Suvarytuose barakuose dusino ašarojančiomis dujomis, kitus dar aidint šūviams jau baigentus kovai su iškeltomis rankomis, mažais būreliais iš visų pusių įrėmę automatus, pjudomi šunimis, baudėjai vedė iš lagerio į stepę. Čia guldė kniūpsčius, marino badu laukė įsakymo, o tuo tarpu iš zonos vežė lavonus, apvalė kraujus, surinko „ginklus", išardė barikadas. Dalį kalinių grąžino į zoną. Kur žuvusius išvežė - nežinia.

Iš stepės tiesiai varė kitus į pamostų vagonus ir išvežė į Magadaną, Norilską, Vorkutą.

Kengyro sukilimą parėmė steplage esantys polit. kal. Rudniko vyrų lageris.

Visas komitetas ~~Komisija~~ buvo ~~visa~~ suimtas, o jo likimas turbūt aiškus. ~~Pratęsimas antroje pusėje tt.~~ ~~išvada ką išsikovojo.~~

Negaliu viską aprašyti kas ėjo per 40-t dienų ir naktų tarp ginkluotos kariuomenės ir beginklių kalinių. Todėl prašau, galite ką jei žinote ir papildyti.

Aš sukilimo dalyvė buvau nuteista už akių Maskvos troikos. Nuteisė 10 m.

Sukilimo metu susipažinau su pogrindžio veikėju pol. kaliniu Adolfu Diliu.

Po sukilimo ~~jo~~ susirašinėjome laiškais, nes mane po kurio laiko išvežė į Balchašą, nes aš tuoj aprašiau per laišką šį sukilimą į Lietuvą ir tremtį savo tėvams. Buvau susekta ir štrafnaja brigada ~~buvau~~ išvežta į Balchašo lag.

Po Komisijos grįžome abu į Lietuvą – Kauną ir jos Katedroje susituokėme.

M. Dilienė
Kengiro politkalinė

2000.08.31
Kaunas

Эдвардас БУРОКАС

Дули против ветра. IV часть

История писаная кровью

Перевод Татьяны Митрофановой

Daugelis jų virdavo sutrupintą „paiką“ (duonos davinį) persūdytame vandenyje. Dėl to - išpurtimas, lavoninė, senos šachtos šulinys... Karabašas, 1948 m.

Beaucoup d’entre eux faisaient cuire la ration du pain dans de l’eau contenant une grande quantité de sel. Le résultat - l’intumescence, la morgue, le puits de la vieille mine. 1948, Karabach

A moribund from the put out to pasture department. Many of them used to boil bread ration in water thick with salt. The result – intumescence, mortuary and manhole into the mine. 1948, Karabash.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ,

Эту книгу я включил в свои книги, под общим названием „Дули против ветра". В них отображается борьба миллионов репрессированных людей, боровшихся в лагерях за Свободу. Материал для книги об этой героической борьбе я собирал еще в лагерях, а позднее из различных письменных источников, а также из личных архивов и архивов репрессивных структур. Если глядеть с позиций сегодняшнего времени, видно, что история человечества помечена как непрерывная борьба между тиранами и стремящимися к свободе. В XX веке эта борьба достигла апогея, когда из общественной жизни в тюремные камеры и концентрационные лагеря рабовладельцы согнали миллионы борющихся за Свободу людей.

Разве ранее человечество не достигло уровня такого самосознания, разве не достаточно было борцов, приносящих себя в жертву ради достижения Свободы. Может, виноваты просветители прошлого, распространявшие идеи гуманизма, вознося достоинство человека? А может этими идеями воспользовались „денежные мешки" – глобалисты, задумавшие перекроить мир под свои злые замыслы, и начавшие в XX веке внедрять свои экспериментальные идеи в России и Германии, сгребая целые Европейские территории в общий национальный котел. Котел, в котором намеревались сотворить сплав людей, мировоззрение которых соответствовало бы космополитизму, точнее говоря, претворяя в жизнь цели глобализма. Оказывается надо считать правыми тех, которые в XX веке тиранство – цель всемирного господства, считают следствием, результатом.

В книгах „Дули против ветра“ нет цели разбирать причины и последствия глобальной тирании, а есть стремление показать реальность. Реальность – в которой репрессированные люди противодействовали и боролись с замаскированным последствием глобализма, о котором наверно и не догадывались сами идеологи коммунизма, а позднее их последователи, нацисты, которые движимые глобалистами хотели создать „Свободную Европу“. Следствие – мировые войны, кризис, концентрационные лагеря, в которых прямо или косвенно пытались перевоспитать не поддерживающих идеи правящих, и в тоже время использовать их для создания материальных ресурсов. А в результате провала плана – растоптать духовную личность или уничтожить самого человека.

Эксперименты глобалистов продолжаются. Существует беззубая Организация Объединенных наций, не имеющая решающего голоса, которой правит со своим правом вето Совет Безопасности, Европейский Союз, плавящий в себе различные народы и побуждающий самые низменные инстинкты человека. Маскируясь, он пытается отнять у человека свободу совести, христианскую веру. Побуждает к прагматизму, основанному на потреблении. Добивается человека сделать космополитом, скрывая тех, которые кроят мир и чувствуют себя владыками еще не раскроенного мирового государства. Этот процесс набрал такое ускорение, что кажется, без организаций созданных глобалистами мир уже не мог бы существовать. Человечество все убыстряющимися темпами переходит в руки глобалистов. Чувствуется беспринципная эксплуатация и унижение, поэтому в будущем возможно сопротивление, для подавления которого понадобятся те же, глобалистами запланированные еще большие концентрационные лагеря.

Пролистайте страницы „Кровью писаной истории“. Возможно сохраненные там знания понадобятся нашим детям и внукам.

Книга издается на четырех языках, более предназначена для разноязычных читателей, не видевших и не познавших коммунистического насилия. На русском языке собрано материалов более всего, потому что большая её часть уже опубликована в моих книгах на литовском языке. Это же касается и текстов на английском языке. Из-за нехватки средств, и других неблагоприятных условий, на французском языке предлагаются только основные сведения о сопротивлении в лагерях.

За помощь в издании книги благодарен своей жене Ядвиге, братьям Ионасу и Антанасу, Альгимантасу Золубасу, Вайдасу Двилинскасу, Римантасу Матулису, Татьяне Митрофановой, Альгирдасу Бикульчису, Довиле Рачкаускайте, Ионасу Милерюсу, Регине Сметонайте, Пятрасу Калибатасу, Минтаутасу Даулянскису, семье Ромаса Пятраса Шаулиса, Антанасу Шакалису, однофамильцу Ионасу Бурокасу, семье Чипаса, Гядиминасу Рузгису, семье Шембераса, Арвидасу Анушаускасу, Витаутасу Ландсбергису, Радвиле Моркунайте, Рамунасу Гарбаравичусу, Юргису Бирутису, Римантасу Иокимайтису, Эдмантасу Симонайтису, Марцеле Дилене, Альгимантасу Паташюсу, Эугениюсу Пейкштянису, Вильме Юозайтите, Викторасу Авгулису, Феликсу Красавину, Бронису Златкусу, Кристине Качкувене, Лине Римкувене, Донатасу Янута и всем помогавшим своими средствами, советами или просто за добрые слова.

С уважением к читателю –
автор ***Эдвардас Бурокас***

***

Символично, что эта книга дойдет до читателя именно сейчас, в 70-ю годовщину оккупации и празднования 20-летия Независимости. Представленные в книге события, явления и переживания, заставляют еще раз переосмыслить цену достижения Свободы, к которой привела железная воля наших отцов и дедов. Пролистывая дышащие воспоминаниями страницы, мы неизбежно еще раз оцениваем то, что имеем сегодня.

О сотнях тысяч литовцев объединенных похожими судьбами – словно клещами, искалеченными репрессивными структурами, о феномене сопротивления в неволе, в книге „Дули против ветра“ говорят собранные факты, документы и воспоминания. Они свидетельствуют об организованных восстаниях, о затраченных усилиях смелых людей ради сохранения национальной самобытности, о выстраданных желаниях Свободы. Неразрывно между собой связаны вторжение из вне, ссылки, давление физическое и духовное, опыт поражений нам, которым полагалось родиться и расти в Свободной Литве, знакомы лишь по рассказам и воспоминаниям отцов и дедов. И понять, какой ценой заплачено за нежелание подчиниться оккупационному режиму, лжи и насилию. За то, что избрали сопротивление и боролись за право исповедовать свою религию, традиции. За то, что всеми силами защищали свои стремления свободно и самостоятельно жить своей жизнью и созидать будущее своей нации. Самыми ярыми врагами и „преступниками“ для советского режима тогда стали учителя, студенты, профессора, крестьяне и просвещенные люди страны, которые за слова „Свобода Литве“, за уважение к трехцветному флагу преследовались, уничтожались и были ссылаемы в Сибирь. Когда весь мир наслаждался свободой, здесь же, в Европе, люди ссылались в ад за стремление иметь свои прирожденные права.

Такие воспоминания, факты и свидетельства особенно важны сегодня, когда Литва уже шестой год является членом Европейского Союза, когда мы вернулись в семью наций Европы. Особенно важно потому, что такие усилия подвигают на переосмысление событий, познать друг друга и понять болезненные и нелегкие мгновения истории. Те мгновения должны быть известны и без промедления обсуждаемы потому, что только поняв друг друга, мы сможем успешно создавать свое будущее и будущее мирной Европы.

Радвиле Моркунайте,
Член Парламента Европы

Предисловие

Удивительна эта память – кажется, что все было так недавно, но, сколько же прошло времени. Как изменились все мы. В памяти быстро стирается то, что было очень важным двадцать лет назад. Возрождение государства 11 марта 1990 года заставило многих литовцев по новому взглянуть на свою жизнь и историю нации. То прошлое, это оккупация, потеря литовской государственности, отклонение от натурального пути развития нации и общества, полученный невозвратный ущерб людям, государству, хозяйству. Те, которые не познали ни террора, ни преследований, ни дискриминации, особенно если принадлежали к номенклатурной прослойке, то прошлое ценили и ценят, как „социалистическую государственность“, когда Литва была не только советизирована, но и индустриализирована и урбанизирована. Заставляют забыть коллективизацией уничтоженное частное землевладение, лишение прав на частную собственность. Созданные экономические проблемы, принудительный атеизм. Для управленческой номенклатуры, созданную привилегированную социальную защиту. Вечный спутник социалистического общества ограниченный выбор товаров, возможностей и т.д. За двадцать лет уже успели забыть и то, что десятки тысяч литовцев испытали унижения в советской армии, и десятки возвращались домой в цинковых гробах. Забыли, что ценности Литвы были изъяты и присвоены в пользу советской империи, забыли психологическое насилие, забываем КГБ и „железный занавес“… Но, на самом деле ссылки, террор и сопротивление литовцев советской системе есть то прошлое, которое забывать нельзя. Книга Эдвардаса Бурокаса „Дули против ветра“ и представляет это осознание, что по многим взглядам в катастрофичном XX веке были у нас люди, которые никогда не сдавались. И только благодаря им Литва два раза сумела воссоздать свое государство.

Докт. Арвидас Анушаускас,
Член Сейма Литвы

История борьбы за свободу – средство для духовной закалки

Воспоминаний о советских ссылках, тюрьмах, лагерях на разных языках написано столько, что детальнее описать этот страшный ад, уже невозможно. Эта литература нужна миру и для себя, во имя памяти шедших на голгофу, а так же, как средство предупреждения против коммунистической идеологии, с ей свойственным террором. Однако описания ужасов советского рабства, доведение человека до состояния рабочей скотины, как бы затмило происходящее сопротивление рабской системе XX века. На самом же деле, такое партизанское сопротивление происходило не только с оружием в руках поверженного народа, оно происходило в тюрьмах, лагерях, выявлялось восстаниями, саботажем, подрывом экономики империи зла. Основной целью такого сопротивления было не улучшение благосостояния, а идеал Свободы, крах рабской системы, которой добивались различными способами, среди которых экономический подрыв империи.

На самом деле, тот кто будет искать в этой серии книг пытки холодом, голодом, изнуряющим трудом, ничего такого не найдет, хоть всё это борцам за Свободу пришлось испытать на себе с лихвой. Не во имя этого написаны эти книги.

Хрестоматийная догма гласит, что рабская система пала из-за непроизводительного труда рабов, но однако же многие, связанные унижающими путами советского рабства не понимали, что подрывать этот строй, освободиться из ига рабской империи возможно не только не производительным трудом, но и саботажем, стачками, восстаниями,

направленными на разрушение и подрыв экономики самой империи. Ведь на самом деле все, так называемые великие стройки коммунизма, поднимали на себе заключенные, для выживания получавшие отрубной хлеб и баланду. Серия книг раскрывает то, что не сказал Солженицин в своей книге „Архипелаг ГУЛАГ" или Anne Applebaum „История ГУЛАГА", рассказывает, во имя чего всё это происходило, и борьба за решеткой была выиграна.

Более того, в государственных институциях пытаются роль этой борьбы понизить или даже унизить, не присваивая должного статуса борцам, потому что в этой борьбе не было пролито достаточно много крови; по их выражению, борьба была не настоящей. И ещё более странно, что роль борьбы пытаются стереть из своей памяти или её „забыть" политические заключенные. Правда, нужно понять, что не все заключенные примыкали к борьбе против притеснителя; многие добивались лишь улучшения бытовых условий в неволе, те, которые прятались под нарами, теперь чувствуют себя неуютно, из-за своего неучастия в массовом сопротивлении, были его противниками, или не подчинились организаторам восстаний.

В так называемых, капитальных, книгах, мы не найдем просветительской, пропагандистской деятельности, подвигающей к разрушению советской экономики. В серии книг „Дули против ветра" такая деятельность занимает должное место, достаточное для убеждения скептиков. Если в особо наблюдаемой среде, без всякой связи с общественностью свободного мира, печатались прокламации, газеты, среди них – „Varpas" (Колокол), надо не только удивляться смекалке храбрецов, но и оценить, неограниченный различными средствами усмирения, потенциал для достижения

цели. В книге читатель найдет подлинные документы руководителей высших репрессивных структур, которые показывают и доказывают как оценивались борцы за свободу и их действия, сотрясающие основы архипелага ГУЛАГ.

Десятилетие длящаяся в Литве партизанская война с оккупантами аналогов в мире не имеет. Не имеет аналогов в мире и борьба против советской империи внутри её, борьба борцов, томящихся в неволе, борющихся не ради личной выгоды, а ради краха советской империи, ради свободы порабощенных наций. Можем гордиться, что инициаторами борьбы в большинстве были литовцы, среди которых, одним из активнейших её членов, был и составитель, автор книг.

В борьбе с врагом, когда есть линия фронта, когда есть возможность утвердиться, когда известны направления защиты и нападения, успех гарантируют моральные и материальные ресурсы. Труднее бывает, когда борьба ведется в окружении неприятеля. Очень очень трудно воевать в партизанской войне, когда во всех смыслах оккупант сильнее тебя и напирает со всех сторон, когда ресурсы очень ограничены, когда на каждом шагу поджидает засада, измена, когда солдату во избежание плена приходится иметь последний патрон для себя. Но очень трудно вообразить себе, как можно бороться в неволе, за колючей проволокой, когда тебя окружают решетки, сторожевые вышки с пулеметами, надсмотрщики с овчарками, более того, завербованные, подготовленные к доносительству местные жители, тундра или тайга, когда нет никаких материальных ресурсов.

В книгах Эдвардаса Бурокаса читателю представляется невымышленный, а подтвержденный своими и неприятельскими документами – уникальнейший феномен

в мире – борьба закованных заключенных с рабской системой, с мощной империей. И самое удивительное, что борьба увенчалась победой: архипелаг ГУЛАГ рухнул, далее следовало крушение империи.

IV часть книги „Дули против ветра“ борца за свободу, участника и организатора борьбы за свободу по обеим сторонам тюремных стен Эдвардаса Бурокаса является итоговым произведением первых трех частей, представляемый на четырех языках, поэтому предназначается для более широкого читательского круга. И это очень важно, потому что до сих пор еще даже в Литве недостаточно широко освещается борьба политических заключенных, а за границей были известны лишь только эпизоды, которые незаслужено постепенно предаются забвению.

В настоящее время, по словам выдающегося публициста Вилюса Браженаса, появляются сочинители поганеньких историй и художественной литературы презрительно унижающие партизанскую борьбу. Бывшие коллаборанты советской системы или их отпрыски, видя что органы правопорядка и правозащиты не затыкают им рты, и далее продолжают лаять и кусаться, партизанскую войну и борьбу в неволе унижают и предают забвению.

Клеветнический взгляд на борьбу за свободу в настоящей неволе архипелага ГУЛАГ должен быть разоблачен и осужден. Поэтому широкая гласность борьбы, уважение и почитание борцов за свободу должно найти место в Литве и за её пределами. Это послужит для черпания мужества из прошлого, для воспитания патриотического духа молодежи.

Альгимантас Золубас

ПО СЛЕДАМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Захватив в 1917 году власть, коммунисты сразу же начали организовывать концентрационные лагеря, в которых с первых же дней начались разнообразные забастовки, всеобщие голодовки и восстания. Начали организовываться подпольные организации заключенных, поэтому при каждой большой группе лагерей были и карательные лагеря смерти. В этих лагерях выявленные активные участники сопротивления уничтожались. Чудом уцелевшие, выносившие идеи сопротивления распространяли их в лагерях облегченого режима. Вспыхивали забастовки, восстания, и идеи свободы и антикоммунизма овладевали умами рабов. Повстанцев расстреливали, но легенды о восстаниях со временем то в одном, то в другом месте разжигали новые массовые сопротивления против политических гонений. Чекисты, по указанию коммунистических вождей, калечили заключенных физически, но сломить их волю и дух не смогли. Несмотря на расстрелы заключенным удавалось сохранять присутствие духа, пока в 1955 году в Воркуте не произошел коренной перелом. Лагерников больше не расстреливали. Около 50 активистов вывезли во Владимирскую тюрьму и примерно 300 человек в лагеря Тайшета. Кому-то снизили сроки, других без конвоя отпустили на работы в шахтах. Наконец-то „кремлевские товарищи“ испугались назревающих в будущем восстаний в ГУЛАГе и в 1956 году создали Комиссию Президиума Верховного Совета СССР. Комиссия 80% заключенных и 100% ссыльных отпустила на „волю“.

Жертв коммунизма и период советского геноцида, в

течение которого было уничтожено около 70 млн. людей, т.е. в год по миллиону, помним с судьбой каждого человека, с его физическими и душевными чуствами и болью, со страданиями и переживаниями его родных и близких.

Хочу напомнить героические отзвуки тех лет о легендах лагерного сопротивления. Легенды доносятся до нас от людей оставшихся в живых и из скудных исполнительных документов геноцида. Не претендую на хронологическую точность событий, не могу назвать точное количество людей, но хочу поделиться своими мыслями о героях, которые с кандалами на руках, безоружные не побоялись встать во весь рост перед злыми властителями XX в., перед которыми дрожал и дрожит весь свободолюбивый мир.

А вот что свидетельствуют отрывки из официальных чекистских донесений своему начальству, а также другие источники, опубликованные в печати или рассказы участников событий. Среди них издания – Сопротивление в ГУЛАГе. М. 1992 (далее-СвГ) и А.Шеренас. Лагеря смерти Воркуты. В.,1997 (далее – А.Ш.).

В 1923 году заключенные Соловецких островов объявили голодовку и были расстреляны. (Воля России, № 16-17,1924, Прага)

В октябре 1929 года за мятеж на Соловках было расстреляно 300 человек. Уголовные заключенные, хоронившие убитых, тоже были уничтожены.

1930 год. Заключенные Верхнеуральского централа объявили голодовку с требованием статуса политзаключенного. Были избиты и облиты водой из пожарных брандспойтов.

1936 год. 24 августа заключенные объявили голодовку на Колыме.

1936 год – гор. Котлас (Коми АССР). По Европе поползли слухи об использовании рабочей силы заключенных. Перед прибытием комиссии Лиги Наций чекисты согнали заключенных в товарные вагоны по перевозке животных и вывезли в отдаленное от станции место. Пить и есть не давали. Заключенные умирали от голода и жажды. Снаружи слышны были крики и стоны. Оставшиеся в живых раскачали и перевернули вагоны. Чекисты начали стрелять. Оставшихся в живых собрали и отправили по этапу.

В 1936 году в Воркуте 500 троцкистов (50% евреев, 40% русских и 10% грузин) объявили голодовку. Требовали статус политзаключенного. (А.Ш., стр. 222)

1937 г. в декабре на Колыме в Зеленом мысе восстали заключенные. Все расстреляны и сожжены. (СвГ., стр. 170)

1937-1938 г.г. на Колыме по приказу начальника Гаранина за неповиновение расстреляно 26 тыс.человек. А в общем здесь тогда было расстреляно около 700 000 чл. Зачистка брака работы НКВД. Позднее был расстрелян и он сам.

1938 г. – ученого Петра Полевого, тщательно исследовавшего Воркутинский угольный бассейн, вместе с 200-тами других известных „врагов народа“, требовавших хотя-бы элементарных прав человека, чекисты заживо сожгли в бараке под Ухтой. (А.Ш., стр. 221)

В 1936-1937 г.г. по всем лагерям края Коми прокатилась волна голодных забастовок. Политзаключенные требовали отделения их от уголовников. Подавив забастовку, все лагерные активисты были свезены на Воркутинский кирпичный завод., и группами, по 20-30 человек расстреляны. По документам, было расстреляно 173 человека, среди них два литовца – Повилас Венцкус, 1899

года рождения, и, Галинайтис, умерший во-время допроса. В то-же время много заключенных было расстреляно возле реки Ухторки. Жертвы погребались еще живыми. Живых и сжигали. Все это исполнялось по указанию начальника лагерей Кашкетина. Кстати и он тоже был расстрелян в 1938 г. в Котле. Через тюремное окно он кричал: „Люди, я Кашкетин! Я тот самый, который в Воркуте расстрелял всех врагов народа! Помогите!“ (А.Ш., стр. 223)

В 1940 г. в нефтяной шахте Ухтыжемлага выявлена контрреволюционная диверсионная группа из 15 заключенных, которые портили станки и оборудование.

В 1941 году, в июне, с базы Неройского рудника, на Урале, разоружив охрану, украв документы, 15 заключенных переоделись в военную форму и сбежали.

(А.Ш., стр. 296)

В 1941 году, в июле из Печорлага сбежало 15 человек. Все они были задержаны, но убив охрану, захватили оружие, форму, вновь освободились и объединились в „мародерствующую и убивающую бандитскую банду.“

(А.Ш., стр. 292)

16 августа 1941 года из поселка Еджит Кирт, Воркутлаг, сбежала группа из 8 человек – бывших моряков, осужденных за контрреволюцию. Этой группой руководил лейтенант Севморфлота Пятых. (Там же)

22 сентября 1941 года из Устьвымлага, убив стрелка и захватив оружие сбежала группа заключенных, осужденных за контрреволюцию. (Там же)

20 сентября 1941 года в Севжелдорлаге ликвидирована контрреволюционная группировка, имеющая цель восстать, захватить оружейные склады, распустить заключенных и присоединиться к немцам. (А.Ш., стр. 89 и 294)

16 октября 1941 года ликвидирована контрреволюционная организация заключенных, распространявшая листовки с призывом ко всем заключенным восстать и свергнуть советскую власть. (А.Ш., стр. 294)

В 1941 году под Ленинигградом забастовали заключенные, пригнанные на рытье окопов. Отряды НКВД расстреляли 300 заключенных.

10 декабря 1941 года ликвидирована повстанческая организация, Центр Абез, которая на 11 декабря 1941 года планировала восстание. Её целью был захват поселения Абез, аэродрома, радиостанции. Арестовано 22 человека. (А.Ш., стр. 83 и 295)

31 декабря 1941 года заключенные сожгли здание почты Канинского района.

За 1941 год из лагерей, находящихся на территории Коми АССР совершили побеги 2500 заключенных, из которых 465 не были задержаны, из них 7 человек были вооружены. (А.Ш., стр. 295)

5 января 1942 года сожжена электростанция Печорстроя. (А.Ш., стр. 292)

8 января 1942 года сожжен Кожвенский райком партии. (Там же)

В январе 1942 года в отделении Ёсез Севжелдорлага ликвидирована антисоветская организация, распространявшая среди заключенных пораженческие настроения и призывавшая объединяться в лагерный повстанческий комитет Коми АССР. (А.Ш., стр. 83)

Только за январь - февраль 1942 года сбежали и не были задержаны 103 человека: из Печорлага – 37 чел., из Ухтыжемлага – 30 чел., и из Севжелдорлага – 36 человек. (А.Ш., стр. 292)

Из донесения начальника политотдела НКВД Воркутстроя Захламина от 20 февраля 1942 года.

„Для поимки заключенных во втором полугодии создано 54 оперативных поста, в которых насчитывается 115 оперстрелков. Создано 80 групп содействия из местных жителей. В них более 900 человек“. (А.Ш., стр. 116 и 276)

24 января 1942 года произошло вооруженное восстание в одном из лагерей Воркуты, о котором много говорилось. Кроме того есть немало документов и в официальных архивах чекистской и коммунистической номенклатуры. Воспользуюсь знаниями Ирины Осиповой об Отряде Особого назначения № 41 обвинительного дела № 785, утвержденного прокурором Коми АССР Фотиевым 9 августа 1942 года, а также архивными материалами Альгирдаса Шеренаса.

ДОНЕСЕНИЕ

О ликвидации вооруженной банды близ Печоры. 24 янвавря 1942 года во-время нападения банды на Усть Ус убиты: 9 бандитов и задержано 40 человек, вышедших из банды. Бандиты застрелили 14 наших: из них - заместителя начальника НКВД района Селкова, 3 работников милиции, служащего госбанка Родина, 4 служащих Печорского пароходства и 3 лагерных стрелков. Ранено 11 человек. 24 янвавря 1942 года в лесу, за 105 км от Усть - Уса возле реки Лыжа убито 15 бандитов, мы потеряли 15 человек, из них начальника отдела Севжелдорлага Барабанова, позднее скончались 9 раненых.

СОСТАВ БАНДЫ

Записи о распределении обязанностей членов банды, найденные в планшете вожака банды Ретюнина.

Руководящее ядро:

Командир банды – Я.Зверев, 1906 г. р. бывший член ВКП(б);

Начальник штаба – Дунаев,1904 г.р.

Военный комиссар – Макеев, 1902 г.р.

Начальник отдела – В.Соломин, 1905 г.р.

Начальник отдела – С.Простаков, 1907 г.р.

Начальник обоза – А.Яшкин

Из них живым взят только А.Яшкин. Другие погибли во-время боя или застрелились сами.

Из 109 человек, участвовавших с начала вооруженного восстания, 51 судим за уголовные преступления. После боя возле Усть-Уса они вышли из банды. В банде остался 41 человек – 35 осуждены за контрреволюционную деятельность, 2 – вольноопределяющиеся, бывшие бандиты и 4 уголовника.

Арестованный бандит А.Яшкин, допрошенный в лесу, лично мне рассказал о целях и конкретных планах восстания. Восстание готовилось с августа 1941 года и с бòльшим размахом, нежели произошло фактически. Вместе с „Рейдом“ планировалось разоружить и командировку Печорлага „Пулья Курья“, а также вольнонаемного начальника Полякова и присоединить их к отряду Ретюнина. Оба этих отряда должны были занять все организации Усть-Уса, арестовать весь партийный советский актив и установить свою власть. После этого немедленно предъявить ультиматум начальнику Воркутлага Тарханову – освободить заключенных. При неисполнении – поднять восстание в Воркутлаге, а позднее в Печорлаге. Более подробно допросить А.Яшкина не было

возможности. Сейчас самолетом он отправлен в Усть-Ус, из-за болезненного состояния допросить более подробно невозможно.

Окончательно сформированная банда из 41 человека на 25 января имела:

1. Винтовок – 41 шт., патронов к ним – 11558 шт.,
2. Револьверов „Наган“ – 15 шт., патронов – 1270 шт.,
3. Пистолетов „ТТ“ – 2 шт. , патронов – 187 шт.,
4. Маузеров „Коровина“ – 4 шт.,
5. Ручных гранат – 5 шт.,
6. Различных сигнальных и осветительных ракет – 878 шт.,
7. МК винтовок – 2 шт., патронов –- 2872 шт.

Всего – 67 единиц оружия и к ним патронов – 16 765 шт.

ПРОЦЕСС ЛИКВИДАЦИИ БАНДЫ

В 40 км от Усть Лыжи 28 января в 22 часа отряд Прохорова из 100 человек встретился со мной. Они вернулись после боя с бандой. Отряд обнаружил банду возле Чумского оленеводческого совхоза, в 70 км от Усть Лыжи и 28 янвваря отважно с ней сражался. По их словам банда была вооружена гораздо лучше отряда – у них был пулемет, русские автоматы; хорошо окопалась и из специально оборудованных точек открыла сильный огонь. Потеряв надежду разгромить банду, они отступили. Моральное состояние отряда близко к разложению. Часть бойцов, возможно сознательно, обморозилась, чтобы не участвовать в бою.

12 февраля 1942 г.

Заместитель наркома НКВД Коми АССР

Капитан госбезопасности Симаков

Акт обвинения гласит:

„24 января 1942 года в 16 часов, заключенные лагпункта „Лесорейд“ Воркутинских лагерей под руководством вольнонаемного Марка Ретюнина совершили вооруженное восстание против Советской власти...“

“...24 января 1942 г. (в субботу) начальник лагеря – руководитель воруженного восстания Ретюнин, приказал заключенному – заведующему баней, участнику восстания, Лю Фа, чтобы он сообщил ВОХРу, что баня будет работать только до 17 часов. Получив сообщение все стрелки охраны, за исключением постовых дежурных пришли в баню. Ретюнин с верными ему заключенными, вооруженными холодным оружием, разоружили охрану и вооружили заключенных. <…> Зверев, Пашкевич, Дунаев, Авакян, Цветков и другие атаковали казармы, <…> захватили 12 винтовок, 4 револьвера, 1682 патрона к винтовкам, 105 патронов к „Нагану“ и т.д. Вооружив заключенных Ретюнин арестовал в бане стрелков охраны и запер их в овощехранилище. <…> Расправившись с военизированной охраной в лагере, Ретюнин предложил всем заключенным, желающим участвовать в восстании, присоединиться к нему.

...Ретюнин дал приказ вскрыть продовольственные и вещевые склады и раздать всем заключенным новую и теплую спецодежду. Весь транспорт нагрузить продовольствием и сформировать продовольственный обоз. <…> 8 телег <…> Часть испугавшихся заключенных разбежалась, а оставшиеся повстанцы – 82 человека, руководимые организатором восстания Ретюниным, прорабом заключенных Дунаевым, завхозом Зверевым, заведующим лесной биржей Макеевым и инженером Соломиным около 17 часов отбыли в центр Усть-Ус.

Нападение на центр Усть-Уса было спланировано заранее. <…> В 17.30 повстанцы оборвали всю телефонную связь центра. После, разбившись на группы, вооруженные и безоружные около 18.00 одновременно напали на районный узел связи и контору Госбанка, окружили районный отдел НКВД и следственный изолятор, также были окружены казармы управления Печорского пароходства. Из изолятора освободили 38 заключенных, 12 человек, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, примкнули к восставшим и активно участвовали в восстании.

...Около 21 часа повстанцы уничтожили всю телефонную и телеграфную аппаратуру и радиостанцию.

Четвертая группа повстанцев попыталась захватить аэродром, на котором в то время находилось 2 самолета. Для выполнения этой операции в 20.00 час было послано 6 повстанцев, но операция провалилась – <...>, потому что была встречена организованным огнем и отступила.

... С 18 до 24 часов вооруженные повстанцы в своих руках держали все учреждения района Усть-Уса. В то же время милиционеру Артееву удалось сбежать в НКВД Печорлага лагпункт „Полья Курья“ и сообщить о захвате Усть-Уса вооруженными повстанцами.

Из лагпункта „Полья Курья“ в Усть-Ус было послано 15 бойцов с легким пулеметом, которые в 24.00 напали на вооруженных повстанцев.

...Результат боя в Усть-Усе: были убиты 9 человек и 1 ранен. Задержано 40 повстанцев, когда повстанцы оставили Усть-Ус сдался еще 21 человек. Повстанцы убили 14 и ранили 11 человек. Порядочно пополнившись оружием в Усть-Усе, 41 повстанец на 10 телегах отправились по реке Печоре в поселки Акис и Усть Лыжу. Оставив Усть-

Ус повстанцы разделились на 2 группы, первой руководил Цветков, второй – Дунаев“.

Когда до столицы Коми АССР Сыктыквкара дошли вести о событиях в Усть-Усе, было сообщено всем районным центрам, которые мобилизовали все силы на ликвидацию восстания. Повстанцы совершали набеги на лагеря, пополняли запасы оружия и продовольствия. Им было известно о доставке оружия в Воркуту, поэтому группировкам Дунаева, Соломина, Простакова и Крюкова удалось догнать оружейные обозы и захватить их. Погиб один стрелок и ранен начальник охраны обоза. Повстанцы отобрали 18 винтовок, 2 револьвера, гранаты и много патронов.

В поселении Усть-Уса повстанцы были 25 января с 10 до 15 часов. Разграбив склад, один из вожаков восстания Ф.Макеев оставил продавщице заёмный ордер о забранных товарах под „Именем отряда особого назначеня № 41“ – так повстанцы называли свою контрреволюционнцю повстанческую группу.

Первые отряды из 55 и 70 человек, организованные для ликвидации повстанцев прибыли в Усть Лыжу 26 января в 14.30. Первый из них в 20.30 был отправлен в погоню за восставшими, другой присоединился 27 января в 4 часа.

28 января повстанцы заняли оборонительные позиции по левому и правому берегам Лыжи.

28 января утром произошел бой между повстанцами и бойцами.

Стрелки, находившиеся на худших позициях нежели вооруженные повстанцы, понесли значительные потери – убито 16 и ранено 7 человек. Кроме того около 50 бойцов получили обморожения 1 и 2 степеней. 16 повстанцев было убито. Понеся такие большие потери, командование отряда

стрелков решило отряд из боя вывести, перегруппировать силы и преследовать дальше, до полной ликвидации групп повстанцев. Повстанческое руководство уяснив свое положение решило разбиться на мелкие группы и спасаться бегством в разные стороны.

...Третью, основную, повстанческую группу из 11 человек под руководством Ретюнина, догнали 1 февраля возле реки Малый Тереховей (приток Лыжи), окружили и после 23-часового боя уничтожили 2 февраля в 16 часов. В бою убито 3 повстанца. Руководство восставших – Ретюнин, Дунаев, Авакян и еще 6 человек от безъисходности застрелились. Двое восставших – Яшкин и Лю Фа взяты живыми.

Потери в районном центре Усть-Ус при ликвидации восставших – 33 человека убитыми или умершими от ран, 20 человек ранено, 52 человека получили обморожения 1 и 2 степени.

В октябре 1941 года была организована повстанческая организация (в основном, троцкисты отбывающие наказание), которая втянула в свои ряды начальника лагпункта „Усинский лесорейд“ Воркутлага М.Ретюнина.

В ходе следствия выяснилось, что в декабре 1941 года на квартире Ретюнина, на одном из собраний по организации восстания был создан штаб восстания.

Из протокола показаний Яшкина

1. Контрреволюционное вооруженное выступление на „Лесорейде“ и во всех лагерях республики Коми, которое ставило своей задачей свержение Советской власти, было спланировано так:

а) освободить всех заключенных из лагерей и тюрем;

б) вовлечь в восстание ссыльных и местных жителей, недовольных Советской властью;

в) создать вооруженную регулярную армию из добровольцев враждебно настроенных против Советской власти;

г) воссоздать частную собственность во всех экономических областях – в промышленности, сельском хозяйстве. Распустить колхозы.

Заключенные троцкисты Зверев, Дунаев, Макеев, Соломин и др. имеющие опыт политической борьбы с большевиками и Советской властью, поняли, что организовать успешное восстание в изолированном „Лесорейде“ Усть-Уса Воркутлага не удастся и поэтому организовали аналогичные контрреволюционные группы в лагере „Полья Курья“ МВД Печорлага, ОЛП Кожва Воркутлага и „Кыз-Раз-Ды“ Воркутлага.

В дело были включены другие заключенные, не признавшие себя виновными: Я.Дойч, Б.Мурмилло, В.Шаталов, А.Плечов, А.Рандвеей, Н.Степнин, А.Бобров, Б.Алхимович, Г.Атомчук. По делу № 785 о вооруженном восстании в Воркутлаге было осуждено 68 человек, из них 49 расстреляно. (А.Ш., стр. 288-293 и И.Осипова. Отряд особого назначения № 41)

В 1942 году в Красноярском ИТЛ выявлена организация „Освобождение Литвы“. Руководитель Шилингас, бывший министр юстиции Литвы. Участники – бывшие члены правительства и политические деятели.

17-18 декабря 1942 года приговорены к расстрелу за вооруженное восстание в лагере Абезе Воркутлага: Я.Татаринов, В.Старков, В.Ладышев.

Эти люди руководили организацией „Комитет Самоосвобождения Колоны“ (СвГ., стр. 143)

„В архивах ГУЛАГа есть донесение, что в Инте прибалтийцы, украинцы, участники польской контрреволюционной организации, названные „националами“ обвиняются в организации восстаний и вооруженных побегов, имеющие цель продолжения борьбы с Советской властью, для отделения своей Родины от Советского Союза. Участники „Союза освобождения Прибалтики“ – латыши и литовцы. ИТЛ Инта 1944 г.“ (А.Ш., стр. 348)

В начале 1944 года на комбинате Воркутлага действовала вооруженная организация повстанцев, которая в конце года была выявлена и в 1945 её руководители были осуждены:

1. Б.Иванов,1903 г.р., русский, инженер;
2. М.Перельштейн,1907 г.р., еврей, журналист;
3. Н.Ордынский, 1897 г.р., русский, академик.

Всего по этому делу было осуждено 29 человек. (СвГ., стр. 144)

За 1941 – 1945 годы в лагерях была ликвидирована 31 контрреволюционная вооруженная повстанческая группа. За тот же период были репрессированы 4452 человека, из них судимы за контрреволюцию (политику) 3561 человек. Осужден 3121 заключенный, из которых 1232 человека осуждены на смерть. (А.Ш., стр. 82)

Ирина Осипова ссылается на другие официальные данные МВД: за весь военный период в лагерях было осуждено 225877, из них расстреляно 9680 человек. (СвГ., стр. 205)

1946 – 1947 г.г., “...За пять месяцев 1946 и 1947 годов было предотвращено 556 побегов, из них 139 групповых. Арестованы и привлечены к уголовной ответственности 129 изменников Родины, перебежчики и другие враждебные элементы. Только за 1 квартал суду предано 73 спецпоселенца. Сбежала вооруженная группа из 20 человек. (А.Ш., стр. 299)

В 1946 году в одном из Северных лагерей за бунт уничтожено газом около 5 тысяч заключенных. (С.Юрусов. На рубеже 1952 г.)

В 1946 году в лагерях был осужден еще 9141 заключенный. (СвГ., стр. 208)

1947 г. 1 квартал – 10261 заключенный (там же)

1947 год, июнь месяц, выписка из резолюции донесения начальника Устьвымлага Моисеева:

“... май сего года

а) выявлено и привлечено к уголовной ответственности за контрреволюционный саботаж – 12 человек;

б) демаскировано побегов – 130 человек (А.Ш., стр. 428)

10 августа 1947 года было ликвидировано готовящееся вооруженное восстание, которым руководил Тулызин. Повстанцы планировали взорвать шахты, освободить из лагерей заключенных и бежать в сторону Балтии. В восстании участвовало 250 – 300 заключенных. Литовцами руководили Кекштас, Вашкявичус и др. (А.Ш., стр. 204)

1947 год, в Игарке против местного самоуправства протестуют заключенные, бывшие фронтовики. Администрация расправилась с ними руками уголовных рецидивистов. Позже тех же рецидивистов расстреливают.

Рассказывает Юозас Кракаускас, который позднее участвовал в восстании 29 шахты Воркуты:

„27 декабря 1947 г. в лагере состоялся суд. Группа заключенных создала штаб для руководства восстанием заключенных Коми. Цель – восставших заключенных через Украину, Карпаты вывести в свободную Европу. Приговор суда – кап.Драугялиса, Груоджюса и Ю.Кракаускаса – расстрелять. Позже приговор суда изменили на 25 лет заключения...“

1947 г. вооруженный побег с атомного объекта Арзамас-16 (г. Саров). Все участники (около 50 человек) окружены и уничтожены. (СвГ., стр. 209)

В 1947 г. восстание в трюме корабля „Ким“. 3000 заключенных перевозили на Колыму, их при -45С^{o} температуре обливали водой из пожарных шлангов. Результат: несколько сот оледеневших трупов и множество обмороженных инвалидов.

В марте 1948 г. приказом МВД № 00233 созданы особые лагеря: во Владимире, Александрове (Иркутская обл.), Верхнеуральске (Челябинская обл.). Здесь размещено 5000 заключенных.

Особым лагерям в конспиративных целях присвоены наименования:

№ 1 – Минлаг. Инта
№ 2 – Горлаг. Норильск
№ 3 – Дубровлаг. Мордовия
№ 4 – Степьлаг. Казахстан
№ 5 – Берлаг. Колыма
№ 6 – Речлаг. Воркута
№ 7 – Озерлаг. (1948 г. 7 декабря) Тайшет
№ 8 – Песчанлаг. Казахстан
№ 9 – Лугавойлаг.
№ 10 – Камышлаг. Кемеровская обл.
№ 11 – Дальнийлаг. Павлодар
№ 12 – Водораздельныйлаг

(А.Ш., стр. 237 и Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу. Ч.2. М., 1991., стр. 378)

СПРАВКА

„Воркутлаг имеет 62 лагерных пункта и отделения, кое-какие лагерные пункты, поэтому подотчетны только 54 единицы. Жилая площадь для заключенного шахты Аяч-Ягы 2 м², на шахте № 18 – 1,21 м², на известковом заводе – 1,13 м², в Кожве – 1,12 м². Всего бараков – 830. В бараке по три секции. В каждой по 100 заключенных."

1948 05 18

Майор Чепига (А.Ш., стр. 244)

Всего: 830x3x100=249000 чел. *(по моим подсчетам – Авт.)*

Из отчета секретаря партбюро управления Речлага:

„Только легкомыслие виновато в том, что, в производственной зоне шахты № 7 заключенные организовали производство гранат, и, безпрепятственно выносили их в жилую зону лагеря. Кроме того, несли аммонал и собирались напасть на работников МВД, с оружием в руках восстать и сбежать... в 14 лагере не выполняют норму 2478 человек из 12629 работающих..."

Секретарь партийной организации управления Речлага

Авдохин (А.Ш. стр. 246)

Из выступления замначальника политотдела МВД ГУЛАГа Сажина на конференции 17-18 февраля 1948 года;

"...Факты свидетельствуют: первый взрыв вагона посчитали случайностью. Ни политотдел, ни руководство стройкой не придало значения, хотя и раньше были случаи расшатывания рельс и т.д. Или возьмем связи между

заключенными и вольнонаемными – это позорное явление“ (А.Ш., стр. 300)

В 1948 г. в Ашхабаде, во время землетрясения заключенные восстали, выломали тюремные двери и сбежали. Тех, кто остался, или не успел сбежать, милиция окружила в тюрьмах и всех заключенных расстреляли, т.к. не было места для содержания заключенных.

Восстание 1948 г. на стройке № 501 описали отдельно А.Шеренас, А.Вологодский, К.Завойский и А.Добровольский.

Политбюро, ожидая успешного завершения разработки супермощного атомного вооружения, заранее спланировало где его разместить, чтобы защититься от Запада. 7 февраля 1947 г. принято постановление № 228-104 о постройке совершенно секретного порта за Уралом, на берегу Ледовитого океана в нижней бухте Оки для размещения установок дальнобойных ракет. Для этой цели через непроходимые горы Северного Урала нужно было протянуть 700 км железнодорожного полотна. Руководил осуществлением этого Заполярного проекта полковник Баранов. Он собрал контингент из более чем 60 тыс. человек, в том числе около 4 тыс.женщин и 1200 литовцев. Эту стройку заключенные называли „Пятьсот плачут, один смеется“. (А.Ш., стр. 393, 401)

Отрывок из выступления начальника политотдела Панфилова на конференции 28-29 мая 1949 года:

„Мы в 1948 году не сумели предотвратить вооруженный побег большой группы особо опасных преступников. Совершено 64 побега, сбежали 129 заключенных, <...> 66 бандитов смогли совершенно разоружить отряд охраны,

взять все оружие, открыть ворота колоны, где находилось 500 заключенных, главное, осужденных на большие сроки. (А.Ш., стр. 403)

А.Шеренас пишет: „Осенью 1948 года с 501 стройки бежало не 500 заключенных, а гораздо больше. Восставшие хотели идти в Воркуту, по дороге освобождая заключенных <...> и по радио обратиться к мировой общественности с заявлением о нарушении прав человека в Советском Союзе. Власти восстание подавили танками и самолетами. Все восставшие до единого были уничтожены . Среди восставших было много литовцев.“ (А.Ш., стр. 403-404)

О восстании на 501 стройке в 1948 г. официальная печать хранила молчание до сих пор. Но в сентябре 1995 года в газете „Аргументы и факты“ появилась статья А.Добровольского „Маленькая война на северном Урале“.

“...Увеличивалось количество рабов – покорителей Севера <...> привезли около 40 тыс. человек, по большей части осужденных по 58-й статье. Осенью 1948 г. в самый разгар строительства в нескольких лагерях произошли восстания. Ядром восстания были военные, под руководством одного полковника.

Видимо к рискованной деятельности готовились заранее. В условный час в одном из песчаных карьеров группа заключенных напала на конвой грузовиков и разоружила их. На этих грузовиках вооруженные автоматами заключенные приехали в свой лагерь, разоружили охрану и открыли ворота. Так же молниеносно восставшие заняли и близлежащие лагерные пункты. На свободу вырвались несколько тысяч заключенных. Восставшие сразу разделились. Часть потянулась в Воркуту, видимо желая

присоединить к себе множество заключенных Воркутлага. Другой крупный отряд „освободившихся“ направился в заполярную тундру на северо-восток к Обской губе, надеясь там захватить корабли и плыть дальше на восток чтобы затеряться в глубинах арктического побережья. (По другой версии – якобы руководители восстания имели связь с заграницей и надеялись на приход заграничных кораблей в Обскую губу, чтобы забрать восставших).

Восстание жестоко подавили. Было объявлено, что восстали власовцы, которых нечего жалеть. Для борьбы с отрядами заключенных были срочно переброшены полки МВД дислоцированные в республике Коми. С Большой Земли прислали эшелон с танковым батальоном, но оказалось, что в условиях полярного Урала танки применить невозможно. Основную роль в борьбе с повстанцами сыграла местная авиация. „Кукурузники“ были наспех оборудованы пулеметами, и за несколько дней прочесали всю территорию с воздуха. Вслед авиаторам вступили в дело заградительные полки МВД. (А.Ш. стр. 404)

„Несколько дней, пока в тундре шел бой, оставшихся в лагерях заключенных держали закрытыми в зонах. Днем возле лагерных городков останавливались „агитпоезда“, на платформах которых были свалены в кучу трупы восставших, а по ночам в закрытых вагонах везли убитых солдат и офицеров МВД. Сколько всего погибло человек во время „малой войны“ на полярном Урале неизвестно. Архивы конечно не сохранены, ну а живых свидетелей не осталось, ведь пленных или беженцев в этой войне не было.“

В комментариях А.Шеренас пишет, что вольнонаемный К. из Воркуты рассказывал: „Перед восстанием в одну из зон прибыло пополнение – около тысячи заключенных.

Органами МВД они были отобраны специально – спровоцировать восстание. Возможно это были уголовные, может политические, после исполнения замысла им было обещано освобождение. На спине „бушлатов“ возле воротника, у многих из них, были вшиты пистолеты (обычно, проходя через постового, охрана спину не прощупывала, а „оглаживала“ бока). Вот эти провокаторы и подняли мятеж. Много смелых голов пошло за ними. Были уничтожены все провокаторы и все поверившие им. Говорят что погибли четыре генерала Красной Армии“ (*Невозможно* – Э.Б.)(А.Ш., стр. 405)

Жестоко расправлялись с мятежными заключенными и после смерти Сталина. Вот строки из статьи Я.Беликова. „Смертельный турпоход“ (Комсомольская правда, 1996 г. 2 февраля):

“...Офицер КГБ выслушал меня и сказал: в конце 60-х на севере Свердловской области начались голодовки заключенных. Заключенные убили охрану и бросились к железной дороге, по пути освобождая другие лагеря. Около железной дороги были сосредоточены войска – с танками и артиллерией. Часть уголовных сдалась, но большая часть направилась в тайгу. Их было много. Они могли лесами перейти в Коми ССР, а оттуда в Ленинградскую область. Правительство, зная о такой опасности решило обстрелять переходы и места скопления заключенных выкуумными бомбами крылатых ракет. Погибло много заключенных, охотников, туристов, геологов, лесников. Лес рубят – щепки летят...“ (А.Ш., стр. 406)

В 1949 г. вооруженный побег из Берлага (Нижний Атурьяк). Побегом руководил генерал Семенов. Все беглецы погибли. (СвГ, стр. 209)

1949 год – крупное восстание в Сучане (Дальний Восток). Бунтовали и политические и уголовные заключенные. Погибло более 1000 человек. (СвГ, стр. 176)

1949 – 1950 г.г. вооруженное восстание политических и уголовных заключенных в лагере „Ельгенуголь“ Колыма. (СвГ, стр. 209)

О неудавшемся восстании 1949-1950 г.г., готовившемся в Инте, сомневавшийся в успехе (около 30 тысяч заключенных). В своих воспоминаниях говорит Бенедиктас Тракимас. В подготовке участвовали и литовцы. Командиром батальона и одновременно командиром 3-ей роты был Бенедиктас Тракимас, командир 1-ой роты – Ионас Борута, его адъютант, офицер Альгирдас Гасюнас; командир 2-ой роты Аницетас Калитис; начальник медчасти – хирург Ионас Даулянскис.

Последствия: арестованы заключенные, организаторы восстания – подполковник Павлов, румын, украинец, эстонцы и латыши. Некоторых приговорили к расстрелу. Одного расстреляли, судьба других неизвестна. Выдал диспетчер шахты № 2. (А.Ш., стр. 375)

В 1950 г. заключенные подняли мятеж в Ухте. Взломали склад посылок и продовольственное хранилище. Подавив бунт, заключенных в лагере построили и каждого пятого, в том числе и организаторов расстреляли без суда и следствия. (А.Ш., стр. 180)

В 1950 г. в лагерях начала действовать возродившаяся партия социалдемократов России. Заместителем председателя был избран Емельян Репин. (*Его свидетельство*)

В 1950 г. из лагеря Джезказгана пыталась совершить побег вооруженная группа заключенных офицеров под

руководством Кудрявцева. Участники осуждены. (СвГ.стр. 174)

1951 г. в 9-ом отделении Речлага выявлена антисоветская организация. (А.Ш., стр. 268)

4 марта 1951 года в Краслаге произошло большое восстание заключенных, во время которого было убито 64 заключенных. (СвГ. стр. 172 и 209)

1951 г. в Вахрушенском лагере на о.Сахалин 500 заключенных голодали 5 дней. (СвГ. стр. 209)

4 апреля 1951 года в Сосновке, Тайшетсий р-он, был арестован Закир Габайдулин, который с другими заключенными разоружил охрану, захватил паровоз и уехал в сторону Решет. Чекисты минировали железную дорогу и устраивали засады. Половину беглецов расстреляли. Потери были и у чекистов. (Воля, 1993, № 1, стр. 9)

1951 г. массовая голодовка в Ухтаземлаге. Большинство участников вывезено в Норильск. (СвГ. стр. 209)

В 1951 г. в Ленинградской пересылочной тюрьме „Кресты“ возрожден Союз борцов Свободы Литвы. Председателем избран врач Рубенштейнас.

1951 – 1952 г.г. в Инте было 10 побегов, из них 4 – групповые, попытки к побегу – 21, подготовки к побегам – 139 (А.Ш.стр367)

1950 – 1951 г.г. в Мордовском лагере 385/14 выпускалась газета „Жальгирис“, выпущено 20 номеров. Редактор – учитель Валис (А.Рузгас. Периодические издания подпольных резистентов 1940 – 1989 / компьютерный выпуск /, 2002 и Архив борьбы за Свободу 19, стр. 274-275)

Из отчета начальника лагеря „Ухтаземлаг“ от 1 августа 1952 года:

„Выявлено 28 человек выпускавших антисоветскую

литературу. Конфисковано 900 антисоветских газет и листовок ." (А.Ш, стр. 490)

„1952 год. В первом лагпункте Воркуты отобрано много воззваний антисоветского содержания. С воззваниями связаны вольнонаемные, а во втором лагпункте заключенные в жилую зону внесли взрывчатые вещества и боевые гранаты. " (А.Ш., стр. 268)

1952 год, январь месяц. В Воркуте из капитальной шахты через шурф (вентиляционное отверстие шахты) пытались сбежать два каторжанина (Доброштан и Саблин). (А.Ш., стр. 276)

1952 год, январь. Массовая голодовка в Экибастузе. (СвГ, стр. 209)

1952 год – большой мятеж заключенных в Озерлаге, мятеж поднялся после немотивированного расстрела заключенных, возвращавшихся колонной с работы. (Там же)

1952 год. При прокладке дороги (Дорога смерти Лабытнанго – Енисей) заключенные подняли вооруженный мятеж под руководством Героя Советского Союза Ершова. Разоружив несколько дивизионов и освободив несколько лагпунктов они ушли в тайгу. Здесь были разгромлены. (Там же)

Об этом восстании я слышал (1953 – 1955 г.г.) в 1-ой, 7-ой и 4-ой шахтах, а также на пересылочном этапе в Горьковской тюрьме. 505–я стройка прокладывала дорогу в Салехард через Уральские горы. Здесь были два очень больших лагеря – по несколько тысяч человек, большинство из осужденных власовцев.

Ими руководили высшие офицеры, один из них полковник Мехтеев. В субботу, когда солдаты гарнизона

мылись в бане, их арестовали заключенные. Переодевшись в форму солдат они разоружили охрану и заняли оружейные склады, радиостанцию, вездеходы. Объявили мобилизацию заключенных, исключив имевших малые сроки и тех, у кого срок заключения подходил к концу. Неповиновавшихся расстреляли. Солдат и офицеров закрыли в БУР и следственный изолятор. Отсюда направились в другой лагерь, находившийся в 20 км, разоружили охрану и освободили заключенных. После вышеуказанных действий созвали военный совет. Мнения разделились – одни предлагали идти в сторону материка, по дороге освобождая лагерников и раствориться в таежных массивах, другие, большинство с полковником Мехтеевым – в сторону Воркуты, освобождая там находящиеся лагеря и продвигаясь в сторону Карского моря, надеясь получить помощь от НАТО, чьи корабли могли попасть в свободный мир.

Первые утверждали, что такой план большинства является утопией, и даже если американцы придут на помощь, советская армия не даст возможности заключенным достигнуть моря. Таким образом, одни отправились в сторону тайги, их преследовали самолеты, возле какого-то поселения на них напали солдаты, но все же тогда им удалось сбежать. Позднее, в течении нескольких лет несколько десятков поймали, одних приговорили к расстрелу, других посадили пожизненно. Один из них Митя Сафронов (или Сафонов), в 1955 году рассказывал об этом в Кировском пересылочном пункте, утверждая об очной ставке с полковником Мехтеевым, которого взяли с несколькими другими руководителями возле Северной Воркуты и приговорили к расстрелу.

По рассказам других, (в упомянутой пересылочной тюрьме и из других источников), повстанцы заняли несколько лагерных отделений и приблизились к лагерям Северной части Воркуты. Здесь их ждали мобилизованные вольные жители Воркуты, гарнизоны и десантная дивизия, переброшенная самолетами из Ленинграда, оснащенная бронированными вездеходами. Завязался смертельный бой при Аяч Яге и 7 лагерных шахтах. Чекисты не справляясь с натиском восставших, вызвали военную авиацию, которая безостановочно бомбардировала позиции повстанцев. Одни говорят, что бой продолжался 3 дня, другие – неделю. Кончились боеприпасы, погибли и повстанцы. Оставшимся в живых был дан приказ оставить один патрон для себя. Из нескольких тысяч осталось в окружении только около 100 повстанцев, которые, встав во весь рост с обнаженной грудью кричали: „За Родину! За Свободу!“ и со штыками бросились на врага. Чекисты поливали их пулеметным огнем, но не ожидая такой атаки, побросав оружие бросились на утек. Горстка повстанцев, пополнившись оружием приблизилась к лагерю смертников „Цементная“. Здесь, около запретной зоны они окончательно были разбиты. И когда из лагеря был приведен узбек фельдшер, чтобы оказать какую-нибудь помощь, некоторым специально помилованным повстанцам, чтобы доказать советскую мощь, один из повстанцев ему заявил: „Эх вы, рабы, мы шли вас освобождать, а вы даже пальцем не пошевелили!“ - и плюнул ему в лицо. Рядом стоящий офицер – десантник приставил к голове повстанца пистолет и выстрелил сказав: Врага – героя надо уважать. Так ему будет лучше.

1952 г. 1000 заключенных Ухтыжемлага, объявивших голодовку, вывезли в Норильск. Кроме того, туда вывезли

и заключенных с железнодорожного участка Салехард – Игарка, где тоже произошло восстание, так же из лагеря Омскстрой, где был убит надзиратель и оперативный работник („кум“), захвачена лагерная администрация.

Отрывок из закрытого партсобрания отдела охраны МВД Ухтыжемлага:

...Речь Романова: „Большую <...> оперативную работу провел в 46 – ом лагерном пункте <...>, выявил подстрекателей – 28 человек. Мятеж был быстро погашен: в мае месяце выявил агитатора продолжать голодовку; предложил министру Ногинову и тов.Юдину (начальник Ухтымжемлага) после 4 – часового допроса вызвать его, полагая, что это явится начальной точкой отсчета окончания голодовки. Мои надежды оправдались.

В апреле и мае месяце выполнил большую работу в 13 – ом отделе лагеря, где предполагались выступления мятежников, там выявил 8 человек, все они были изолированы...

Кроме того, отобрал и просмотрел 900 рукописей и выявил автора антисоветских, подстрекательских листовок. Он привлечен к уголовной ответственности. “ (А.Ш., стр. 460)

1953 г. май – июль мес. Во втором лагере Инты заключенные подожгли ленту транспортера и электрические кабели. В шестом лагере найдены записи „Свобода заключенным!“. Все это реакция на события в Воркуте и Норильске.

Западные украинцы и прибалтийские авторитеты подстрекаемые троцкистами провоцируют беспорядки.

Летом 1953 года в Ухте был совершен групповой побег заключенных (беглецов не поймали). (А.Ш., стр. 197)

2 июня 1953 года – отрывок из донесения (Воркута):

20 марта с.г. задержаны 4 человека сбежавшие из 15 – го лаготделения. При сопровождении их в зону, по приказу оперуполномоченного 57 – го лаготделения Евсеева, конвойными Черкашиным, Белоусовым и Овсянниковым были расстреляны.“ (А.Ш. стр. 269)

В 1953 г. в Воркуте совершено 18 групповых и одиночных побегов. Всего сбежал 31 человек. Задержано – 21 человек. Кроме того, в 1953 г. заключенные 10816 раз нарушали лагерный режим. (А.Ш. стр. 246)

Из протокола собрания партийных организаций Речлага от 21 июля 1953 года:

„Сегодня в шахте № 2 забастовала бригада и не вышла на работу. Требовали заменить конвой.“ (А.Ш., стр. 247)

„В 18 – ой шахте найдено место где заключенные по самодельному радио слушали „Голос Америки“. “ (Там же)

„В 19 – ой шахте забастовала бригада заключенных; сели на дорогу и требовали приезда комиссии из Москвы.“ (Там же)

Выписка из донесения начальника Интинского Минлага Фатова от 31 августа 1953 года:

„Сейчас в Минлаге содержатся: украинцев 28,5%, русских – 12,5%, литовцев – 15,5%. Женский лагерь тайно выпускал журнал „Tautos keliu“ (Доро́гой нации).

Ксендз Адомас Альминас организовал материальную помощь литовцам инвалидам лагеря Абезе. (А.Ш., стр. 373)

“...Самой опасной категорией заключенных в Минлаге <...> являются заключенные Западной Украины и Прибалтики. Целью деятельности преступников этой категории является:

– нелегально приобрести холодное оружие;

– преследовать активнейших заключенных производственников – им угрожали, их запугивали, расправлялись физически;

– установить нелегальную или иную связь с единомышленниками за территорией лагеря через бывших заключенных.

За последнее время выявлена активнейшая деятельность этой категории заключенных во 2 – м, 3 – м, 6 – м лагерных отделениях и отделении Козымского лагеря. В шахте № 5 при взрыве самодельной гранаты, сделанной заключенными, один заключенный погиб и один ранен. Этот факт свидетельствует, что граната сделана в преступных целях.

Кроме того, преступники нарочно два раза поджигали шахту – в первый раз транспортер, во – второй электрический кабель.

В третьем отделении лагеря в последнее время сильную активность проявляют бандеровцы – они терроризируют жителей лагеря, по хулигански нападают среди бела дня на лагерную обслугу, бьют криминальный элемент, сознательно стараясь посеять вражду между этими группами, создать беспорядок.

Оперативные данные близлежащего Речлага МВД (Воркута) свидетельствуют, что большинство активных участников тех событий пытаются опять поднять массовое восстание и, по их словам, „все повторить, избегая ранее совершенных ошибок“, своей задачей они считают разрушительную работу по этим направлениям:

а) организовано готовить жителей лагеря к восстанию. Связаться со всеми отделениями лагеря и одновременно восстать массово всем лагерям;

б) связаться с близлежащими лагерями, с поддерживающими их идеи спецзаключенными, бывшими заключенными и другими элементами, добиваясь их поддержки к совместному восстанию;

в) опираясь на положительное к ним отношение жителей, организовать разлагающую работу среди военизированной охраны и надзирателей, добиваясь принятия на свою сторону морально неустойчивых и недисциплинированных лиц“.

(А.Ш., стр. 372)

Отрывок из протокола собрания партактива Минлага от 31 августа 1953 года:

„29 августа с.г. оперативный отдел в шахтах № № 11 – 12 предотвратил готовящуюся диверсию; там найдено и забрано 3 кг 200 гр взрывоопасного вещества и капсулы – детонаторы. <…> Заведено дело заключенного Б. Этот заключенный на холсте написал воззвание“. (А.Ш., стр. 374)

19 октября 1953 года и 6 – 7 ноября 1954 года бастовали 11 – 12 шахты Инты. 29 июня и 6 июля 1954 года в лагерном пункте Козым произошла голодовка уголовных и политзаключенных. (Там же)

1953 г. В лагпункте Полярный возле реки Соба возник бунт. Заключенные ликвидировали начальника лагеря Удота. (Журнал Karta (Поколение), № 4,1994., Г.Архипенков)

1953 год. Всеобщая забастовка в Воркуте. „Созданы повстанческие комитеты, в которые вошли представители различных национальностей, своя милиция, комитет раздачи продовольствия. Борьба началась 20 июля 1953 года восстанием заключенных при шахтах № № 7, 12, 14, 16 “ (Бастовали все, кроме шахты № 6. Эта шахта бастовала в

1954 году). Не работали все заключенные, кроме рабочих обслуживающих шахтовые водяные насосы и вентиляцию. Кирпичные заводы также бастовали. Заключенные отказались от переговоров с местной администрацией Воркуты. Прибыл генеральный прокурор Р.Руденко, командующий войсками МВД генерал – полковник Масленников, зам.генерального прокурора Барсуков и др.

Забастовочный комитет шахты № 9 передал заявление Советскому правительству. (А.Ш., стр. 248 – 249)

1 августа на шахту № 29 прибыла та же комиссия. Генерал Масленников представился как член ЦК.

Говорил заключенный учитель из Белоруссии, после него другие. Требовали свободы. Генерал Масленников сказал, что наказание все равно надо будет отбыть, но пообещал:

1. Снять с одежды номера;
2. Разрешить отращивать волосы;
3. Ввести систему зачетов за хорошую работу;
4. Не ограничивать переписку;
5. Снять с окон бараков решетки;
6. Отбывшим ⅔ срока наказания разрешить свободный выход за пределы лагерной зоны. (А.Ш., стр. 249)

Заключенные разошлись, но на работу не пошли. Вооруженные автоматами и пулеметами солдаты окружили лагерь. На другой день в зону вошла группа офицеров и стала фотографировать. Заключенные разбили фотоаппарат и взявшись за руки вытолкали офицеров из зоны. Пытались водой из пожарных брандспойтов разогнать заключенных, но они порезали шланги. Тогда генеральный прокурор Р.Руденко дал приказ стрелять. Стрелял из пистолета и он. Стрельба продолжалась 2 – 3 минуты, пауза и опять огонь.

Группа сектантов отделилась от толпы и начала молиться.

Тогда солдаты со сторожевых вышек расстреляли и их.

Все это произошло 1 августа 1953 года в 11.30. По неточным данным погибло 66 человек, ранено – 134. Другие источники говорят, что погибло несколько сотен заключенных, среди них - ... 11 литовцев:

1. Аугустас Бернотенас (1912 г.р.)
2. Афанасиус Казанас (1898 г.р.)
3. Альфонсас Килбаускас (1923 г.р.)
4. Миколас Чехавичус (1919 г.р.)
5. Казис Кайрис (1917 г.р.)
6. Вацловас Милкаускас (1925 г.р.)
7. Витолис Мартинавичус (1929 г.р.)
8. Бронюс Пукис (1930 г.р.)
9. Иозас Ряуба (1927 г.р.)
10. Эдвардас Величка (1929 г.р.)
11. Ленцонас (возможно Ленцюнас)

Представителем литовцев в забастовочном комитете шахты № 29 был капитан Афанасиусй Казанас. Главными организаторами акции протеста здесь были Эдвард Буц и Игорь Доброштан. (А.Ш., стр. 250)

В Воркуте забастовка началась в шахте № 7. Был создан стачечный комитет, одним из руководителей которого был литовец Яшкунас. Импульс для забастовки дали привезенные политзаключенные из Караганды и Кемерова. Начали забастовку ТЭЦ – 2 и шахты Аяч Яга № 12, 14, 16 и др. и вспомогательные лагеря.

В Аяч Яге привезенных из Караганды заключенных закрыли в БУРе. Узнав что начинается забастовка, пытались из этого изолятора прорваться в лагерную зону. Часовой с вышки начал стрелять, но застрелил ни о чем не подозревающих двух заключенных, сидевших возле барака.

Один из них был литовец Витаутас Макнявичус, студент Каунасского университета. Это происшествие переполнило чашу терпения, и восстание вспыхнуло в полную силу. Был создан забастовочный комитет под официальным руководством Колесникова, а фактически руководил Стасис Игнатавичус, создавший надежную сеть комитетов заключенных всех бараков. Добросовестно ему помогали студент Владас Шишка из Зарасай и Витаутас Вайняйкис из Шяуляй. Через коммутатор Аяч Яга стачечники поддерживали телефонную связь с другими лагерями. Чекисты не догадались сразу о таком способе связи, и не сразу его отключили, а позднее, когда работа во всех шахтах Воркуты уже была налажена, тогда забастовщики для связи использовали зеркальца.

Вооруженные пулеметами солдаты требовали прекратить забастовку, а генерал Деревянко просил собравшихся „не делать глупостей“, но был освистан и изолирован, заключенные от него отвернулись. После него замминистра МВД Масленников просил прекратить забастовку. Пообещал снять номера с одежды, выявить и наказать убийц застреленных заключенных, снять решетки с окон и дверей бараков, разрешить свободную переписку, платить деньги и предложить правительству пересмотреть дела заключенных, если же заключенные не послушаются, произойдет непоправимая ошибка.

Многие заключенные на этом сходе высказали свои мысли, выложили свои беды, унижения и мировой позор XX века, санкционированный правительством Советского Союза. Особенно обличающей прозвучала речь Витаутаса Вайнейкиса.

Забастовочный комитет Аяч Яга посовещавшись и

оценив тревожное положение, подготовленные чекистами пулеметы и пьяных солдат, решили временно приостановить забастовку. На другой день, 31 июля лагерь Аяч Яга вышел на работу. Через несколько дней руководство комитета было арестовано. Стасис Игнатавичус, Виктор Колесников, Степан Ковалев и Юрий Прусалов были закрыты в следственный изолятор 8 – ой шахты. Через несколько месяцев военный трибунал приговорил их к расстрелу, а через месяц изменил меру пресечения на 25 лет лагерей усиленного режима.

В капитальной шахте № 1 тоже был создан тайный забастовочный комитет, призывающий не выходить на работу. Если вошел в шахту – бастуй по-итальянски – не выдавай продукции. Добыча угля снизилась в несколько раз, а найденная и разминированная бомба в спусковом стволе шахты испугала не только чекистов, но и пассивных наблюдателей, противников забастовки.

Умереть в загазованной шахте, не имеющей категории, никто не хотел, но забастовочный комитет все выжидал, т.к. контингент лагеря, ранее испытавший на себе самоуправство чекистов, был очень консервативен. Наконец – то чекисты разрешили снять решетки с окон, номерные знаки с одежды и объявили о других льготах. На работу не вышли только вторая и третья смены, видимо боялись взрыва шахты.

Когда дошли слухи о расстреле 29 шахты, забастовочный комитет призвал всех выйти на работу. В комитете, по словам Витаутаса Свиласа, участвовали литовцы Эдвардас Лаугалис, Иозас Грушис, Альбинас Блюис и он. Председателем забастовочного комитета был русский Рыбалко.

После потонувшего в крови восстания 1953 года в Норильске и Воркуте, заключенные короткое время

находились в шоке. Оправились почти тотчас же, они с еще большей решимостью, исправляя свои ошибки, начали готовиться к восстаниям и дальнейшей борьбе, поражениям и победам, потому что монолитный советский режим все еще был достаточно крепок. Активные массы лагеря пополнились радикальными элементами, которые не раздумывая рвались к борьбе, потому что познали горечь поражения и сладостное волнение сердца от маленьких побед, веря в свою правоту. Надо было сплотить ряды, проверить их численность и качество, направить радикалов на выявление и уничтожение шпионов, убедить всех политзаключенных что выжить можно только при условии поддержки друг друга, т.е. создав новое общество.

1953 – 1954 г.г. в Воркуте было выявлено и уничтожено немало „стукачей".

Взорваны электроподстанция 7 шахты 9 января 1954 года и 14 января 1954 года партсобрание администрации 7 шахты, в 4 – ой шахте оборван питающий электрокабель (1955 г.) и испорчено несколько сот метров основного транспортера шахты. Добыча угля упала вдвое.

В 1954 г. забастовала 6 шахта Воркуты (4 – ое лаготделение).

„1954 г. в 4 – ом лаготделении (начальник тов.Жилин) неправильное отношение к оружию спровоцировало акт неповиновения.

<...> 1953 г. много дней не работала половина Речлага, а теперь в 4 – ом лаготделении повторяются прошлогодние события..."

Из сообщения начальника политотдела Попова на партконференции 24 – 25 апреля 1954 года в гор. Воркуте. (А.Ш., стр. 268)

Альгирдас И.Куялис рассказывает о боевой организации „Черная маска“, действующей в 7 шахте Воркуты. Организация наказывала „стукачей“ и проводила диверсии в шахте. Далее он характеризует (1954 – 1955 г.г.):

“... завербовался в тайную организацию „Черная маска“. Это вроде боевой группы по наказанию „стукачей“ и проведению других диверсий ...“

Хочу напомнить, что и заключенные были не одной категории. Одни отбывали свой срок тихо, пассивно, другие различными способами пытались бороться и в лагерях, даже тогда, когда казалось, что сделать ничего не возможно.

(Воспоминания политзаключенных Воркуты. В.1998., стр. 107)

Весной 1954 г. в 21 ОЛП Княжпогоста произошло восстание заключенных. Организовали уголовные заключенные. Надзирателей выгнали из зоны. В заложники были взяты замначальника Завьялов и начальник медотделения Окунев. <...> Духовой оркестр залез на крышу барака и сутками играл траурные мелодии Шопена. <...> На пятый день заключенные забастовку прекратили. (А.Ш., стр. 423)

1954 г. – активизирована деятельность Союза борцов Свободы Литвы в лагерях Воркуты.

В 1954 году основана организация „Союз борцов за Свободу“ и „Северный союз за Свободу“. Руководил Емельян Репин.

1954 г. отпечатана подпольная газета на русском языке „Северное сияние“ и несколько воззваний к заключенным Воркуты, призывающих готовиться к восстанию.

В 1954 – 1955 г.г. в женском лагере № 4 Инты

выпускалась подпольная периодическая газета „Žiburėlis tundroje“ (Огонек в тундре). Редактор Наталия Пупейкене. (А.Рузгас. *Упомянуто выше*)

1954 г. в лагерях Инты выпускалась сатирическая подпольная газета „Po šimts kalakutų“ (Сто индюков). Редактор Альгирдас Чепонис. (Там же)

В 1954 – 1955 г.г. в Жигулях (Куйбышевская стройка электростанции ГЭС), в лагере издавалась 24 – х страничная подпольная газета „Tėvynės Aidas“ (Эхо Родины). Издано 13 номеров. Её выпускали и редактировали: Б.Янцявичус, А.Стасишкис, А.Раманаускас, И.Вайдялис и др. (Газета „Širvinta“, 1990 и А.Стасишкис)

В 1954 – 1955 г.г. в лагерях Магадана выпускалась подпольная газета „Toli nuo Tėvynės“ (Вдали от Родины) объемом в 30 страниц. Выпускали А.Рузгис, И.Вишняускас, П.Пауликас, П.Карчяускас, Б.Шапка, Ч.Каваляускас и др. (А.Рузгас. Упом. в статье и Б.Златкус)

1954 – 1955 г. В Джезканганском лагере Рудник выпускалась подпольная политическая газета „Svajonė“ (Мечта). Выпущено 8 номеров. Редактировал Целестинас Аяускас. Выпуском и оформлением руководил Стасис Словяцкас. (А.Рузгас. Упом. В статье и С.Аяускас)

В 1954 году 22 – летний Смирнов не снял шапку перед начальником Инты Халеевым, за это был посажен в карцер, где совершил самосожжение. По этому поводу заключенные объявили 7 – дневную голодовку. Литовцы были активнейшими. (А.Ш. стр. 356)

1954 г. Москва, Лукьянову

„По распоряжению ГУЛАГа со всех Северных лагерей в Инту предусмотрено выслать граждан других стран.

Намечено перевести 3 тыс. человек. Прибыв в Инту они начали предъявлять претензии. <...> Поэтому они все организованно отказались работать...“ (А.Ш. стр. 278)

В 1954 году произошло крупнейшее восстание в СССР в Джезказгане, унесшее жизни более 600 заключенных. Подавлено танками.

В 1955 году бунт в исправительном лагере „Известковая“ на Колыме. (СвГ. стр. 209)

В 1955 году в Воркуте в особом спец.исправительном лагере № 62 изготовлен детекторный радиоприемник, который в течении 2 месяцев заключенные слушали ежедневно. Поэтому был создан Всеворкутинский забастовочный комитет, который в 1955 г. подготовил восстание и успешно им руководил.

В 1955 году в том же лагере возобновлен выпуск подпольной газеты на русском языке „Северное сияние“. Редактировал Е.Репин. Выпускали В.Вайнейкис, Э.Бурокас, В.Шишка. С.Игнатавичус, А.Пляпис.

В 1955 г. в том же лагере выпускалась рукописная подпольная газета „Varpas“ (Колокол), которую редактировали Пранас Веверскис, Эдвардас Лаугалис, Алоизас Кудукис, Повилас Вайчякаускас, Адомас Лукошявичус и др.

В 1955 г. в том же лагере издана печатная подпольная газета „Protėvių takais“ (Дорогами предков). Редактор Теодорас Киликявичус. Издан СБСЛ. Так же было издано несколько печатных воззваний, часть которых хранится в Особом архиве Литвы в Вильнюсе (бывший КГБ). В издании участвовали В.Вайняйкис, Э.Бурокас, И.Микеленис?, В.Корсакас, Е.Сметона, П.Витурис и др.

В 1955 г. в 62 лагере Воркуты была создана подпольная

антисоветская школа борьбы. Преподавали русские антикоммунисты.

В 1955 г. в том же лагере интернировано около 10 высших офицеров ГУЛАГА. Требовали освобождения незаконно изолированных в карцере заключенных.

„После смерти Сталина была объявлена амнистия, но ожидания политзаключенных не оправдались. В первую очередь были освобождены уголовники, убийцы, воры и всякая шваль. Иссякло терпение политзаключенных. Начались забастовки (1 забастовка – 21 июля 1953 года, 2 забастовку летом 1955 года начали литовцы)“ (B.Brazdžionis. Poezijos pilnatis V., 1989, стр. 531)

В газете „Varpas“ № 2 (21) от 1996 г. и № 3 (22) Винцас Гурскис описывает возрождающиеся СБСЛ организации и зреющие восстания в советских концлагерях Воркуты. На угольных рудниках были организованы диверсионные акты, взрывались механизмы, электростанции. В этой деятельности активно выражались группы Э.Бурокаса, Э.Лаугалиса, В.Свиласа и Е.Сметоны, которые в 1954 году соединились с другими группами СБСЛ. Началось сотрудничество с организованными группами политзаключенных других национальностей, которое получило общее название „Союз борцов за Свободу“. Так копились силы для всеобщего восстания политзаключенных.

После волны восстаний 1953 года в лагерях Воркуты и оправившись от шока после расстрела заключенных в 1954 году восстанавливаются группировки и соединяются с СБСЛ.

Для достижения целей СБСЛ были предусмотрены агитация, пропаганда, саботаж, диверсии. Все эти мероприятия уже исполнялись. Главной целью в лагерях

было всеобщее восстание заключенных, требующее по обстоятельствам частичной или полной свободы.

СБСЛ через вольнонаемных или рабочих шахт завязал постоянную связь со всеми лагерями Воркуты. Были разосланы временный устав Союза и планы действия. Почти во всех лагерях были созданы СБСЛ комитеты, которыми руководили авторитетные, в борьбе закаленные руководители. Насколько помню шахтой № 1 – В.Свилас и Э.Лаугалис; № 8 – И.Кластаускас, А.Брунза; в Аяч Яге № 12, 14, 16 – Скачкаускас, Ивашкявичус, Милерис; № 3 – П.Алексеюнас; № 4 – М.Кемтис, Т.Киликявичус, Е.Сметона; № 9, № 10 – И.Жилинскас; № 6 – И.Скаржинскас; медгородком – З.Палдавичус, 62 – спецособым лагерем – С.Игнатавичус; № 40 – В.Светикас, А.Пятрайтис; № 7 – В.Шишка и мн.другие. Позднее эти люди (1955 г.) стали руководителями комитетов восстания шахт.

В 1953 – 1954 г.г. завоеванные кровью заключенных послабления лагерного режима заключенных неудовлетворяли. Они хотели свободы и победы идей, из-за которых лишились свободы. По обеим сторонам баррикад ясно понимали, что мира не будет, сопротивление заключенных все будет расти.

Растерянные чекисты применяли насилие, по малейшему поводу сажали в карцер, или везли в известный 62 – ой спецлагерь особо строгого режима. Таким образом, руководство лагерей само того не желая собрало группу борцов за свободу, которая исполняя цели СБСЛ, добивалась всеобщего восстания заключенных Воркуты. Еще большее впечатление произвел выращенный Каунасским студентом Повиласом Улозасом кристалл, при помощи которого изготовили детекторный радиоприемник, по которому

услышали на русском языке радиостанцию „Голос Америки". В сообщении говорилось, что на Ялтинской конференции 1945 года решено временно передать под управление СССР Литву, Латвию, Эстонию, Западную Белоруссию и Западную Украину. На этом основании была начата подготовка к всеобщему восстанию 1955 года в Воркуте.

Согласовав с отделениями СБСЛ многих лагерей, штаб был переведен в 62 –ой спецлагерь особого режима. Была создана новая система связи. Из соседней 8 – ой шахты приводили ремонтную бригаду, которой руководил Стасис Ласкаускас. Он и стал прямым связником. Выдолбив в рукоятке кирки углубление, с огромным риском, каждый день туда и обратно носил воззвания, указания, газеты и деньги, которыми заключенные других лагерей поддерживали находящихся здесь. Всю корреспонденцию он передавал Ионасу Навицкасу, а тот через ссыльных поволжских немцев на мотоциклах развозил адресатам.

Для организации и проведения восстания Воркуты был создан комитет восстания:

С.Игнатавичус – председатель, И.Вайняйкис – издание печати, И.Валайтис – дисциплина и боевая подготовка, Э.Бурокас – связь и безопасность, И.Уогинтас – стратегия и тактика, В.Шишка – связь с другими народностями, А.Пляпис – хозчасть и др.

С.Игнатавичус под псевдонимом „Миндаугас" написал письмо-воззвание ко всем политзаключенным Воркуты и Инты, его лейтмотив – Запад на Ялтинской конференции 1945 г. нас предал. Прошло десять лет, но мы не прекратили борьбы ни на Родинах, ни в лагерях, поэтому обращаемся к литовцам, эстонцам, белорусам и украинцам призывая

их присоединиться к всеобщей забастовке 1955 года. Мы можем пойти на компромисс, соглашаясь работать в неволе на Родине, а здесь только свободными людьми. Призываем к солидарности заключенных других национальностей, потому что, будучи свободными мы сможем помочь и им. Восстание должно быть мирным, любыми способами избегать конфликта с ЧК. При опасности расправы с заключенными, как в 1953 году – восстание прекратить. И предупредить чекистов – если произойдут кровавые события, заключенные сделают все, чтобы угледобывающие шахты Воркуты были не пригодны к эксплуатации 100 лет. Дата восстания будет сообщена позднее.

Чекисты догадывались о назревающих событиях, но точно не знали, кто и где руководит и когда произойдет восстание. Через своих агентов сначала запугивали, что восстание не произойдет, что восстание готовят провокаторы, с ведома чекистов, желая политзаключенным „пустить кровь" и вернуть бывший лагерный режим, потому что советская власть как никогда сильна и ультиматумами ничего не решить.

Опять возобновилось издание газеты на русском языке „Северное сияние". Издано 2 номера. Начала выпускаться газета на литовском языке „Protėvių takais", редактируемая Т.Киликявичусом, печатались воззвания и инструкции восстания. Одновременно работало около 20 человек пишущих каллиграфическим почерком. Это В.Корсакас, П.Витурис, И.Микелионис, Е.Сметона и многие другие.

По прибытии в 62-ой лагерь Э.Лаугалиса, П.Веверскиса, А.Брунзы, А.Кудукиса, А.Лукошявичуса, П.Вайчекаускаса и других наших интеллигентов, было решено выпускать рукописный „Varpas" (Колокол).

Это была литературная политически сильная, объемом в тетрадку газета, поднимающая заключенных к восстанию, на борьбу за свободу. Украинцы издавали газетку в один лист, с названием кажется „Nepodleglost“ (Независимость).

Политические заключенные взялись за меры безопасности: проверялись письма, один человек не имел права подойти к надзирателю. Главный вклад в меры по безопасности внес Т.Киликявичус. Он со своими разведчиками выявил нескольких, вроде достойных всяческого доверия людей, являвшихся агентами, через которых ввели в заблуждение чекистов, думающих, что восстание начнется несколькими неделями позднее, т.е. в августе.

„X“ день восстания – 21 июля. Об этом дне знали только центральный комитет восстания и председатели комитетов восстания других лагерей. Но на 4 – ой шахте произошло преждевременное восстание. Заключенные, из-за возникших разногласий с конвоем не возвращаются в жилую зону, а здесь, не дождавшись их возвращения не выходят на работу и другие.

Чекисты дезинформируют, что 4-ая шахта расстреляна. Провокаторы прямо кричат: „Восстание провокация“. Сильную охрану еще укрепляют Ленинградской и Кантемировской дивизиями, которыми командует сам генеральный прокурор Руденко. Воля и дух наиболее слабых ломается, начинается шепот „Зачем все это было нужно, расстреляют как зайцев...“ Медлить было нельзя. Восстание надо было начинать ранее намеченного. Наступило решающее 19 июля 1955 года – день всеобщего восстания Воркуты, чекистами названный „Восстание прибалтов“.

По инструкциям комитета восстания, в каждом лагере, в 5 часов утра вооруженные ножами активисты СБСЛ входят в жилые бараки и предупреждают, чтобы ни один заключенный не выходил на работу. После этого все лагерные зоны переходят на военное положение. Днем и ночью, во время восстания дежурит охрана из заключенных.

В лагере ТЭЦ – 2 заключенные эту инструкцию нарушили. Ночью, пьяные солдаты перерезали колючую проволоку и избили спавших заключенных. Это единственный пострадавший во время восстания лагерь.

Развязка наступила быстро. Власти поняв безнадежность положения, а может испугавшись взрыва заключенными шахт, приступила к мирным переговорам. На нескольких шахтах начались суды. Несовершеннолетних, и отбывших ⅔ наказания отпустили, а отсидевших треть срока выпустили из зоны.

На 7-ой шахте убрали охрану с вышек и разрешили политзаключенным жить вне зоны, только чтобы они выходили на работу.

Достигнутая победа в Воркутинском восстании 1955 года основную массу политзаключенных удовлетворила и все шахты начали добывать уголь.

Потери восстания: за бунт – восстание 1955 г. – 47 человек на год были вывезены в закрытый политизолятор – Владимирскую тюрьму. Другие, наиболее активные заключенные, более 300 человек вывезены в лагеря Тайшета Братского района.

Восстания 1953 – 1954 г.г. в Норильске, Воркуте, Жезказгане и др. местах были спонтанными, потопленные в крови заключенных, но каждое из них дало результаты: облегчили непосильную долю заключенных, показывали и

зажигали надежду, что объединившись, общими усилиями одним или другим способом можно одолеть „непобедимый“ СССР, подчинивший себе почти весь мир.

Забастовки 1955 года в лагерях Воркуты уже организованные. Это генеральная репетиция „повторить минуя ранее допущенные ошибки“ (пишется в чекистских документах, найденных в архивах Коми ССР (РАКО,Ф.2174 А.1, б.258,1.188-19Р).

Всесоюзное восстание заключенных в 1956 – 1957 г.г. должно было экономически поставить на колени „империю зла“, потому что вся экономическая система СССР держалась на принудительном труде двадцати миллионов уголовных и политических заключенных.

Коммунисты опередили грядущие события. В 1956 году в места заключения были посланы комиссии Верховного Совета СССР, которые почти 80 проц. заключенных выпустили на свободу, другим сократили сроки. СБСЛ, Союз борцов за Свободу, „Norilsko Vyčiai“ и члены других организаций не переживали, что всесоюзное восстание 1956 – 1957 годов не состоялось, потому что о последствиях никто не догадывался, но они радовались своей временной победе, когда враг должен был потесниться. Не смерть Сталина, а забастовки и восстания заключенных положили начало краха империи СССР. Смерть Сталина не прекратила репрессий, убийств и геноцида. Коммунисты своей идеологией за весь период своего правления уничтожали свой и другие народности. Уже после смерти Сталина по приказу „демократа“ Хрущева в 1953 – 1954 г.г. открыто были расстреляны и задавлены танками безоружные политзаключенные – мужчины и женщины, в 1959 году – рабочие Воронежского завода им.Тельмана, в 1960 году

жители Темир-Тау (Карагандинская область), в 1962 году жители г. Новочеркасска (Ростовской обл.).

Может забыли инспирированные Горбачевым убийства в Тбилиси, Баку, Вильнюсе? Многие, пишущие сейчас воспоминания, радуются: Сталин умер, кандалы спали! Все счастливы, с благословения „хороших коммунистов“ вышли на свободу. Не будем вводить в заблуждение не знающих, то что мы стали свободны, помогла невинно пролитая кровь восставших, их решительность и долг продолжать борьбу за Правду. Это они дали нам свободу, а не смерть сталиных. Вспомним письмо „доброго коммуниста“ А.Снечкуса, написанное 6 декабря 1956 года в ЦК Компартии СССР:

„На политическое положение республики отрицательно влияет и то, что в последнее время в Литву вернулось много лиц, ранее совершившие тяжкие контрреволюционные преступления. Многие из них были лидерами буржуазных партий, командирами отрядов вооруженного сопротивления“ (Русские военные архивы, ч.1. М. стр. 257-258)

В книге А.Шеренаса „Лагеря смерти Воркуты“ (стр. 260) есть интересный, не бросающийся в глаза документ, найденный в партийном архиве г.Сыктыквкар Коми ССР

„Секретарю обкома партии Коми АССР тов.Осипову
СООБЩЕНИЕ

О работе политотдела ИТЛ Воркуты за II-ое полугодие 1955 года. *(Период восстания – Авт.)*

...До 1 января 1956 года выпущены на поселение за зону 14919 человек, с облегченным режимом – 12264, общего режима – 19210 чел. В некоторых зонах разобраны ограждения (27-ой ОЛП, обслуживающий шахту № 7,

лагерное отделение № 3, обслуживающее управление шахты № 2 (СУ-20, бывшее лагерное отделение № 15, обслуживающее шахты № 3 и № 4).

Зам начальника политотдела полковник Попов“

(А.Ш., стр. 260)

В 1955 году были разрушены лагерные зоны, выпущено 14919 человек, и Комиссия Верховного Совета СССР начала амнистию заключенных только летом 1956 года.

Чем заключенные Воркуты в 1955 году стали лучше и удостоились преждевременной свободы ? Работой ? Нет – восстанием! (хотя официально о восстании 1955 г. никто нигде не сообщает, кроме БИ-БИ-СИ и Бернарда Бразджениса).

Адомас Лукашявичус „Su „Varpu““

...„После восстаний 1953 года и кровавой расправой с заключенными в 1955 году началась подготовка к восстанию.

Из угольной шахты № 1 „Капитальная“ были вывезены в 62 – ой особый штрафной лагерь Альбинас Брунза, Эдвардас Лаугалис и Адомас Лукашявичус, которые активно готовили заключенных к восстанию в шахте № 1. В 62 – ом лагере всем своим существом включился в ход подготовки к восстанию. Начали издавать газету „Varpas“, которая путешествовала из рук в руки по всем гулагам Воркуты и звала на смертный бой с коммунистической идеологией, за права наций и человека, за право жить... Материалы для газеты готовили П.Веверскис, Э.Лаугалис, А.Кудукис, А.Лукашявичус и многие другие.

Наша борьба дала результаты. В 1956 году были пересмотрены дела политзаключенных и большая их часть отпущена из лагерей и тюрем“. (Varpas, 2000, № 6, стр. 20)

Игнас Уогинтас „Заключенные Воркуты восстали“

„В 1955 году в спецлагерь особого режима № 62 я попал как агитатор забастовок. Здесь, таких же, неподходящих для режима других лагерей, нашел много. При встрече обсудили международную и внутреннюю экономику СССР, которая держалась на работе заключенных и ссыльных. Решили подготовить и объявить забастовку „Прибалтийцев“ в 1955 году, которая должна была перерасти в восстание заключенных всей Воркуты. Создали Воркутинский забастовочный комитет. Председателем был избран Стасис Игнатавичус, я был заместителем и ответственным за стратегию и тактику. Когда Стасиса вывезли в закрытый лагерь Старой Руссы, восстанием пришлось руководить мне. По всем лагерям выслали указания, особо подчеркивая, чтобы не повторяли ошибок 1953 года и избегали всяческих жертв. Видя, что чекисты могут расправиться с заключенными, восстание тотчас прекратить. Это восстание должно было стать генеральной репетицией. Получив одобрение из других лагерей, подготовка велась нормально и результат был положительным, исключая несколько десятков заключенных вывезенных из Воркуты во Владимирскую тюрьму. После волны забастовок 1953 – 1955 г.г. коммунисты вынуждены были открыть ворота лагерей и сотни тысяч людей вернулись к своим семьям“ (Там же)

Стасис Улевскис. „Вдохновленный забастовкой“

„По инструкции Всеворкутинского забастовочного комитета и по решению заключенных шахты № 7 местного лагеря в июле 1955 года состоялась забастовка политзаключенных.

Требовалось выпустить заключенных на свободу. Во

время забастовки пришел начальник Сычев со свитой незнакомых офицеров и по-хорошему просил выйти на работу, обещая заключенных выпустить на свободу. Заключенные не поверили его словам. Тогда он подал знак часовым на вышках оставить их, а заключенным сказал чтобы выходили на работу и селились где хотят, даже за лагерной зоной. Охрана слезла с вышек, а люди похватав свои личные вещи и постель, покинули лагерь.

Так как руководитель забастовкой 7 - ой шахты Феликсас Кирвелайтис уже раньше был переведен на ТЭЦ - 2, все заботы связанные с организацией забастовки достались мне. Я обратился за помощью к Иозасу Жилинскасу с 9 – ой шахты и другим. Получил ответ: цель достигнута, идите работайте и готовьтесь к дальнейшей борьбе в будущем.

Люди поселились кто где сумел, а вместо лагеря была создана школа подготовки сержантов – чекистов. Заключенные обязаны были регистрироваться в комендатуре до 1956 года, пока в июне – июле месяце прибывшая из Москвы комиссия не распустила около 90 процентов заключенных по домам.

Из всего этого я понял, что свободу Литве может дать только борьба в любых условиях и обстоятельствах.

Поэтому, будучи в Литве я сразу же включился в СБСЛ и, с Юозасом Жилинскасом участвовал в антикоммунистическом съезде в Клайпеде и принимал участие в похищении высокопоставленного чекиста в Вильнюсе. Так же до Возрождения распространял газету „Varpas“ и другие антисоветские воззвания в Сувалкии. (Там же, стр. 21)

Иозас Грушис. „Начали...“

„В 1954 году Витаутас Свилас, Эдвардас Лаугалис, Адомас Лукашявичус и я по директивам СБСЛ начали подготовку к забастовке в шахте „Капитальная“, но был заподозрен и закрыт в изолятор. Чекистам не удалось доказать мое участие в подготовке забастовки, но по их мнению, будет лучше, если я буду отделен от масс. В том же году меня вывезли в 59 - ый лагерь, в котором содержались уголовники. Чекисты не смогли подавить решимости СБСЛ и забастовка в шахте „Капитальная“,так же как и в других лагерях Воркуты, состоялась. Я чувствую удовлетворение, что был причастен к падению монстра XX века“ (Там же., стр. 23)

Винцас Корсакас, „Единогласно“

„Это случилось в 7 – ой шахте Воркуты в июле 1955 года. На работу ходил редко. Семь суток отсижу в изоляторе, трое-четверо в жилой или рабочей зоне, потом опять в изолятор. По возвращении из изолятора встреченные друзья сказали что готовится забастовка. Однако организовать забастовку не так легко, потому что в лагере четыре - пять тысяч различных национальностей, разных возрастов, по разному мыслящих заключенных. Я хотел чтобы забастовка состоялась и ходил по баракам, разговаривал с людьми не поддерживающими забастовку. Одни боялись расстрела, другие, что потеряют легкую работу, еще другие, запрета на получение посылок из дома. Со своей точки зрения они были правы, но массовая забастовка – это дело не нескольких личностей. Здесь решается судьба тысяч. Атмосфера забастовки чувствовалась не только в лагере, но и за его пределами; на сторожевые вышки поднимали

пулеметы. Вместо одного часового вставали два. В назначенный день забастовка началась. В первую смену не только в шахты, но и на надземные работы не вышел ни один заключенный. Но лагерная администрация, видимо, готовилась тоже заранее. В зоне установили несколько громкоговорителей и постоянно повторяли: „Уважаемые заключенные не присоединяйтесь к саботажникам и забастовщикам. Идите на работу без конвоя!“ Открыли ворота лагеря, со сторожевых вышек часовых сняли.

Организаторы забастовки такого неслыханного происшествия в СССР не видели. Все ожидали решительных действий, даже репрессий, а здесь из громкоговорителей лились самые радужные обещания. Первая и вторая смены в шахты не спускались. Третья на работу вышла почти в полном составе, но однако были и такие, которые бастовать не прекратили. Их, а вместе и меня, вывезли в 62 – ой лагерь, а отсюда во Владимирский специзолятор – тюрьму. Начальник тюрьмы прочитал приговор: саботаж, отказ выходить на работу, подготовка к забастовке – лишением свободы на год, с отбытием наказания во Владимирской тюрьме.“ (Там же)

В январе 1955 года на 501 – ой стройке Тюменской области начались волнения. Вместо того, чтобы разоружить часовых и начать освобождение лагерей, бытовики с оружием сбежали в тундру. Заключенных в лагере чекисты расстреляли из пулеметов.

Она Лещинскайте – Шведене

„Еще в лагере я попалась с лагерной литературой – газетами, но успела выбежать на улицу и спрятать её. Надзирательница нашла. Я не призналась, за это

меня полгода не выпускали из зоны. Дважды ходила к лагерю строгого режима, где сидели мужчины. Среди них был мой знакомый Иозас Янцявичус“. (Один из руководителей забастовки 1955 года – Э.Б.). (Воспоминания политзаключенных Воркуты. В.1998, стр. 115)

Антанас Латужис пишет в воспоминаниях:

„26 июля 1955 года (забастовка началась 19 июля – Э.Б.) меня вызвали и велели сдать постель. Собрали около 100 мужчин, вывели за ворота, посадили и оставили нас без охраны, без собак. Сидим не двигаясь с места, ждем что будет. Не скоро из штаба вышли двое часовых с нашими документами и повели. Мы удивились, что нас никто не конвоирует. Привели к женскому лагерю и оставили. Ждем, ждем, а наших руководителей все нет. С земли подняться боимся, чтобы с часовой вышки не получить автоматной очереди. Природа требует свое, все таки полдня прошло. Попробовали встать, никто не обращает внимания и не стреляет. Выдали удостоверения, свободно могли выйти и вернуться когда хотим, стали вольнопоселенцами“. (Там же, стр. 143)

В сентябре 1955 года в Воркуте, солидарность с криминальными заключенными чекистам удалось нарушить провокациями. В своих воспоминаниях пишет Винцас Корсакас: „Чекистам позарез нужно было расправиться с заключенными штрафного лагеря, от которых ничего хорошего не могли ожидать и в будущем. Своими руками это делать не хотели, поэтому воспользовались известным методом. Из 62 – го штрафного лагеря привезли около 200 политических заключенных, поселили в бараке 8 –ой шахты, на них напали местные уголовные, которых было несколько

тысяч. Завязалась яростная, неприкрытая и неравная борьба. <...> Не выдержав натиска бежали в запретную зону, но и здесь их добивали автоматными очередями со сторожевых вышек. <...> Из погибших литовцев помню сувалкийца Иокубаускаса и кажется, жемайтийца Макара.<...> После этой трагедии начались волнения и в нашем 62 – ом лагере. Нашли длинный шест и высоко на здание подняли черный флаг, сшитый из 6 простыней. Флаг приказали снять. Ни угрозы, ни увещевания не помогли. Дежурили три ночи. Худшим для чекистов было то, что флаг был виден не только в поселке, но и из города Воркуты. Через три дня произошел траурный митинг, было много речей осуждающих чекистов и коммунистическую партию, минутой молчания почтили память погибших всех национальностей и спустили флаг“. (Там же, стр. 68 – 69)

Возле имитации гроба, покрытого серым тундровым мхом, три дня не дежурство почетного караула, а лагерь от чекистов охраняли около двухсот воинов самообороны. В.Вайняйкис и эстонец Е.Руссо на крышу изолятора подняли еще один флаг из красной ткани с черными краями.

„Январь 1956 года. На Тайшетской „трассе смерти“ произошла массовая голодовка. В 307 – ом лагпункте Озерлага 950 заключенных требовали пересмотра дел. 12 января к ним из солидарности присоединились 800 заключенных из 308 –го лагпункта. В тот же день объявили голодовку заключенные в изоляторе из 26 – го лагпункта. Большинство заключенных было освобождено. 23 человека, в том числе и автор этого очерка, вывезены во Владимирский политизолятор, из которого в сентябре 1956 года были выпущены на свободу“. (Г.Климович, 1990 12 12, Гомель. – СвГ, стр. 176)

Летом 1956 года произошел бунт во Владимирской

закрытой тюрьме. Выбиты тюремные стекла. В город из тюрьмы доносились возгласы „Свободы!“, „Позор КПСС!“ Бунт закончился перемирием и обещаниями никого не наказывать. Тюремный режим полегчал.

„Во Владимирской тюрьме на литовский язык была переведена Всеобщая Декларация Прав Человека.“ Вместе с меморандумом СБСЛ и уставом принятым как программа СБСЛ. (Указанные документы хранятся в музее „Аушра“ гор. Шяуляй)

16 февраля 1957 года в лагере № 5 Инты начато издание подпольной печатной газеты „Laisvės varpas“ (Колокол Свободы). Издавали ксендз Казимерас Вайчёнис, ксендз Пранас Рачюнас, Стасис Игнатавичус, Костас Лякшас, Ионас Пратусявичус, Аугустинас Ляугаудас, Альфонсас Чиюнскис, Повилас Загряцкас и Эдвардас Бурокас. Благодаря Костасу Букнису три номера этого издания были распространены в городах Инта и Абезе. (Varpas, № 12 (86), стр. 20 – 21 и А.Рузгас,указ.статья)

В сентябре 1957 года в Воркутинском лагере „Цементная“ СБСЛ основал подпольную школу для борьбы с Советами, где преподавали политэкономию (слабые стороны Советов и Запада), конъюктура, основы разведки и контрразведки, боевые искусства, революционную борьбу освобождения народов и историю народовольцев России. Преподавали дипломированные политзаключенные, хорошо знающие свой предмет: дипломат Феликс Крутиков, преподаватель военной академии им. Фрунзе Емильян Репин, историк Герман Степанюк и др.

Школа просуществовала до весны 1958 года, до ликвидации лагеря, заключенные были вывезены в лагеря Тайшета.

В 1959 году на Тайшетской трассе в лагере Вихоревка

(в конспиративных целях) была создана партия Независимости и прогресса Литвы (LNPP), в программе которой утверждена Всеобщая декларация Прав Человека. Издана газета „Nepriklausoma Lietuva“ (Независимая Литва). Издавали Пятрас Палтарокас, Зигмас Лаугалайтис, Витаутас Науджюнас и др.

В 1960 году в лагере Чюны из помещения администрации производственной зоны деревообрабатывающего комбината была похищена пишущая машинка. Оснащены два бункера: один выкопал Зигмас Лаугалайтис, другой в котельной оборудовал Викторас Пяткус. Отпечатано несколько листовок к советским воинам и Всеобщая декларация Прав Человека (около 100 экз.). Редактировали математик Ривольт Пименов и Карл Фрусин. Готовясь к групповому побегу были собраны три пистолета типа „наган“ (сконструировали и собрали Гедиминас Крапонас и Зигмас Лаугалайтис). Оригинальные чекистские документы изготовил Ибрагим (Абрам) Шифрин.

В 1960 году в лагере Чюны ликвидирован продавшийся чекистам бывший начальник штаба Власовской армии Кудряшов, пытавшийся разобщить единство политзаключенных, узаконив организацию дружинников, которая должна была выполнять заказы администрации.

В 1960 году постановили и подготовились к поджогу крупнейшего в Сибири Чюнского деревообрабатывающего комбината. Операцию отложили по непредвиденным обстоятельствам. Поджог должны были совершить Иозас Трибушаускас, Стасис Чепла, Альбинас Каулюс, Стасис Жукаускас, Зигмас Лаугалайтис и два украинца из Ужгорода. Комбинат сгорел когда Тайшетские лагеря были ликвидированы, а заключенные вывезены в Мордовию.

В 1961 году в Мордовском лагере № 14 (закрытая тюрьма) было решено объединить LLKS (LNPP) и Союз защитников свободы Литвы (Lietuvos laisvės gynėjų sąjungą. LLKS (LNPP) председателем избран Пятрас Паулайтис, вместо умершего в 1960 году генерала Мотеюса Печюлиониса.

В 1961 – 1962 г.г. в Мордовском лагере Сосновка LNPP издавалась подпольная печатная и рукописная газета „Laisva Lietuva“ (Свободная Литва). Редактировал Пранас Скевярис. Газету издавали Витаутас Вайняйкис, Зигмас Лаугалайтис, Витаутас Науджюнас и несколько других. Отпечатано несколько экземпляров программы LNPP. Два экземпляра программы и газету П.Скевярис, З.Лаугалайтис и Э.Бурокас вложили в две стеклянные бутылки, залили сургучом и одну из них спрятали в производственной зоне, в главном здании в цехе по производству радиофутляров, в правом углу самого большого станка на глубине полметра. Другую, в правую сторону ворот того же здания, тоже на глубине в полметра.

В 1961 году в лагере Сосновка была организована группа наблюдателей по слежению и выявлению чекистской агентуры. Инициатором был Иозас Трибушаускас.

Летом 1975 года в Барашевском лагере Мордовии пятидневную голодовку объявили политзаключенные – женщины из-за расправы над украинским поэтом, диссидентом Василием Стус. (N.Sadunaitė. Skubėkite daryti gera. (Спешите делать добро). В., 1998, стр. 124)

1977 год. Летом заключенные Мордовских лагерей отказались выходить на работу, требуя признания статуса политзаключенного советских концлагерей. Н.Садунайте это делала в течении трех месяцев. (Там же, стр. 128 – 133)

Ю.Семашкайте в книге „Гибель отряда Вайченаса“ (Vaičėno

būrio žūtis) пишет, что в лагерях издавалась подпольная газета „Vytis“, которую редактировал Стасис Герликас.

В сентябре 1983 года Ядвига Беляускене вместе с другими женщинами политзаключенными голодала 8 дней, протестуя о нарушениях прав человека в лагерях.

Как назвать события 1953 – 1955 годов в лагерях? Забастовками, волнениями, мятежами, бунтами или восстаниями ? Чекистам хотелось преуменьшить значение этих событий, считать их хулиганскими выходками. Отказ от работы – непорядок и анархия. Но, однако, следователи и судьи высылая членов Комитета восстания в закрытые тюрьмы без суда, употребляли термин „антисоветское контрреволюционное восстание“? Восставшие заключенные в лагпунктах избирали комитеты, вводили самоуправление и интернациональные советы. Выдвигали требования на митингах и предъявляли их Москве и другим соответствующим организациям. Отказывались выходить на работу, проводили массовые голодовки. По возможности старались приспособиться к действующим советским законам. Образовалось новое общество 60 – х, которое явно отличалось от общества 40 – х, не только в социальном смысле, но и в идейном мировоззрении. Лагеря пополнились молодыми людьми, борющимися за независимость Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Немало было прошедших школу войны, и узнавших Западную культуру, власовцев, а также других антисоветских группировок, воевавших на стороне немцев людей. Нашлись и диссиденты из крупных городов, никогда не боявшиеся поддержать правых.

Через кровь, лишения и холод политические заключенные поняв своё незавидное положение одолели помощника администрации („придурка“), криминальный элемент и

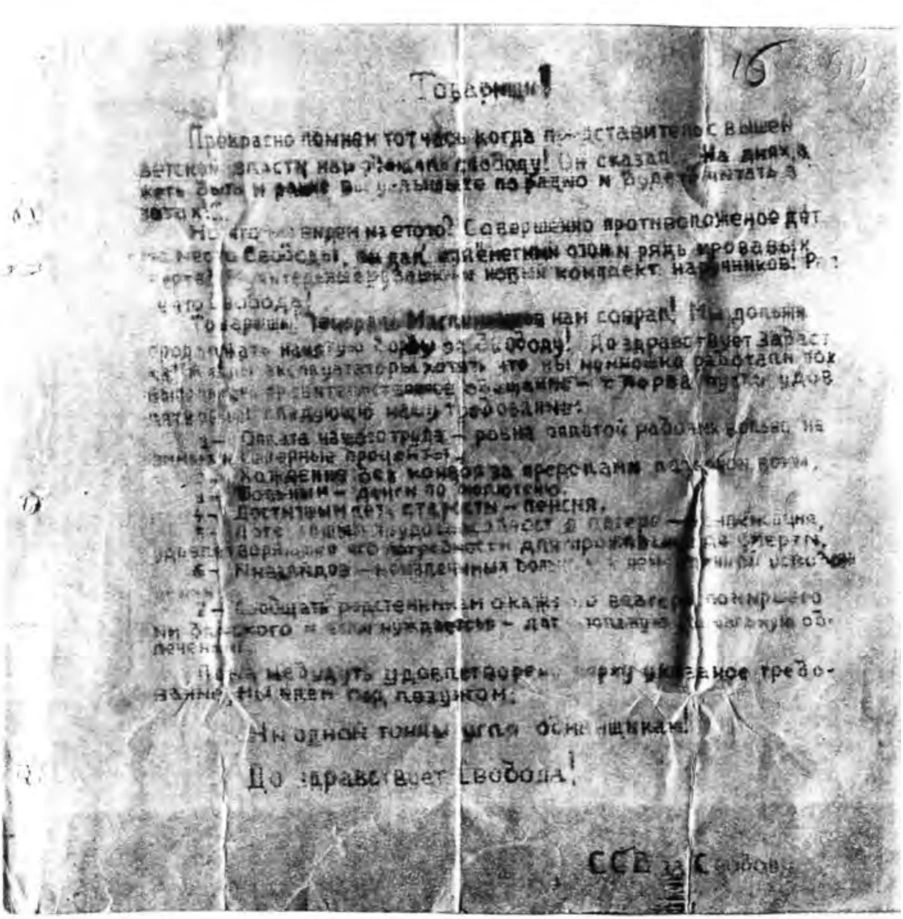
выраcтило новое общество, которое хотя бы опиралось на идеи гуманизма, и создало условия существования в условиях понимания советских законов, когда выжить можно опираясь всем на одного, и одному на всех. Надо было общими усилиями решать свое будущее, не доверяя своим поработителям. При необходимости была возможность использовать рычаги экономического производства, являясь основными создателями этой экономики. В мировой истории аналогов этому обществу не было – это духовно свободные города или республики заключенных со всеми структурами лагерного самоуправления, как например, самооборона, питание, культура, неписаная правовая юрисдикция и связь с другими лагерями и живущими на свободе. Часто напоминали государства в государстве.

К восстаниям готовились заранее, но до 1955 года их поднимали непредвиденные обстоятельства; особо агрессивные действия чекистов, издевательства или даже насильственная смерть. Готовясь к восстаниям не было единой идеи большинства, и однозначного мнения масс. Кроме того, всегда находились сомневающиеся, запуганные и морально подавленные, а также активные тайные противники.

Однако самый большой вред приносили завербованные чекистами. Не сумев выявить организаторов восстаний, чекисты пытались их идеи выставить провокационными, чтобы отпугнуть активнейшую массу заключенных.

Восставшим нужно было лавировать, воспользовавшись тоталитарными советскими законами, вклиниваясь в их экономические бреши так, чтобы не надо было в открытую вставать против все еще крепкой монолитной советской системы, т.е. действовать в рамках советских законов.

После смерти Сталина политическая (с экономической точки зрения) роль восстаний еще мало изучена и оценена. Они были первыми не только в тот период времени, но и массовостью опережали все бывшие до тех пор. Так по очереди 3 года (1953, 1954, 1955). Можно смело сказать, что за все эти годы бастовало около 200000 заключенных. Люди протестовали против геноцида наций и личности. Эти восстания, забастовки протеста и неповиновение советам доказали, что воевать против тоталитаризма можно и без оружия, методом легального коллективного протеста. Только эту борьбу должны были поддержать массы, которые отбросив 40 – летний, их сковывающий страх, смогли воспламенить такое сопротивление как в Литве и Польше. Для этой цели нужны были агитаторы, пропагандисты, нужны были и жертвы, чтобы разбудить дремлющую духовную мощь людей. Наибольшего уважения заслуживают руководители этих восстаний и их исполнители, которые не щадя себя, своего будущего, своей жизни, отказавшись от личной выгоды, прививали молодому поколению духовную твердость, мужество и другие человеческие ценности. Это было что-то похожее на первых христиан Древнего Рима. В лагерях повстанцы, стачечники, протестующие и другие, ведомые крепкой волей и идеями гуманизма люди трудились на благо свободы, не страшась пуль, истязаний и смертной кары, укрепляя государство заключенных в государства, давая крепкий отпор системе рабской империи. Кроме того, по возвращении из лагерей эти гиганты духа внедряли идеи настоящей свободы, ищущим и желающим людям, мятежного духа, делясь практикой протеста обретенной в лагерях и в конце концов достигли победы – империя зла рухнула.

16

Товарищи!

Прекрасно помним тот час, когда представитель с вышей [illegible] ветской власти нам [illegible] свободу! Он сказал: На днях [illegible] [illegible] и [illegible] услышите по радио и будете [illegible] [illegible]

Но что [illegible] видем на етого? Совершенно противоположеное [illegible] [illegible] место свободы, [illegible] один ряд кровавых [illegible] [illegible] новый комплект наручников! [illegible] что [illegible] свобода!

Товарищи! [illegible] нам соврал! Мы должны продолжать нашу [illegible] за свободу! Да здравствует [illegible] [illegible] эксплуататоры хотять что мы немножко работали [illegible] [illegible] — с перва [illegible] следующю нашу требования:

1 — Оплата нашего труда — ровна заплатой рабочих [illegible] на [illegible] и северные проценты.

2 — Хождения без конвоя за пределами [illegible]

3 — Больным — деньги по [illegible]

4 — Достигшим [illegible] старости — пенсия.

5 — [illegible] удовлетворяющие его потребности для проживания до смерти.

6 — Инвалидов — [illegible]

7 — Сообщать родственникам о каждом [illegible] и если нуждаются — дат [illegible] облечения.

Пока не будут удовлетворены [illegible] требования, мы идем под лозунгом:

Ни одной тонны угля обманщикам!

До здравствует свобода!

ССБ за Свободу

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

ЗАБАСТОВКИ 1955 ГОДА 40-ОЙ ШАХТЫ Г. ВОРКУТЫ

В 1954 году в Инте, после попытки побега путём подкопа из шахты № 1, после допросов, так и не сумев составить дело, меня, Эдвардаса Свилайниса – Дульке и Йонаса Валайтиса – Весуласа из тюрьмы отправили во второй лагерь г. Инты. Вместе с нами была группа подозреваемых: Балис Садаускас – Нарас, Юозас Ключинскас, Юозас Эйдукявичюс – Дзукас и др. Один из участников подкопа – Альгис Шидлаускас был оставлен в 1-ом лагере г. Инты. Таким образом в конце 1954 г. мы оказались в Воркуте в пересылке воровского лагеря. Воры в зоне жили относительно свободно, а все остальные – в бараках, огороженных колючей проволокой. Две недели спустя нас распределили по рабочим лагерям. Я, Балис Садаускас, Юозас Ключинскас, Юозас Эйдукявичюс и ещё несколько интян попали в лагерь 40-ой шахты. Через некоторое время познакомились с обстановкой, втянулись в общественную жизнь лагеря. Ещё в Инте я отказался работать в шахте, то же самое повторил и здесь. Благодаря местным заключённым, удалось устроиться на кирпичном заводе помощником к скульптору и геологу Пранасу Банелюнасу, который там имел мастерскую. Выливали гипсовые статуи, карнизы и другие изделия из гипса. Среди заказчиков были и вольные.

Такова была моя работа и жизнь в лагере 4-ой шахты („Миллионки“), где содержалось более 6 тысяч заключённых – в большинстве своём – украинцы, литовцы, латыши, эстонцы.

Подготовка к забастовке

Ещё перед нашим приездом из Инты велась подготовка к всеобщей забастовке воркутинских лагерей. Координационный комитет был в 62-ом штрафном лагере, т.к. в нём были представители всех лагерей Воркуты, которые поддерживали постоянную связь со всеми лагерями, в том числе и с 40-ой шахтой.

Втянувшись в работу организационной группы, я начал переписываться с оргкомитетом 62-ого штрафного лагеря: Йонасом Валайтисом, Эдвардасом Бурокасом и Игнасом Уогинтасом, подписываясь псевдонимом „Дульке“.

В первую очередь надо было согласовать требования всех бастующих лагерей, определить дату начала забастовки, выработать рекомендации по тактике проведения забастовки; надо было в лагере поддерживать порядок, защищаться от возможных провокаций администрации. В июле 1955 года началась всеобщая забастовка воркутинских лагерей. О её начале знали только узкий круг активистов. Были созданы боевые группы, одна из них должна была занять штабной барак вместе с радиоузлом, а другая должна была поддерживать порядок и дисциплину среди бастующих. В зоне и бараках были организованы дежурные посты. Все внутренние службы – кухня, пекарня, больница работали нормально. Только вольный врач допускался к больным. Всё получилось довольно складно и организовано, т.к. накануне украинцы и литовцы согласовали план своих действий.

Рано утром первая группа заняла радиоузел и объявила всему лагерю о начале всеобщей забастовки. Заявили, что заключённые не будет выходить на работу до тех пор, пока не дождутся комиссии из Москвы, коротко изложили свои требования и обратились ко всем с просьбой соблюдать порядок и организованнотсь.

Лагерь бастует

Наша группа вместе с украинцами дежурила на вахте. Заданием было не допустить выход на работу штрейкбрехеров: хотя и немного, но таких всё-таки нашлось, так что пришлось заставить их вернуться в бараки. В это время менялись смены надзирателей. Они услышали наше заявление по радио и бросились в штабной барак. Но было уже поздно: лагерь бастовал. Надзирателей предупредили, что до приезда комиссии из Москвы в зону никто не допускается, кроме врача. Держались твёрдо, хотя всех мучило нервное напряжение и неизвестность. В памяти были ещё свежи события 1953 года, унёсшие много жизней; тогда местным чекистам удалось спровоцировать беспорядки, что дало повод для вооружённого вмешательства армии.

На этот раз этого не случилось. В лагерную зону никто не вторгался, только однажды начальник лагеря с „опером“ тщетно пробовали уговорить выйти заключённых на работу. Вокруг лагеря усилили охрану. На вышках дежурили по два часовых с пулемётами. В это время года на Севере ночи не бывает, а дни бывают жаркие. Выдержав первое испытание, люди загорали и ждали, чем всё закончится. Только организационный центр невидимыми нитями руководил лагерной жизнью. Больших провокаций не было; правда, кто-то успел поджечь телогрейку. Неделю спустя, администрация отключила водоснабжение лагеря. Без воды осталось 6000 человек и больница. Нужно было готовить пищу, кипятить воду для питья. Было решено копать колодец. Нас выручил главный врач, который ввиду угрозы эпидемии опротестовал решение администрации. Водоснабжение было восстановлено.

Спустя несколько дней после инцидента из Москвы приехала комиссия, состоящая из пяти или шести человек. Вместе с ними в зону пришёл начальник лагеря и „опер“.

Около ворот вахты поставили стол, накрытый белой скатертью, перед ними на табуретках, лавках собрались все заключённые, расположился весь лагерь.

От имени всех говорил один. Требование первое: выполнить требования восстания 1953 года, т.е., пересмотреть дела, разделить бесконвойный выход на работу, смягчить внутренний режим и не искать организаторов забастовки. Комиссия легко согласилась с нашими требованиями и обещала немедленно начать их выполнение.

После полуторанедельного „отпуска“ весь лагерь вышёл на работу. И вправду в лагере стало на много свободней. Многих заключённых расконвоировали, кое-кто даже стал жить за пределами зоны. Около месяца за зоной прожили и мы, после чего нас, активистов организационного комитета, собрали и отправили во 2-ой штрафной лагерь всех постригли, и мы снова стали „зеками“ старого режима. Кроме того, в лагере 8-ой шахты чекисты спровоцировали резню между криминальными и политическими заключёнными.

У нас также произошёл инцидент с администрацией лагеря. Результат – был пострижен наголо начальник режима лагеря и объявлен трёхдневный траур. На водокачке был поднят чёрный чехол от матраса, и три дня никого не пускали в зону. 62-ой лагерь находился в черте города Воркуты, поэтому чекисты не решились на серьезные репрессии, только усилили охрану и после трёх дней объявили – весь лагерь в этап. Вечером мы уже выехали в товарных вагонах за Урал.

Прибыли на станцию Вихоревка Иркутской области в королевство Озерлага. С этой станции нас через тайгу погнали на станцию Андзеба, в бывшие лагеря японских военнопленных. Здесь мы пробыли зиму 1955 – 1956 г.г. На работу никто не гнал, выводили только за дровами в тайгу для нужд лагеря.

Пришли другие времена

В 1956 году из Москвы во все лагеря начали ездить комиссии, которые щедро раздаривали кому свободу, кому уменьшали срок. Настало время великого перемещения народов; кто-то ехал домой, остальные были отправлены в мордовские лагеря и другие спецлагеря. Казалось, тогда дрогнули самые фундаменты советского ГУЛАГА…

В 1955 году членов организационного комитета забастовки из 62-ого штрафного лагеря перевели в Горький, Владимир и другие тюрьмы СССР. Остальных, как я уже упомянул, вывезли в Сибирь, в Ташетский район. Вокруг были только посёлки служащих НКВД. С местными лагерями связи не имели. Работать отказывались. Наконец и к нам пожаловала комиссия 1956 года.

Горжусь самоотверженностью и решительностью организаторов забастовки.

Эта забастовка приблизила конец империи зла и возрождение Литовского Государства, подарила свободу тысячам заключённых.

Эдвардас СВИЛАЙНИС

Перевод на русский язык из газеты „Lietuvos Aidas“
Гинтараса Свилайниса

ЗАГАДКА НОРИЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Обозревая события лета 1953 года в Норильском Горлаге, будем руководствоваться материалами дела МВД Горлага о ликвидации массового неповиновения заключенных Горлага (1-2 том, начато 28 мая 1953 г., окончено 20 января 1954 года), накопленными Норильским краеведческим музеем данными и воспоминаниями участников того события.

В конце 1952 года в шести отделениях Горлага содержалось в заключении более 20 тысяч политзаключенных. По национальностям самую большую группу составляли украинцы (более 50%), вторыми были русские (13-15%), третьи литовцы (более 8%). События лета 1953 года в Горлаге в историю вошли под названием Норильского восстания, хоть восставшие и отказались от оружия, и даже не пытались его приобрести. По предложению работников МВД действия заключенных хотели квалифицировать как „антисоветское вооруженное контрреволюционное восстание“. Мы, участники событий 1953 года, оцениваем протест заключенных как „духовное восстание“ – как высшее проявление ненасильственного сопротивления системе ГУЛАГа.

В 1951- 1952 г.г. в лагерях особого режима формировалось поколение заключенных с новым мышлением. Появились молодые, бунтарского духа, физически и душевно не сломленные, с опытом вооруженного сопротивления и лагерных битв заключенные, сознательные противники советского строя. В лагерях формировались ядра сопротивления из западных украинцев, литовцев и заключенных других национальностей.

Литовцы и западные украинцы основной задачей ставили преемственность традиций вооруженного сопротивления в новых условиях, далеко за пределами своей Родины. По их мнению, основными методами политической борьбы должны были стать: неповиновение, пассивность на работе, экономический саботаж, забастовки, восстания.

Так что же произошло в Норильском Горлаге в 1953 году? Разгорелось ли восстание стихийно, или же к нему тщательно готовились? А может это была провокация ЧК?

Случаи неповиновения в Горлаге были всегда, однако с одиночными, малого масштаба протестами лагерная администрация справлялась быстро и решительно. Рядом с лагерями находящееся кладбище дало приют не одной сотне загубленных заключенных. Но вовремя тех волнений не создалась та критическая масса, из которой должны были сформироваться направляющие силы, не были разбужены подавленные массы заключенных. Этот сложный и многогранный процесс не получил ускорения.

Существенные перемены в события Горлага внес Карагандинский этап, прибывший в Норильск 8 сентября 1952 года. Их роль в формировании и организации сопротивления лагерному режиму была очень значительна. За короткое время соединив силы старожилов и новоприбывших, удалось изменить сам климат Горлага. Цитируя слова А.Солженицина “ вирус мятежа в Норильск из Караганды принес этап из лагерей специального режима Степлаг и Песчанлаг“. В 1952 году подавив волнения в Карагандинских лагерях, были отобраны самые активные их участники. 1200 мужчин были привезены в Норильск „на смерть“: 500 карагандинцев были определены в 1-ое лагерное отделение – Медвежка, 400- на городские стройки, в 5-ый и 4-ый ла-

геря. Большинство из тех 1200 мужчин составляли западные украинцы, участники национального сопротивления оккупантам – бандеровцы. Кроме того, было еще около 70 молодых, смелых литовцев, так же активистов – русских, кавказцев, латышей и эстонцев, немцев Поволжья и людей других национальностей. Украинцам было важно получить поддержку литовцев и вместе противостоять русской гегемонии. Литовцев и западных украинцев, особенно молодежь, объединяли похожие методы сопротивления советской оккупации. Образованный в Карагандинских лагерях союз, в Норильском Горлаге был еще более закреплен. Сформированные группы защиты и борьбы поддерживали друг друга.

Как в Горлаге формировалось сопротивление литовцев в конце 1952 года, объединив имеющиеся силы старожилов с пришельцами? Были созданы подпольные организации сопротивления лагерному режиму, по принципу „пятерок" созданы группы защиты – борьбы. Один из пятерки был старшим группы.

Было постановлено:

Самовольно не проводить террористических актов.

Собирать сведения об агентурной сети оперативной части – так называемых „стукачах".

Собирать сведения о насилии и жестоком обращении лагерной администрации, их подручных из числа заключенных, по отношению к другим заключенным.

В октябре-декабре 1952 года происходило активное очищение от жестоких чекистских подручных, виновных в нанесенных товарищам по несчастью обидах, увечьях и ранней смерти. Многие „стукачи" испугавшись приведения приговора в исполнение сбежали из жилой зоны и искали

убежища у чекистов. Лагерная администрация потеряла контроль за рабочей и жилой зонами. Оставшиеся доносчики, испугавшись кары за содеянное, притаились и более не информировали. Решения о наказании принимал общий Комитет Сопротивления, согласовав это с представителями национальных групп. Решено, что приговор приводят в исполнение литовцы – литовцам, украинцы – украинцам и т.д. Меж литовцев нашлось только два выродка, которые отказались публично покаяться и попросить прощения у товарищей по несчастью.

В конце 1953 года были полностью сформированы военные группы сопротивления литовцев, украинцев и русских. Это и будет ответ на вопрос – были-ли подготовлены к судьбоносным событиям лета 1953 года?

В октябре – ноябре 1952 года были созданы следующие структуры в группе Сопротивления:

1. Представительское звено – совет (комитет). Поддерживает связь с группами Сопротивления других национальностей, представляет литовцев в общем лагерном комитете Сопротивления.

2. Исполнительное звено – штаб, образованный из организаторов и руководителей пятерок защиты. Проводят карательные операции, собирают данные разведки, организуют обеспечение холодным оружием. Координируют и поддерживают гибкую связь со штабом западных украинцев.

Ядро группы сопротивления составляли 25-30 смелых мужчин.

Позднее созданы резервные пятерки, группы поддержки. В группах сопротивления активно участвовало около 100 соотечественников. Во-время восстания в отряды охраны, защиты, соблюдения правопорядка были вовлечены резер-

вные пятерки, группы поддержки – всего около 200 мужчин. Во – время восстания группа сопротивления получила имя „Norilsko Vyčiai“ (Норильские витязи).

Множество литовцев было вовлечено в комитет восстания лагерей (Юлюс Алекнавичюс, Альгимантас Рузгис, Иозас Казлаускас) и в другие структуры лагерного управления (Бенас Балайка, Зенонас Дрангис, Бронюс Златкус). Ирена Мартинкуте-Сметонене представляла литовцев в повстанческом комитете от 6-го лагеря.

В среде литовцев прибывших из Караганды было много активных, смелых мужчин, таких как Иозас Лукшис, Антанас Вашкявичюс, Ионас Шустикас, Казимерас Везбергас, Антанас Зинкевичюс, Альгис Шевелинскас, Витаутас Субачюс, Антанас Гайлюшис, Пятрас Гатавяцкас, Казис Шалкаускас, Витаутас Казюлионис и множество других. Старожилы Микас Мисюрявичюс, Бронюс Раманаускас, Бронюс Златкус, Вацловас Зубкявичус, Чесловас Каваляускас, Миндаугас Судникас, Юстинас Гаршва, Владас Ежерскис, Каетонас Карчаускас и ряд других, очень быстро нашли общий язык с прибывшими. В третьем (бывшем каторожном) лагере активно себя проявляли Зенонас Дронгис, Иозас Казлаускас, Бенас Балайка, Зигмас Иоцявичус, Витаутас Юодвалькис и другие. Во-втором лагере (Каеркан) повстанческого комитета не было, там действовала подпольная организация. Из литовцев можно выделить Витаутаса Бальсиса, Пятраса Клангаускаса, Леона Юодиса, Витаутаса Макутенаса и других. 21 мая в лагерь Каеркан были переведены вооруженные ножами особо опасные бандиты. Произошла резня, были жертвы. Бандиты из зоны сбежали. Лагерные на работу не вышли, однако охраной зоны не позаботились. Ночью, 27 мая, армия окружила лагерь, прорезали забор и арестовали 50 особо ак-

тивных лидеров заключенных и вывезли их из зоны.

После смерти Сталина долгожданная амнистия заключенных не коснулась, рушила их надежды и была катализатором Горлага для выражения массового недовольства

Оперативная часть ЧК искала способы восстановления расшатанного режима, вернуть утраченные позиции. Наметили план ускорения событий; одновременно, в оставленных надзирателями зонах, спровоцировать среди отдельных групп заключенных кровавые, контролируемые столкновения, так называемую „волынку". Заключенные будут убивать друг друга, будут выявлены лидеры Сопротивления, активисты, организаторы. Их изолируют и вернуться „добрые времена". В мае 1953 года в штрафных изоляторах содержались специально отобранные заключенные. Офицеры из администрации и оперативной части ЧК инструктировали их, как вызвать кратковременные стычки между враждующими группами заключенных. Мы обсуждали существующее положение, чувствовали приближающуюся развязку, были наготове. Это ответ на вопрос – спровоцировала ли ЧК события? А они развивались следующим образом.

26 мая 1953 года в жилой зоне 5-го лагеря начальник охраны из автомата обстрелял стоящих возле барака заключенных. Были убитые и раненые. Озлившаяся группа заключенных направилась к зданию лагерной администрации. Офицеры, надзиратели и гражданские служащие срочно удалились. Это было начало восстания 1953 года. С 27 мая по 4 июня пламя восстания охватило все отделения Горлага. Сопротивление сразу же взяло под контроль ход событий. Не было случаев хулиганства, анархии, сведения счетов. Стукачи которым угрожала расправа были помещены в штрафные изоляторы и охранялись нашими

мужчинами. Сформированные комитеты сопротивления переняли все функции управления лагерем, хоть и ненадолго создали „Республики заключенных". Была затребована комиссия из Москвы, подготовлены требования заключенных; часть бытового характера, остальные политического. Избегали требований категоричных, неприемлемых советской системе. Старались уместиться в рамки советских законов. Суть политических требований была в том, чтобы лагерное начальство руководствовалось существующими положениями конституции и советского права. Чтобы была восстановлена справедливость, пересмотрены дела заключенных, наказаны чиновники, виновные в случаях бессмысленного расстрела заключенных. 6 июня 1953 года под руководством полковника Кузнецова комиссия из Москвы прилетела. Начались переговоры. Бытовые требования были удовлетворены сразу. На требования политического характера конкретного ответа не было. Потребовали выйти на работу. Стали применяться меры по подавлению: был доставлен дополнительный воинский контингент; также психологическое воздействие- уговоры, угрозы, применение огнестрельного оружия. Сопротивление – неповиновение заключенных 3 – го отделения Горлага – было подавлено только 4-го августа. Тут было более всего жертв: 104 убито, свыше 200 ранено.

Восстание показало, что такой Гулаг, какой был при Сталине, далее существовать не мог. Еще в 1953 году был облегчен режим. В 1953-1954 годах из мест заключения были выпущены известные ученые, техники, экономисты, партийные функционеры. Не прошли даром жертвы восстаний и пролитая кровь.

Пророческие строчки из гимна Норильских заключенных:

Из тьмы восстанут страны и народы,
Норильские огни не ослепят свободы…

27 сентября 1953 года группу из 1000 активных участников сопротивления вывезли и распределили по лагерям Иркутска, Кургана, Магаданской области, в Кингир. В их числе было и 82 человека нас, литовцев. Часть попала во Владимирскую тюрьму, часть в специально приготовленный небольшой лагерь „Юбилейный “ в Усть-Утинке, часть рядом, в лагерь „Холодный“. Зажженный в Норильске „Факел Свободы“ широко разгорелся. После различных мер из отделений Горлага было отделено 2920 заключенных, активно участвовавших в восстании.

Бронюс Златкус
Участник Норильского восстания

Восстания в Степлаге

Архипелаг ГУЛАГ – это сеть множества принудительных трудовых колоний в реальной советской социалистической системе. В русском языке колония может называться и лагерем. Советским заключенным – (зекам на лагерном жаргоне) и для всей бывшей советской общественности привычна аббревиатура слов КГБ, МВД, МГБ, ГУЛАГ и она не требует расшифровки. Система ГУЛАГ´а действовала по принципу таких же правил, как и жизнь за пределами лагерей, за колючей проволокой. Во время оккупации отпечатки лагерного режима были видны во всех областях жизни государства и общества. Иначе говоря, обязательной частью лагерного режима было постоянное унижение человеческого достоинства и чести. Политические заключенные (ПЗ) это ощущали на себе как в лагере, так и выпущенные на свободу.

После смерти диктатора Сталина, общественность и гигантская её часть – нация зеков – надеялась и ждала положительных перемен режима. Самоуправство чекистов лагерной администрации, каторожные работы, полуголодное существование и постоянное унижительное отношение к ПЗ – поднимало волну недовольства, провоцировало к бунтам и забастовкам. Система ГУЛАГ´а, называемая перевоспитанием, существовала не только для уничтожения „врагов народа“. Система ГУЛАГ´а существовала и как не менее важная экономическая функция. Экономика ГУЛАГ´а полностью опиралась на бесплатную работу рабов.

Механизм репрессий действовал без погрешностей

Многие ПЗ были российскими людьми с демократическими взглядами, а также свободомыслящие из оккупированных стран Азии и Европы; учителя, студенты, члены общественных организаций, политики, государственные служащие, духовенство, военные, колхозники, защитники свободы порабощенных государств – партизаны и диссиденты.

Репрессивные структуры Сталинского режима сохранялись во время всего советского периода. По Кремлевской инструкции для всех инакомыслящих, а также причисленные к ним неблагонадежные или вызывающие сомнения люди имели ярлык кулаков, буржуазных националистов, фашистов, эксплуататоров, саботажников, вредителей, диверсантов и т.п. Все помеченные ярлыками и другие, отмеченные райкомами для плановых акций геноцида жители, семьями, (исключений не было ни для младенцев, ни для стариков) попадали в разряд „враг народа“. Акции массового геноцида, к примеру, ссылки, планировала Москва. Планы, как и водится, всегда перевыполнялись. Вот этим и был поддерживаем и укрепляем экономический потенциал ГУЛАГ΄а.

Сталин ужесточил режим ГУЛАГ΄а

Еще в 1948 году по указанию Сталина была пересмотрена система ГУЛАГ΄а, отделив, по словам А.Солженицина, „социально близких“ коммунистической власти криминальных преступников от совершенно неблагонадежных ПЗ, осужденных по всем известной 58-ой статье оккупационного режима. Осужденные по этой статье были переведены в спец.лагеря усиленного

режима на каторожные работы, чаще всего на добычу руды цветного металла или угольные шахты, реже на стройки. Кстати, было сделано исключение для тех ПЗ, которые были осуждены за простую пропаганду (ст. 58-10), напрямую никому не адресованную, с никем не связанную. Они оставлялись в общих лагерях вместе с уголовниками. Но ПЗ – граждане захваченных Советами стран – защитники свободы, партизаны, оккупационным режимом осужденные за защиту свободы своей Родины, за то, что предали „Советскую Родину“ (58-1а, 1б,), все без исключений были согнаны в спец. лагеря особого режима. 28 февраля 1948 года в поселках Казахстана Кингир и Джезказган был организован „Степной лагерь“ – Степлаг, особый лагерь № 4. Для начала были использованы помещения лагеря Спасозаводска для военнопленных.

Властям лагеря не удается всех перессорить

После смерти диктатора заключенные надеялись на смягчение режима. К сожалению, события разворачивались не в лучшую сторону. Охрана застрелила девушку Лиду, ранила китайца, события на горно–обогатительном комбинате, когда были ранены 16 человек, накаливали обстановку. Поведение чекиста с садистскими наклонностями, капитана Беляева вызывало озлобление. 3 лагпункт Кенгырского лагеря три дня не выходил на работу. Была затребована комиссия из Москвы. Переговоры велись с перерывами. Часть заключенных лагерная администрация перевела в закрытые тюрьмы. Волнения не утихали. Тогда власти ГУЛАГ΄а решили применить уже не раз испытанный старый метод. Советская власть и администрация ГУЛАГ΄а придерживалась правила – политзаключенные – враги народа

– и церемониться с ними незачем. Воры и другие уголовники числились как свой, „социально близкий“ и надежный контингент. В 3 – ий лагпункт восставшего лагеря привезли 650 воров и других уголовников. В надежде, что „урки“, т.е. настоящие воры по неписанному воровскому закону, со своими помощниками, шестерками затеют резню, а для НКВД только это и было нужно, чтобы по закону, жестоко навести порядок. Администрация не скрывала, что прибыл „здоровый контингент“. Это было вроде предупреждения для всех, сидящих по 58- ой статье. Однако восставшие головы не потеряли. Несколько отчаянных ПЗ переговорили с лидерами воров. Было без обиняков заявлено, что политзаключенных в четыре раза больше, чем прибывших, в бараках вырваны все решетки, из которых понаделаны ножи, штыки, заточки и даже шпаги. Воры поняли, что к „58- ой статье“ надо относиться с уважением и решили с „мужиками“ быть вместе, без конфликтов.

Первые жертвы террора чекистов

17 – 18 мая около 400 ПЗ разобрали заборы, разделяющие лагпункты, сгрудились на хозяйственном дворе и в женской зоне. А на заре в женскую зону вошли солдаты – палачи. Их встретили восставшие – женщины и мужчины. Солдаты из брандспойтов начали заливать толпу и стрелять. 18 ПЗ было убито, 70 – ранено. Лагерная администрация требовала по радио, чтобы мужчины покинули женскую зону. Слышались угрозы и обещания не наказывать повинившихся. Восставшие не испугались. 3200 ПЗ на работу не вышли, контролировали зону. Освободили 252 заключенных из следственных изоляторов.

К.Кузнецов от имени ПЗ требовал вызвать госу-

дарственную комиссию, а от заключенных – прекратить антисоветскую и националистическую агитацию, убрать экстремистские лозунги. Множество зеков поняли, что если бы был жив диктатор, жертвы пришлось бы считать тысячами. Восставшие не испугались в надежде, что их голос будет услышан.

19 мая восставшие создали для переговоров с администрацией и представителями власти комиссию в составе 6 человек, по два от каждого лагпункта.

Члены комиссии ПЗ для переговоров

Капитон Кузнецов (1913 – 1991?), полковник, в 1942 году попал в немецкий плен, а в 1948 году был осужден на 25 лет. Во время восстания для него пришло сообщение из Москвы о реабилитации. До сих пор неясно, было ли это совпадением, или же маневр КГБ выманить главного руководителя восстания из зоны?

Все время К.Кузнецова сопровождали два дюжих украинца – вооруженные ножами телохранители. Некоторые источники информации дают противоречивые сведения о биографии К.Кузнецова. В данном случае оставлена версия А.Солженицина.

Алексей Макеев (1913 – 1976), учитель географии, участник АПЗ. Осужден за антисоветскую агитацию в 1941, 1942, 1947 годах.

Владимир Батоян, участник АПЗ, инвалид, по требованию украинцев в июне 1954 года выведен из состава комиссии.

Мария Шиманская (1904 - ?) экономист, за троцкистские взгляды в 1936 году осуждена на 5 лет лагерей, в 1950 году – за антисоветскую агитацию на 10 лет лагерей, руководила группой снабжения.

Любовь Бершадская – (1916-?), в 1960 году в Москве занималась эмиграционными делами евреев. По требованию украинцев и литовцев в июне 1954 года была из комиссии выведена. В 1970 году из СССР эмигрировала.

В июне комиссия была пополнена

Энгельс Слученков, лагерная кличка „Глеб“, (1924-1956) участник АПЗ, военнопленный, офицер Русской Освободительной Армии, осужден в 1945, 1948, 1952 годах. Руководил службой безопасности восставших. В переговорах придерживался целевой, бескомпромиссной позиции.

Юрий Кнопмус (1915-?), немец, осужден в 1945, 1951 годах. В 1948 году участник бунта Горлага. Руководил отделом пропаганды восставших. В его ведении находились радиоузел, агитаторы с рупорами, распространители прокламаций и четыре священника. Выпускались воздушные шары с воззваниями заключенных к ЦК КПСС. По некоторым источникам Ю.Кнопмус упоминаем как русский, в других – как литовец Кнопкус. Видимо история восстания Кенгыра еще ждет своих исследователей.

Герша Келлер, кличка „Еврей“, (1924-?), еврей, украинский партизан, борец против нацистов и русских, осужден в 1944, 1948, 1950 годах. Был одним из лидеров Совершенно Секретного Центра (ССЦ), руководил военным отделом. Были сформированы, в основном из украинцев, литовцев и чеченцев ударные отряды, служба охраны, отряды самозащиты по жилым секторам. Занимались постройкой баррикад, производством холодного оружия – ножей, штыков, кинжалов.

Артавазд Авакян – (1917 - ?), армянин, преподаватель Ереванского педагогического института, в 1949 году осужденный за „троцкистскую деятельность“ на 25 лет лагерей. Руководил санитарной группой.

Анна Михайлевич – (1925), украинка, член Украинской националистической организации (ОУН), осуждена на 20 лет каторги.

Лидия Супрун – (1904 – 1954), 26 июня во время штурма была ранена и умерла, украинка, учительница, член ОУН, в 1945 году осуждена на 15 лет лагерей.

Емельян Суничук (?), священник, по требованию украинцев заменивший В.Батаяна. По предположениям был членом Украинской Повстанческой Армии (УПА). Был членом ССЦ.

Иозас Кондратас, литовец, юрист, член ССЦ, был следователем преступлений лагерной администрации, участник всех разговоров К.Кузнецова с ПЗ, переговоров с лагерной администрацией.

Комиссия восстания сразу определилась с обязанностями, специализировалась и дружно работала.

Руководители восстания не были наивными

Восстанием руководил советский военный, полковник Капитон Кузнецов. Восстанию он придал отличный, но в условиях советского режима, совершенно невозможный до сих пор, для нации зеков, организованный характер политического протеста. По стандартному мышлению советских политруков и агитаторов так восстать и протестовать мог лишь голодающий, нищенствующий народ притесняемый фабрикантами, кулаками и капиталистами. Народ, которым руководят коммунисты,

знающие самый прямой и кратчайший путь в светлое завтра всего человечества – коммунизм.

Руководство ГУЛАГ´а, советских генералов в Кремле и на месте, более всего удивляла решимость осужденных и униженных, так называемых „врагов народа“. Умение ясно формулировать политические, экономические и социальные требования, Правда, руководители восстания не были столь наивны, чтобы верить, что все требования будут удовлетворены, но перейдя Рубикон, приходилось ждать ответных действий со стороны лагерных властей. Уже тогда блеснул лучик надежды на проявление возможной демократии в советской империи. Нацию зеков объединяло тупое насилие, издевательства, нечеловеческое обращение с нумерованной частью общества и террор. Восставшие надеялись, что режим лагерей смягчится, что будет привлечено внимание к попранию прав человека по обеим сторонам лагерной проволоки.

Особо активная деятельность комиссии

Думаем, что самые настоящие организаторы восстания в Комиссию не были включены. Активно действовали центры ПЗ по национальностям. Комиссия работала в открытую, и заседала в канцелярии женского лагпункта, а военный отдел располагался в бане 2-го лагпункта.

Особо активными были первые дни, потому что надо было многое обсудить, придумать и начать действовать. Бригады не были расформированы, но назывались теперь отрядами. Во всех опасных местах дежурили пикеты, которые на ночь еще укреплялись. Пикеты сменялись по графику. Кстати, пикеты были разнородными. Психологи утверждают, что мужчины в присутствии женщин ведут

себя более ответственно. Также наивной и неоправданной верой было то, что женщин солдаты и чекисты не будут бить, пинать, расстреливать и давить гусеницами танков. К сожалению, на деле все было иначе.

Восставшие подняли свой флаг: на белом поле, красный крест обведённый черной полосой. Такой флаг гласил: „Нас постигло несчастье. Дети и женщины в опасности“.

Члены технического отдела были изобретательны. Когда чекисты отключили энергоснабжение, политзаключенные сконструировали гидротурбину из крана пущенной струей воды, а из двигателя соорудили генератор. Электроэнергии хватило и для связи, радио и освещения штаба. В помещениях барака светили лучинами.

Питание политзаключенных тоже не прервалось. Пайки так и остались по норме, без изменений. Генералы были неприятно удивлены, не дождавшись удара уголовников. Понятие правды было различным. В одном вопросе мнение ПЗ и чекистов совпадало, и одни и другие избегали пока употреблять слова: восстание, бунт, революция. В лагере было популярным слово сабантуй, которое означало живую, праздничную сходку в честь окончания ,или начала полевых работ. (Сабан – плуг, туй – праздник, *тюрк*). В этом празднике сплетается многое: и радость от удачного труда, и надежда на хороший урожай, удальство джигитов и мудрость старых аксакалов. Сабантуй продолжался.

Переговоры продолжаются – результатов нет

20 мая в Кингир прибыли заместитель начальника ГУЛАГ´а Бочков, представитель прокуратуры СССР Самсонов и министр Внутренних дел Казахстана. Обсуждалось: на каких условиях прекратить неповиновение

политзаключенных лагерной администрации и возобновить работы. Комиссия ПЗ выдвигала свои требования; служащим администрации в лагерную зону не ходить, расследовать убийства ПЗ, наказать виновных, прекратить нумерацию ПЗ. Каждый заключенный имел свой номер. На пиджаке или куртке прокалывались три дырки, и на них пришивался номер, написанный краской на белой повязке. Это было привычное сталинское унижение, осмеяние „врагов народа“, а также средство от попыток бегства. Сбежавший, сорвав номер, все равно оставался заклейменным. Такие номера пришивались на грудь, спину, левый рукав, на правую штанину выше колена и на шапке – спереди.

Переговоры продолжались.

Танки и авиация венчают восстание

Генералы убедились, что привезенные воры резню не спровоцируют и не дадут серьезного повода для начала якобы необходимого усмирения. Тогда из Куйбышева в Кенгыр прибыл полк особого назначения. Снайперы палачей застрелили на крышах бараков дежуривших разведчиков ПЗ. В поселке появилось много тракторов, которые прекратили тарахтеть только 24 июня. Ночью, над лагерем висели парашютные фонари. Утром, 25 июня послышались залпы пушек и над лагерем бреющим полетом пролетели боевые самолеты. Они должны были посеять панику среди ПЗ. Через разрывы ограды в лагерь вползли танки стреляя холостыми зарядами и давя женщин и мужчин. За танками шли солдаты. Они стреляли боевыми патронами. Более 700 жертв было закопано в степи, часть на окраине зоны.

28 августа 1955 года Верховный Суд Казахской ССР

приговорил к смерти двух активнейших руководителей восстания К.Кузнецова и Э.Слученкова. Первому, смертная казнь была заменена 25 годами лагерей, 12 марта 1960 года он был реабилитирован.

Э.Слученков был расстрелян 12 октября 1956 года.

Бунт в лагере Джезказгана

Кенгырское восстание расшевелило и зеков Джезказгана. Побуждаемые чувством солидарности были организованы группы по поддержанию внутреннего распорядка. Весь лагерь целую неделю на работу не выходил. Каждый день в защиту Кенгырцев происходили шумные митинги. Стачка в восстание не переросла. И холодного оружия у них не было. Выполнившие кровавую, подлую работу в Кингире, танки вползли в Джезказган, и пару раз объехали по всему лагерю. Это было предупреждение – знайте, что ждет и вас. Руководители местных ПЗ, уже зная о конце Кингирской трагедии, обсудили изменившееся положение, и приняли решение – завтра всем выйти на работу.

Эдмундас Симанайтис
1 февраля 2010 года, Ионава

ТАЙШЕТ – НАША БЫВШАЯ ЧУЖБИНА

Этому сибирскому городу всего лишь сто с лишним лет. И он отнюдь не является какой-то достопримечательностью Сибири. Но для многих наших соотечественников, которых навещали лишь письма близких из оккупированной родины, он достаточно знаком. Для многих из нас он является местом заключения наших отцов и дедов, чужбина, суровая земля, под слоем которой они нашли покой.

Тайшет и Братск соединяет железная дорога (более 300 км), которая до 8-го десятилетия прошлого века не была обозначена ни на каких картах. Вдоль железной дороги были расположены лагеря Озерлага, с которыми мне довелось познакомиться в 1958 году, когда оккупационные власти меня заключили повторно. Здесь я провёл более 2-х лет; затем эта «трасса смерти» была ликвидирована, а заключённые переведены на такую же «трассу» в Мордовии.

В те времена в Тайшетских лагерях были оставлены лишь те политзаключённые, к которым хрущёвская амнистия не была применена и которым комиссия по пересмотру дел наказания не сняла. Большинство из них находились в угнетённом состоянии, но более активные, антикоммунистически настроенные «элементы», доставленные сюда из Воркуты, Колымы, Караганды и других мест проявили инициативы, возродили дух сопротивления. По началу в лагерях Андзебы, Выхоревки, а затем и в лагерях Чуны активисты стали наказывать известных и заново выявленных «стукачей» и других, распространяющих коммунистические настроения, «придурков» лагерной администрации. Проявились акты саботажа на отдельных рабочих местах и

в зонах производства. В целях демонстрации нецелесообразности насильственного труда, отсутствия от него пользы, заключённые путём взаимных подстрекательств умышленно снижали производительность труда.

Кратковременная кремлёвская «оттепель» побудила искателей правды, «инакомыслящих», так называемых диссидентов. Не взирая на страх и риск, они стали сопротивляться коммунистической демагогии. Режим, в тревоге за судьбу своей идеологии, прибегнул к репрессиям, отправляя диссидентов в места заключения, чтобы обесчеловечить их. Молодым людям, оказавшимся в лагерной мясорубке, возникла потребность в защите от ошибок и заблуждений, которые умышленно подсовывала лагерная администрация и лагерные подонки. Можем гордиться, что с этой миссией мы справились успешно. Очнувшись от допросов, судов и чувства утраты свободы, диссиденты вовлеклись в лагерную подпольную работу, совместно распространяли дух сопротивления насилию, делились знаниями, приобретёнными в высших учебных заведениях. Активисты, испытавшие длительный срок угнетения, были полны решимости вести борьбу до победного конца в любых условиях. Пополнив свой боевой дух энергией молодых диссидентов, они решили, что сопротивление через саботаж не является достаточным. Было принято решение организовывать побеги из лагерей, а за их пределами – будить антикоммунистические настроения, а в случае успеха – возродить партизанское сопротивление в странах Прибалтики и на Украине. Побеги из лагерей наблюдались и ранее, но в то время их частота увеличилась в несколько раз, хотя почти всегда они заканчивались неудачей: силы чекистов и заключённых были далеко не в пользу последних. Их преследовали, расстреливали, однако они и дальше как кроты

пробирались под землёй, бежали не взирая, какой срок неволи за ними числится. – «Какая разница», - рассуждали они, - «выйду год спустя через ворота или сегодня по подземелью; но в случае побега смогу продолжить настоящую борьбу за права человека, за освобождение своей родины».

Живыми легендами стали Петрусявичюсы, Скаржинскасы, Лаугалайтисы, Чепласы, Руткаускасы… Эти фамилии привожу во множественном числе, ибо их было много – всех не перечислить, да и фамилии в памяти со временем стираются. Цель для тех, кто бежал и кто остался наблюдать за побегами, скорбить по расстрелянным, была одна – свобода.

Вплоть до 1960 года, когда Тайшетские лагеря перестали существовать, жизнь текла старым руслом. Одни пытались выполнить непосильные планы и, получив за это копейки, сами страдая от голода, высылали их властями обездоленным своим близким, другие время посвящали сопротивлению лагерной администрации, подготовке побегов, помощи друзьям по неволе. Юозас Трибишаускас готовил диверсию – поджечь новой грандиозной сибирской стройки – ДОК'а Чуны. Гедиминас Крапанас изготавливал пистолеты типа «Наган». Еврей Абрам Шифрин занимался подделкой фальшивых удостоверений офицеров чекистов. Карл Фрусин, ныне проживающий в Австралии, сумел из помещений администрации ДОК'а «сварганить» пишущую машинку, на которой печатались, а затем распространялись среди солдат листовки. Викторас Пяткус совместно с другими оборудовали тайный бункер для беглецов и пишущей машинки, заботились обеспечением духовной пищею – книгами, пытались наказывать «придурков» администрации. Пранас Скейверис, Зигмас Лаугалайтис совместно

с другими заключёнными издавали своеобразную газету, готовили программу действий для Союза Борьбы за Свободу Литвы (СБСЛ), сделали перевод «Декларации Прав Человека» на литовский язык. Украинцы Герман Степанюк, Евгений Пришлик, Михайло Сарока, Иван Кулик и Иосиф Химинец организовали вооружённое подполье. Русский Вольф Митрейкин писал стихи, а учёный атомщик Ривольт Пименов обеспечивал подпольной литературой. Кардинал Слипий, польские епископы и наши богословы в справедливой борьбе вдохновляли дух доверия к Богу. На страже морали стойко держался известный в Литве Феликс Красавин (его речь недавно прозвучала на Антикоммунистическом Конгрессе в Вильнюсе). Антанас Терляцкас и Антанас Стасишкис, срок заключения которых уже истекал, готовились к новому этапу борьбы за свободу Литвы. И другие… И многое другое… Они были верны духу свободы народов, независимых государств, демократии.

Заглянем в лица девушек, женщин, мужчин, которые смотрят со страниц альбома, подготовленного Наталией Гудоните, бывшей политзаключённой. Кто из них остался в живых? Твёрдые как гранит, ставленые на колени и снова поднимавшиеся, подвергавшиеся пыткам подобным распятию, пережившие тяжелейшие физические и духовные муки и тех…, кто не выдержал иголок под ногтями, «усмирительных рубашек» и других зверских чекистских приёмов.

Это сибиряки – тайшетцы, порабощаемы, но не порабощены борцы за свободу.

Поймут ли их те, которых модный взгляд обращён лишь в будущее?

Эдвардас Бурокас

МАНИФЕСТ ЛИТОВСКОГО СОЮЗА БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ.

Приоткроем страницы истории и на минуту вернемся назад, в прошлое, где ясно увидим кто нас вёл, ведёт и продолжает вести, начатую предками, а отцами не оконченную борьбу. История – это неиссякаемый источник сил. Из него рвутся неистощимые запасы эликсира свободы, которые ведут на борьбу за завтра. В борьбу вступают поэтапно, из поколения в поколение. Постепенно совершенствуясь и изменяясь, как изменяются стадии развития человечества. Если рассматривать ту борьбу, которая происходила тысячу и более лет назад, увидим, что велась она за каждодневное бытиё. Немного шагнув вперёд, найдём следы, свидетельствующие о территориальной борьбе. Ещё шаг вперёд и перед нашими глазами вскроется плотный дёрн, давящий на грудь тех людей, которые погибли за святой идеал наций и народов – свободу.

Борьба,... борьба за свободу – это не оконченная борьба. Не оконченная точно также, как ранняя стадия развития человечества – цивилизация, ещё не достигнута, хотя многие осмеливаются говорить: „из дикости, через варварство вошли в цивилизацию!“.

Да, кое-где и кое-кто, например в западной Европе: Швеции, Швейцарии и ещё кое-где, в этой области достигли довольно больших успехов. Порог, разделяющий варварство и цивилизацию перейден. Но в Восточною Европу, особенно в ту её часть, в которой мы сейчас находимся, точнее скажем, в СССР, цивилизация ещё не дошла. Она до сих пор бродит в варварстве, каждый раз

не приближаясь к цивилизации, но отдаляясь от неё к варварству!

Может интересно – почему? Так получается потому, что буря октябрьской революции, по своей слепоте, смела всё старое, не построив ничего нового. И видя, что перед глазами всего мира открывается происходящая совершенная деградация, они воспользовались народной поговоркой: „тонущий и за соломинку хватается!“ Они и спохватились: многолетнее политическое затворничество (от прогрессивных Западных государств), внутри страны – демагогия. Человека сделали бесправным. Своими мерзкими мерами вырывали окроплённые кровью защищаемые веками и народом традиции. Из народа вырвали единственную, ещё в XX веке, сохранившуюся опору добродетели – веру.

Хорошо, а на какие результаты они рассчитывали от вышеописанных действий?

Основное:

Ликвидировав все чувства добродетели, сознательности, остатки любви из сознания своей нации и близких людей, смогут изнутри, никем неконтролируемые, распространять свою демагогию. Демагогию, которая маскировала бы возродившуюся систему правления старой Римской империи под новым названием „Союз Советских социалистических республик“. Которая маскировала бы возрождение и существование- патрициев, плебеев, свободных рабов и классы рабов; всю деятельность политической власти внутри страны. То есть, которая маскировала бы угнетение национального освобождения, тюремная политика, система принудительной рабочей

силы. И всем этим продлила бы эпоху существования Красной Империи.

Есть ли избавление, и какое оно, попавшим в поток геноцида и демагогии красного империализма?

Да, есть! Имея перед собою прикрытую пацифизмом интервенцию использования колониальной политики, видя и проживая эти процессы, немедля должны создать общий девиз борьбы за избавление. Тогда сможем, если не ликвидировать, так хоть локализовать гегемонию Красного империализма.

В этих целях, опираясь на длящуюся более 38 лет борьбу против большевизма, анализируя длящуюся 15-тилетнюю борьбу (в Литве, Латвии, Эстонии, Западной Украине, Западной Беларуси) за освобождение из ига красных империалистов, находим, что кое-где она ведётся неправильно, в результате получая более жертв, нежели пользы.

Значит: настало время всем борцам, стремящимся освобождения своей нации и своего народа, создать коалицию. Отдельные личности, группы и организации объединяются для общей борьбы в единый фронт. За основу своего идеала берем Свободу и Демократию! Перед всем миром открыто выражаем свои взгляды, стремления и цели в манифесте Союза борцов за свободу Литвы девизом „Свет и правда да сопровождает наши шаги“.

От имени борцов за освобождение Литвы коалиции „Союза борцов за свободу Литвы“ подтверждает в 1954 году созданная методика борьбы. Дополнительно создают статут внутренней организации „LKS“ (Союза борцов за свободу), денонсировав (объявляя недействительным) 1статут, изданный „LKS“ в 1953 году. Принимают общую

программу Союза Борцов за Свободу Литвы (методика признана конфиденциальной для посторонних лиц). Хоть „LKS“ сформировался в результате активности литовской нации, в целях защиты своих социальных и национальных интересов, имеется право вступления в союз и для других национальностей, путём создания своих национальных „LKS“ комитетов.

Свободная демократия и коммунизм Союза Советских социалистических республик. Мы и они.

Социальная и национальная история освобождения человечества от древних веков и по сей день свидетельствует о продолжающейся борьбе за свободу. Древний Рим, позднее господствующий царизм в Восточной Европе... Угнетённые и угнетатели, притесняемые и притеснители, то есть порабощённые и поработители во все времена пребывали в антагонизме, без перерыва ведя меж собой, то скрытую, то открытую борьбу, завершавшуюся либо победами воспламенившихся восстаний, либо гибелью борцов за свободу.

Не будем заглядывать куда-то. Обратим внимание на СССР, который 38 лет назад представлял собой Российскую царскую империю. Целые столетия ряд народов вёл свою борьбу против царского гнёта. Произошла революция. Свергли царя. Казалось, человечество шагнуло вперёд? Но, вместо того, чтобы наступило освобождение, оно начало отдаляться. После свержения царя в Восточной Европе воскресли новые „Нероны“, вместе с которыми и „искусство“ управления.

Как же так, неужели колесо истории повернуло вспять?

Да! Авантюристы XX века великим шагом Октябрьской революции вперед, колесо истории повернули назад! Они породили новые способы порабощения народов, новые способы формирования человека для себя, из различных рецидивистов сформировав авангард защиты, назвав его „партия коммунистов“. Эта свора авантюристов, захватившая власть, создала красный империализм, для дальнейшего существования которого поставила перед собой задачу „диктатура пролетариата", точнее назвав - деспотизм.

Свободный западный мир для прогресса дальнейшей жизни поставили целью демократию, при которой народ, идя вперед, выработал и применил наиболее приемлемые для жизни политические принципы. Не будем анализировать слово демократия. Это слово понятно всем, при данной форме государственного устройства, вся власть принадлежит избираемым гражданами государства представителям, каждый гражданин равноправен, никем не ограничен. Демократия допускает все организации, встающие на защиту интересов человека, и даёт возможность быстрыми темпами прогрессировать всему, что находиться на территории действия демократической системы.

Давайте хорошенько проанализируем, чем отличается сегодняшний коммунизм с оплотом диктатуры „пролетариата“, от демократии, чтобы найти соответствующий вывод – кто мы, и кто они. А также, не ошибаемся ли мы, положительно глядя на свободу – демократию.

Что собой представляет Пролетариат?

В обществе пролетариатом называется класс людей, не имеющий своих средств производства и живущий за счет своего труда.

Сталин подчеркнул: „Пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс. Пролетариат СССР уничтожил систему капиталистического труда и ведет советское общество в путь к коммунизму"…

Правильно ли он выразился? Да! В первом предложении правильно сказано, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс. Но дальнейшую свою мысль он утаил. Он скрыл это под покровом своей демагогии. Он скрыл правду под ложью, надеясь что миллионы рабов этого не заметят и не поймут. Но не удалось этого сделать; как свидетельствует многолетнее неутомимое движение народов за свободу.

Вывод: „Пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, пролетариатом из пролетариата. Точнее выражаясь, из неимущего в нищего… Шайка авантюристов, назвавшаяся коммунистами, маскируясь красивыми декларациями ввела систему эксплуатации принудительного труда, тюремную политику. Они основали многомиллионные каторжные рабочие лагеря, где человека эксплуатируют без всякого вознаграждения. Властвующие красные империалисты СССР из бывших пролетариев создали рабов".

„Виргиния"

Что такое диктатура?

В обществе под диктатурой подразумевается никем не стесняемая, законом не ограниченная власть одного лица или группы людей сила.

Что такое существующая в СССР диктатура пролетариата?

В СССР существующая диктатура „пролетариата“ - это деспотизм банды авантюристов. Господствующая власть СССР эксплуатирует народ и силой держит ряд порабощенных народов.

Теперь взглянем, что же коммунизм обещал теоретически.

1). Силы производства и производственные отношения вырастут до невиданного развития и зрелости.

2). Будет одна общенародная форма собственности на средства производства и произведенную продукцию.

3). Будут окончательно стерты различия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом.

4). Общественная сознательность масс и культурный уровень поднимутся до небывалых высот.

5). Труд перестанет быть потребностью для жизни, основной принцип коммунизма „от каждого по способности, каждому по потребности!“

Да, это звучит красиво, но посмотрим с практической точки зрения, что дал коммунизм для своего „пролетариата“ опорами диктатуры для народа? По этому вопросу, казалось много спорить не надо, выискивая подходящий ответ и пытаясь заполнить целые страницы. Каждый, проживший более или менее времени в атмосфере „советского рая“ и отличающий добро от зла, на этот вопрос ответил бы следующее. На практике коммунизм перешел в Красный империализм! Против себя среди народа подняв антагонизм высшей степени, который породил деспотизм диктатуры, складывающийся из инквизиции, интервенции, геноцида, экономической деградации края и, постепенно ставшей для всех, монотонной демагогией! Практически коммунизм со

своими опорами пролетарской диктатуры народу дал только слезами политое и кровью окрашенное рабство Красной империи!“

„Паулюс“ (Бурокас, Э.В.)

Если кто-то сомневается и осмелится отрицать вышеизложенное „Паулюсом“, пусть вникнет глубже. Банды авантюристов доказывали: „Не будет классов, не будет и классовых различий“.

Сегодня кричат:

„В СССР есть рабочие и крестьяне, среди них прослойка советской интеллигенции“…

Негодяи! Они осмеливаются лгать Вам прямо в глаза! Что это – разве не классы? Как назовем те миллионы, которые на территории СССР сформированы из заключенных? Огороженные колючей проволокой, каменными стенами тюрем, окруженные стальными штыками, без гражданских прав, полуголые и полуголодные, вынужденные выполнять тяжелейшую физическую работу в невыносимых тяжелейших условиях, внося кровным трудом в казну государства огромные доходы. Никто не осмелиться отрицать это, ибо это подтверждает созданная в СССР тяжелая промышленность, на тысячи километров протянутые железные дороги, целый ряд новых городов и другие огромные стройки, выросшие на костях мучеников и обагренные каплями невинной крови.

Как можно назвать людей при такой эксплуатации, разве не рабами? Рабы! Это рабы в неволе!

Взглянем на большую часть населения СССР, состоящую из крестьян и рабочих! Как назовем их, живущих на селе, крестьян, принудительно согнанных в колхозы, за свой

тяжкий, кровью и потом политый трудодень, получающий оплату, которой не хватает на удовлетворение самых минимальных прожиточных потребностей? Живут впроголодь! Прикрепленные к колхозу, не имеющие права поменять место проживания.

Взглянем на тех, кто целый день должен находиться в нестерпимых условиях труда, своими мозолистыми руками выполняя непосильные задачи для того чтобы выжить. Вернувшись домой, их встречает плач голодных детей, которых они не в состоянии прокормить за свой заработок.

Обратите внимание на армию, которая сформирована из детей вышеупомянутых крестьян и рабочих. Они, по законам банды авантюристов, вынуждены убивать своих отцов, матерей, братьев и сестер, при малейшем их изъявлении о стремлении к свободе.

Как можно назвать вышеупомянутых крестьян, рабочих и сформированную из них армию? Не похожи ли они на плебеев Древней Римской Империи? Да, своим положением они от них ничем не отличаются!

Значит, нашли уже два класса. Бесправных рабов и плебеев. Теперь взглянем на те миллионы, выделенные из других, охраняемые пулеметами, в заколоченных вагонах ссылаемые со своей Родины в Сибирскую тайгу и бескрайнюю тундру дальнего Севера. Они лишены права вернуться в свой родной край. Вынуждены работать за ничтожное вознаграждение. Их детям не созданы условия учебы родному языку. Каждый день на их плечи взваливают множество житейских трудностей. Кто они, разве не соответствуют они классу свободных рабов? Да, это свободные рабы!

Но это еще не все. Перед нашими глазами стоит еще одна группа людей – интеллигенция. Их называют прослойкой.

Их бытовые потребности тоже не удовлетворительны. Они преследуемы. Если интеллигент не состоит в коммунистической партии, ему не разрешено занимать ответственные посты. Он должен уступить место бестолковому, но зато члену партии, в руках которого вся власть. Так как мы можем назвать эту группу людей? Разве не плебеи? Да, Да потому, что в руках коммунистов сосредоточена вся власть, которая состоит из судов, органов безопасности и армии. Своими жестокими законами они подавляют любое проявление свободной мысли! Их основной задачей является сохранение системы принудительного рабочего труда, за счет эксплуатации которого они имеют возможность удовлетворять все свои прихоти.

Как мы их назовем? Не похожи ли они на патрициев Древнего Рима? Да! Это они! Это господствующий класс СССР, который руководствуется словами Сталина: „Решающий и наиболее ценный капитал – это люди, рабочие кадры. Ибо их эксплуатация дает торговый, постоянный, переменный и другие капиталы…“

Чтобы получить вывод: кто мы и кто они, мы здесь рассматривали, чем отличается коммунизм СССР, со своей опорой для диктатуры пролетариата от свободной демократии, а также, для того, чтобы убедиться, не ошибаемся ли мы, положительно глядя на свободную демократию и отрицая строй СССР. Мы выяснили, что в Союзе ССР имеются свободные рабы, рабы заключенные, плебеи, что все вместе и представляют нас, порабощенных. Также обнаружили и патрициев – правящий класс СССР. Их, поработителей! Значит мы, Союз Борцов за Свободу, не ошибаемся положительно оценивая свободную

демократию и являясь её сторонниками. Тем самым решительно осуждаем политику СССР, и её сторонников считаем своими врагами!

Как правительство СССР реагирует на свои республики и их национальные интересы?

Ранее, в теме „Мы и они“ выяснили, что мы притесняемые, а они поработители. Теперь приблизительно кинем взгляд как правительство СССР реагирует на свои республики и их национальные интересы.

16 главных республик! 16 основных народностей! Неужели все они добровольно встали под этот кровавый флаг диктатуры? Неужели целые миллионы сами, добровольно залезли в этот мешок авантюристов?

О нет! Азербайджан, Армения, Туркмения, Узбекистан, Казахстан и Киргизия с Россией во - главе стали жертвами волны Октябрьской революции. Многие из них были включены в состав СССР в результате действий отдельных авантюристов. Авантюристов, которые воспользовались моментом оккупации Красных империалистов и осмелились высказать от имени всего народа согласие на присоединение к СССР, пренебрегая несогласием нации на этот шаг.

Как это? Несколько отдельных индивидов смогли сделать это, несмотря на сопротивление миллионов? Да, в действительности, в оккупированном крае они это совершили. И, чтобы было понятнее, не будет рассматривать присоединение всех пятнадцати республик к „первичной“ России. Из всего Союза возьмем, например, Литву. Это не займет много времени, а каритина будет та же. Так же, как вопрос свободы литовской нации совпадает с вопросами и ответами других поверженных наций.

Литва

Достаточно хорошо мы знаем, что означает слово Литва. Каждому понятно её историческое прошлое, начиная с древних князей Литвы и кончая сегодняшним днем. Много пришлось испытать литовской нации в течении прошедших столетий. Не раз пришлось литовцу скрестить меч с крестоносцем, татарином, поляком или русским. Он защищал от врага свой язык, письменность и обычаи. Защищал литовскую свободу и честь нации. К примеру! До сих пор возвышаются мхом и плесенью покрытые стены Тракайского замка! Взгляните! Там, на высокой горе крепко стоит башня замка Гедимина! Это символ нашего народа. Переведите свой ясный взгляд в синюю даль – с востока на запад и с севера на юг, курганы и холмы насыпаны руками наших предков! А если хорошенько вслушаться, услышишь как они взывают к каждому литовцу: „Не было! Нет! И не будет такой силы, которая сможет загасить любовь к Родине Литве!

Во времена царского притеснения велась русификация. Целью было заглушить культуру нашего народа и ассимилировать нашу речь. Нам хорошо известен Муравьев, пытавшийся с помощью петли задушить литовский патриотизм. Литовцев отправляли в ссылки сковать льдами Сибири, но все напрасно. Литовец не отрекся от своей святой цели и еще более жаждал свободы. Побуждаемый порабощенной нацией и общенародным интересом, измученными и истертыми кандалами руками 16 февраля 1918 года, после длительного царского гнета был водружен флаг литовской нации. За решительный подвиг тех, умерших на Муравьевских виселицах, в царских тюрьмах и холодных сугробах Сибири, государствами всего мира

Литва была признана независимой, имеющей полное право существовать как независимая республика.

1918 – 1920 годы история Литвы пополнилась новыми эпизодами. Бермотовцы, поляки, большевики пытались своими шакальими зубами вгрызться в нашу возрождающуюся Родину. Каждый литовец обладал непоколебимым национальным духом. Хоть борьба и была жестокой, но литовцы отразили нападавших и начали строить новую, красивую жизнь!

Давайте сравним СССР и независимую Литву. После долгих веков рабства, после Первой Мировой войны и борьбы за независимость, Литва была кучей развалин. Не имея своего металла, угля, соли, нефти и других полезных ископаемых, за короткий период до 1940 года, она сумела поднять экономику и культурный уровень страны довольно высоко, потому что основной опорой было сельское хозяйство. Возродились порушенные города. Через реки воздвигнуты новые мосты. Леса и поля пронзили новые дороги. В городах, городках и селах выросли контуры новых зданий. Человек почувствовал себя свободным. Возможно кое – где были и нетактичные поступки. Возможно кое – что можно было сделать и лучше, однако теперь не стоит это анализировать. Нам хватает и того, о чем ярко свидетельствуют 20-летние успехи. Они такие огромные, что мы можем гордиться перед СССР. Мы можем гордиться прогрессом литовского народа, поскольку СССР, имеющий огромные территории и их неистощимые запасы полезных ископаемых, в 1933 году, когда Литва имела большие излишки сельхозпродуктов, в Восточной Украине и других местностях этой богатой страны от голода погибло более 12 миллионов населения. Шло время. В последние

годы Литва объявила о нейтралитете. Несмотря ни на что, миролюбивый Союз напал на Польшу и разрушил её, прикрываясь пацифизмом, в целях интервенции в 1939 году по всей Прибалтике оборудовали военные базы. 15 июня 1940 года воинские подразделения, по всем правилам воинской диспозиции вторглись в миролюбивую Литву. Этим воспользовались несколько негодяев, предатели нации, во главе с Ю.Палецкисом, поехавшие в Москву. Находясь там, (инкогнито) 21 июля 1940 года от имени народа всей Литвы дали согласие на вхождение в состав СССР. Красные империалисты воспользовались этим и ввели свой порядок – диктатуру пролетариата. Литву назвали союзной республикой, и с этого момента приступили к расправе над маленькой оккупированной страной – Литвой. Пролилась невинная младенческая кровь! Полились слезы матерей! Губы жителей в страхе шептали: „Русские! Чекисты“. Друг друга вопрошая „За что?“ Ответ был один: „За любовь к Родине! За то, что чтим язык и письменность своей нации! За то, что закрыв глаза, не согласны попрать устои и могилы своих дедов, отцов и братьев!“. Только за это! Только за это в Правенишском лагере были расстреляны 500 наших братьев! Только за это в лесочке Райняй жесточайшими методами инквизиции была замучена группа из 76 человек. Выколоты глаза, отрезаны половые органы, уши, с рук и ног содрана кожа, ножами вырваны внутренности, со спин вырезаны полосы. Это всё свидетельства перенесенных мук, которые принесла диктатура пролетариата. Из тех 76-ти трое были красноармейцы. Точно также, только за это, на дальнем Севере, на горе „Шмит“ были расстреляны 300 офицеров Литовской Армии. А сколько одиночных террористических актов было проведено? Сотни!

Вот так мы получаем ясный ответ на вопрос этой статьи. И это только период одного года – коммунистический шаг вперед. Но кроме того очень поверхностный. 22 июня 1941 года в небе заполыхало зарево войны. Жестоко терроризируя всю Прибалтику, под натиском немецкой военной техники, красные отступили. Раздираемое и гонимое, наше трехцветное полотнище вновь затрепетало. Но это были лишь декорации. Проливая невинную кровь литовцев немцы добивались своих захватнических целей. В 1944 году отбив немцев, красные вновь вернулись, показывая свое истинное лицо. По полям и лесам Литвы пронеслись глухие залпы. Послышался плач невинно убиенных младенцев, и крик наших умирающих братьев: „Прочь красные оккупанты! Да здравствует Свобода!“ Воздух наполнился дымом горящих усадеб. В сторону Сибири тронулись эшелоны заколоченных вагонов. Каждый, присутствовавший при этом зрелище, спрашивал: „За что?“ Ответ был тот же, что и в 1941 году. Хоть в этот раз они пришли несколько иные, изменившиеся, без звуков интернационала, с погонами на плечах, и какое то время не запрещавшие гимна литовского народа, за мелодию которого в 1941 году не одному пришлось покинуть Родину и оказаться на дальних окраинах СССР, или погибнуть мученической смертью на месте.

Как же так, значит придя во второй раз, они уже не будут посягать на свободу человека? Посягали! Только в этот раз их демагогия была более изощренной, создававшей противостояние братьев, сына против отца или матери, чтобы они истребляя друг друга (по замыслу красных интервентов), заражавшая эгоизмом и постепенно забывавшим общую цель национального освобождения.

Для школ создали новый исторический курс, дополнив его историей СССР и другими материалами, маскирующими прошлое Литовской истории. Опираясь на долгое царское правление в Литве, начали доказывать, что Литва исторически давно принадлежит русским. В школе детям прививали мысль, что литовская нация родственна славянам. Не считая Великих литовских князей, они попрали память и о последних героях возрождения литовской нации, таких, как Басанавичус и Кудирка! Начали разрушать литовские исторические архитектурные памятники. Ввели принудительную коллективизацию, принудительное несение воинской службы. Лица попавшие в армию, вынуждены были служить на дальнем Востоке или Крайнем Севере. За малейшее слово, упоминавшее о свободе или попрании прав человека, осуждали на долгие годы каторожных работ со ссылкой в дальние лагеря СССР, или заключенными в политизоляторы. Где это видано? Может ли такое происходить во второй половине XX века? Может ли интеллект человека подтолкнуть его в позицию оппортунизма, когда господствует власть деспота и инсинуация социальных и национальных интересов?

Нет! Этого не может быть! Интеллект любого индивида в XX веке хорошо дешифрует ведомую политику диктатуры пролетариата. Дешифрует нежелательные для всего человечества большевистские цели, потому что главными идеалами человечества сегодня являются и гуманизм, с которым связана человеческая жизнь. Так и литовский народ, почуствовав невиданную экзекуцию, поняв, что демагогия красных империалистов ведет к рабству, еще с большим патриотизмом заняли позицию защиты своих социальных и национальных прав. Всеми силами начали

вести движение за освободительную борьбу. Борьба не на жизнь, а на смерть велась недели, месяцы и годы. За Свободу Литвы от пуль мести пали десятки тысяч лучших из нашего народа сыновей и дочерей. Опустела литовская деревня. Вместо прогресса, жизнь людей регрессировала. Несмотря на это, красные империалисты и их соучастники воспользовались нерасчетливыми поступками наших борцов за Свободу (как тактика борьбы, которая велась для более быстрого достижения цели, надеясь на неизбежную войну, которую обещала натянутая политическая обстановка между востоком и западом) и продолжали уничтожение жаждавшей свободы нации!

Ради запугивания людей в городах и городках, базарные площади превратили в выставки своих инквизиторских достижений. Ежедневно на грязные мостовые выкладывали тела замученных и застреленных наших братьев и сестер. Подлейшими и коварнейшими методами применяя провокации начали проводить массовые аресты, а при помощи „искусства советского следствия" – арестованных убивать в темных подвалах тюрем. Если кто – то чудом выдерживал „искусство советского расследования" их судили и отправляли на 25-летнюю каторгу тяжелейших работ. А там, от невыносимых условий жизнь многих из них гасла. Они умирали от эпидемий холеры и тифа, без всякой медицинской помощи. Умирали от ударов ножей, топоров и кольев, нанесенных помощниками чекистов, рецидивистами, сформированными для проведения массовых убийств между собой с целью быстрей истребить больше народа, жаждавшего свободы.

Пристальнее взглянув на вышеизложенное, каждый заметит, что всё происходило в прошлом и задаст вопрос:

„А теперь?“ Да, вышеизложенный процесс уничтожения, в полном объеме происходил чуть раньше. Сегодня этот процесс продолжается, но благодаря общественному самосознанию и затраченным усилиям, его темп замедлился. Но надеемся, что перед тем как вопрошать, оглянемся, а увидев еще существующую Красную империю, этот вопрос отпадёт. Миллионные черты лиц порабощенного народа и ныне подтвердят то же зверство Красных империалистов. Еще доносятся глухие залпы, звенят кандалы и умирающие в подземных казематах братья подтвердят, что и сейчас всё продолжается! Только теперь они это делают осторожно, чтобы нельзя было заподозрить, потому что в 1953 – 1955 годах открыто совершаемое большевиками перед глазами мировой общественности подняло железный занавес. Это были Норильск, Караганда, Воркута, Северный Урал, Жезказган и множество других мест, в которых при участии самих министров и их заместителей проводились акции массового уничтожения безоружных невинных людей.

Из всего, кратко охарактеризованного, мы получаем ответ на вопрос этой статьи: „Как правительство СССР реагирует на свои союзные республики и их национальные интересы?“ Вышеизложенные факты в статье „Lietuva“ (Литва) и в конце этой статьи кратко упомянутые 1953 – 1955 годы говорят за себя: Целью сегодня существующего коммунизма с его опорой диктатуры пролетариата является:

1). Ликвидация любого социального и национального интереса из сознания людей!

2). Каждого индивида использовать как инструмент для обеспечения дальнейшего существования своей власти Красного Империализма“.

„Виргиния“

Чего мы добиваемся?

Слово добиваться говорит о том, что осуществляется действие с целью достижения какой – либо цели. Но добиваться можно многого. Цели могут быть разные. Поэтому, чтобы получить безошибочный ответ на заданный вопрос, мы должны уяснить цель, которая является основной. В обществе какая-нибудь основная цель подразумевает идеал. Наш идеал – свобода! Свобода под девизом: „И свет и правда да сопровождает наши шаги“!

Свобода! Достаточно уважительное слово, но мы видим, что под знаменем свободы часто ведутся пиратские войны, несущие путы неволи.

Не будем заглядывать далеко, что не входит в наш кругозор. Хватит того, что покрывает флаг „Советской Свободы“. Под этими знаменами вышагивает шайка авантюристов, проводящая интервенцию, колониальную политику и геноцид! В подземных тюрьмах гноящая наших сыновей. Уже 39 лет, как множество народов звенят надетыми Красными Империалистами кандалами. Уже 16 лет, как наш народ в большевистском рабстве!

Основываясь на том, что изложено в этом манифесте Союза Борцов за Свободу Литвы, делаем вывод, что наша борьба против поработителей праведная!

И мы стремимся к уничтожению рабства от Красных Империалистов.

Ставим целью:

Добиваться свободы в осуществлении полного вида демократии.

Каждый, обозрев вышеизложенное и подвержен желанию освобождения, должен понять взгляды, намерения и цели Союза Борцов за Свободу Литвы. Так же, если он

еще не кадровый член Союза Борцов, но чувствует долг стремления к общим целям, пожелав индивидуально, а может и коллективно включиться в борьбу под лозунгами Союза Борцов за Свободу Литвы! Он это сделает. Тем самым он добровольно исполнит долг члена СБСЛ. Сам пойдет по пути СБСЛ и поведет своих друзей против дистрофизма Красных империалистов к освобождению!

Но мы допускаем, что будут и такие, которые осмелятся крикнуть „Иллюзия!“

Об этом помните всегда, так могут выразиться только игноранты. Так кричат оппозиционеры.

Хорошо, а кто может быть в оппозиции стремлениям и целям СБСЛ?

Их двое:

1). Это активный, ярый враг нашей нации, и народастремящегося к свободе, сторонник диктатуры пролетариата СССР – авантюрист.

2). Совершенный невежда – оппортунист.

У первого эта мысль зарождается потому, что он ненавидит видящих истину, которые являются помехой на пути осуществления большевистских задач.

Невежда – оппортунист. Он совершенно не понимает и презирает людей, борющихся за свободу. Он презирает их из – за своего рабского характера, презирает святой идеал человечества – свободу, приспосабливается к условиям, спасая свою шкуру, соглашается с существующим положением.

Оба они негодяи. Теперь иногда в адрес СБСЛ доносится много критики. Это инициатива невежд! Знайте, это не критика, это ложь! Гляньте пристальнее на СБСЛ, который не только в Литве, но и на всей территории СССР поддерживает и организует разные освободительные

движения, направленные против существующей клики СССР. СБСЛ на первом месте, как самый насущный вопрос, поднимает интересы освобождения. Сегодня СБСЛ направляет все усилия на объединение всех освободительных движений в единый фронт. СБСЛ думает: Хватит скрывать свои намеченные цели, когда наш 3-х миллионный народ дискриминируется, истребляется и в жестоких мучениях, когда миллионы жителей СССР недовольны существующим строем. Да будет признано преступлением тому, кто чувствует стремление к свободе, но не желает бороться за неё!

Мы, СБСЛ, сегодня открыто, перед всем миром, в манифесте выражаем свои стремления и цели! Пусть дрожат Красные империалисты видя, что их маска „красного рая“ сорвана. Дрожите красные оккупанты. Мы, порабощенные, поднялись на решительную борьбу, и победа будет за нами!

Да здравствует Свобода!
Да здравствует Независимая Литва!
И Свобода и правда пусть сопровождают нас!
В борьбу за Свободу!
Звучит призыв: к борьбе, к борьбе!
Разрастаются отряды Союза за Свободу
Угнетатели нас заставляют стоять,
Но мы идем и будем идти вперед.
Так все до единого вперед, в поход!
Хоть борьба будет тяжелой и неравной
В бой пойдем мы все, и
Она принесет нам победу.

„Našlaitis“ (Винцас Корсакас, Э.Б.)

УСТАВ ЛИТОВСКОГО СОЮЗА БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ

СОЮЗ

Литовский Союз Борцов за Свободу сформирован активностью литовской нации. Основная цель ЛСБС – освободиться из рабства СССР и создать свободную Независимую Литовскую Республику. Членом ЛСБС может быть лицо как мужского, так и женского пола, достигшее 16 лет, жаждущий свободы для своего народа, признающий цели и взгляды ЛСБС, принимающий на себя обязанности члена ЛСБС (примечание из общих правил).

1). Каждый член Союза должен исполнять следующие обязанности:

а) деятельность и образ жизни полностью должен соответствовать целям ЛСБС;

б) энергия борьбы полностью связана с пропагандой;

в) распространение идей свободы и ненависть к врагам;

г) воздерживаться от участия в любых других организациях, если они враждебны целям и деятельности ЛСБС (можно участвовать только с разрешения комитета ЛСБС, которое оправдывало бы достижение каких либо целей, например, разведка или т.п.)

д) исполнение всех решений ЛСБС;

е) уплата членских взносов;

ж) создать свое звено;

з) сохранение всех тайн ЛСБС;

и) в любых условиях и обстоятельствах помогать как брат брату члену Союза;

к) при изменении места жительства сообщать об этом по инстанции вверх;

л) наблюдать за поведением каждого постороннего лица и собирать сведения, касающиеся общих познавательных интересов, на собраниях представлять их для ознакомления руководителю, для представления высшей инстанции.

м) обо всех интригах, в которых ощущается противодействие целям и взглядам ЛСБС – немедленно докладывать руководителю звена.

2). Каждый член для конспирации обязан иметь псевдоним.

3). ЛСБС организован из звеньев, отделений, отрядов, батальонов, районов, округов, центрального комитета и съезда.

II

ЗВЕНО

4) Звено состоит из 4 лиц. Один из них, образовавший звено, считается руководителем звена.

5) Руководитель звена регулярно поддерживает связь с руководителями других звеньев, которые все вместе составляют отделение.

6) Каждое звено имеет свой номер, например, I, II, III (так как отделение состоит из III звеньев).

7) Обязанности руководителя звена:

а) руководитель обязан регулярно проводить собрания, на которых борцам сообщается вся необходимая информация и принимаются сообщения от них.

б) все сообщения во время передавать вверх по инстанции.

в) давать задания борцам и следить за их честным, тактичным и своевременным исполнением.

г) звено снабжать всей необходимой литературой

д) обеспечивать регулярную уплату взносов, и своевременно передавать собранные средства в кассу отделения.

III
ОТДЕЛЕНИЕ

8). Отделение состоит из 3 звеньев и имеет свой номер; I, II, III (так же, как отряд состоит из 3 отделений. Номер отделения утверждает руководитель отряда).

9). Отделением руководит руководитель – отрядный, перед тем руководивший звеном, из которого сформировалось отделение.

10). Руководит через звеньевых, которые знают только его псевдоним.

11). Звеньевые руководители отделений из своих выбирают заместителя отделения, имя которого, кроме псевдонима, тоже не упоминается.

12). Обязанности руководителя отделения:

а). Руководить на собраниях звеньевых руководителей, которые должны проводиться регулярно и на них обсуждается каждый, вновь поднятый вопрос, где руководители звеньев должны быть ознакомлены с положением дел и заданиями.

б). Все отделение обеспечить нужной литературой.

в). Поддерживать постоянную связь с руководством отряда.

г). Присматривать за кассой и т.д.

13). Обязанности заместителя отделения:

а). При отсутствии руководителя отделения, заменить его в полном объеме, исполняя все его обязанности.

IV
ОТРЯД

14). Отряд состоит из 3 отделений и имеет свой номер

I, II или III (так же как батальон состоит из 3-х отрядов).

15). Отрядом руководит руководитель, перед тем руководивший отделением, из которого сформирован отряд.

16). Отрядом руководит тоже под псевдонимом, чтобы настоящее имя никто в отрядах не знал.

17). Отрядные из своих выбирают заместителя руководителя, личность которого известна тоже только под псевдонимом.

18). Обязанности руководителя отряда:

а). Руководить регулярными собраниями руководителей отделений, на которых обсуждаются все новые вопросы, руководители отделений знакомятся с положением, получают новые задания и т.д.

б). Поддерживать регулярную связь с руководством батальона.

19). Обязанности заместителя руководителя отряда:

а). Заботиться о кассе отряда, проверяя регулярность уплаты взносов.

б). Весь отряд обеспечивать нужной литературой.

в). При отсутствии руководителя отряда полностью перенять и выполнять все его обязанности.

V

БАТАЛЬОН

20). Батальон охватывает два или три отряда и имеет название, а не номер (к примеру, Батальон Жальгирис). Наименование батальона утверждает Районный Комитет.

21). Руководство Батальона состоит из руководителей отрядов, а руководитель батальона из числа руководителей отрядов.

22). Заместитель руководителя батальона избирается из своих, и так же, как и руководитель всем известен только

под псевдонимом.

23). Обязанности руководителя батальона:

а). руководить регулярно проводимыми собраниями руководителей отрядов, на которых обсуждаются все вновь поступившие вопросы, руководители отрядов знакомятся с положением дел и получают задания.

б). внимательно наблюдать за деятельностью всего батальона, за выполнением всех заданий добросовестно, в срок, тактично и хорошо.

в). Поддерживать постоянную связь с Районным комитетом, представлять данные о положении в батальоне и получать задания.

24). Обязанности заместителя руководителя батальона:

а). через руководителей отрядов обеспечивать всей необходимой литературой батальон.

б). заботиться о кассе батальона, регулярно проверяя своевременную уплату членских взносов.

в). При отсутствии руководителя батальона полностью перенять все его обязанности, выполнять его работу.

VI
РАЙОН

25). Район охватывает округ, в котором сформировано не менее двух батальонов. Район имеет свое наименование (имя и округ утверждаются Комитетом Округов).

26). Районом руководит районный комитет, который является исполнительной властью для всех батальонов, составляющих район.

27). Районный комитет состоит из руководителей батальонов.

28). Председатель Районного Комитета – из звена руководителей батальонов.

29). Заместителя председателя РК – руководители

батальонов избирают из их числа.

30). Обязанности председателя комитета Района:

а). Руководить регулярными собраниями комитета, на которых обсуждаются все вновь поступившие вопросы, члены комитета – руководители батальонов знакомятся с положением дел и заданиями.

б). внимательно наблюдать за деятельностью района, то есть за честным, добросовестным исполнением всех заданий.

в). Поддерживать постоянную связь с комитетом округа, представляя сведения о положении в районе и принимая новые задания.

31). Обязанности заместителя председателя Районного комитета:

а). через членов комитета обеспечить весь район нужной литературой.

б). заботиться о кассе РК, наблюдая за своевременной уплатой членских взносов всего района.

в). При отсутствии руководителя районного комитета, перенять полностью все его обязанности, выполняя всю работу председателя Районного комитета.

VII

ОКРУГ

32). Округ – это территория республики, которой принадлежат не менее двух районов. (Округ имеет наименование. Название и границы округа, по предложению Центрального Комитета, получают на съезде).

33). Округом управляет Комитет Округа, который представляет исполнительную власть на всей занимаемой Районными округами территории.

34). Комитет Округа состоит из председателей РК и еще

по одному человеку, назначенному от каждого района.

35). Председатель комитета округа – это руководитель того звена, которое составляют председатели Районных комитетов.

36). Заместитель председателя округа избирается из членов комитетов округа (и председатель, и его заместитель известны только членам комитета и под псевдонимами).

37). Комитет округа отчитывается перед Центральным комитетом, а ЦК – съезду.

38). Обязанности Комитета Округа:

а). Как следует ознакомиться с каждым полученным заданием и выполнять его.

б). Постоянно поддерживать связь между собой.

в). Иметь средства печати и редакцию, редактирующую и выпускающую всю нужную литературу органа Комитета округа.

г). Весь округ снабжать нужной литературой органа Комитета округа, а также изданиями Центрального Комитета ЛСБС.

39). Обязанности председателя комитета округа:

а). Без посредничества поддерживать связь с Центральным Комитетом, куда доставляет все сведения о деятельности в округе и получает новые задания.

б). Регулярно проводить собрания комитета округа и руководить ими.

в). Информировать комитет о новых заданиях, общем ходе деятельности, наблюдать о своевременном и тактичном исполнении всех задач.

40). Обязанности заместителя председателя комитета округа:

а). распоряжаться окружной кассой, регулярно проверять

своевременность уплаты членских взносов.

б). при отсутствии председателя Комитета Округа заменять его и в полном объеме выполнять все его обязанности и работу.

VIII

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

41). Центральный Комитет есть вся исполнительная власть СБСЛ. ЦК состоит из председателей комитетов округов и борцов, избранных во время съездов. Для централизации действий борьбы за освобождение, ЦК должен поддерживать непосредственную связь с национальными Центральными Комитетами борцов за Свободу других наций.

42). Председатель ЦК избирается и утверждается на съезде.

43). Заместитель председателя ЦК избирается из председателей комитетов округов и утверждается во время пленума Центрального Комитета путем голосования и собравший наибольшее количество голосов.

44). Члены Центрального Комитета в обществе известны только под псевдонимами.

45). Обязанности Центрального Комитета:

а). Исполнять и внимательно наблюдать за исполнением всех решений съезда, а также дополнительными решениями пленума ЦК.

б). Непосредственно поддерживать между собой связь.

в). Иметь печатные средства и редакцию, которая редактирует и выпускает издание Центрального органа, а также всю нужную литературу.

г). Исполнять все, что исполняют профессиональные деятели, соответствующее целям Союза Борцов за

Свободу Литвы, непосредственно поддерживая связь с председателями ЦК.

46). Обязанности председателя Центрального Комитета:

а). Непосредственно поддерживать связь со всеми членами ЦК.

б). Проводить регулярные, в намеченное время пленумы ЦК и утверждать решения пленума ЦК, если они утверждены большинством голосов членов ЦК (включая и голос председателя).

47). Обязанности заместителя председателя Центрального Комитета:

а). исполнять все, что надлежить исполнению профессиональному деятелю, соответствующее целям СБСЛ. То есть, во всей деятельности и в каждом моменте своей работой заменять председателя Центрального Комитета.

48). Кассой управляет специально назначенный борец – член Центрального Комитета.

IX

СЪЕЗД

49). Съезд – это власть создающая Законы СБСЛ. Все предложения, так по изменению статута, так и по изменению методики борьбы и т.п. представляются к сведению Центрального Комитета, который представляет их съезду.

50). Делегаты прибывающие на съезд: из районов по два человека и Комитеты Округов.

51). На съезде члены ЦК и другие члены имеют равные голоса.

52). Решения съезда утверждаются большинством голосов.

53). Съезд после сессии выпускает циркуляры от имени

всего СБСЛ.

54). Съезды проводятся раз в 3 года.

55). При особых обстоятельствах Центральный Комитет может созвать внеочередной съезд.

X

ОБЩИЕ ПРАВИЛА

56). В случае, когда в батальоне формируется отряд людей, по количеству организационной схемы, подходящий для создания батальона, отряд получает звание батальона, которому принадлежал и непосредственно включается в комитет района. Отделенной ветви Комитет Района по своему усмотрению назначает подходящего организатора, для выравнивания организационной схемы.

57). В случае обрыва связи – звено, отделение, батальон, район, округ – продолжает деятельность самостоятельно, придерживаясь Закона и методики. Прилагает все силы для налаживания связи.

58). Женское звено организует Комитет Района и оно действует только среди женщин. Когда их количество соответствует батальону, тогда руководитель батальона включается в Комитет Района, как член Районного Комитета.

XI

ФИНАНСЫ СОЮЗА БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ ЛИТВЫ

59). Основными доходами СБСЛ являются членские взносы, 10% от своего заработка выплачивающие в казну все, без исключения, члены СБСЛ.

60). Все собранные взносы звена и отделения передаются в кассу отряда.

61). Отряд в своей кассе оставляет 1/3 часть

собранной суммы для покрытия расходов связанных с корреспонденцией и другими мелкими расходами.

62). В кассе районного комитета остается 1/3 всех в районе собранных членских взносов. Эта часть распределяется:

а). Для корреспонденции.

б). Для покрытия дорожных расходов.

в). Для взаимопомощи.

г). Для добывания средств печати.

63). В кассе каждого округа оставляется 1/3 собранных членских взносов, которая распределяется:

а). Для корреспонденции.

б). Для печатания и распространения окружного издания, а также для изготовления и распространения агитационных и пропагандистских листовок.

в). Вооружению округа.

г). Для покрытия дорожных расходов и взаимопомощи.

64). В кассе Центрального Комитета все собранные средства СБСЛ распределяются:

а). Для корреспонденции

б). Для печати и распространения издания СБСЛ.

в). Для печатания и распространения листовок пропагандистско-агитационного характера.

г). Для вооружения всего СБСЛ.

д). Для командировок

е). Для взаимопомощи.

ж). Для покрытия всех расходов СБСЛ и съезда.

XII
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СБСЛ И ПРИМЕНЯЕМЫЕ НАКАЗАНИЯ

65). Член, нарушивший Статут является нарушителем.

66). Нарушителю может вменяться:

а). Личное предупреждение.

б). Общественное порицание в кругу товарищей по борьбе и даже в печатном органе.

в). Исключение из членов СБСЛ.

г). Ликвидация.

д. Наивысшая мера наказания применяется при растрате кассы (за исполнением наказания следит Комитет Округа).

67). Член, звено, отделение, отряд, батальон, район или округ во время незаплатившие членские взносы, должны отчитаться своему непосредственному начальству. Ничем не оправданные, во время не собранные членские взносы считается серьезным нарушением.

68). Члены исключенные из рядов СБСЛ подлежат наблюдению со стороны внутренней службы безопасности.

XIII

ПРИЕМ ЧЛЕНОВ

Член выбирает звено по своему усмотрению. Найдя добровольца, подходящего для вступления в члены СБСЛ, знакомит его со взглядами и целями Союза, читает ему Статут, и, если доброволец согласен быть членом Союза, тогда на сходке, громогласно, в присутствии всех членов звена дает клятву Борцов за Свободу Литвы.

КЛЯТВА

Я, такой то, в присутствии товарищей по борьбе, клянусь перед Богом и Родиной Литвой, что всем умом, всем сердцем и всеми силами честно буду исполнять все приказы Союза Борцов за Свободу Литвы, самоотверженно бороться за свободу и независимость литовского народа. Свято сохраню все тайны организации. Во время, тактично и хорошо буду выполнять полученные задания.

Давая клятву, прошу товарищей по борьбе в случае моей измены, не дрогнувшей рукой привести в исполнение смертный приговор!

После присяги, лицо давшее клятву, считается полноправным членом СБСЛ. Ему дается псевдоним и сообщается вверх по инстанции (сообщение не по фамилии, а под псевдонимом членам звена, отделения и отряда).

От имени I съезда Союза Борцов за Свободу Литвы 1956 год

*Секретарь СБСЛ I-го съезда Витаутас-Виргини*я

Участники съезда:

1. Швянтупис – Паулюс
2. Нарутис
3. Нашлайтис
4. Улонас
5. Шяшелис
6. Витис
7. Клаюнас
8. Весулас
9. Венуолис
10. Миндаугас

16 февраля 1956 года

(Манифест и Устав изготовлены во Владимирской тюрьме. Э. Б.)

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

В архиве «Возвращения» хранится рукопись «Люди и нелюди. Кашкетинские расстрелы. 1937—1938». Члены общества «Возвращение» Роза Львовна Аронова и Эльда Абрамовна Веселова, дочери политзаключенных Льва Ефимовича Аронова и Абрама Наумовича Фридмана, расстрелянных на Кирпичном заводе, собрали в ней все доступные им материалы, относящиеся к кашкетинским расстрелам: документы, выписки из книг, журнальных и газетных статей, письма, адресованные в «Мемориал».

Мы понимаем и высоко оцениваем общественное и историческое значение их труда. Поскольку же в этом номере журнала «Воля» публикуются фрагменты из воспоминаний А. Войтоловской и М. Байтальского, цитаты из которых в большом количестве приведены в рукописи «Люди и нелюди», мы ограничиваемся здесь публикацией трех из отобранных Р. Л. Ароновой и Э. А. Веселовой документов.

АКТ

1938 г. марта месяца 1 дня мы, нижеподписавшиеся, пом.нач. II отделения III Отдела ГУЛАГ НКВД лейтенат гос.безопасности Кашкетин Е. И., нач. III частью Воркутинского отделения Ухтпечлаг НКВД Никитин А. И., пом.оперуполномоченного III Отдела ГУЛАГ НКВД Заправа М. Б., пом.оперуполномоченного III Отдела Ухтпечлаг НКВД Манохин В. А., пом.оперуполномоченного III Отдела Ухтпечалаг НКВД Чечин И., пом.оперуполномоченного III частью Воркутинского отделения Ухтпечлаг НКВД Михайлов И. Н., составили настоящий акт в том, что сего числа приведен в исполнение приговор Тройки УНКВД по Архангельской области (заседания от 29.09.37 г., от 8.10.37 г., от 20.11.37 г., от 16.12.37 г., от 21.12.37 г., от 25.12.37 г., от 27.12.37 г. протоколы № 15, 19, 33, 37, 41, 44, 45) о расстреле ста семидесяти трех человек нижепоименованных заключенных Ухто-Печорских лагерей НКВД, приговоренных за вновь совершенные ими преступления в лагере:

90

Гамов Б. И., Дорфман А. М., Казарьян Г. С., Крамаренко Г. Б., Лобанов Г. С., Мелнайс К. П., Мизев Н. Г., Мильман Г. М., Робинсон С. Г., Саджая М. С., Шульпин С. П., Брызгалов М. К., Белоусов И. Е., Геворкьян С. А., Бамдас Г. Х., Александров С. А., Горлов Н. П., Хотинский Г. Н., Куриневский Д. С., Краскин И. С., Яковин Г. Я., Вульфович Г. М., Донадзе В. А., Табачник Б. Я., Лангер Я. Б., Бирюков Н. М., Михалевич А. М., Антокольский Я. М., Рац Л. Б., Каменецкий М. И., Чаусовский Ю. Л., Эльцин В. Б., Волховская А. П., Кирокасян Е. М., Ращуклеев И. И., Петров А. П., Кудинов А. И., Перепелкин В. Е., Блюмберг Э. А., Аксель А. Ф., Зайцев Я. Д., Берадзе В. Г., Голованов К. Я., Репхин Б. М., Липензон С. М., Славин С. А., Максимов М. П., Аграновский Л. А., Возняковский К. А., Марголин М. М., Краков П. П. (он же Португалов П. Н.), Коваленко А. А., Кульбацкий М. С., Бухтеев В. Б., Казенов А. П., Шимберг Б. Я., Подземский А. Г., Ковалев И. М., Эйгельберг Ш. А., Луговой М.(С.) М., Лобковский Л. М., Седенков Ф. И., Змудзяк Г. Н., Коновалов А. И., Гулько С. С., Галицкий Л. И., Кузнецов Е. В., Бергман Г. Б., Карцев П. А., Золотухин В. П., Жак Л. Я., Ермакова К. М., Гусаров (Потехс) И. Е., Григель А. М., Горненко Т. Т. (он же Гавриленко Н. И., он же Родык Ф. М.), Ватагин И. Д., Бабайкин А. П., Рабинович Л. Я., Дьяченко В. Л., Белозеров Н. В., Балибанов В. А., Степанов В. Ф., Лещинер В. Н., Сарайлов Г. Г., Резниковский Я. И., Фрейберг М. И., Щеколдин Н. А. (он же Воелюр Э. К., он же Солодовский П. А.), Гачкин (он же Кучин, Каланчук, Павлович, Балаган, Викторо И. Ф., В. Ф., Г. И.), Ушакевич Е. Ф., Соловьев Е. П., Мекикечко Н. И., Лясковский В. В., Аврутис И. Я., Андронов А. М., Анащенко Д. Г., Акопян А. М., Аблисимов С. С., Агабабов Х. А., Алойц И. Б., Бровер Б. И., Баглюк Г. Н., Баранов М. Л., Бегун В. В., Бергман Д.И., Белинкис Я. С., Богомолов И. К., Андрианов А. А., Гинценберг М. Н., Башловка Г. А., Михайловский А. М., Шотт К. П., Ворожуов А. В., Петров В. Ф., Брильков Т. С., Баранов Д. И., Васильев В. С., Васильев И. С., Васильев И. В., Венцкус П. И., Вестель Ю. М., Вираб Н.(В.) В., Выборнов М. И., Герасун Г. П., Глан-Глобус В. Б., Гольднер Б. С., Гольман М. Б., Грамматчиков А. А., Грюнман М. И., Гудштадт Г. Я., Дамбэ П. Э., Дорошенко А. П., Драновский Л. З., Еськов В. И., Иванов В. В., Иохель Н. Л., Кавчадзе Г. К., Кригман А. С., Кузьменок Ф. И., Куликов В. Ф., Каневский И. М., Кузнецов И. Ф., Кирьянов К. И., Лазько М. К.,

Линьков А. Н., Минкин Г. З., Межерецкий И. Я., Марголин И. И., Мингалев А. С., Орлов В. И., Павленко П. П., Перцев М. Я., Прокопеня А. А., Пирогов С. Н., Подбелло Н. И., Плисс С. Е., Розенфарб Р. И., Рютин В. М., Рубашкин М. И., Рогожин И. И., Сучков М. П., Сарак Я. Л., Славин В. Е., Субботин-Данилов И. В., Татаренко Я. Г., Топчиян В. Д., Уржумов М. Т., Фукс В. М., Фадеев С. А., Хатинский А. Б., Хан (Ханов) Н. А., Цыганков С. М., Чернышев В. М., Шкловский Л. С.

Все сто семьдесят три человека расстреляны и погребены.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах, из коих один экземпляр — в Тройку УНКВД по Архангельской области и один экземпляр в делах 3-го Отдела Ухтпечлагерей НКВД.

Воркута, 2 марта 1938 г.

Исполнитель: пом.нач. II отделения III Отдела ГУЛАГ НКВД лейтенант гос.безопасности (Кашкетин).

Присутствовали: Никитин, Заправа, Манохин, Чечин, Михайлов.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о приведении в исполнение приговора о расстреле нижепоименованных заключенных Воркутинского отделения Ухтпечлагерей НКВД.

Л. Д. Кропоткин, С. М. Акопов, Л. Е. Аронов, С. А. Ачоян, Б. Я. Цыпкин, И. Ш. Шавердов, С. Г. Юфит, Е. И. Экштейн, И. С. Эльст, К. С. Яшвили, М. М. Советкина, М. В. Сорокин, В. И. Сыриков, А. Н. Фридман, В. С. Флакс, И. П. Псалмопевцев, И. М. Познанский, А. И. Правдило, И. М. Липкин, Г. А. Лавров, А. Д. Липатов, П. П. Лапшин, И. И. Муравьев, А. И. Милешин, Я. Г. Майзель, И. С. Дейнеко, Н. Ф. Дингельштедт, Я. М. Драпкин, Е. С. Ерченко, Н. А. Злотченко, М. С. Зак, И. Е. Зайдгафт, В. И. Карлик, Д. И. Котов, С. П. Кессель, Ф. И. Козенцев, А. Б. Блюм, Г. И. Володкович, В. М. Вишневский, Е. Г. Власов, Г. Г. Геворкьян, Ф. М. Голод, И. И. Гольденштейн, В. Ф. Комаров, А. И. Некрасов, М. Г. Малышев, П. А. Пашкевич, Ф. И. Тюков, А. А. Сенаторов, А. И. Шумихин, К. В. Андреев, В. П. Шагов, В. Г. Горбатов, Н. Н. Гусев, Н. И. Голубев, А. А. Варелас, Р. Т. Бингорн, В. Г. Базазьян, И. И. Кроток, И. В. Климайтес, А. Л. Калмановский, А. И. Калимов, И. М. Зосимов, Л. А. Златин, Л. Л. Дзимистаришвили, Я. В. Гофлин, А. М. Мартынов, М. П. Малюков, З. Ю. Сандомирский, М. Г. Холмецкий, М. И. Хазанов, М. И. Эльцин,

И. С. Спутник, В. Г. Митерин, Р. И. Винокур, С. 3. Ханин, И. Г. Цытвер, Ш. М. Ахмедов, М. М. Фишким, П. Г. Николаев, В. Н. Нарвянин, И. Н. Ефимов, Ф. Н. Зайцев, Д. А. Королев, Т. А. Вартыкьян, Т. П. Баранов, В. М. Божанов, С. Г. Определенов, Н. И. Левин, А. И. Слитинский, А. В. Оганесьян, А. И. Лабуз, Б. М. Набатов, Г. Ф. Кашин, А. М. Орлов, Б. Х. Энштейн, С. И. Гуровская, Ш. А. Полевая-Генкина, П. Г. Кунина, Е. С. Сурина, Н. А. Штерн, Р. И. Пауль, Г. А. Тоскар, Г. М. Хазан, М. Г. Плоткин, И. Х. Панайотти, А. Е. Костинский, Ю. П. Лемер, П. Г. Мамкория, Р. И. Голубчик, Е. Е. Двинский-Файдман, М. А. Елисаветский, В. Т. Егоров, Н. П. Игонин, И. И. Богачев, А. Я. Бердичевский, М. П. Васильев, С. В. Шабаев, К. Ф. Кочнев, А. Н. Крылов, А. Н. Сихарулидзе, А. И. Вашакидзе, И. И. Иоффе, В. А. Павлов, Д. П. Германов, Ф. П. Галачан, А. И. Линно, Н. Л. Ольшанский, М. А. Коган, Ч. С. Яшвили, Л. И. Китайский, А. А. Мелкумян, А. П. Головлев, Ф. С. Вайнцвайг, А. А. Штер, А. Е. Шанидзе, М. М. Зайдман, Л. Д. Миротадзе, С. Е. Котелевич, П. Ф. Голонов, П. М. Плясов, Т. Г. Кравцов-Кравченко, М. Ф. Липикин, И. Н. Ксенофонтов, М. Г. Савицкий, К. Г. Бардзиловский, В. П. Карпенко, В. С. Монахов, Н. Н. Лисицин, А. М. Коган, М. О. Зенков, А. Б. Жемчужников, К. Н. Леганьков, Н. В. Прусс, А. В. Шварцман, Р. Б. Зайонц, А. Б. Рубинчик, М. С. Шиполов, Ю. И. Герман, В. У. Крутель, А. К. Куявский, И. Б. Бронтман, М. К. Вализер, М. И. Качарава, Э. Л. Аграновский, Б. Н. Воскресенский, Е. А. Кравцов, А. М. Зот-Хохлов, В. Ф. Крысин, К. А. Ломберг, Д. А. Капуста, Г. С. Клюсов, А. Г. Поляков, Ю. Г. Машкевич, А. С. Угаров, А. А. Саркисьян, В. Г. Шерснев, С. Б. Рубин, В. Ф. Климашевский, М. Л. Рутгайзер, С. С. Радченко, Ю. И. Грюгман, П. И. Замятин, В. В. Косиор, Н. П. Кириенко, В. А. Никулин, Я. В. Кремса, И. Ф. Володин, В. А. Евсеенко, С. П. Мельниченко, А. Ф. Мухин, А. И. Романец, И. И. Пушкин, М. П. Пшеничный, П. А. Агаревский, Д. Д. Шевченко, Ф. С. Капач, Т. А. Дмитриев, М. Т. Подсошков, Е. М. Варпетьян, Г. А. Трампеттэ, С. И. Вайцеховский, Ф. Л. Слесарев, С. Д. Орлов, З. Л. Михлин, Д. И. Тищенко, В. П. Чугунов, И. А. Сманов, И. К. Голованов, М. С. Субботин, Э. Г. Нэф, И. Л. Шумская, Г. И. Джиркеелов, Г. П. Учанейшвили, М. Я. Клугерман, И. Е. Данилов, В. А. Туренко, А. М. Бычков, П. Г. Должиков, Ф. С. Ровный, А. М. Меликситян, В. И. Биронт, И. Е. Пекарь, Б.К.Мальцев, А.М.Шейнтух, А.Е.Козлов, А.М.Носов, И.А.Куле-

РОССИЯ. XX ВЕК. КОМИ АССР

шов, В. С. Чепурной, Ф. П. Цветков, Н. З. Орлов, А. С. Борзило, М. А. Рабинович, И. Г. Кугушев, З. Л. Михайлов-Шофман, С. И. Шульц, Я. И. Ясинский, Х. Л. Финкельштейн, Ф. Г. Гюбнер, Р. Я. Симонов, П. И. Бояршинов, Я. Я. Белусич, И. Ф. Садовников, М. С. Бикташев, А. Г. Мальцин, А. И. Макацари, А. А. Мирокьян, Ф. А. Черняев, А. Т. Фролов, В. З. Ништун, Л. А. Мандальянц, Ф. К. Швец, Л. А. Морозов, П. М. Слепцов, И. И. Логинов, М. В. Пинежский, Н. В. Галкин, В. П. Подшивалов, М. А. Митлин, С. Ш. Гендлер, Б. А. Попов, А. А. Керусов, П. Ф. Объедков, И. И. Каминский, В. И. Михайловский, А. Д. Кашинский, Г. И. Злотник, Н. К. Иоффе, М. Ш. Шарфгарц, Л. Н. Куприянов, В. Г. Павлова, Г. Д. Угрюмов, Н. А. Кожевников, С. Г. Алешин, Х. С. Земке, И. П. Белевич, А. В. Захаров, А. О. Старух, С. Е. Кащеев, В. Н. Велижанин, Н. Ф. Грязнов, П. А. Чернов, А. А. Суворов, Н. Н. Черняк, И. Г. Забелин, Д. А. Врублевский, Л. С. Шмовонян, Ф. Т. Спирюгов, В. И. Полупанов, М. П. Беркунова, А. А. Муродян, В. Э. Буттер, А. И. Гинзбург, С. А. Шумель, Ф. В. Аднашев, М. С. Глейзер, М. Я. Аврускин, В. В. Радзиминский, И. Л. Паласт, М. Н. Минькова, М. И. Миньков, И. П. Цырлов, А. А. Шведов, Г. И. Озерецкий, М. С. Болтнев, А. М. Рыжкова, Ф. А. Родомысленская, Н. В. Вихарев, Л. К. Берман, И. Е. Шанидзе, В. И. Шарапов, Г. Д. Шифрин, М. А. Ковалевская-Жилинская, Р. Р. Васильева-Лукина, Е. Б. Меерсон, И. Л. Финкель, В. И. Ритман, Н. В. Комогоров, Я. М. Миримович, И. Л. Максимов-Шахтеров, Ш. С. Нехлин, Е. В. Джулакидзе, Э. Ф. Данилович, М. М. Захидный, К. А. Зильберман, В. П. Кверкведия, М. А. Карякин, Н. Я. Коротков, И. М. Быков, В. А. Буренко, О. Н. Бурлей, Г. М. Вайсман, Я. И. Вашакидзе, К. И. Векуа, В. С. Карошко, К. Д. Мензатов, Н. В. Голубков, И. О. Кричевский, Я. Е. Рабинович, А. Х. Темкин, П. Л. Чигорь, П. М. Лещинский, Н. Д. Зиновьев-Иконников, А. С. Важнов, В. П. Марков, А. И. Крылов, Н. Т. Мирошниченко, Н. М. Винокуров, В. М. Крайний, А. И. Коновалов, Г. И. Григорьев-Каменецкий.

Все триста пятьдесят один заключенный расстреляны и погребены.

Перед приведением приговора в исполнение производилась сверка личностей с контрольными материалами (выписки из протоколов, следственного дела).

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

94

Исполнитель: пом. нач. II отделения III отдела ГУЛАГ НКВД
лейтенант гос. безоп. (Кашкетин)
пом.оперуполномоч. III отдела ГУЛАГ НКВД (Заправа)
пом.оперуполномоченного III отдела Ухтпечлаг НКВД (Манохин)
оперуполномоч. III отделения Воркутского райлага НКВД (Михайлов)

Воркута — Рудник, 30 марта 1938 г.

Сов. секретно

Справка

1. Всего по операции по приказу № 00409 Тройкой по УНКВД по Архангельской области было приговорено к расстрелу 2631 закл.

2. Приведено к исполнению 2508 приговоров.

3. Не приведено к исполнению 123 приговора.

Из них:
Умерло — 58
Бежало — 7
Освобождено — 1
Не числятся в лагере — 1
Разыскивается — 9
Вторично приговорено — 25
Отправлено для исполнения в др. лагеря и орг. НКВД — 18
Приостановлено для особого распоряжения — 4
Итого: 123

Ст. инспектор III отдела
Ухтоижемлага НКВД Фроловин

Справка составлена по состоянию на 21 июля 1938 г.*

* Полещиков В. Массовый террор в ГУЛАГе. С. 536. В кн. «Покаяние». Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 1. Сыктывкар, 1998.

Борцы за Свободу с Прибалтики Западной Украины и Белоруссии!

Наступило время, когда Ваши Отечества сбросят с себя рабство красных окупантов. Наш долг сообщить Вам, о том, чтобы Вы знали своё положение и чтобы во время вступили Вы в борьбу за свой Права и Свободу, которую Вам признаёт весь западный свободный мир и прилагает все усилия для ихнего осуществления. Сегодня Ваш долг отозваться миру, что Вы действительно хотите Свободы и достойны её.

достойны ее

Приветствуем литовцов, которые первые поняли сущность дела и избрали правильный способ борьбы – забастовку! Надеемся что вы литовцы эту борьбу будете продолжать до Победы и покажете пример другим, которые не могут рассеять от своих глаз туман, распространяемый чекистами, и своим трудом дальше куют оружие на тех, которые борются для ихнего освобождения. Литовцы смелее в борьбу! Украинцы, латыши эстонцы – примыкайте один к другому; поддерживайте их – Свобода в Ваших руках! Твёрдая дружба в общей борьбе за Свободу пусть сопровождает Вас до окончательной Победы!

Руководитесь лозунгами:

Долой труд порабощения! Вес мир признает нашое право вернуться в свои Отечества!

ЦКСВС

(прочитал – дай другому)

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

Борцы за Свободу с Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии!

Наступило время, когда Ваши Отечества сбросят с себя рабство красных оккупантов. Наш долг сообщить Вам о том, чтобы Вы знали своё положение и чтобы во время вступили бы в борьбу за свои Права и Свободу, которую Вам признает весь западный свободный мир и прилагает все усилия для их осуществления. Сегодня Ваш долг отозваться миру, что Вы действительно хотите Свободы и достойны её.

Приветствуем литовцев, которые первые поняли сущность дела и избрали правильный способ борьбы – забастовку! Надеемся, что Вы, литовцы, эту борьбу будете продолжать до Победы и покажете пример другим, которые не могут рассеять туман от своих глаз , распространяемый чекистами, и своим трудом дальше куют оружие на тех, которые борются для их освобождения.

Литовцы смелее в борьбу! Украинцы, латыши, эстонцы – примыкайте один к другому; поддерживайте их – Свобода в Ваших руках!

Твердая дружба в общей борьбе за Свободу – пусть сопровождает Вас до окончательной Победы!

Руководитесь лозунгами:

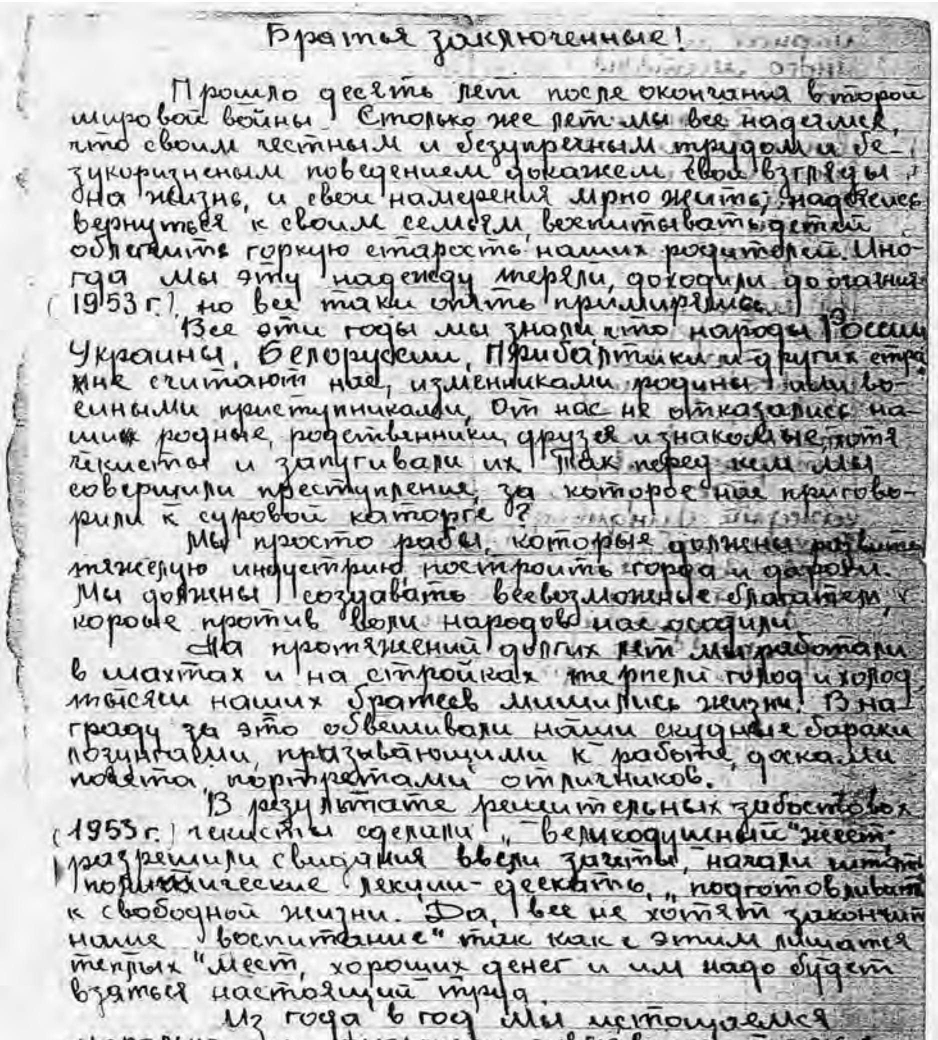
Долой труд поработителям! Весь мир признает наше право вернуться в свои Отечества!

ЦК СБС

(Прочитал – дай другому)

Перепечатано с оригинала Т.М.

Faksimilė 244 p.

Братья заключенные!

Прошло десять лет после окончания второй мировой войны. Столько же лет мы все надеемся, что своим честным и безупречным трудом и безукоризненым поведением докажем свои взгляды на жизнь, и свои намерения мирно жить; надеемся вернуться к своим семьям, воспитывать детей, облегчить горькую старость наших родителей. Иногда мы эту надежду теряли, доходили до отчаяния (1953 г.), но все таки опять примирялись.

Все эти годы мы знали, что народы России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других стран считают нас изменниками родины или военными преступниками. От нас не отказались наши родные, родственники, друзья и знакомые, хотя чекисты и запугивали их. Так перед кем мы совершили преступления, за которое нас приговорили к суровой каторге?

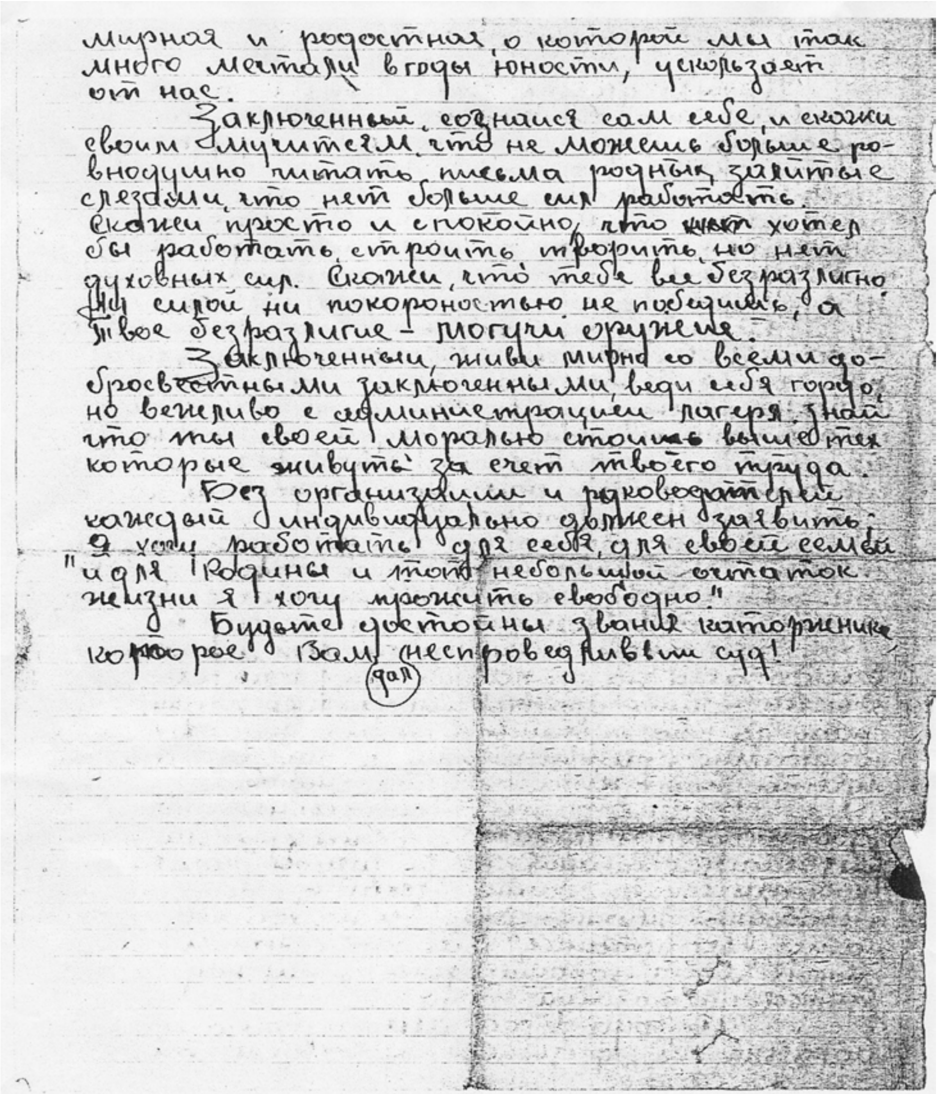
Мы просто рабы, которые должны развить тяжелую индустрию, построить города и дороги. Мы должны создавать всевозможные блага тем, которые против воли народов нас осудили.

На протяжении долгих лет мы работали в шахтах и на стройках, терпели голод и холод, тысячи наших братьев лишились жизни. В награду за это обвешивали наши скудные бараки лозунгами, призывающими к работе, досками почета, портретами отличников.

В результате решительных забастовок (1953 г.) чекисты сделали „великодушный" жест: разрешили свидания, ввели зачеты, начали читать политические лекции-беседы, „подготовлять к свободной жизни. Да, все не хотят закончить наше „воспитание" так как с этим лишатся теплых "мест, хороших денег и им надо будет взяться настоящий труд.

Из года в год мы истощаемся морально и физически, чувствуем, что жизнь,

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

мирная и родостная, о которой мы так
много мечтали в годы юности, ускользает
от нас.
Заключенный, сознайся сам себе, и скажи
своим мучителям, что не можешь больше ра-
внодушно читать письма родных залитые
слезами, что нет больше сил работать.
Скажи просто и спокойно, что хотел
бы работать, строить, творить, но нет
духовных сил. Скажи, что тебе все безразлично
Ни силой ни покоряностью не победишь, а
твое безразличие – могучи оружие.
Заключенный, живи мирно со всеми до-
бросовестными заключенными, веди себя гордо,
но вежливо с администрацией лагеря. Знай
что ты своей моралью стоишь выше тех
которые живут за счет твоего труда.
Без организации и руководителей
каждый индивидуально должен заявить:
"Я хочу работать для себя, для своей семьи
и для Родины и тот небольшой остаток
жизни я хочу прожить свободно!"
Будьте достойны звания каторжника
которое Вам несправедливый суд
дал!

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

БРАТЬЯ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ!

Прошло десять лет после окончания второй мировой войны! Столько же лет мы все надеялись, что своим честным и безупречным трудом и безукоризненным поведением докажем свои взгляды на жизнь, и свои намерения мирно жить; надеялись вернуться к своим семьям, воспитывать детей, облегчить горькую старость наших родителей. Иногда мы эту надежду теряли, доходили до отчаяния (1953 г.), но все-таки опять примирялись.

Все эти годы мы знали, что народы России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других стран не считают нас изменниками родины или военными преступниками. От нас не отказались наши родные, родственники, друзья и знакомые, хотя чекисты и запугивали их, Так перед кем мы совершили преступление, за которое нас приговорили к суровой каторге?

Мы просто рабы, которые должны развить тяжелую индустрию, построить города и дороги. Мы должны создавать всевозможные блага тем, которые против воли народов нас осудили.

На протяжении долгих лет мы работали в шахтах и на стройках, терпели голод и холод, тысячи наших братьев лишились жизни! В награду за это обвешивали наши скудные бараки лозунгами, призывающими к работе, досками почета, портретами отличников.

В результате решительных забастовок (1953 г.) чекисты сделали «великодушный жест»; разрешили свидания, ввели зачеты, начали читать политические лекции – дескать «подготавливать» к свободной жизни. Да, все не хотят закончить наше «воспитание», так как с этим лишаться теплых мест, хороших денег и им надо будет взяться за настоящий труд.

Из года в год мы истощаемся морально и физически, чувствуем, что жизнь, мирная и радостная, о которой мы так много мечтали в годы юности, ускользает от нас.

Заключенный, сознайся сам себе, и скажи своим мучителям, что не можешь больше равнодушно читать письма родных, залитые слезами, что нет больше сил работать. Скажи, просто и спокойно, что хотел бы работать, строить, творить, но нет духовных сил. Скажи, что тебе все безразлично. Ни силой, ни покорностью не победишь, а твое безразличие – могучее оружие.

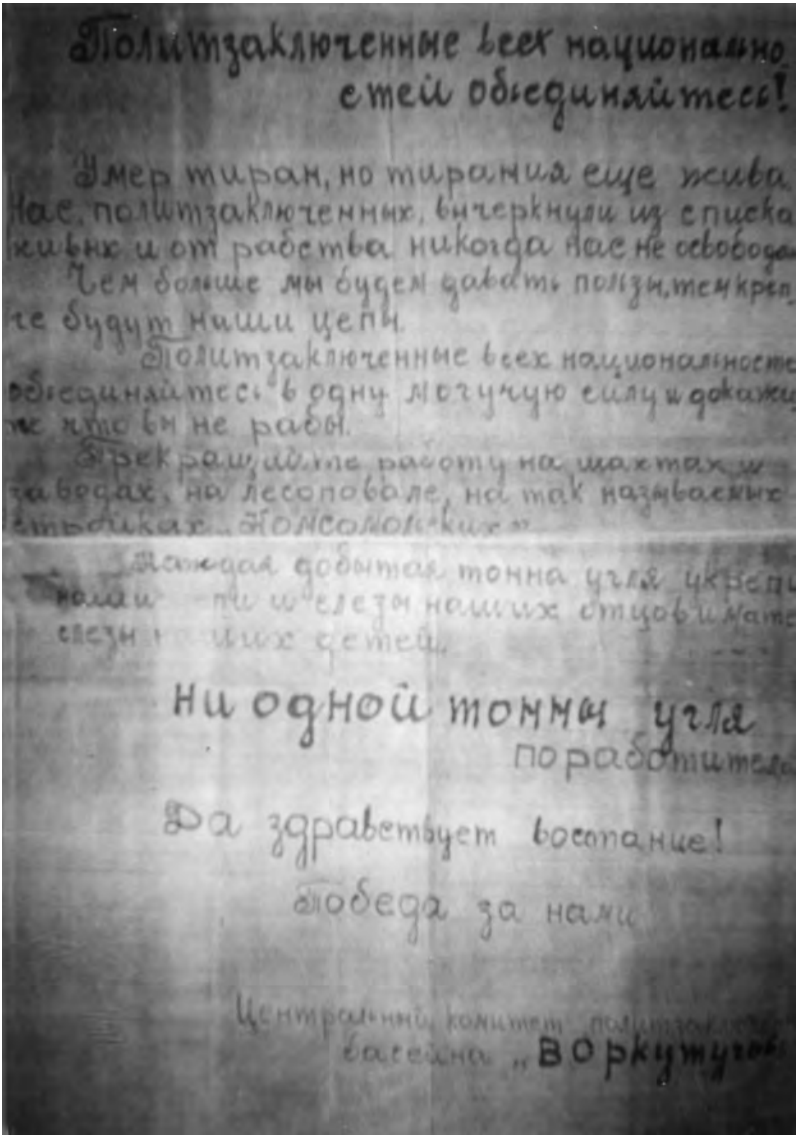
Заключенный, живи мирно со всеми добросовестными заключенными, веди себя гордо, но вежливо с администрацией лагеря. Знай, что ты своей моралью стоишь выше тех, которые живут за счет твоего труда.

Без организации и руководителей каждый индивидуально должен заявить: «Я хочу работать для себя, для своей семьи и для Родины и тот небольшой остаток жизни я хочу прожить свободно».

Будьте достойны звания каторжника, которое Вам дал несправедливый суд!

Перепечатано с оригинала Т.М.

Faksimilės 246, 247 p.

Политзаключенные всех национально
стей объединяйтесь!

Умер тиран, но тирания еще жива.
Нас, политзаключенных, вычеркнули из списка
живых и от рабства никогда нас не освобод
Чем больше мы будем давать пользы, тем креп
че будут наши цепи.
Политзаключенные всех национальносте
объединяйтесь в одну могучую силу и докажи
те что вы не рабы.
Прекращайте работу на шахтах и
заводах, на лесоповале, на так называемых
стройках „Комсомольских".
Каждая добытая тонна угля укрепл
...и ...железо наших отцов и мате
слезы ...их детей.

Ни одной тонны угля
поработител

Да здравствует восстание!
Победа за нами

Центральный комитет политзаклю
бассейна „Воркутуго

Плакат. (43x60 cm). Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

Edvardas Burokas

Contre vents et marées. Partie IV

L'Histoire en lettres de sang

Pramušę plaktuku galvas, mūsų lavonus išveža iš zonos. Karabašas, 1947 m.

Avec des marteaux ils ont fait des trous dans les crânes, ensuite ils ont sorti nos cadavres de la zone. 1947, Karabache.

After crushing our heads with a hammer they bring our corpses out of the zone. 1947, Karabash

Cher lecteur,

Le présent livre qui complète la série de mes livres publiés sous le titre commun „Contre vents et marées“ décrit le combat pour la liberté mené par des millions de personnes réprimées qui, malgré tout, ont poursuivi leur combat dans les camps de concentration. C’est en étant dans les camps de concentration que j’ai commencé à collecter le matériel sur ce combat héroïque. J’ai poursuivi le travail à partir de différentes sources écrites, y compris des archives personnelles et celles des structures répressives.

Aujourd’hui nous pouvons constater que l’histoire de l’humanité est marquée par la lutte opposant ceux qui voulaient la liberté et des tyrans. Cette lutte a atteint son apogée au XXe siècle, lorsque des millions de personnes lutant pour la liberté ont été arrachées à la vie normale et enfermées par les maîtres d’esclaves dans les cellules de prisons et dans les camps de concentration.

Et l’humanité, n’avait-elle pas atteint auparavant ce niveau de prise de conscience, n’avait-elle pas eu tant de combattants, prêts à sacrifier leurs vies pour la liberté ? La faute revient-elle aux intellectuels du siècle des Lumières, propagateurs des idées humanistes et de la dignité humaine ou bien aux richards-mondialistes qui s’étant inspirés de leurs idées ont décidé de construire un Etat mondial et de réaliser ainsi leurs mauvaises intentions? Au XXe siècle, ces mêmes mondialistes ont commencé leurs expérimentations en Russie et en Allemagne, en mettant ainsi les territoires entiers de l’Europe dans une marmite commune. Ils ont voulu faire un alliage de peuples, changer leur mode de penser, les faire accepter le cosmopolitisme, ou plus précisément le mondialisme. Nous devons avouer que ceux qui considéraient la tyrannie du XXe siècle comme une conséquence du mondialisme (envie de s’emparer du pouvoir mondial) avaient raison.

Cependant, l'objectif des livres „Contre vents et marées“ n'est pas d'analyser les raisons et les conséquences de la tyrannie mondialiste, mais de montrer la réalité, dans laquelle les personnes réprimées se sont opposées contre les conséquences du mondialisme masqué et les ont combattues. Ces conséquences étaient probablement inconnues aux idéologues du communisme eux-mêmes ou aux nazis qui les ont suivi et qui, encouragés par les mondialistes, ont voulu construire une „Europe libre“. Ces conséquences sont les guerres mondiales, les crises, les camps de concentration qui ont directement et indirectement servi du lieu de rééducation des opposants aux idées du pouvoir. C'est dans les camps de concentration que la main d'œuvre des opposants a été utilisée pour fabriquer les ressources matérielles. En cas d'échec, ces camps devenaient le lieu d'abaissement moral ou de destruction de l'être humain.

Les expérimentations des mondialistes se poursuivent. L'Organisation des Nations Unies „édentée“, ne disposant d'aucun pouvoir de décision, est dirigée, à travers le droit de veto, par son Conseil de sécurité. L'Union européenne, qui fait un alliage de différents peuples et qui favorise les instincts les plus bas des êtres humains, fait preuve de ses intentions cachées visant à priver les gens de leur liberté de conscience, de la foi chrétienne. Elle favorise le pragmatisme fondé uniquement sur la consommation. Elle veut faire des individus les citoyens du monde, en dissimulant ceux qui construisent l'Etat du monde et qui s'en considèrent les dirigeants. Ce processus a pris une telle ampleur qu'on a l'impression que le monde ne serait plus en mesure de vivre tout seul, sans les organisations créées par les mondialistes. L'humanité est en train d'être rapidement cédée aux mondialistes. Il est probable que l'humanité entrera en résistance, face à l'exploitation féroce et à l'humiliation. Pour combattre cette résistance il faudra les mêmes

camps de concentration, mais cette fois plus larges, prévues déjà par les mondialistes...

Feuilletons les pages de „L'histoire en lettrres de sang“. Les informations qu'elles contiennent serviront à nos enfants et petits enfants.

Publié en quatre langues, le livre est plutôt destiné aux lecteurs étrangers qui n'avaient pas vu et souffert les violences soviétiques. Le livre contient plus de matériel en russe et en anglais, dont une majeure partie a déjà été publiée en lituanien dans mes autres livres. A cause du manque de moyens et en raison d'autres conditions défavorables, la version en français ne contient que les principales informations sur la résistance dans les camps de concentration.

Je remercie tous ceux qui ont participé à la parution de mon livre: mon épouse Jadvyga, mes frères Jonas et Antanas, Algimantas Zolubas, Vaidas Dvilinskas, Rimantas Matulis, Tatjana Mitrofanova, Algirdas Bikulčius, Dovilė Račkauskaitė, Jonas Milerius, Regina Smetonaitė, Petras Kalibatas, Mintautas Daulenskis, la famille de Romas Petras Šaulys, Antanas Šakalys, Jonas Burokas, la famille de Čypas, Gediminas Ruzgys, la famille de Šemberas, Arvydas Anušauskas, Vytautas Landsbergis, Radvilė Morkūnaitė, Ramūnas Garbaravičius, Jurgis Birutis, Rimantas Jokimaitis, Edmundas Simanavičius, Marcelė Dilienė, Algimantas Patašius, Eugenijus Peikštenis, Vilma Juozaitytė, Viktoras Avgulis, Feliks Krasavin, Bronius Zlatkus, Kristina Kačkuvienė, Lina Rimkuvienė, Donatas Januta et tous les autres qui m'ont aidé financièrement, qui m'ont conseillé et encouragé.

Avec un grand respect pour le lecteur –
auteur du livre ***Edvardas Burokas***

Il est symbolique que ce livre atteigne les lecteurs au moment où nous commémorons le 70e anniversaire de l'occupation et que nous fêtons les 20 ans de l'Indépendance. Les événements, les phénomènes et les vécus parcourus dans le livre encouragent une nouvelle fois à réfléchir au prix d'une Liberté que la forte volonté de nos grands-parents et de nos parents a été cherchée. A la lecture de ces pages qui respirent les souvenirs, nous apprécions inévitablement de nouveau ce que nous avons aujourd'hui.

Les faits, les documents et les souvenirs rassemblés dans le livre „Contre vents et marées" témoignent des destins similaires qui unissent des centaines de milliers de Lituaniens détruits par des structures répressives semblables à des tenailles ainsi que du phénomène de résistance en captivité: les insurrections organisées, les efforts de personnes courageuses pour maintenir le concept de nation et choyer la soif de liberté. Les invasions étrangères, la déportation, la destruction physique et morale, les expériences et les désastres que nous connaissons, nous qui avons eu la chance de grandir et de vivre dans une Lituanie libre, grâce aux récits de nos parents et de nos grands-parents, sont aussi indissociables pour comprendre quel prix a été payé par ceux qui ne voulaient pas se soumettre à un régime d'occupation fait de mensonge et de violence. Parce qu'ils n'ont pas permis l'asservissement de leur conscience et de celle du peuple, qu'ils ont choisi la résistance et lutté pour pratiquer leur religion et leurs traditions, et qu'ils ont défendu de toutes leurs forces leur aspiration à créer librement et volontairement leur vie et l'avenir du peuple, les instituteurs, les étudiants, les professeurs, les agriculteurs et les intellectuels du pays sont devenus les plus grands ennemis et „criminels" de l'Union soviétique et ils ont été persécutés, tués et déportés en Sibérie pour les mots „Liberté pour la Lituanie" et la vénération du drapeau tricolore. Alors que le monde goûtait à la paix, ici, en Europe, des gens étaient envoyés en enfer pour avoir essayer de mettre en place leurs droits naturels.

Ces souvenirs, ces faits et ces témoignages sont particulièrement importants aujourd'hui au moment où la Lituanie est membre de l'Union européenne depuis six ans, au moment de notre retour dans la famille des peuples d'Europe. Ils sont surtout importants car de tels efforts incitent à réfléchir de nouveau aux événements, à se connaître et comprendre les moments douloureux et difficiles de l'histoire. Ces moments doivent être connus et discutés sans retard, car ce n'est qu'en se comprenant que nous pourrons réussir à concevoir notre avenir et celui d'une Europe pacifique.

Radvilė Morkūnaitė
Députée du Parlement européen

Avant-propos

Quelle chose étrange que la mémoire humaine ! Des années se sont écoulées en un éclair. Nous avons tous beaucoup changé. La mémoire efface rapidement les choses qui étaient importantes il y a vingt ans. Le rétablissement de l'indépendance de l'Etat, le 11 mars 1990, a incité la majorité des Lituaniens à un nouveau regard vis-à-vis de leurs vies et de l'histoire de leur peuple : l'occupation, la perte du statut d'Etat, l'impossibilité de poursuivre le développement naturel du peuple et de la société, les pertes non indemnisées supportées par les citoyens, l'Etat et l'économie. Pour ceux qui n'ont souffert ni de la terreur, ni des persécutions, ni de la discrimination, notamment ceux qui faisaient partie de la nomenclature au pouvoir, ce passé a été et demeure un symbole du „statut d'Etat socialiste", ayant permis à la Lituanie d'être non seulement soviétisée mais aussi industrialisée et urbanisée. On essaie ainsi de faire oublier la collectivisation de la propriété foncière, le non-respect des droits de la propriété personnelle, les problèmes écologiques, une athéisation forcée, la sécurité sociale garantissant les privilèges à la nomenclature au pouvoir, le choix limité (des marchandises, des opportunités etc.), compagnon éternel de la société socialiste. En à peine vingt ans nous avons oublié les souffrances des milliers de Lituaniens recrutés dans l'armée soviétique et des dizaines d'entre eux, retournés dans des cercueils en zinc. Nous avons oublié l'enlèvement par l'empire soviétique de tout ce qui appartenait à la Lituanie, nous avons oublié des violences psychiatriques, nous avons pratiquement oublié le KGB et le „rideau de fer"... Pourtant les déportations, la terreur et la résistance du peuple lituanien contre le système soviétique représentent le passé que nous ne devons pas oublier. L'auteur du livre „Contre vents et maréest", Edvardas Burokas, présente des preuves montrant que dans ce XXe siècle, siècle des catastrophes, il y a eu des personnes qui ne cédaient jamais. C'est grâce à leur détermination que la Lituanie a su rétablir deux fois l'indépendance de son Etat.

Dr. Arvydas Anušauskas
Député du Seimas

Histoire des luttes pour la liberté: une source de la puissance

Les mémoires sur les déportations soviétiques, les prisons, les camps de concentration, écrits en différentes langues, sont tellement nombreux qu'il serait impossible d'imaginer une meilleure représentation de cet enfer affreux. Ces livres sont indispensables pour nous et pour tous les autres comme un instrument de dissuasion contre l'idéologie communiste et la terreur qui lui est propre et comme un moyen de rendre hommage à ceux qui ont souffert au Golgotha. Cependant les auteurs de ces mémoires ne décrivent que les horreurs de l'esclavage soviétique et la transformation de l'être humain en un animal de travail, et ne laissent pas suffisamment de place à la résistance contre l'esclavage du XXe siècle. Il convient de noter que de tels mouvements de résistance ont eu lieu au sein des peuples asservis, arme à la main, mais aussi dans les prisons, dans les camps de concentration, en prenant la forme de soulèvement, de sabotage, de tentatives de détruire l'économie de l'Empire du mal. L'objectif principal d'une telle résistance n'était pas la lutte pour une vie meilleure, mais l'idéal de Liberté, la chute du système d'esclavage. La réalisation de cet objectif a pris différentes formes, y compris la destruction de l'économie de l'Empire. Cette lutte est remarquablement reflétée par l'auteur de la série de livres „Contre vents et marées“, Edvardas Burokas, ancien prisonnier politique, qui, attaché avec des chaînes d'esclave, ne s'est pas résigné mais organisa les grèves et les insurrections et y prit part.

En effet, ceux qui chercheront dans ses livres les souvenirs des personnes mourant de froid ou de faim ou de travail pénible, ne les trouveront pas. Sans aucun doute, les combattants pour la liberté en ont souffert énormément, mais la description de leurs douleurs n'était pas l'objectif de l'auteur. Nombreux sont ceux qui considèrent que l'esclavage a échoué à cause de

l’inefficacité du travail des esclaves. Cependant, la majorité de ceux qui portaient les chaînes du plus dur esclavage soviétique ne s’est pas rendue compte du fait que la chute de l’esclavage et la libération du peuple étaient possibles non seulement grâce à l’inefficacité du travail mais aussi au sabotage, grèves et soulèvements menaçant l’économie de l’empire. Il faut rappeler que les „grandes constructions du Communisme“ ont été réalisées par des prisonniers ne recevant qu’un morceau de pain et de l’eau mélangée avec une pincée de farine. L’auteur des livres dévoile les choses qui n’ont pas été dites par Soljenitsyne dans „L’Archipel du Goulag“ ou par Anne Applebaum dans „L’histoire du Goulag“. Il dit clairement au nom de quoi la lutte derrière les barreaux a-t-elle été menée et remportée. Malheureusement, les institutions d’Etat tentent d’amoindrir ou même de dédaigner l’importance de cette lutte, de ne pas reconnaître un statut approprié aux combattants. Certains estiment même que ces luttes pour la liberté ne peuvent pas être considérées en tant que véritables luttes, comme elles n’ont pas fait couler beaucoup de sang. Les prisonniers politiques eux-mêmes tentent d’effacer de la mémoire ou „d’oublier“ l’importance de cette lutte. Il convient de noter que la lutte contre l’asservisseur n’a pas été soutenue par tous les prisonniers ; beaucoup d’entre eux voulaient juste améliorer les conditions de leur vie en prison. Ceux qui sont „restés planqués sous leurs lits en planches“ se sentent aujourd’hui embarrassés de ne pas avoir rejoint le mouvement général, de s’être opposés à la grève ou de ne pas avoir obéi aux organisateurs des soulèvements.

Aucun des auteurs des grands ouvrages sur le même sujet n’avait fait mention des activités d’information ou de propagande encourageant à faire écrouler l’économie soviétique. Dans la série de livres „Contre vents et marées“ ces activités sont largement décrites et convaincront les plus sceptiques. Les proclamations et les journaux, dont „Varpas“, ont été publiés dans les conditions du contrôle et sans avoir aucun lien

avec l'environnement libre. Devant ces faits nous devrions non seulement être impressionnés par l'imagination des audacieux mais aussi prendre conscience du potentiel qui, malgré toute tentative de répression, a été déployé pour atteindre l'objectif fixé. Le lecteur trouvera dans ces livres les documents authentiques signés par les dirigeants des plus hautes structures de représailles, prouvant que les combattants pour la liberté et leurs actes menaçant les fondements de l'archipel de Goulag avaient fait l'objet d'une grande attention des autorités.

La guerre des partisans contre l'occupant a duré une décennie. Elle n'a pas d'équivalent dans le monde. Ainsi que la lutte contre l'Empire soviétique, menée à l'intérieur, par les combattants en captivité, dont l'objectif n'était pas leur liberté personnelle mais l'écroulement de l'Empire soviétique et la liberté des peuples asservis. Nous pouvons être fiers du fait que ces luttes ont pour la plupart été initiées par des Lituaniens, dont l'auteur des livres, un des plus actifs combattants.

Dans le combat, dès que la ligne de front est marquée et qu'il est possible de se retrancher, dès que la direction de la défense et de l'attaque est connue, les ressources morales et matérielles entrent en jeu. La bataille devient plus difficile lorsqu'on est assiégé par l'ennemi. Poussés de tous les côtés par l'occupant nettement plus puissant qu'eux, manquant de ressources, face aux pièges et trahissons, les partisans ont encore plus de difficultés à mener leur lutte. Ils gardent la dernière cartouche pour eux-mêmes, pour éviter la captivité. Essayez d'imaginer la lutte menée en captivité, derrière les barreaux séparant de l'extérieur, les fils de fer barbelé, tours d'observation avec des mitraillettes, limiers accompagnés de bergers allemands ou encore les habitants locaux enrôlés, formés à la trahison éventuelle, la toundra ou la taïga sans aucune ressource matérielle.

Le lecteur des livres d'Edvardas Burokas prendra connaissance de la lutte contre l'esclavage et contre un puissant Empire, menée par des prisonniers, phénomène unique au monde,

démontré par les documents des témoins des nôtres et de l'ennemi. La chose qui surprendra le plus c'est la victoire : l'archipel du goulag a sombré, suivi de l'écroulement de l'Empire lui-même.

La quatrième partie du livre „Contre vents et marées" d'Edvardas Burokas, combattant pour la liberté, organisateur de luttes devant et derrière les murs de la prison, représente le résumé des trois premières parties. Présenté en quatre langues, ce livre touchera un plus grand nombre de lecteurs. C'est particulièrement important, étant donné que la lutte menée par les prisonniers politiques n'a pas été suffisamment bien reflétée en Lituanie. A l'étranger on ne connaît que quelques épisodes qui commencent à sombrer dans l'oubli.

Selon un éminent publiciste, Vilius Bražėnas, on observe dernièrement la publication de livres d'histoire ou de romans sans valeur, humiliant et méprisant les combattants pour la liberté. Les anciens collaborateurs du système soviétique ainsi que leurs enfants, voyant que les organes de l'ordre public ne les musèlent pas, se sont mis à aboyer et à mordre, à mépriser la lutte en captivité et à la pousser dans l'oubli. La conception trompeuse des luttes pour la liberté en captivité, dans l'archipel de Goulag, doit être démasquée et condamnée. Ces luttes doivent être rendues publiques, il est indispensable de se rappeler des combattants et de leur rendre hommage. En Lituanie et ailleurs, l'exemple des luttes pour la liberté servira de source de puissance et aidera à éduquer notre jeunesse dans un esprit patriotique.

Algimantas Zolubas

SUR LES TRACES DU MOUVEMENT DE LA LIBERATION

En 1917, les communistes se sont emparés du pouvoir et ont tout de suite commencé à construire les camps de concentration qui ont connu dès leurs premiers jours d'existence les manifestations, les grèves générales de faim, maints soulèvements et les organisations clandestines. Ceci explique pourquoi chaque groupe de camps de prisonniers avait à sa disposition un camp pénitentiaire d'extermination dont le but était d'exterminer les acteurs dévoilés de la résistance. Ceux qui arrivaient à rester en vie par Dieu ne sait quel hasard, continuaient à propager les idées mûres de la résistance dans les camps de soumis à des régimes moins strictes. Les soulèvements et la résistance ont engendré le concept de liberté et d'anticommunisme qui envahissait la tête des prisonniers. Les insurgés étaient fusillés, mais le bruit sur la légende de mouvement de la résistance inspirait de nouveaux combats massifs contre l'oppression dans d'autres camps. Sous les ordres des communistes, les tchékistes mutilaient les détenus, mais ils ne sont pas parvenus à les détruire moralement ni à leur enlever leur volonté de résister. Les prisonniers qui ont survécu aux fusillades et autres formes de répression, ont vu naître en 1955 un revirement fondamental de la situation. On a arrêté les fusillades. Les plus actifs des détenus, une bonne cinquantaine, ont été déportés à la prison de Vladimir et encore 300 autres aux camps de Taïchet. Les uns ont vu leurs peines allégées, d'autres ont pu travailler dans les mines sans surveillance. Finalement, les „camarades“ de Kremlin ont fini par prendre peur des futures insurrections dans le goulag et en 1956, ils ont fondé la Commission de Présidium pour le Soviet Suprême qui a rendu „liberté“ à 80% de prisonniers et à 100% de déportés.

C’est à travers le destin de chaque humain, avec ses souffrances physiques et morales ainsi qu’avec les sentiments, l’inquiétude morbide de sa famille et de ses proches que nous nous rappelons les victimes du communisme et cette époque de génocide où presque 70 millions de personnes ont été exterminées, voir un million par an. Je veux vous rappeler les échos des soulèvements héroïques qui nous parviennent grâce aux personnes qui ont survécu et aux modestes écrits de l’époque. Je n’ai pas pour intention de refléter la chronologie exacte des évènements, ni de vous fournir le nombre exacte des personnes qui y ont participées, mais je veux vous faire part de ce que je pense de ces héros qui les mains attachées, sans armes ont eu le courage de se redresser contre les Méchants du XX-ième siècle qui ont fait et font toujours trembler le monde de liberté.

Ci-joint les extraits de comptes-rendus officiels des tchékistes à leurs supérieurs et autres sources publiées, ainsi que des récits de ceux qui ont participé aux évènements de l’époque. Parmi les publications citées „Résistance dans le Goulag“ (Soprotivleniye v goulaguie) M., 1992 (ci-après SvG) et „Camps d’extermination de Vorkouta“ (Vorkutos mirties lageriai) de A.Šerėnas, V., 1997 (ci-après A.Š.).

En 1923, les prisonniers des îles Solovski ont déclaré une grève de faim et ont été fusillés (Volonté Russe (Vola Rassii), N° 16-17, 1924, Prague).

En octobre 1929, suite à la grève dans les îles Solovski, 300 personnes ont été fusillées. Ensuite, les détenus criminels qui enterraient les morts, ont été à leur tour éliminés.

En 1930, dans la prison centrale de Verkhneouralsk, les détenus ont fait une grève de faim et ont réclamé le statut de prisonnier politique. Ils ont été battus et aspergés avec des jets de lances d’incendie.

Le 24 août 1936, les prisonniers ont fait une grève de faim à Kolyma.

En 1936, à Kotlas (RSSA des Komis), avant la visite de la commission de la Ligue des nations, car le bruit courrait que les détenus ont été exploités comme la main d'œuvre gratuite, les tchékistes ont enfermé les détenus dans des wagons à bestiaux et les ont gardés dans un coin vague du camp sans manger ni boire. Les détenus mourraient de faim et de soif. On n'entendait tout autour que les supplices et les cris. Ceux qui ont survécu, ont balancé les wagons jusqu'à ce qu'ils se renversent par terre, alors les tchékistes ont ouvert le feu. Les derniers survivants ont été ramenés par étapes.

En 1936, 500 trotskistes (50% de Juifs, 40% de Russes et 10% de Géorgiens) ont entamé une grève de faim. Ils ont réclamé le statut de prisonnier politique. (A.Š., p.222).

En décembre 1937, à Kolyma, au camp Zelioniy Mys les détenus se sont insurgés. Tous sans exception ont été fusillés et brûlés. (SvG., p.170).

En 1937-1938, à Kolyma, sous l'ordre de Garanin, 26 milles personnes ont été fusillées pour la non obéissance. Plus tard, il a connu le même sort.

…En 1938, Piotr Polevoy, un scientifique qui étudiait de près le bassin de charbon de Vorkouta, ainsi que les 200 autres „ennemis du peuple“ de notoriété qui luttaient pour le respect des droits de l'homme de base, ont été brûlés vifs par les tchékistes dans une baraque près d'Oukhta (A. Š., p.221).

En 1936-1937, tous les camps de la Komie ont connu une vague de grèves de faim. Les détenus politiques exigeaient la séparation des détenus criminels. L'insurrection a été réprimée, tous ceux qui y ont pris part ont été emmenés à la tuilerie de Vorkouta et fusillés par groupes de 20 à 30 personnes. D'après

les écrits, 173 personnes ont été fusillées, dont deux Lituaniens: Povilas Venckus, né en 1899 et Galinaitis, mort pendant les interrogations. Il y a eu beaucoup de détenus sur qui on a ouvert le feu près de la rivière d'Oukhtarka. Les victimes ont été enterrées encore vivantes. Brûlées vivantes aussi. Tout ceci a eu lieu sous les ordres du supérieur des camps Kachketin. D'ailleurs, il a été lui aussi fusillé en 1938 à Kotlas. Il a crié par la fenêtre de la prison: „Eh, je suis Kachketin! Celui qui a fusillé tous les ennemis du peuple à Vorkouta! Au secours!" (A. Š., p.223).

En 1940, un groupe contre-révolutionnaire de diversion de 15 personnes, qui sabotaient les machines et autre dispositif a été découverte dans les mines pétrolières d'Oukhtigemlag.

En 1941, au mois de juin, 15 détenus de la base minière de Neroï en Oural ont désarmé les gardes, ont mis les uniformes militaires et après avoir empilé les papiers se sont enfuis. (A. Š., p.296).

Au mois de juillet, 1941, 15 détenus se sont enfuis de Petchorlag. Ils ont tous été arrêtés, mais ils ont réussi à se libérer, après avoir tué la garde, ils ont récupéré leurs armes, les uniformes et ont formé „une bande de bandits qui volaient et tuaient autour d'eux". (A. Š., p. 292).

Le 16 août 1941, un groupe de 8 prisonniers s'est échappé de Vorkoutlag, du camp de Yedgyd Kyrta: tous des anciens marins, condamnés pour la contre-révolution. Le groupe était dirigé par un lieutenant Piatykh de la Flotte Marine du Nord (Sevmorflot) (Idem).

Le 22 septembre 1941, Oustvymlag, un groupe de condamnés pour la contre-révolution a abattu le tireur, a pris son arme et s'est enfui. (Idem).

Le 20 septembre 1941, Sevgeldorlag, un groupe contre-révolutionnaire, qui avait pour but de se rebeller, de s'emparer de

stocks d'armes, de libérer les détenus et de faire une alliance avec les Allemands, a été liquidé. (A. Š., p.89 et 294).

Le 16 octobre 1941, une organisation contre-révolutionnaire de prisonniers, qui distribuaient des tracts incitant à s'insurger et à renverser le pouvoir soviétique, a été liquidé. (A. Š., p. 294).

En 1941, à proximité de Léningrad les détenus qui étaient là pour construire des tranchées se sont insurgés. Les troupes NKVD ont fusillé 300 personnes.

Le 10 décembre 1941, une organisation de rebelles qui s'appelait Centre d'Abez et qui organisait le soulèvement du 11 décembre 1941 a été liquidée. Son but était d'occuper la cité d'Abez, son aérodrome, la station radio. 22 personnes ont été arrêtées. (A. Š., p.83 et 295).

Le 31 décembre 1941, les prisonniers ont brûlé les locaux de la poste de la région de Kanin.

Au courant de l'année 1941, 2500 détenus ont réussi à s'échapper des camps de concentration de la RSSA des Komis. 465 parmi eux n'ont jamais été retrouvés, 7 détenus avaient été armés. (A. Š., p.295).

Le 5 janvier 1942, la station électrique de Petchiorstroï a été brûlée. (A. Š., p. 292).

Le 8 janvier 1942, le feu a été mis au bâtiment du Comité régional du Parti communiste panrusse (bolchevik) de Kojva. (Idem).

Au mois de janvier 1942, Sevgeldorlag, une organisation antisoviétique du secteur de Yossez, qui propageait les idées de la défaite de la guerre et qui invitait à créer le Comité de l'insurrection dans la RSSA des Komis, a été liquidée. (A. Š., p. 83).

Rien qu'aux mois de janvier et février 1942, 103 personnes se sont échappées et n'ont pas été retrouvées dont 37 venaient

de Petchorlag, 30 – de Oukhtigemlag, 36 – de Sevgeldorlag (A. Š., p.292).

Extrait du rapport du supérieur Zakhlamin du bureau politique de Vorkoutstroï, le 20 février 1942:

„Dans le deuxième semestre nous avons créé 54 postes secrets avec 115 tireurs secrets pour l'arrestation des échappés. Nous avons également créé 80 groupes d'interaction pour la communication avec les tchékistes composés d'habitants locaux. Ils comprenaient plus de 900 personnes". (A. Š., p. 116 et 276).

Le 24 janvier 1942, a eu lieu une insurrection armée dans le camp de concentration de Vorkouta et qui a suscité beaucoup d'attention; il en reste également beaucoup de renseignements dans les archives officielles des tchékistes et de la nomenclature communiste. Je vais me servir des archives d'Algirdas Šerėnas et du témoignage d'Irina Ossipova sur l'affaire Nº 785 traitant de la Brigade à destination spéciale Nº 41 et sanctionné par le procureur de la RSSA des Komis, Fotiyev, le 9 août 1942.

RAPPORT

Rapport relatif à la liquidation d'une bande armée à proximité de Petchora. Le bilan de l'attaque du 24 janvier 1942, qui a eu lieu à Oust-Oussa: 9 bandits morts, 40 anciens membres du groupe arrêtés. Les bandits ont tué 14 des nôtres, dont Selkov, adjoint du supérieur régional de NKVD, 3 agents de milice, Rodin, employé de la Banque Nationale, 4 marins de Petchora et 3 tireurs des camps. 11 personnes ont été blessées. Le 24 janvier 1942, à 105 km d'Oust-Oussa, au bord de Lyja 15 bandits ont été abattus, nous avons perdu 15 personnes dont Barabanov, le supérieur de Sevgeldorlag, 9 personnes ont été blessées et ensuite ont succombé aux blessures.

LA COMPOSITION DE LA BANDE

Les écrits de Retunin, chef de bande relatifs à la répartition des devoirs ont été retrouvés dans son sac.

Le noyau de commandement:

Chef de bande – J.Zverev, né en 1906, ancien membre du Parti communiste panrusse (bolchevik);

Chef de l'état-major – Dounayev, né en 1904;

Commissaire de guerre – Makeyev, né en 1902;

Chef de cellule – V. Solomin, né en 1905;

Chef de cellule – S. Prostakov, né en 1907;

Chef du convoi – A. Yachkin.

Le seul qui avait été pris vivant était A. Yachkin. Tous les autres ont été abattus ou se sont donnés la mort lors d'une bataille.

51 sur 109 personnes ayant pris part aux insurrections étaient les condamnés pour les crimes. Ceux-là se sont séparés de la bande après le combat à Oust-Oussa. Le groupe ne comprenait que 41 personne dont 35 condamnés pour une activité contre - révolutionnaire, 2 salariés indépendants, les anciens bandits, et 4 prisonniers criminels.

A.Yachkin, une fois arrêté et interpellé en plein forêt m'a individuellement dévoilé les objectifs et les projets concrets de l'insurrection et a avoué que les préparatifs à l'insurrection remontaient au mois d'août 1941 et que l'insurrection visait plus que ça ne laissait entendre. L'enjeu consistait à désarmer, avec l'organisation de l'insurrection „Raid“, le camp de „Polya Kourya“ de Petchorlag ainsi que son chef salarié indépendant Poliakov et de les joindre au troupe de Retunin. Les deux troupes devaient prendre ensemble le contrôle de toutes les organisations de la région d'Oust-Oussa, arrêter tous les militants soviétiques et prendre le pouvoir. Ensuite, sans tarder présenter au chef de Vorkoutlag Tarkhanov, un ultimatum de

libérer les prisonniers. S'il ne se soumet pas, provoquer une insurrection à Vorkoutlag, et ensuite à Pechorlag.

Il n'est pas possible d'interroger Yachkin plus en détail. Il est transporté en avion à Oust-Oussa et pour des raisons de santé nous ne pouvons pas obtenir des renseignements plus précis.

Au final la bande comptait 41 personnes et le 25 janvier possédait:

41 fusils avec 11558 munitions,
15 revolvers de type „Nagan“, 1270 munitions,
2 pistolets „TT“, 187 munitions,
4 pistolets „Mauzer“ de type „Korovina“,
5 grenades à main,
878 munitions lumineuses,
2 fusils petit calibre, 2872 munitions.
Au total, 69 armes et 16756 munitions.

LE DEROULEMENT DE LIQUIDATION DE LA BANDE

Le 28 janvier, à 22h, à 40 km d'Oust Lyja, la troupe de 100 personnes de Prokhorov est venueme rencontrer. Ils rentraient après un combat acharné avec une bande qu'ils venaient de rencontrer le 28 janvier à 70 km d' d'Oust Lyja, pas loin du savkhoze des cerfs de Tchouma. D'après eux, la bande était mieux armée qu'eux: ils avaient une mitraillette, des fusils russes, de bonnes tranchées spéciales à partir desquelles partaient des coups de feu très forts. Après avoir perdu l'espoir de gagner, la troupe s'est retirée. L'abattement poussait la troupe à la dissolution et il est fort probable qu'une partie a attrapé froid consciemment pour éviter le combat.

Le 12 février, 1942.

Adjoint au commissaire du peuple des affaires intérieures
de la RSSA des Komis
Capitaine de la sécurité nationale, Simakov

L’acte d’accusation témoigne:

„Le 24 janvier 1942, à 16h, les prisonniers d’une division du camp appelée *lagpounkt* de „Liessoraid“ des camps de Vorkouta, dirigé par un salarié indépendant Mark Retunin, ont mené une insurrection militaire contre le pouvoir soviétique…“

„…le 24 janvier 1942 (samedi), chef du camp et chef de l’insurrection militaire, Retunin, a ordonné au prisonnier responsable du sauna et un des participants au combat, Lu Fa, d’avertir les gardes militaires que le sauna allait être ouvert jusqu’à 17h. Avertis, les gardes tireurs, à l’exception de ceux qui étaient à leurs postes, se sont présentés au sauna. Retunin, épaulé par les prisonniers fiables et armés d’arme blanche a désarmé les gardes et a donné leurs armes à ses prisonniers. <…>. Zverev, Pachkievitch, Dounayev, Avakyan, Tsvetkov et d’autres ont attaqué les casernements <…> ont pris 12 fusils, 4 revolvers, 1682 munitions pour les fusils, 105 cartouches pour „Nagan“ etc. Une fois tout le monde armé, Retunin avec les siens a arrêté les gardes tireurs et les a enfermés dans l’entrepôt de légumes. <…> Après avoir neutralisé les gardes en poste, Retunin a proposé à tous les prisonniers qui voulaient participer à l’insurrection, de le rejoindre.

…Retunin a ordonné d’ouvrir les entrepôts avec les vêtements et la nourriture et de distribuer à tous les insurgés de nouveaux uniformes chauds, charger les chars de nourriture et faire un convoi <...> de 8 voitures <…>. Une partie des prisonniers effrayés s’est dispersée, tandis que les autres insurgés, 82 en tout – avec en tête Retunin qui dirigeait l’insurrection, Dounayev, maître d’oeuvre pour les travaux des prisonniers, Zverev, responsable économique, Makeyev, chef forestier, et l’ingénieur Solimin – sont partis vers 17h au centre d’Oust-Oussa. y

L’attaque à Oust-Oussa était programmée à l’avance. <…>.

A 17h30 les insurgés ont coupé la connexion téléphonique dans tout le centre. Ensuite, divisés en petits groupes, armés ou pas, ils ont tout d'un coup assailli vers 18h le Bureau régional de communication et le Service de la Banque Nationale, ont encerclé le bureau de NKVD ainsi qu'une cellule d'isolation et d'interrogatoire et les quartiers navals de la direction de Petchora. 38 personnes ont été libérées de la cellule d'isolement, dont 12 accusées d'activité contre – révolutionnaire se sont jointes aux insurgés et ensuite ont activement pris part dans l'insurrection.

…Vers 21h, les insurgés ont détruit dans l'Etude de la communication tous les appareils téléphoniques et ceux du télégraphe ainsi que la station radio.

Le quatrième sous-groupe a essayé de prendre l'aérodrome avec deux avions. Pour cette intervention 6 insurgés y ont été envoyés vers 20h, mais l'opération a échoué <...>, car ils avaient été violemment accueillis et se sont donc retirés.

…A partir de 18h jusqu'à 24h, les insurgés avaient le contrôle de toutes les institutions régionales d'Oust-Oussa. C'est là, qu'un milicien Arteyev a réussi à s'échapper pour atteindre le *lagpounkt* „Polya Kourya" de Petchorlag, et il a prévenu les NKVD de la prise d'Oust-Oussa.

15 soldats armés d'une mitrailleuse légère ont été envoyés du *lagpounkt* de „Polya Kourya" à Oust-Oussa, où à 24h ils ont attaqué les insurgés armés.

…Le bilan du combat à Oust-Oussa: 9 insurgés abattus, 1 blessé, 40 arrêtés, 21 personne s'est rendue. Les insurgés avaient tué 14 personnes et en avaient blessé 11. Après avoir suppléé son dispositif en armes à Oust-Oussa, 41 insurgé avec des charrues se sont enfuis par la rivière de Petchora vers les cités d'Akis et d'Oust Lyja. Une fois qu'ils ont quitté Oust-Oussa,

ils se sont divisés en deux groupes: le premier était dirigé par Tsvetkov, le deuxième – par Dounayev.“

Pendant ce temps, les nouvelles sont parvenues à Syktyvkar, la capitale de la Komie, et tous les Comités régionaux ont été mis au courant et ont mobilisé les forces pour la liquidation de l’insurrection. Les insurgés venaient aux camps, privaient les camps d’armes et prenaient de la nourriture. Sachant que les armes partaient pour Vorkouta, les groupes de Dounayev, Solomin, Prostakov et Krukov avaient organisé le rattrapage et l’interception du convoi d’armes et sa prise. Un insurgé a été tué et le responsable de la protection du convoi a été blessé. Les insurgés ont récupéré 18 fusils, 2 revolvers, des grenades et beaucoup de cartouches.

Le 25 janvier de 10h à 15h les insurgés sont restés au village d’Oust-Oussa. Après avoir dévalisé les entrepôts, un des chefs F. Makeyev, a laissé à la vendeuse d’accuser réception des produits au nom de la „Brigade à destination spéciale N° 41“ – ceci était le nom donné par les insurgés à leur groupe contre-révolutionnaire.

Les premières troupes de 55 et 70 personnes, formées pour liquidation des insurgés, sont arrivées à Oust-Oussa le 26 janvier à 14h30. Un partie avait été envoyée à 20h30 à la poursuite des insurgés, l’autre les a rejoint le 27 janvier à 4h. Le 28 janvier, les insurgés se sont positionnés sur les deux rives de Lyja.

…Le matin du 28 janvier, il y a eu une bataille entre les insurgés et les militaires.

Les tireurs, moins bien positionnés que les insurgés armés, ont eu beaucoup de victimes: 16 tués et 7 blessés. D’ailleurs environ 50 militaires ont eu des gelures de premier et de deuxième degré. 16 insurgés ont été abattus. Les chefs des tireurs ont décidé de retirer du combat leurs soldats, car les pertes étaient trop

importantes, de refaire les équipes, et de continuer à poursuivre les insurgés armés jusqu'à la liquidation totale de leur groupe. Le commandement des insurgés, réalisant leur situation, a décidé de se dissiper en petits groupes et s'est sauvé.

Le principal troisième groupe de 11 personnes, dirigé par Retunin, avait été attrapé le premier février, à côté de Malyi Terekhoveï (une rivière qui se jette à Lyja), entouré et après 23 heures de combat, le 2 février, à 16h avait été anéanti. Retunin, Dunayev, Avakyan, sans espoir, se sont tués d'une balle, et les deux autres insurgés, Yachkin et Lu Fa, ont été pris vivants.

…Pendant l'opération de liquidation des insurgés au centre de la région Oust-Oussa, nous avons subi des pertes suivantes: 33 abattus ou morts ayant succombés aux blessures, 20 blessés, 52 personnes avec des gelures de premier et de deuxième degré.

…Au mois d'octobre en 1941, une organisation contre-révolutionnaire d'insurrection composée de détenus trotskistes avait été créée; ils ont reussi à insinuer et à faire entrer dans l'organisation Retunin, chef du *lagpounkt* „Oussinskiy Liessoraid" de Vorkoutlag.

Lors de l'interrogatoire, il était éventé qu'au mois de décembre 1941, dans l'appartement de Retunin lors d'une réunion de l'organisation contre-révolutionnaire d'insurrection, un état-major avait été créé.

Le témoignage protocolaire de Yachkin:

1. La mise en place de l'insurrection militaire contre-révolutionnaire à „Liessoraid" et dans tous les camps de la République des Komis en ayant pour but de renverser le pouvoir soviétique avait été programmée de façon suivante:

a) libérer tous les détenus des prisons et des camps,

b) faire participer au soulèvement tous les déportés et les habitants originaires qui sont mécontents du pouvoir soviétique,

c) créer une armée régulière composée de volontaires, hostiles au pouvoir soviétique,

d) reconstituer la propriété privée dans tous les secteurs économiques: industrie, agriculture. Détruire les kolkhozes.

Les prisonniers trotskistes, Zverev, Dounayev, Makeyev, Solomin et d'autres, qui avaient de l'expérience dans le combat contre les bolcheviks et le pouvoir soviétique, comprenaient que l'insurrection militaire ne devait pas se limite au „Liessoraid" de Vorkoutlag isolé à Oust-Oussa, et ont organisé les groupes analogues contre-révolutionnaires dans le camp de „Polya Kourya", les divisions de MVD de Petchorlag, unité de *lagpounkt* de Kojva et dans le camp „Kyz-Raz-Dy" de Vorkoutlag.

Dans cette affaire les personnes suivantes ont été impliquées: J. Doïtch, B. Murmill, V. Chatalov, A. Pletchiov, A. Randveey, N. Stiepnin, A. Bobrov, B. Alkhimovitch, G. Atomtchuk qui n'ont pas avoué leur culpabilité. D'après le dossier de l'affaire relative à l'insurrection militaire Nº 785 à Vorkoutlag, 68 personnes ont été condamnées, dont 49 à mort par fusillade. (A.Š., p. 288-293 et I. Ossipova. Brigade à destination spéciale Nº 41).

En 1942 dans le sous-secteur du camp de Krasnoïarsk l'organisation „Libération de Lituanie" avait été révélée à jour. Son chef était l'ancien ministre de justice, Šilingas. Les participants: anciens membres du gouvernement et les acteurs politiques.

Le 17-18 décembre, 1942, J. Tatarinov, V. Starkov, V. Ladychev ont été condamnés pour une insurrection contre-révolutionnaire dans le camp d'Abez de Vorkoutlag.

Ces personnes dirigeaient l'organisation appelée „Comité de la libération du camp" („Komitet Samoosvobogedieniye Kolony"). (SvG., p. 143).

„Les archives du Goulag témoignaient que les Baltes, les Polonais et les Ukrainiens, les participants de l'organisation

contre-révolutionnaire, appelés „nationaux“, ont été accusés d’avoir organisé plusieurs insurrections et fuites armées avec pour but de poursuivre le combat contre le pouvoir soviétique et de dissocier leur patrie de l’Union soviétique. Les membres de „l’Union de la libération des pays baltes“ („Pabaltijo išvadavimo sąjungos“) étaient des Lituaniens et des Lettons. 1944, le sous-secteur du camp d’Inta. (A.Š.; p. 348).

Au début de l’année 1944, dans un camp de Vorkoutlag existait une organisation militaire des insurgés qui avait été découverte à la fin de l’année 1945. Ses chefs ont été condamnés, parmi lesquels:

1) B. Ivanov, né en 1903, russe, ingénieur,

2) M. Perelchtein, né en 1907, juif, journaliste,

3) N. Ordinskiy, né en 1897, russe, académicien.

29 personnes ont été condamnées dans cette affaire. (Sv., p. 144).

Entre 1941 et 1945, dans les camps 31 troupe militaire contre-révolutionnaire a été liquidée. 4452 personnes ont subi des répressions dont 3561 jugés pour la politique contre-révolutionnaire. 3121 prisonnier a été condamné dont 1232 ont vu s’affliger la peine de mort. (A.Š., p. 82).

Irina Ossipova s’est référée à d’autres données officielles du MVD: pendant la période de la guerre 225877 personnes ont été condamnées dans les camps dont 9680 ont été fusillées. (SvG., p. 205).

„En 1946 et les premiers 5 mois de 1947, 556 fuites ont été interceptées dont 139 fuites collectives.129 traîtres de la patrie, des perfides, ont été arrêtés et appelés en justice. Rien qu’au premier trimestre 73 déportés ont été poursuivis en justice… un groupe de 20 personnes armées a réussi à s’échapper“.

En 1946, dans un des camps du Nord environ 5000 prisonniers ont été exterminés par le gaz pour leur participation à l'insurrection. (S. Youroussov. Na Roubegie 1952).

En 1946, 9141 personnes ont encore été condamnées. (SvG., p. 208).

Au premier trimestre 1947, 10261 autres ont été condamnés. (Idem).

Le mois de juin 1947, un extrait de la résolution du rapport de Moïsseyev, chef d'Oustvymlag.

„…Le mois de mai de cette année:

a) 12 personnes ont été arrêtées et mises devant la justice pour le sabotage contre-révolutionnaire,

b) plusieurs fuites ont été démasquées avec 130 personnes. (A.Š., p. 428).

Le 10 août 1947 une insurrection militaire en état de préparation, dirigée par Toulyzin, avait été liquidée. Les insurgés voulaient faire exploser les mines, libérer les prisonniers et aller vers la Baltique. De 250 à 300 prisonniers y ont participé. Parmi ceux qui étaient à la tête de cette insurrection pour le coté lituanien il y avait Kėkštas et Vaškevičius. (A. Š.., p. 204).

En 1947, les prisonniers, anciens combattants font une manifestation contre l'arbitraire de l'autorité du camp à côté d'Igarka. L'administration envoie contre eux les récidivistes criminels. Ensuite, elle ouvre le feu sur les récidivistes eux-mêmes.

Juozas Krakauskas, qui a participé par la suite à l'insurrection de la 29-ième mine de Vorkouta, raconte:

„Le 27 décembre 1947, le tribunal a eu lieu dans le camp. Un groupe de prisonniers avait formé un état-major pour commander l'insurrection des prisonniers de la Komie. Son but était de faire sortir les insurgés par l'Ukraine, traverser les Carpates pour atteindre l'Europe libre. La décision du tribunal

pour le capitaine Draugelis, Gruodis et J. Krakauskas était la peine de mort qui avait été ensuite remplacée par 25 ans de prison…“.

En 1947, une fuite armée du site des études nucléaires Arzamas-16 (ville de Sarov). Tous les participants (50 personnes) ont été encerclés et abattus. (SvG., p. 209)

En 1947, l’insurrection dans les cales du bateau „Kim“ a eu lieu. On emmenait les prisonniers à Kolyma. Les insurgés ont été aspergés d’eau froide avec les tuyaux d’incendie à la température négative. Résultat: des centaines de cadavres gelés et beaucoup de handicapés.

Au mois de mars 1948, MVD par la loi Nº 00233 fonde des prisons spéciales à Vladimir, Aleksandrov (oblast d’ Irkoustk), Verkhneouralsk (oblast de Tcheliabinsk). 5000 prisonniers étaient dedans.

Les camps à régime spécial pour des raisons de conspiration ont eu des noms:

Nr.1. Minlag, Inta
Nr. 2. Gorlag, Norilsk
Nr. 3. Doubrovlag, Mordovie
Nr. 4. Steplag, Kazakhstan
Nr. 5. Berlag, Kolyma
Nr. 6. Retchlag, Vorkouta
Nr. 7. Ozerlag (le 7 décembre 1948), Taïchet
Nr. 8. Pestchianlag, Kazakhstan
Nr. 9. Lougavoylag
Nr. 10. Kamichlag, oblast de Kemerov
Nr. 11. Dalniylag, Pavlodar
Nr. 12. Vodorazdelniylag.

(A.Š., p. 23 et Jacques Rossi., Spravotchnik po Goulag’u (Manuel du Goulag) Partie 2. M., 1991., p. 378.)

NOTIFICATION

Vorkoutlag compte en tout 62 *lagpounkts* et camps, certains d'entre eux sont uniquement des *lagpounkts*, donc officiellement il n'y en a que 54. Dans les mines d'Ayatch Yaga la surface d'habitation pour un prisonnier représente 2 m², dans la mine Nº18, dans la fabrique de la chaux, et à Kojva respectivement: 1,21 m², 1,13 m² et 1,12 m². Au total il y a 830 baraquements, dans chaque baraquement trois sections, 100 prisonniers par section".

18 05 1948

Major Tchepiga (A.Š., p. 244)

Au total: 830 × 3 × 100 = 249 000 pers. (d'après mes calculs. – note de l'auteur).

Extrait du compte rendu du Secrétaire du bureau politique de la direction de Retchlag:

„C'est vraiment à cause du manque de vigilance, que dans la base de production de la mine N° 7, les détenus ont pu organiser la fabrication des grenades, et sans aucun inconvénient les transportaient dans la zone d'habitation du camp. D'autant plus, ils ramenaient des explosifs et se préparaient à l'attaque contre le personnel de MVD, à une insurrection armée et à la fuite... Dans le 14-ième camp 2479 personnes sur 12 629 qui y travaillent ne remplissent pas les normes..."

Secrétaire du bureau politique
de la direction de Retchlag
Advokhin (A. Š., p. 246)

Extrait du discours prononcé lors de la conférence du 17-18 février 1948, par Sagin, directeur adjoint du bureau politique du Goulag du MVD:

“... Les faits témoignent ceci: explosion du premier wagon a été prise pour un évènement accidentel. Ni le bureau politique, ni la direction du bâtiment n’ont pas attribué d’attention à ceci, malgré le fait qu’il y a eu auparavant des preuves du sabotage des rails ou autres. Ou par exemple les faits qui parlent de la libre communication des prisonniers avec le monde libre – c’est un phénomène honteux. (A. Š., p. 300)

En 1948 à Achkhabad, lors du tremblement de terre les détenus se sont soulevés, ont cassé les portes des prisons et se sont sauvés. Ceux qui sont restés, ou n’ont pas eu le temps pour s’enfuir, ont été assiégés et fusillés par la milice sous l’argument que les locaux manquaient.

A. Šerėnas, A. Vologodskiy, K. Zavoyskiy et A. Dobrovolskiy, chacun séparément décrivent le soulèvement de 1948 qui a eu lieu dans le 50-ième chantier.

Le Bureau politique, en attendant que l’arme nucléaire super puissante voie le jour, a planifié d’avance sa localisation, afin de pouvoir se protéger dûment contre l’Ouest. Le 7 février 1947 la résolution Nº 228-104 a été adoptée, concernant la construction d’un port tout à fait secret à des missiles de grande portée, derrière l’Oural, sur la côte de l’océan glacial Arctique, sur le golfe de l’aval de l’Ob. A ce but, il fallait construire 700 km de la voie ferrée à travers les montagnes infranchissables d’Oural du Nord. Le colonel Baranov fut responsable de la mise en place de ce projet. Il a réuni le contingent de plus de 60 mille personnes, parmi lesquels environ 4 mille femmes et 1200 Lituaniens. Ce chantier a été appelée par les détenus „Cinq cents pleurent, un rigole“ (A.Š., p. 393, 401).

Extrait du discours prononcé lors de la conférence du Parti du 28-29 mai 1949, par Ponfilov, chef du bureau politique:

En 1948 nous n’avons pas barré la route à la fuite d’un grand groupe armé de détenus extrêmement dangereux. Il y a eu 64 fuites, 129 détenus se sont échappés. ‹...› les 66 bandits ont réussi à battre et à désarmer la brigade des gardes, ont pris toutes les armes, ont ouvert les portes d’un camp abritant 500 prisonniers, et ce qui est le plus important, ce que c’étaient des prisonniers à peines lourdes“. (A.Š., p. 403)

A. Šerėnas écrit: en automne 1948 le nombre de personnes qui ont fuit le chantier 501 est supérieur à 500, largement supérieur. Les insurgés ont voulu se diriger vers Vorkouta, sur le chemin, libérer les détenus des camps ‹...› et par la station radio s’adresser aux citoyens du monde entier en déclarant la violation des droits de l’homme dans l’Union soviétique. Les autorités ont réprimé la révolte par les chars et les avions. Les insurgés ont été exterminés, tous jusqu’au dernier. Parmi les insurgés il y a eu beaucoup de Lituaniens.“ (A.Š., p. 403-404)

Jusque là, la presse officielle n’a pas dit un mot sur la révolte de 1948 dans le chantier 501. Cependant, en automne 1995 dans le journal „Argoumenty i fakty“ un article de A. Dobrovolskiy intitulé „La petite guerre dans l’Oural polaire“ est apparu.

“...Il y avait de plus en plus d’esclaves - de plus en plus de conquérants du Nord ‹...› ils ont amené plus de 40 mille personnes, dont la majorité condamnée d’après le fameux article 58. En automne 1948, en plein milieu du travail dans le chantier, il y a eu des soulèvements dans plusieurs camp. Au coeur de ces événements les anciens militaires dirigés par un colonel.

Ils ont du se préparer d’avance a cette activité à risque. A une heure préalablement déterminée, dans une carrière de sable un groupe de prisonniers a attaqué et a désarmé les gardes qui

faisaient la protection des camions. Armés de mitraillettes, ils ont pris les véhicules, très vite sont revenus au camp, ont mis par terre les gardes et ont ouvert les portes. Pareille, à la vitesse d'un éclair les insurgés ont pris d'assaut d'autres *lagpounkts* du camp. Ainsi plusieurs milliers de détenus se sont échappés en liberté. Les insurgés se sont tout de suite divisés: les uns se sont dirigés vers Vorkouta, probablement en ayant pour l'objectif d'inciter à l'insurrection une multitude de détenus de Vorkoutlag. Une autre troupe, d'„évadés“ a pris la direction du nord-est pour après avoir traversé la toundra polaire parvenir au golfe d'Ob. Ils espéraient de s'y emparer de quelques bateaux et de fuir encore plus à l'est, afin de pouvoir se cacher sur les immenses rives de l'océan Arctique. (Il courrait une rumeur: soi-disant les dirigeants des soulèvements étaient en liaison avec l'étranger et espéraient que les bateaux étrangers allaient venir chercher les insurgés sur l'embouchure de l'Ob.)

Le soulèvement a été atrocement réprimé. On déclarait que c'étaient des „vlassovistes“ qui se sont soulevés et ils ne méritaient pas de grâce. Pour lutter contre les troupes de prisonniers les régiments de MVD en République des Komis, ont été rapidement disloqués. Un échelon avec un bataillon de chars a été envoyé de la Russie centrale, mais après, il s'est avéré que leur utilisation était impossible dans les conditions d'Oural polaire. Donc, le rôle crucial dans la lutte contre les rebelles a été attribué à l'aviation locale. Les avions appelés „koukourouznik“ ont été dotés très vite des mitrailleuses et pendant quelques jours ils ont fait nettoyer le territoire. „Les détachements de barrage“ du MVD ont pris le relais aux aviateurs. (A. Š., p 404)

Pendant plusieurs jours de combat à toundra, les prisonniers des camps ont été détenus dans les zones carcérales. Dans la journée il y avait des „trains de propagande“ qui s'arrêtaient

dans les villages des camps avec des cadavres des participants des insurrections, entassés sur les plates-formes. Et dans la nuit, les wagons fermés, les mêmes trains transportaient les corps des militaires et des officiers des unités de MVD. Le bilan des victimes de „la petite guerre“ à l’Oural polaire n’est pas connu. Les archives évidemment n’ont pas été gardées, et il n’y a pas de témoins vivants, car dans cette guerre il n’y avait pas de prisonniers de guerres, ni d’évadés“.

Dans ses commentaires A. Šerėnas écrit qu’un certain K, un surveillant salarié indépendant de Vorkouta, racontait: „Avant l’insurrection une des zones carcérales s’est agrandie d’environ de mille prisonniers. Ils étaient désignés par les organes du MGB (prédécesseur du KGB) à déclencher une insurrection. Il est possible que c’étaient des prisonniers criminels ou politiques, qui, après avoir réussi leur devoir devaient être libérés. La majorité d’entre eux avait des pistolets cousus sur le dos de leurs grands manteaux, près du collier (car d’habitude quand on passait par le poste de garde ils ne palpaient pas le dos, mais „caressaient“ juste les côtes). Ce sont bien ces excitateurs qui ont provoqué l’insurrection. Beaucoup de personnes courageuses les suivirent. Tous les provocateurs et leurs disciples ont été exterminés. On raconte que quatre généraux de l’Armée rouge sont morts“. (Incroyable – note de E.B.). (A. Š., p. 405)

Après la mort de Staline on continuait à exterminer les prisonniers. Voici quelques lignes tirées d’un article de Y. Belikov „Randonnée mortelle“ (Komsomolskaya pravda le 2 février, 1996):

“...l’officier de la Sécurité m’a entendu et ensuite a pris la parole: à la fin des années soixante, au nord de l’oblast de Sverdlovsk des prisonniers ont déclaré des grèves de la faim. Ils ont tué les gardes et ont pris la fuite vers la voie ferrée, ils ont li-

béré d'autres détenus des camps se trouvant sur le chemin. Près du chemin de fer une armée avec les chars et l'artillerie a été rassemblée pour les combattre. Une partie de prisonniers criminels se sont rendues, mais la plupart est retournée à la taïga. Ils étaient nombreux. En traversant les forêts et en passant par RSSA des Komis, ils ont pu finir par atteindre l'oblast de Léningrad. Mais comme le gouvernement était au courant de ce danger, il a décidé de fusiller les passages et les points de regroupement des prisonniers par les bombes à vide des missiles de croisière. Nombre de prisonniers, chasseurs, touristes, géologues, forestiers ont péris. Où il pleut, il dégoutte..." (A. Š., p. 406)

En 1949, une fuite armée de Berlag (Nigeniy atouryak). La fuite a été dirigée par général Semionov. Tous les évadés sont morts. (SvG., p. 209)

En 1949, une grève importante à Soutchyan (Extrême-Orient). C'étaient les prisonniers politiques et criminels. Plus de mille morts. (SvG., p. 176)

En 1949-1950 une insurrection armée des prisonniers politiques et criminels dans le camp de „Elguenugol" (Kolyma). (SvG., p. 209)

Dans ses mémoires Benediktas Trakimas parle des préparatifs d'une insurrection (d'environ 30 mille détenus) sans succès qui a dû avoir lieu à Inta, lui-même à l'époque avait des doutes à propos de sa réussite. Les Lituaniens y ont également pris part: chef de bataillon et chef de troisième compagnie - Benediktas Trakimas ; chef de première compagnie - Jonas Boruta, son adjudant l'officier Algirdas Gasiūnas; chef de deuxième compagnie - Anicetas Kalytis; chef de service d'aide médicale - chirurgien Jonas Daulenskis.

Résultat: arrestation des prisonniers-organisateurs de l'insur-

rection: sous-colonel Pavlov, un roumain, un ukrainien, les estoniens et les lettons. Certains ont été condamnés à la fusillade. Il est certain qu'un d'entre eux a été effectivement fusillé, le destin des autres n'est pas connu. Ils ont été trahit par le dispatcheur de la mine N° 2. (A. Š., p. 375)

En 1950 les prisonniers se sont soulevés à Oukhta. Ils ont cassé le dépôt de colis et le dépôt de provisions. Quand l'insurrection a été réprimée, ils ont fait aligner tous les prisonniers, y compris les organisateurs, et ont fusillé un sur cinq, sans aucun tribunal. (A. Š., p. 180)

En 1950 dans les camps le parti social-démocrate russe a ressuscité et a repris son action. Yemilyan Riapin a été élu en tant que chef adjoint. (son propre témoignage)

En 1950 un groupe armé d'officiers prisonniers, dirigé par Koudriavcev a fait une tentative de fuite du camp de Djezkazgan. Les impliqués ont été condamnés. (SvG., p. 174)

En 1951 dans le 9-ième secteur de Retchlag une organisation antisoviétique a été dépistée. (A. Š., p. 268)

Le 4 mars 1951 une grande insurrection a eu lieu à Kraslag, lors de laquelle 64 prisonniers ont été abattus. (SvG., p. 172 et 209)

En 1951 dans le camp de Vakhroussensko situé sur une île de Sakhaline 500 prisonniers ont fait la grève de faim durant cinq jours. (SvG., p. 209)

Le 4 avril 1951 dans la région de Taïchet à Sosnovka Zakir Gabaidoulin a été arrêté. En compagnie des autres prisonniers, il a ravi une locomotive, après avoir désarmé les gardes et s'est enfuit du côté de Rechioty. Les tchékistes ont miné le chemin de fer et les routes des alentours, ont dressé des pièges. La moitié des échappés a été fusillée. Entre les tchékistes il y a eu également des morts. (Vola, 1993, Nº 1, p. 9)

En 1951 une grève universelle de la faim à Oukhtigemlag a eu lieu. Nombre de grévistes furent déportés à Norilsk. (SvG., p. 209)

En 1951 dans la prison de transition de Léningrad „Kresty“ une Union des Combattants pour la Liberté de la Lituanie fut rétablie. Un médecin Rubenšteinas fut élu président de l’Union.

En 1951- 1952 à Inta il y a eu 10 fuites, dont 4 collectives, 21 tentative de fuite, 139 préparations à la fuite. (A. Š., p. 367)

En 1950-1951 dans le camp de Mordovie 385/14 un petit journal „*Žalgiris*“ a été édité. Il y a eu 20 éditions. Rédacteur du journal fut professeur Valys. (A. Ruzgas. Les éditions périodiques clandestines de la résistance de 1940-1989/ les éditions informatisées/ 2002 et les Archives des luttes pour l’indépendance Nº 19, p. 274-275)

Tirée du compte rendu du chef du camp d’Oukhtigemlag, le 1 août 1952:

„Les 28 personnes à avoir édité la littérature antisoviétique ont été identifiées. 900 manuscrits et tracts antisoviétiques ont été confisqués. (A. Š., p. 490)

„En 1952 dans le premier secteur du camp de Vorkouta de nombreuses imprimés au contenu antisoviétique terroriste ont été confisquées. Ce sont les surveillants salariés indépendants qui y ont été impliqués. Dans le deuxième secteur les prisonniers ont réussi à ramener dans la zone d’habitation des explosifs et des grenades militaires“ (A. Š., p. 268)

En janvier 1952 à Vorkouta deux forçats (Dobrochtan et Sablin) ont essayé de fuir le camp par l’espace de ventilation de la mine principale. (A. Š., p. 276)

Janvier 1952, une grève générale de faim à Ekibastouzlag. (SvG., p. 209)

1952, une grande grève des prisonniers à Ozerlag. A son origine, une fusillade sans aucune raison sur les prisonniers rentrant du travail au camp. (Ibid.)

En 1952 sur le chantier 505 de la construction de la route (itinéraire de la „route de la mort“ : Labytnang- Ienisseï) les prisonniers avec en tête un grand homme d'URSS, colonel Yerchov, ont fait une insurrection militaire. Après avoir désarmé plusieurs divisions et libéré les détenus de quelques *lagpounkts*, ils se sont retirés à taïga. Là, ils ont été battus. (Ibid.)

J'ai entendu parler de cette insurrection (1953-1955) dans la 1-ière, 4-ième et 7-ième mine ainsi que lors de l'étape de transfert, dans la prison de Gorkiy. Le 505-ième chantier construisait la route direction de Salekhard qui passait par les montagnes de l'Oural. A ce but, il y avait deux très grands camps, chacun d'eux comptait entre une dizaine et une vingtaine mille prisonniers, la majorité étant des vlasovistes condamnés.

Ils étaient dirigés par des hauts officiers, parmi lesquels colonel Mekhteyev. Samedi, lorsque les militaires du garnison prenaient le bain dans un sauna, les prisonniers les ont tous appréhendé. Vêtus en uniformes militaires, ils ont désarmé les gardes, se sont saisis du dépôt d'armes, de la station de radio, des tout-terrains. Ils ont annoncé la mobilisation des prisonniers en libérant ceux qui avaient des peines légères, et à qui il ne restait qu'un petit laps jusqu'à la fin de purgation de la peine. Les insoumis ont été fusillés. Les militaires et les officiers ont été enfermés dans un baraquement de régime renforcé et dans une cellule d'isolation et d'interrogation. Après ils sont allés au camp prochain situé à 20 km de celui-ci, ils ont désarmé les gardes et ont libéré les prisonniers. Ils ont entamé les mêmes procédures et ont procédé au conseil martial. Les opinions se sont différenciées: les uns ont voulu prendre la direction du continent, sur la

route libérer tous les prisonniers et disparaître sans traces dans les immenses larges de la taïga, mais la majorité, dirigée par le colonel Mekhteyev proposait d'aller du côté de Vorkouta, de libérer ses camps, et ensuite d'aller à la mer dans les alentours du détroit de Kara, en espérant l'octroi de l'aide de l'OTAN, c.a.d. les bateaux par lesquels ils pourraient atteindre le monde libre.

Les premiers croyaient le projet de la majorité étant utopique: même si les Américains venaient au secours, l'Armée soviétique ne permettra pas que les prisonniers évadés atteignent le bord. Donc, les uns se sont dirigés vers la taïga. Les avions les ont poursuivi, les militaires les ont battus dans un village, mais c'était quand- même une fuite, même si elle n'a pas duré longtemps. Pendant plusieurs années qui suivirent, quelques dizaines de prisonniers ont été arrêtés, certains d'entre eux ont été condamnés à la mort, les autres, à la perpétuité. Parmi eux Mitia Safronov (ou bien Safonov) qui en automne 1955 dans une prison de transition de „Kirov" a fait le témoignage des dits évènements en annonçant qu'il avait rencontré le colonel Mekhteyev en tête-à-tête, ce dernier avec d'autres chefs a été pris vivant au nord deVorkouta, et ensuite condamné à la mort.

D'autres sources (dans la même prison de transition et autres) témoignent que les insurgés ont pris d'assaut plusieurs secteurs du camp et se sont approchés des camps du nord de Vorkouta. Les citoyens libres mobilisés et armés de Vorkouta, les garnisons et la division de parachutistes, amenée ici par les avions de Léningrad et dotée des blindés tout-terrain les attendaient. Un combat décisif à côté d'Ayatch Yaga et dans la septième mine du camp a été entamé. Ne pouvant plus résister à la pression des insurgés, les tchékistes ont appelé le renfort - l'aviation militaire – qui, une fois venue, bombardait sans répit les positions des insurgés. D'après les uns, le combat a duré 3 jours, d'après les

autres, une semaine. Une fois les munitions finies, il n'y avait non plus d'insurgés. Pour ceux qui ont survécu, un ordre a été donné, celui de laisser une cartouche pour soi-même. De plusieurs milliers il ne restait qu'à peu près une centaine d'insurgés encerclés, qui se sont mis courageusement debout, les poitrines en avant, les baïonnettes des fusils devant, et en criant: „Pour notre Patrie! pour l'indépendance!“ se sont jetés sur l'ennemi. Les tchékistes les abattaient du feu de mitrailleuses, mais aussi étant surpris par l'attaque, ont fait demi tour en laissant leurs armes. Une poignée d'insurgés, après avoir fait la possession des armes, s'est rapprochée du camp meurtrier „Tsementnaya“. C'est là, tout près de la zone défendue du camp qu'ils ont été complètement abattus. Et quand un infirmier ouzbek du camp a été amené, pour qu'il apporte quelques soins médicaux à certains insurgés qu'on a fait exprès de laisser vivant, afin qu'ils témoignent du pouvoir soviétique, un des insurgés lui lança les mots suivants: „Vous, les esclaves, on est venu vous délivrer, et vous n'avez pas bougé votre petit doigt!“ et lui cracha en face. Un officier de la division des parachutistes qui avait observé la scène, a braqué son pistolet sur la tête d'insurgé blessé, et après avoir dit: „Un ennemi digne mérite du respect. Il sera mieux ainsi“ a appuyé sur la détente.

En 1952 à Oukhtimgemlag 1000 prisonniers déclarant la grève de la faim, ont été transférés à Norilsk. Les prisonniers de la bande ferroviaire de Salekhard – Igarka, où il y a eu une insurrection, et ceux du camp d'Omskstroï, où il y a eu un surveillant et un agent secret appelé „koum“ tués, l'administration attaquée et occupée les ont rejoint.

Le 1 août 1952, un extrait de la réunion politique de la division de sécurité de MVD qui s'est tenue à huis clos à Oukhtimgemlag:

...discours de Romanov: „J'ai fait un grand travail <...>

secret dans le *lagpounkt* Nº 46 <...>, j’ai identifié les séditieux: 28 personnes. La grève a été subitement interrompue: le mois de mai j’ai révélé l’identité de l’agitateur à la poursuite de grève de faim; après 4 heures d’audition j’ai proposé au ministre Noguinov et au camarade Youdin (chef d’Oukhtimgemlag) de le convoquer, en espérant que cela va constituer un point de départ à la fin de la grève de la faim. Mes doutes se sont avérées vrais.

Un grand travail au mois d’avril et de mai dans la secteur 13 du camp, où on se doutait des attaques des rebelles a été effectué: là, j’ai identifié 8 personnes, toutes ont été isolées...

En plus, dans le même secteur j’ai confisqué et révisé 900 manuscrits et j’ai révélé l’identité de l’auteur des tracts écrits sous couleur provocattise au continu antisoviétique. Ensuite il a été poursuivi.“ (A. Š., p. 460)

En 1953, sur la période du mois de mai à juillet dans le deuxième camp d’Inta les prisonniers ont mis le feu à la bande de transporteur et aux câbles électriques. Dans le sixième camp les écritures intitulées „Liberté aux prisonniers!“ ont été trouvées. C’est une sorte de rebondissement sur les événements qui ont eu lieu à Vorkouta et à Norilsk. Les Ukrainiens de l’ouest et les autorités baltes, encouragés par les trotskistes, provoquent le désordre“.

En été 1953 à Oukhta un groupe de prisonniers s’est sauvé du camp (ils n’ont pas été retrouvés). (A. Š., p. 197)

Le 2 juin 1953, un extrait de discours (Vorkouta):

Le 20 mars de cette année-ci 4 personnes avoir pris fuite du 15 secteur du camp ont été interpellées. Sur le chemin à la zone carcérale, sous l’ordre de Yevseyev, le délégué secret du secteur du camp, ils ont été fusillés par les convoyeurs: Tcherkachin, Belaousov et Ovsianikov. (A. Š., p. 269)

En 1953 à Vorkouta il y a eu 18 évasions individuelles et de

groupe, 31 évadé, 21 personne a été arrêtée. En plus, en 1953 les prisonniers ont commis 10 816 infractions au régime du camp. (A. Š., p. 246)

Le 21 juillet 1953, le protocole de la réunion des organisations politiques dit ceci:

„Aujourd'hui dans la mine Nº 2 la brigade s'est mise en grève du travail. Ils exigeaient le remplacement du convoi.“ (A. Š., p. 247)

„Dans la mine Nº 18 un endroit doté du récepteur de radio fait par les prisonniers a été détecté, ici les prisonniers écoutaient de la „Voix d'Amérique“ (Ibid.)

„Dans la mine Nº 19 une brigade de prisonniers a fait la grève: ils se sont assis sur la route en réclamant la commission de Moscou“. (Ibid.)

Fragment du discours du chef de Minlag d'Inta Fatov prononcé le 31 août 1953:

„En ce moment à Minlag nous avons 28,5% d'Ukrainiens, 12,5 % de Russes, 15,5% de Lituaniens. Le camp des femmes imprimait clandestinement un journal „Sur le chemin du peuple“ („Tautos keliu“).

Un prêtre Adomas Alminas a organisé une aide matérielle pour les Lituaniens du camp des invalides d'Abez. (A. Š., p. 373)

„... La catégorie des prisonniers considérée la plus dangereuse <...> ce sont les prisonniers de l'Ukraine de l'ouest et des pays Baltes. Par leur activité il cherche à:

a) se faire procurer illégalement l'arme blanche;

b) poursuivre les prisonniers les plus actifs, les menacer, effrayer et exterminer;

c) nouer des liaison avec les alliés en dehors du camp via les anciens prisonniers.

L’activité la plus agissante de cette catégorie des prisonniers ces derniers temps s’est avérée dans les secteurs Nº 2, 3, 6 des camps ainsi que dans le secteur du camp de Kozymo. Suite à l’explosion de la grenade faite par les prisonniers, dans la mine Nº 5 il y a eu un prisonnier mort et un mutilé. Ce fait témoigne que la grenade a été fabriquée à des fins criminels.

Outre cela, les criminels deux fois ont mis intentionnellement le feu à la mine: la première fois c’était une bande de transporteur, la seconde, le câble électrique.

Dans le troisième secteur du camp les „bandéristes“ sont très actifs ces derniers temps: ils terrorisent les habitants du camp, agissent d’une manière hooligane, en pleine journée agressent le service, attaquent les prisonniers criminels, en cherchant sciemment à mettre aux prises ces groupes et à susciter le désordre.

Les données secrètes de Retchlag (Vorkouta) du MVD témoignent que la majorité des acteurs actifs des événements de Retchlag essaie de refaire une insurrection générale et d’après eux „tout reprendre en réparant les erreurs faites auparavant“; d’après eux leur objectif est de développer l’activité subversive dans les directions suivantes:

d’une manière organisée préparer les habitants du camp à une insurrection; nouer un lien entre tous les secteurs du camp et avec d’autres camps pour pouvoir se soulever massivement et tous à la fois;

nouer un lien avec les autres camps, avec les déportés, les anciens prisonniers et autres individus, en cherchant à trouver le plus grand soutien possible et en les appelant à une insurrection commune;

en profitant des habitants bien disposés à leur égard, organiser et mener une action de division entre les gardes salariés

indépendants et les surveillants, en cherchant à entraîner de son côté les personnes moralement faibles et insoumises“. (A. Š., p. 372)

Le 31 août 1953, extrait du protocole de la réunion de l’actif du Parti de Minlag:

„Le 29 août de cette année-ci l’unité sectrète a barré la route à la diversion qui se préparait dans la mine Nº 11 et 12; les 2 kg 200 gr. de la matière explosive et les amorces-détonateurs y ont été repérés et ressaisis. <...> Nous avons le dossier du prisonnier B. Ce prisonnier a écrit sur une toile une proclamation“. (A. Š., p. 374)

„Le 19 octobre et le 6 et 7 novembre 1953 les mines Nº 11 et 12 d’Inta étaient en grève. Le 29 juin et le 6 juillet 1954 dans un *lagpounkt* de Kozymo les prisonniers politiques et criminels ont fait la grève de la faim. (Ibid.)

En 1953 il y a eu une insurrection dans un *lagpounkt* de Polarno situé près du cours d’eau Sobe. Les prisonniers ont liquidé le chef du camp Oudot. (Mag. Génération Nº 4, 1994., G. Arkhipenkov.)

En 1953, une insurrection générale a eu lieu à Vorkouta. „Les comités d’insurrection ont été créés, formés de représentants de différentes nations, sa propre milice et les comités de la distribution des vivres. Le combat a commencé le 20 juillet 1953 par une insurrection des prisonniers aux alentours des mines Nº 7, 12, 14 et 16 (tout le monde a été en grève à l’exception de la mine Nº 6. Cette mine a été en grève en 1954). Aucun des prisonniers ne travaillait, à l’exception de ceux qui s’occupaient des pompes d’eau et de la ventilation des mines. Les briqueteries ont fait également la grève. Les prisonniers ont renoncé à des négociations avec l’administration locale de Vorkouta. Le

procureur général R. Roudenko, le général de l'Armée du ministère des Affaires intérieures, le colonel Maslenikov, le procureur général adjoint Barsoukov et autres personnes sont venues.

Le comité d'insurrection de la mine Nº 9 a transmis au gouvernement soviétique une déclaration. (A. Š., p. 248-249)

Le 1 août la même commission est arrivée dans la mine N° 29. Le général Maslenikov s'est présenté en tant que membre de Comité central. Un enseignant biélorusse a pris la parole en premier, après, les autres prisonniers l'ont suivi. Ils exigeaient la liberté. Le général Maslenikov a dit qu'en tout cas ils devront accomplir leurs peines, mais il a promis ceci:

1. Enlever les numéros cousus à leurs vêtements;
2. Permettre de faire pousser les cheveux;
3. Instaurer un système de raccourcissement de la peine pour un travail bien fait;
4. Ne pas limiter la réception et l'envoie des lettres;
5. Enlever les grilles barrant les fenêtres des baraquements;
6. Pour ceux qui ont accompli les deux tiers de la peine, délivrer des autorisations leurs permettant de se promener librement en dehors du camp. (A. Š., p. 249)

Les prisonniers se sont disloqués, mais ils n'ont pas repris le travail. Les militaires, armés de mitraillettes et de mitrailleuses, ont creusé des tranchées et ont encerclé le camp. Le lendemain un groupe d'officiers est venu à la zone carcérale et ils ont fait des photos. Les prisonniers ont cassé l'appareil, ensuite ils se sont saisis par les mains et ont chassé les tchékistes. Il a été essayé de disperser les prisonniers en projetant de l'eau à partir des tuyaux d'incendie, mais ils ont coupé les tuyaux. Le procureur général R. Roudenko a alors donné un ordre d'ouvrir le feu. Lui-même a aussi tiré au pistolet. La décharge a duré deux trois minutes, une pause, et la décharge a repris.

Un groupe de sectateurs s’est détaché de la foule et a commencé à prier. Alors les militaires étant dans les tourelles de garde les ont abattus.

Ces événements ont eu lieu le 1 août 1953 à 11:30h. D’après les données imprécises, les 66 personnes ont péri, 134 ont été blessées. D’autres sources disent qu’il y a eu plusieurs centaines de morts, parmi eux- “...11 Lituaniens:

1. Augustas Bernotėnas (1912)
2. Afanasijus Kazanas (1898)
3. Alfonsas Kilbauskas (1923)
4. Mykolas Čechavičius (1919)
5. Kazys Kairys (1917)
6. Vaclovas Milkauskas (1925)
7. Vitolis Martinavičius (1929)
8. Bronius Pukys (1930)
9. Juozas Riauba (1927)
10. Edvardas Velička (1927)
11. Lenconas (ou bien Lienciūnas).

...Dans le comité d’insurrection près de la mine N° 29 les Lituaniens ont été représentés par le capitaine Afanasijus Kazanas. Les principaux organisateurs de la manifestation furent Edvard Buc et Igor Dobrochtan“. (A. Š., p. 250)

A Vorkouta la grève a commencé dans la mine numéro 7. Le comité de grève a été créé et un de ses dirigeants était un lituanien Jaškūnas. Les détenus politiques amenés de Karaganda et Kemerov ont donné une impulsion à la grève. Elle a commencé dans la station thermique et électrique N° 2 et dans les mines N° 12, 14, 16 et autres ainsi que dans les camps de travail forcé annexes d’Ayatch Yaga.

A Ayatch Yaga les détenus amenés de Karaganda ont été enfermés dans le baraquement de régime renforcé. Après avoir

apprit le commencement de la grève, les détenus enfermés dans le baraquement de régime renforcé ont tenté de s'échapper de la prison et de pénétrer la zone du camp. Le gardien a commencé à tirer à partir de la tour de guet mais il a tué deux détenus ne se doutant de rien, assis près des baraquements. Un d'eux était lituanien, étudiant de l'Université de Kaunas, Vytautas Maknevičius. Cet événement a été la dernière goutte d'eau qui a fait déborder le vase et l'insurrection a pris toute sa puissance. Le comité de grève a été constitué. Il a été officiellement dirigé par Kolesnikov mais en réalité c'était Stasys Ignatavičius qui le dirigeait et qui a organisé un réseau fiable des comités des détenus de tous les baraquements. Ses adjoints assidus étaient Vladas Šiška, étudiant de Zarasai et Vytautas Vaineikis de Šiauliai. Les grévistes ont maintenu le contact téléphonique avec d'autres camps via le commutateur d'Ayatch Yaga. Au début les tchékistes n'ont pas pensé à couper cette connexion. Puis, quand le travail a été accompli dans toutes les mines de Vorkouta, ils ont réussi à couper cette connexion, mais les détenus ont préservé le contact moyennant les miroirs.

Les soldats, équipés des mitrailleuses réclamaient la cessation de la grève et général Derevianko s'est adressé à la foule en invitant de „ne pas faire de bêtises". Pourtant il était sifflé et est resté isolé, les détenus l'ont ignoré. Le ministre adjoint du MVD Maslenikov qui a ensuite pris la parole, a demandé d'interrompre la grève. Il a promis de supprimer le numérotage, d'identifier et de punir les assassins des détenus fusillés, d'enlever les grilles des fenêtres et portes des baraquements, de permettre la libre correspondance, de payer pour le travail et de proposer au gouvernement de réexaminer les affaires des détenus. Il disait que si les détenus n'obéissaient, une erreur fatale pouvait être faite.

Lors de cette réunion beaucoup de détenus ont exprimé leurs pensées, leur souffrance, l'humiliation et ont dénoncé la honte mondiale du XX siècle sanctionnée par le gouvernement de l'Union soviétique. Le discours de Vytautas Vaineikis a été particulièrement strict.

Le comité de grève d'Ayatch Yaga, après avoir réfléchi et fait l'évaluation de la situation menaçante, voyant les mitrailleuses préparées des tchékistes et les soldats ivres, a décidé de suspendre la grève. Le lendemain, le 31 juillet, les détenus du camp d'Ayatch Yaga sont allés au travail. Dans quelques jours les chefs du comité ont été arrêtés. Stasys Ignatavičius, Viktor Koliesnikov, Stepan Kovaliov et Youriy Proussalov ont été enfermés dans la celule d'isolation de l'interrogatoire de la mine N° 8. Après quelques mois la cour martiale les a tous condamné à la mort, mais un mois après, a changé sa décision pour la peine d'emprisonnement de 25 ans dans les camps à régime renforcé.

Dans la mine principale N°1 le comité clandestin de grève a été créé. Le comité incitait dà ne pas aller au travail. Si tu es allé à la mine, fais la grève à l'italienne: ne fais pas de la production. La production du charbon a diminué plusieurs fois et la bombe découverte et déminée dans la gueule de décente à la mine a fait peur non seulement aux tchékistes, mais aussi aux personnes qui étaient restées passives, ou à ceux qui ont été contre la grève. Personne n'a voulu mourir dans une mine sans catégorie et pleine de gaz. Pourtant le comité de grève ne passait pas à l'action car les gens du camp qui avaient souffert le plus de l'arbitraire des tchékistes durant les années précédentes, étaient très conservateurs. Finalement les tchékistes ont permis d'enlever les grilles des fenêtres, les numéros des vêtements et ont annoncé d'autres assouplissements. Seules la deuxième et la troisième relèves ne sont pas allées au travail.

Apparemment ils ont eu peur de l'explosion de la mine. Après que la rumeur sur la fusillade des travailleurs de la mine 29 s'est calmée, le comité de la grève a incité les prisonniers à aller au travail. Selon Vytautas Svilas les Lituaniens suivants ont pris part dans les activités du comité: Vytautas Svilas lui-même, Edvardas Laugalys, Juozas Grušys, Albinas Bliujis. Le chef du comité gréviste a été russe, Ribalka.

Après les soulèvements sanglants de 1953 à Norilsk et à Vorkouta, les détenus sont vite sortis du choc. Les détenus se sont rétablis rapidement et en réparant les erreurs d'auparavant, ont commencé les préparatifs pour les futurs soulèvements et les combats, les défaites et les victoires avec une détermination encore plus forte, car le régime monopoliste soviétique demeurait encore assez puissant. Les militants du camp ont pris d'ampleur, un groupe radical en plus. Ce groupe se jetait au combat la tête la première, car il avait précédemment goûté à l'amertume de la défaite aussi bien qu'à une agréable vibration du coeur, un pressentiment de la victoire. Il fallait renforcer les rangs, évaluer leur quantité et qualité, utiliser les radicaux pour l'identification et la liquidation des espions. Il fallait aussi persuader tous les détenus politiques du seul moyen de survie pour nous qui était le soutien réciproque, autrement dit, création d'une nouvelle société.

A Vorkouta, en 1953-1954 beaucoup d'agents secrets, appelés „stoukatch" ont été identifiés et liquidés.

La sous-station d'alimentation électrique de la mine N° 7, la salle de réunion de l'administration tchékiste du parti communiste lors de la réunion (le 14 janvier 1954) ainsi qu'un câble électrique desservant la mine N° 4 (en 1955) ont été explosés. La station principale (de plusieurs centaines de mètres) de la même mine a été mise hors fonction. La production du charbon a chuté de 50%.

En 1954 la mine Nº 6 de Vorkouta s’est mise en grève (secteur Nº 4 du camp).

„En 1954 dans le secteur Nº 4 du camp un acte de non obéissance a été provoqué par une mauvaise conduite avec un fusil (commandant camarade Gilin). <…> En 1953 la moitié de Retchlag n’est pas sortie au travail pendant plusieurs jours et maintenant les événements de l’an dernier se répètent dans le secteur Nº 4 …“

Citation du rapport de Popov, directeur du bureau politique, dans la conférence du Parti à Vorkouta, qui a eu lieu le 24-25 avril 1954 (A.Š., p. 268).

Algirdas J. Kujelis raconte sur l’organisation combattante „Le masque noire“ qui agissait dans la mine Nº 7 de Vorkouta. L’organisation punissait les mouchards et organisait les diversions dans la mine. Il raconte (1954-1955) :

„…j’ai rejoint l’organisation secrète „Le masque noire“. C’était comme un groupe d’attaque qui punissait les mouchards et effectuait d’autres diversions…

Je voudrais rappeler qu’il y avait plusieurs catégories des détenus politiques. Les uns, purgeaient leur peine en silence, passivement, les autres, essayaient de mener le combat par tout moyen, même dans les camps, même quand il semblait qu’il était impossible de faire quoi que soit.“ (Les mémoires des détenus politiques de Vorkouta. (Vorkutos politiniu kaliniu atsiminimai). V., 1998, p. 107)

„Au printemps du 1954 à l’unité de *lagpounkt* Nº 21 de Kniagepogost une grève des détenus a eu lieu. La grève a été organisée par les prisonniers criminels. Les gardiens ont été chassés de la zone carcérale. Le directeur adjoint Zavyalov et le directeur santé Okounev ont été pris en otages. <…> Une fanfare est montée sur le toit d’un baraquement et jouait jour et nuit

la mélodie funéraire du Chopin. <…> Seulement le cinquième jour les détenus ont arrêté la grève.“ (A.Š., p. 423)

En 1954 l’activité de l’Union des Combattants pour la Liberté de la Lituanie en abrégé appelée LLKS s’intensifie dans les camps de Vorkouta.

En 1954 les organisations „Union des combattants pour la liberté“ („Soyouz bortsov za svobodou“) et „Union du nord pour la liberté“ („Severnyi soyuz za svobodu“) ont été établies. Leur chef fut Yemilyan Riapin.

En 1954 un journal clandestin politique en langue russe „Aurore boréale“ („Severnoye siyaniye“) ainsi que quelques proclamations s’adressant aux détenus de Vorkouta et incitant à l’insurrection ont été imprimés.

En 1954-1955 dans le camp féminin d’Inta (N° 4) un petit journal clandestin „Lumière dans la toundra“ („Žiburelis tundroje“) a été publié. Rédacteur fut Natalija Pupeikienė. (A.Ruzgas. Article sus-mentionné)

En 1954 dans le camp d’Inta un journal clandestin satyrique „*Po šimts kalakutų*“ a été publié. Le journal a été rédigé par Algirdas Čeponis. (Ibid.)

En 1954-1955 dans le camp de Gigouli (le chantier de la centrale hydro-électrique de Kouibychev) un journal „Echo de la Patrie“ („Tėvynes Aidas“) allant jusqu’au 24 pages a été publié. 13 numéros ont été publiés. Le journal a été rédigé et publié par B. Jancevčius, A. Stasiškis, A. Ramanauskas, K. Ramanauskas, J. Vaidelis, et autres. (Le journal „Širvinta“, 1990 et A. Stasiškis).

En 1954-1955 un journal clandestin „Loin de la Patrie“ („Toli nuo tėvynės“) a été publié dans les camps du Magadan (journal de 30 pages). Le journal a été publié par A. Ruzgys, J. Vyšniauskas, P. Paulikas, P. Karčiauskas, B. Šapka, C. Ka-

valiauskas et autres. (A. Ruzgas. Article sus-mentionné et B. Zlatkus).

En 1954-1956 un journal clandestin occasionnel „Un Rêve“ („Svajonė“) a été publié dans le camp de Djezkazgan Roudnik. 8 numéros du journal sont apparus. Le journal a été rédigé par Celestinas Ajauskas. Le directeur de la publication et de la présentation était Stasys Sloveckas. (A. Ruzgas. Article sus-mentionné et C. Ajauskas).

En 1954, Smirnov, un homme de 22 ans, n’a pas salué du chapeau le chef d’Inta Khaleyev, à l’issu de quoi il a été mis dans le cachot où il s’est immolé par le feu. Pour cette raison les détenus ont annoncé une grève de faim de 7 jours. Les Lituaniens ont été les plus actifs. (A.Š., p. 356)

1954, Moscou, à l’attention de Loukyanov

„Selon les ordres du Goulg il a été prévu d’envoyer à Inta les citoyens des pays étrangers détenus dans tous les camps du Nord“. Il a été prévu d’y envoyer 3 mille personnes. Après être venus à Inta ils ont commencé à faire des réclamations. <…> Ils ont tous refusé à bloc de travailler...“ (A.Š., p. 278)

En 1954 l’insurrection la plus importante de l’URSS a eu lieu à Djezkazgan et a exigé plus que 600 vies des détenus. L’insurrection a été réprimée à l’aide des chars.

En 1955 une grève a eu lieu dans un camp pénitentiaire de „Izvestkovaya“ à Kolyma. (SvG., p. 209)

En 1955 à Vorkouta, dans le camp pénitentiaire à régime spécial N° 62 un récepteur radio à détecteur a été confectionné et les détenus l’ont écouté pendant deux mois. Ainsi un comité général de grève de Vorkouta a pu préparer et diriger avec succès la grève de 1955.

En 1955 un journal clandestin „Aurore boréale“ en langue

russe a été rétabli dans le même camp. Le journal a été rédigé par Y. Riapin, publié par V. Vaineikis et les autres.

En 1955 un journal manuscrit „La Cloche“ („Varpas“) a été publié dans le même camp. La rédaction comprenait Pranas Veverskis, Edvardas Laugalys, Aloyzas Kudukis, Povilas Vaičekauskas, Adomas Lukaševičius et les autres.

En 1955 un journal clandestin imprimé „Sur les traces des ancêtres“ („Protėvių takais“) a été publié. Son rédacteur était Teodoras Kilikevičius. Le journal était publié par LLKS. Quelques réclamations imprimées ont été également publiées, dont une partie est préservée dans les Archives spéciales de la Lituanie à Vilnius.

En 1955 dans le camp N° 62 de Vorkouta une école de combat clandestine et antisoviétique a été ouverte. Les enseignants ont été les anticommunistes russes.

En automne 1955 une dizaine des hauts officiers du Goulag ont été internés dans le même camp. On a réclamé la libération des détenus illégalement isolés dans les cachots.

„Après la mort de Stalin une amnistie a été proclamée mais les espoirs des détenus politiques ne se sont pas réalisés. Premièrement, c’étaient les détenus criminels, les assassins, les voleurs et autre canaille qui a été libérée. Les détenus politiques ont perdu leur patience. Les grèves ont commencé (la première grève a eu lieu le 21 juillet 1953, la deuxième a été lancée par les Lituaniens en été 1955). (B.Brazdžionis, Poezijos pilnatis, Vilnius, 1989, p. 531)

Dans le journal „La Cloche“ (Volumes 2(21) et 3(22), 1996) Vincas Gurskis décrit ainsi les organisations de LLKS qui renaissaient et les soulèvements qui mûrissaient dans les camps de concentration soviétiques: „Les groupes d’attaque étaient actifs dans les camps de concentration de Vorkouta. Les actes de di-

version étaient menés dans les mines du charbon, les machines ont été explosées, ainsi que les sous-stations d'alimentation électrique. Les groupes réunis par E. Burokas, E. Laugalis, V. Svilas et E. Smetona ont été particulièrement actifs. Ils ont fait fusion avec les groupes de LLKS en 1954. Un lien s'est noué avec les groupes organisés des détenus politiques d'autres nationalités. On les a appelé d'un nom commun: „Union des combattants pour la liberté". Ainsi, les forces mûrissaient pour un soulèvement général des détenus politiques."

Après une vague des soulèvements de 1953 dans les camps de Vorkouta, et après s'être rétabli du choc causé par la fusillade des détenus, les groupes clandestins se formaient de nouveau et se sont assemblés avec LLKS.

Pour atteindre les objectifs de LLKS les moyens suivants ont été prévus: l'incitation, la propagande, le sabotage, la diversion. Toutes ses mesures s'appliquaient déjà. L'objectif principal dans les camps devait être une grève universelle des détenus qui devait réclamer, selon les circonstances, une libération partielle ou totale.

Via les employés contractuels travaillant dans le camp ou dans les mines, LLKS a établi les contacts permanents avec tous les camps de Vorkouta. Les plans d'actions et le statut temporaire ont été envoyés dans tous les camps. Presque dans tous les camps les comités de LLKS se sont créés. Ils ont été dirigés par les chefs valables, acier trempé en matière de combat. Si mes souvenirs sont bons, les chefs des comités ont été les suivants: pour la mine N° 1 – V. Svilas et E. Laugalys; N° 8 – J. Klastauskas, A. Brunza; à Ayatch Yaga: N°12, 14, 16 – Skačkauskas, Ivaškevičius, Mileris; N° 3 – P. Aleksiūnas, N° 4 – M. Kemtys, T. Kilikevičius, E. Smetona; N° 9, N°10 – J. Žilinskas, N° 6 – J.Skaržinskas; village sanitaire – Z.Paldavičius, camp spécial

N° 62 – S. Ignatavičius; N° 40 – V. Svetikas, A. Petraitis et beaucoup d'autres. Plus tard ces gens (en 1955) sont devenus les chefs des comités de grève des mines.

Les assouplissements du régime du camp payés en 1953-1954 par le sang des détenus de Norilsk, Vorkouta et Djezkazgan ne les satisfaisaient plus. Ils voulaient de la liberté personnelle et de la victoire des idées pour lesquelles ils ont été privés de leur liberté. Les deux cotés des barricades ont compris qu'il n'y aura pas de paix, et la résistance des détenus ne fera que croître.

Les tchékistes ayant perdu une contenance, ont passé à la force. Pour la moindre infraction ils mettaient les gens dans le cachot ou les amenaient dans le fameux camp spécial N° 62 de régime stricte. Ainsi, sans le vouloir, la direction des camps a incité la création d'un groupe de combattants pour la liberté accomplissant les objectifs de LLKS, visait l'organisation de la grève générale des détenus de Vorkouta. Une impulsion encore plus forte a été donné par un cristal élevé par un étudiant de Kaunas Povilas Ulozas. Ce cristal a été utilisé pour confectionner un récepteur radio à détecteur. Grâce à ce récepteur, en écoutant la „Voix d'Amérique" en russe nous avons appris que lors de la conférence de Yalta en 1945 le gouvernement de la Lituanie, la Lettonie, l'Estonie, l'Ouest de la Biélorussie et l'Ouest de l'Ukraine ont été transférés à l'URSS. C'était un signal à la préparation de la grève générale de 1955 de Vorkouta.

Après un accord entre les unités de LLKS de la plupart des camps, l'état-major a été transféré au camp spécial N° 62. Un nouveau système de la communication a été créé. Une brigade des travaux de réfection, dirigée par Stasys Laskauskas était amenée de la mine voisine N° 8. C'est notamment Stasys Laskauskas qui est devenu notre agent de liaison. Après avoir

fait un creux dans le manche du butteur et en prenant un risque considérable il faisait des allées et des retours en y portant des proclamations, des consignes, des journaux et de l'argent avec lequel les détenus d'autres camps soutenaient les prisonniers d'ici. Stasys Laskauskas transmettait toute la correspondance à Jonas Navickas et celui, via les Allemands déportés des alentours de Volga, les dispatchait en moto aux destinataires.

Un comité de grève a été constitué pour préparer et réaliser la grève de Vorkouta. Le comité a été composé de S. Ignatavičius (le chef), V. Vaineikis (responsable de la publication), J. Valaitis (responsable pour les affaires de combat et la discipline), E. Burokas (responsable pour la sécurité et la communication), I. Uogintas (responsable de la stratégie et de la tactique), V. Šiška (responsable de la liaison avec d'autres nationalités), A. Plepys (responsable des affaires économiques et autres).

S.Ignatavicius sous le pseudonyme de „Mindaugas" s'est adressé par une lettre à tous les prisonniers politiques de Vorkouta et d'Inta. L'idée principale de la lettre était la suivante : dans la conférence de Yalta de 1945 l'Ouest nous a trahi. Dix ans ont passés. Nous n'avons pas cessé notre combat ni dans nos Patries respectives, ni dans les camps. Ainsi, nous nous adressons à des Lituaniens, Lettons, Estoniens, Biélorusses et Ukrainiens en appelant à la déclaration de la grève générale de 1955. Nous pouvons accepter le compromis de travailler en détention exclusivement dans nos Patries, et ici, uniquement en tant que personnes libres. Les détenus d'autres nationalités sont appelés à la solidarité, car une fois libres, nous les aiderions aussi. La grève doit être paisible, éviter par tout moyen le conflit avec la Tchéka – Commission extraordinaire panrusse. En cas du risque de répression contre les détenus, comme ce fut le cas en 1953, interrompre la grève. En plus, il faut prévenir les tchékistes

que dans le cas des événements sanglants, les détenus feront de manière que les mines du charbon de Vorkouta ne seront pas exploitables durant un centenaire. La date de la grève sera annoncée ultérieurement.

Les tchékistes ont senti ces événements se préparer à Vorkouta. Pourtant ils ne savaient pas précisément ni qui étaient les dirigeants, et la date et lieu prévus de la grève. Moyennant ses agents au début ils nous menaçaient en disant que la grève n'aura pas lieu. Elle fut préparée par les provocateurs avec l'accord des tchékistes pour enlever un peu de sang des détenus pour les calmer et rétablir l'ancien régime des camps de concentration. Cela était fait pour montrer que le pouvoir soviétique est plus fort que jamais et que les ultimatums n'allaient rien donner.

La publication du journal „Aurore boréale" dans la langue russe a été renouvelée. Deux numéros ont été publiés. Un journal imprimé en lituanien „Sur les traces des ancêtres" rédigé par T. Kilikevičius a vu le jour. Les réclamations et les instructions de la grève ont été également publiées. En même temps il y avait jusqu'au 20 personnes écrivant en calligraphie. Parmi eux: V. Korsakas, P. Vyturys, J. Mikelionis, E. Smetona et beaucoup d'autres.

Quand E. Laugalis, P. Veverskis, A. Brunza, A. Kudukis, A. Lukaševičius, P. Vaičekauskas et autres intellectuels ont été amenés au camp N° 62, il a été décidé de publier „La Cloche" en manuscrit. C'était un journal fort politique et littéraire d'une taille d'un cahier qui incitait les détenus à faire la grève, les appelait au combat pour la liberté. Les Ukrainiens publiaient un journal d'une feuille, si mes souvenirs sont bons, il avait pour titre „L'indépendance" („Nepodleglost").

Les détenus politiques ont pris des mesures de sécurité. La correspondance a été vérifiée, personne n'avait le droit

d’approcher le surveillant. La contribution la plus importante dans le domaine de la sécurité a été faite par T. Kilikevičius. Avec ses agents il a déchiffré plusieurs espions qui auparavant semblaient être des gens de confiance. On les a utilisé pour tromper les tchékistes, à leur faire penser que la grève aura lieu deux semaines plus tard, c’est-à-dire en août.

Le jour de la grève „X“ était le 21 juillet. Seuls le comité central de la grève et les chefs des comités de grève d’autres camps le savaient. Pourtant, une grève prématurée a eu lieu dans la mine Nº 4. Suite à un conflit avec les convoyeurs, les détenus ne sont pas rentrés dans la zone d’habitation. Les autres détenus, ne voyant pas rentrer les premiers, ne sont pas sortis au travail. Les tchékistes ont fait de la désinformation comme quoi la mine Nº 4 avait été fusillée. Les provocateurs criaient: „La grève est une provocation!“. La garde, déjà forte, a été encore renforcée par les divisions de Leningrad et de Kontemirov. Le procureur général Roudenko lui-même commandait les divisions. La volonté des plus faibles diminuait et ils ont commencé à murmurer: „A quoi bon tout cela. On sera fusillé comme des lapins“…On ne pouvait plus tarder. Il fallait avancer dans le temps l’insurrection. Le jour décisif du 19 juillet 1955 poignait. C’était le jour de l’insurrection générale de Vorkouta, appelée par les tchékistes la „Grève des baltes“.

Selon les instructions du comité de grève, à 5 heures du matin dans tous les camps les militants de LLKS, munis des couteaux, sont entrés dans les baraques d’habitation et ont dit à tout le monde de ne pas aller travailler. Après cela toutes les zones du camp se mettent en régime de guerre. Durant la grève les détenus font la garde jour et nuit.

Les détenus du camp de la station thermique et électrique n’ont pas suivi cette instruction. La nuit les soldats enivrés

ont coupé les barbelées et ayant pris les détenus endormis au dépourvu les ont battus. Ce fut le seul camp à avoir souffert pendant la grève.

Le dénouement était rapide. Après avoir compris qu'elles ne gagneront rien ou peut-être ayant peur d'explosion des mines, les autorités ont pris des mesures paisibles. Dans certaines mines ils y avaient des procès. Les détenus mineurs et ceux qui avaient fait deux tiers de leur terme ont été libérés, ceux qui ont fait un tiers du terme ont pu quitter la zone pénitentiaire.

La garde des tourelles a été supprimée dans la mine N° 7. Les prisonniers politiques ont été autorisés à de s'installer hors zone à condition qu'ils aillent travailler.

La victoire emportée suite à la grève de Vorkouta en 1955 a satisfait la plupart des prisonniers politiques et toutes les mines de charbon ont repris le travail.

Les dégâts de la grève: pour la participation dans la grève de 1955 47 personnes ont été transférées pour un an dans une cellule d'isolation des prisonniers politiques, la prison de Vladimir. Les autres détenus actifs (plus que 300 personnes) ont été transférés aux camps de Taïchet aux alentours de Bratsk.

Les insurrections spontanées, de 1953-1954 à Norilsk, Vorkouta, Djezkazgan et ailleurs ont été noyées dans le sang des détenus. Pourtant chaque insurrection a donné des résultats: assouplissait la destinée insupportable des détenus, éveillait l'espoir et démontrait que les actions coordonnées pouvaient gagner contre „l'invincible" URSS qui a envahi, d'une manière ou d'une autre, le monde entier.

Les grèves dans les camps de concentration de Vorkouta en 1955 ont étaient du caractère organisé. C'était une répétition générale destinée à „tout reprendre en réparant les erreurs faites auparavant" (comme il a été écrit dans un document tchékiste

trouvé dans les archives du Parti de la RSSA des Komis (PAKO f. 2174 A. 1, b. 258, 1. 188-19P)). La grève générale des détenus de l'URSS des années 1956-1957 devait mettre à genoux du point de vue économique „l'empire du Mal", car tout son système économique était fondé sur la violence et le travail de 20 millions des prisonniers politiques et criminels.

Les communistes ont eu un pressentiment et ont donc anticipé l'activité des détenus. En 1956 ils ont envoyé aux zones de détention les commissions du Présidium de Soviet Suprême. Ces commissions ont libéré presque 90% des détenus et ont réduit les peines pour les autres.

LLKS, „Union des combattants pour la liberté", les „*Norilsko vyčiai*" et les membres des autres organisations clandestines n'étaient pas déçus que la grève générale n'ait pas eu lieu en 1956-1957, car personne ne pouvait prévoir ses conséquences. Ils étaient contents de leur victoire temporaire après laquelle l'ennemi a dû reculer. L'effondrement de l'empire soviétique n'a pas commencé à cause de la mort de Stalin, c'est bien le début de la grève des prisonniers politiques qui l'a provoqué. La mort de Stalin n'a pas cessé les répressions, l'assassinat et le génocide. Les communistes avec leur idéologie exterminaient ses propres nations et les nations étrangères durant toute la période de leur règne. Après la mort de Stalin, l'ordre du „démocrate" Krouchtchev a vu le jour et a permis en 1953-1954 de fusiller et d'écraser avec des chars les détenus, homme ou femme, non armés: en 1959 les ouvriers de l'usine Telman à Voronege, en 1960 les habitants de Temirtaou (oblast de Karaganda), en 1962 les habitants de Novotcherkask (oblast de Rostov).

Avons-nous oublié les carnages initiés par Gorbatchev à Tbilissi, Bakou, Vilnius? Beaucoup de ceux qui écrivent leurs mémoires en évoquant cette époque se réjouissent: Stalin est

mort, les chaînes sont tombées! Heureux, bénis par les „gentilles communistes“ ont retrouvé la liberté. Ne trompons pas ceux qui ne le savent pas: c’est le sang innocent de ceux qui se sont soulevés nous a aidé à devenir libres, c’est leur détermination, leur devoir de continuer le combat pour la Vérité. C’étaient eux qui nous ont offert la liberté, et non pas la mort du Stalin. Rappelons-nous de la lettre écrite par „un communiste bien“ A. Snietchkous pour le Comité central du PCUS du 6 décembre 1956:

„La situation politique dans la République est négativement influencée par la rentrée des personnes qui dernièrement reviennent en Lituanie après leur amnistie ou après la fin de leur terme de détention et qui antérieurement ont commis des crimes graves contre la révolution. La plupart d’eux ont été les leaders des partis bourgeois, les chefs de groupes armés de résistance“. (Les archives militaires russes (Rousskiye voyennye arkhivy), Partie 1, Moscou, p. 257-258).

Dans le livre de A.Šerėnas „Camps d’extermination de Vorkouta“ („Vorkutos mirties lageriai“) (p. 260) un document ne sautant pas aux yeux mais intéressant y est inclut. Il a été trouvé dans les archives du parti de la RSSA des Komis à Syktyvkar.

„Destiné au secrétaire du parti communiste soviétique de l’oblast des Komis camr. Ossipov

NOTIFICATION

Sur le travail du bureau politique du sous-secteur du camp de Vorkouta de l’URSS pendant la deuxième moitié de l’année 1955

(la période de la grève – Note de l’auteur)

…Jusqu’au 1 janvier 1956 14919 personnes ont eu la permission de s’installer hors la zone pénitentiaire, 12264 personnes

ont obtenu le régime assoupli et 19210 le régime général. Les clôtures de certaines zones pénitentiaires ont été démontées (unité de *lagpounkt* N° 27, desservant la mine N° 7; secteur N° 3 du camp, desservant la direction N° 2 (SU-2) de la mine; l'ancien secteur N° 15 du camp desservant les mines N° 3 et N° 4).

Colonel Popov, adjoint du chef du bureau politique".

(A.Š., p. 260)

En 1955 les zones pénitentiaires des camps ont été démontées. 14919 personnes ont été libérées, mais la commission du Présidium Soviet Suprême de l'URSS n'a commencé l'amnistie des détenus qu'en été 1956.

Pourquoi les détenus politiques de Vorkouta ont été favorisés et ont mérité la libération avant le terme ? Par leur travail ? Non – par les grèves! (quoique sur les grèves de 1955 de Vorkouta on ne parle nulle part, l'exception fait BBC et Bernardas Brazdžionis).

Adomas Lukaševičius *Avec „La Cloche"…*

„Après les grèves de 1953 et l'extermination sanglante des détenus, les préparatifs à la grève de 1955 ont été entamés.

Albinas Brunza, Edvardas Laugalys et Adomas Lukaševičius qui ont préparé les détenus pour la grève de la mine N° 1, ont été transférés de la mine centrale du charbon N° 1 au camp à régime spécial N° 62. Ici même je me suis impliqué de tout mon cœur à la préparation de la grève. Nous avons commencé à publier le journal „La Cloche" qui passait des mains en mains dans les goulags de Vorkouta et invitait au combat définitif contre l'idéologie communiste au nom des droits des nations et de l'homme, au nom du droit de vivre… Les articles ont été préparés par P. Veverskis, E. Laugalys, A. Kudukis, A. Lukaševičius et beaucoup d'autres.

Notre combat a donné des résultats. En 1956 les dossiers des détenus politiques ont été revus et une grande partie d'eux a été libérée des camps et des prisons". (La Cloche 2000, N°. 6, p. 20)

***Ignas Uogintas** „Les prisonniers de Vorkouta se sont rebellés"*

„En 1955 j'ai été amené comme agitateur de grèves au camp à régime spécial N° 62. Ici j'ai trouvé des pareils que moi, qui ne convenaient pas au régime des autres camps. Nous avons discuté au sujet de l'économie internationale et intérieure de l'URSS, qui reposait sur le travail des prisonniers et des déportés. Nous avons décidé de préparer et de déclarer la grève de 1955 des „baltes" qui, à mon avis, devait devenir la grève de tous les prisonniers de Vorkouta. Nous avons constitué le comité de grève de Vorkouta. Stasys Ignatavičius fut désigné président, moi, j'étais son adjoint et j'étais responsable de la stratégie et de la tactique. Quand Stasys fut emmené à la prison de „Starailla Rouss" je dus lui succéder. Nous avons envoyé des instructions dans tous les camps, en insistant sur le fait de ne pas répéter les erreurs de 1953 et d'éviter de faire des victimes. Si les tchékistes venaient à supprimer des prisonniers, arrêter tout de suite la grève. Cette grève devait être une répétition générale. Ayant reçu l'approbation des autres camps, la préparation se passait bien et le résultat était positif, à l'exception de quelques dizaines de prisonniers transférés de Vorkouta à la prison de Vladimir. Après une vague de grèves de 1953 à 1955, en 1956 les communistes ont dû ouvrir les portes du camp et des centaines de milliers de personnes ont pu rentrer dans leurs familles". (Ibid.)

***Stasys Ulevskis** „Inspiré par la grève“*

„D'après les instructions du comité de la grève universelle de Vorkouta et d'après l'accord des prisonniers de la septième mine du camp local, la grève des prisonniers politiques a eu lieu au mois de juillet 1955.

Il était exigé de libérer les prisonniers. Au moment de la grève, le général Sitchiov est arrivé avec un groupe de soldats que personne ne connaissait et a gentiment demandé de reprendre le travail, en promettant de libérer les prisonniers. Les prisonniers n'y on pas cru. Alors il a ordonné aux gardes de quitter les tourelles, et aux prisonniers d'aller travailler et de s'installer n'importe où, même hors de la zone du camp. Les gardes sont descendus des tourelles et les hommes ont quitté le camp en emportant leurs affaires personnelles et leurs draps.

Comme le dirigeant de la grève de la septième mine Feliksas Kirvelaitis avait déjà été transféré à la station thermique et électrique Nº 2 je dus m'occuper de la grève. J'ai demandé de l'aide à Juozas Žilinskas et aux autres. La réponse était claire: le but était atteint, il fallait maintenant aller travailler et se préparer pour une nouvelle lutte. Les hommes se sont installés où ils ont pu et une école de sergents tchékistes fut construite à la place du camp. Les prisonniers devaient se présenter au bureau du commandant jusqu'au mois de juin-juillet 1956 où arriva une délégation de Moscou qui renvoya à peu près 90% des prisonniers chez eux.

J'ai compris de tout cela que seulement une lutte acharnée dans n'importe quelles conditions pouvait apporter la liberté à la Lituanie. C'est pourquoi étant en Lituanie j'ai tout de suite intégré le LLKS et j'ai participé avec Juozas Žilinskas à un congrès des anticommunistes de l'URSS à Klaipėda et également à l'enlèvement d'un tchékiste de haut rang à Vilnius. J'ai aussi

diffusé le journal „La Cloche“ et d’autres proclamations antisoviétiques dans la région de Suvalkija jusqu’au début du mouvement pour l’indépendance de la Lituanie *Atgimimas*. (Ibid. p. 21)

***Juozas Grušys** „Nous avons commencé...“*

„En 1954 Vytautas Svilas, Edvardas Laugalys, Adomas Lukaševičius et moi-même avons commencé à préparer la grève dans la mine principale selon les directives du LLKS, mais je fus arrêté et enfermé dans la cellule d’isolation. Les tchékistes n’ont pas pu prouver ma participation dans la préparation de la grève, mais selon eux il était préférable que je sois séparé des autres. La même année on m’a emmené au cinquante neuvième camp, là où étaient placés les prisonniers criminels. Les tchékistes n’ont pas réussi à décourager le LLKS et la grève a eu lieu à la mine principale comme dans tous les autres camps de Vorkouta.

Je sens une satisfaction de m’être associé à la chute d’un monstre du XX siècle“. (Ibid. p. 23)

***Vincas Korsakas** „Unis“*

„Cela arriva au mois de juillet 1955 dans la septième mine de Vorkouta. J’allais rarement au travail, car je passais sept jours dans la cellule d’isolation et trois jours dans l’espace d’habitation ou de travail, et après je retournais encore en cellule d’isolation. En sortant des amis m’ont informé qu’une grève se préparait. Mais ce n’était pas si simple de préparer une grève, surtout que dans le camp il y avait quatre ou cinq milles personnes de différent âge, différente nationalité, différente manière de penser. Je voulais que cette grève ait lieu, c’est pour cela que j’allais moi même à travers les baraquements et parlais aves ceux qui ne voulaient pas de cette grève. Les uns avaient peur d’être

fusillés, les autres – de perdre leur emploi plus ou moins facile, les troisièmes pensaient qu'ils allaient leur interdire le droit aux colis. D'un coté ils avaient raison, mais une grève aussi grande ce n'était pas l'affaire de quelques personnes. Le destin de milliers de personnes se décidait. L'atmosphère de grève était palpable non seulement dans le camp, mais aussi dans les tourelles des gardes où ils ont mis les mitrailleuses. On posta deux gardes au lieu d'un seul.

Le jour dit la grève commença. La première relève n'alla ni à la mine, ni aux travaux souterrains. Mais probablement l'administration du camp s'était aussi préparée. Elle installa quelques haut-parleurs dans la zone du camp qui n'arrêtaient pas de répéter: „Chers prisonniers, ne vous associez pas aux saboteurs et aux grévistes. Allez travailler sans surveillance!" Elle ouvrit les portes du camp, ordonna aux gardes de descendre les tourelles.

Les organisateurs de la grève n'avaient jamais vu une chose pareille en URSS. Tout le monde s'attendait à des actes plus sévères, peut – être même à des représailles. Tandis que les haut-parleurs promettaient les plus belles choses. La première et la deuxième relève ne descendirent pas à la mine. Mais presque toute la troisième alla travailler. Pourtant certains n'arrêtèrent pas la grève. Ceux-là, comme moi, on été transférés au camp Nº 62, et de là sont partis pour la prison de Vladimir destinée aux prisonniers politiques. Le responsable de la prison lut le verdict: sabotage, refus d'aller travailler, organisation de grèves…– condamné à purger une peine d'un an dans la prison de Vladimir. (Ibid.)

Au mois de janvier 1955 une agitation commença à se former dans le chantier Nº 501 de l'oblast de Tioumen. Au lieu de désarmer les gardes et de commencer à libérer les camps, un

groupe de prisonniers politiques prit la fuite et est parti avec les armes dans la toundra. Les prisonniers furent fusillés par les tchékistes avec des mitrailleuses.

Ona Lešinskaitė-Švedienė:

„Quand j'étais encore au camp j'ai eu pas mal d'ennuis à cause de la presse qu'on éditait dans le camp - des petits journaux de rien du tout. Mais j'ai eu le temps de m'enfuir et de les cacher. La surveillante les a trouvé. J'ai tout nié mais j'ai quand même été interdite de sortie pendant six mois. Deux fois je suis allée dans le camp à régime spécial où étaient enfermés les hommes. Parmi eux, il y en avait un que je connaissais – Juozas Jencevičius (un des dirigeant de la grève de 1955 - note de E.B.). (Les mémoires des prisonniers politiques de Vorkouta (Vorkutos politinių kalinių atsiminimai) V., 1998 p. 115)

*Dans ses mémoires **Antanas Latūžys** écrit:*

„Le 26 juillet 1955 (la grève a commencé le 19 juillet – note de E.B.) on m'a appelé et ordonné de rendre mes draps. Ils ont rassemblé à peu près cent hommes, ils nous ont fait sortir par les portes du camp et nous on laissé là sans gardes ni chiens. On est resté assis, on n'a pas bougé en attendant la suite. Après un long moment deux gardes sont arrivés avec nos papiers et nous ont emmené. Nous étions très étonnés que personne ne nous suive. Ils nous ont laissés près du camp des femmes. On a attendu mais personne ne venait. On ne s'est pas levé parce qu'on avait peur qu'une pluie de balles ne s'abatte sur nous. On commençait à vraiment avoir envie d'aller aux toilettes, parce que cela faisait déjà une demi-journée que nous étions là. Nous avons essayé de se lever. Personne n'a rien dit, personne n'a tiré… On nous a délivré des certificats, nous avions le droit de sortir et de ren-

trer quand on le voulait, nous sommes devenus des habitants libres“. (Ibid. p. 143)

Au mois de septembre 1955 les tchékistes ont réussi à briser la solidarité qui s’était tissée avec les camps de criminels en utilisant des provocations. Vincas Korsakas écrit dans ses mémoires: „…Il était très important pour les tchékistes de se débarrasser des prisonniers du camp pénal, parce qu’on ne pouvait rien attendre d’eux ni maintenant, ni dans le futur. Ils ne voulaient pas se salir les mains, c’est pourquoi ils choisirent la méthode la plus employée. Dans le camp il y avait quelques milliers de criminels qui attaquèrent deux cent prisonniers politiques arrivés tout droit du camp Nº 62 et lotis dans les baraquements. Une bataille féroce, inégale commença.< ... > Ceux qui n’en pouvaient plus ont sauté dans la zone interdite, mais ils se sont faits tuer par les tirs venant des tours de guet. < ... > Parmi les lituaniens morts je me souviens de Jokūbauskas de la région de Suvalkija et d’un samogite nommé Makaras. < ... > Après cette tragédie une certaine agitation commença aussi à se faire sentir dans notre camp Nº 62. Nous avons trouvé une grande tige à laquelle nous avons attaché un drapeau fait de six draps noirs avant de le hisser en haut du bâtiment. On nous a ordonné de le descendre. Les menaces et les négociations n’y on rien fait. On a veillé pendant trois nuits. Le pire pour les tchékistes c’était que ce drapeau n’était pas seulement vu par les habitants du coin, mais aussi par toute la ville de Vorkouta. Trois jours après il y eut un rassemblement funèbre, pendant lequel des discours antitchékistes et anticommunistes furent prononcés, une minute de silence fut également observée pour honorer les morts de toutes les nationalités et le drapeau fut descendu.“ (Ibid. p. 68-69)

Trois jours une garde d’honneur veilla près d’un faux cer-

cueil couvert de mousse grise de la toundra. Pendant ce temps le camp fut protégé par deux cent gardes salariés indépendants. Un autre drapeau (cette fois-ci rouge liseré de noir) fut hissé par V. Vaineikis et Estonien E. Russo au-dessus du toit de la cellule d'isolation.

„Au mois de janvier 1956 une grève de la faim a eu lieu dans la „route de la mort“ de Taïchet. Dans le *lagpounkt* Nº 307 d'Ozerlag neuf cent cinquante prisonniers réclamaient la révision de leurs dossiers. Huit cent prisonniers du *lagpounkt* Nº 308 se joignirent à eux le 12 janvier. Le même jour les prisonniers de la cellule d'isolation du *lagpounkt* Nº 26 déclarèrent une grève de la faim. Beaucoup de prisonniers furent relâchés, mais 23 prisonniers (parmi eux l'auteur de ce message) furent emmenés à la cellule d'isolation des prisonniers politiques de Vladimir de laguelle ils furent relâchés au mois de septembre 1956“. (G. Klimovič, le 12 décembre 1990, Gomel- SvG, p.179)

En été 1956 les prisonniers se sont rebellés dans la prison de Vladimir de laguelle. Les fenêtres ont été brisées. Dans la ville on pouvait entendre des slogans venants de la prison: „Liberté!“, „Honte au Parti Communiste!“ L'émeute s'est terminée par une trêve et la promesse des responsables de ne punir personne. Le règlement de la prison devint moins sévère.

„La Déclaration Universelle des droits de l'Homme traduite en lituanien dans la prison de Vladimir et le mémorandum du LLKS suivi de ses statuts l'a adopté comme programme du LLKS. (Les documents cités sont gardés dans le musée „Aurore“ de Šiauliai.)

„Un nouveau journal, „Cloche de la Liberté“ („Laisvės Varpas“), a vu le jour le 16 février 1957 dans le camp Nº 5 d'Inta. Il a été publié par les prêtres Kazimieras Vaičionis et Pranas Račiūnas, Stasys Ignatavičius, Kostas Lekšas, Jonas Pratusevičius,

Augustinas Liaugaudas, Alfonsas Čijunskis, Povilas Zagreckas et Edvardas Burokas. Grâce à Kostas Buknys trois numéros de cette publication ont été diffusés dans les villes d'Inta et d'Abez.

Au mois de septembre 1957 LLKS a fondé dans le camp de Vorkouta „Tsementnaya“ une école clandestine pour lutter contre les soviets. On y enseignait l'économie politique (les points faibles des soviets et de l'Ouest), la conjoncture, les bases de l'espionnage et du contre – espionnage, les arts martiaux, l'histoire des révolutions, de la lutte des peuples pour l'indépendance et l'histoire du mouvement révolutionnaire de la Russie tsariste *Narodovolc*. Les matières étaient enseignées par des prisonniers politiques diplômés: le diplomate Feliks Kroutikov, le professeur Yemilyan Repin de l'Académie militaire de Frunze, l'historien Guerman Stepanuk etc. L'école a continué d'exister jusqu'au printemps 1958 où le camp a été liquidé et les prisonniers ont été emmenés aux camps de Taïchet.

En 1959 LNPP - le Parti Progressiste de l'Indépendance de la Lituanie a été créé dans le camp de Vikhorevka situé dans le circuit de Taïchet à la place du LLKS dans le but d'une conspiration. Le LNPP a inclu dans son programme la Déclaration Universelle des droits de l'Homme. Un journal clandestin, „Lituanie indépendante“ („Nepriklausoma Lietuva“) est apparu. Il a été publié par Petras Paltarokas, Zigmas Laugalaitis, Vytautas Naudžiūnas etc.

En 1960 une machine à écrire a été volée dans les bureaux de l'administration de la zone de production où se trouvait l'usine de traitement du bois. Deux bunkers ont été construits: l'un par Zigmas Laugalaitis, l'autre dans la chaudière par Viktoras Petkus. Quelques proclamations adressées aux soldats soviétiques et 100 exemplaires de la Déclaration Universelle des droits de l'Homme ont été publiés. Le rédacteur en chef fut le

physicien de l’atome Rivolt Pimenov et Karl Froussin. Trois pistolets du type „Nagant“ ont été fabriqués par Gediminas Kraponas et Zigmas Laugalaitis pendant la préparation de l’évasion collective. Des papiers tchékistes fictifs ont été fabriqués par Ibrahim (Abram) Chifrin.

En 1960 dans le camp de Tchuna, Koudrechov, l’ancien chef de l’état-major de l’armée de Vlassov qui s’était vendu aux tchékistes et avait essayé de rompre la solidarité des prisonniers politiques en fondant l’organisation des surveillants volontaires qui était en réalité au service de l’administration du camp a été liquidé.

En 1960 une des plus grandes usines de traitement du bois de Sibérie devait être brûlée. L’opération a du être reportée. Ce sont Juozas Tribušauskas, Stasys Čėpla, Albinas Kaulius, Stasys Žukauskas, Zigmas Laugalaitis et deux Ukrainiens de Oujgorod qui devaient la mener. L’usine a brûlé quand les camps de Taïchet ont été liquidés et les prisonniers ont été emmenés en Mordovie.

En 1961 dans le camp Nº 14 de Mordovie (dans la prison) il a été décidé d’unir le LLKS (LNPP) et l’Union des Défenseurs de la Liberté de la Lituanie. Petras Paulaitis fut désigné président du LLKS (LNPP) à la place du général Motiejus Pečiulionis mort en 1960.

Entre les années 1961 et 1962 un journal clandestin en partie imprimé et en partie écrit à la main „Lituanie Libre“ („Laisva Lietuva“) était diffusé par le LNPP dans le camp de Sosnovka en Mordovie. Pranas Skėveris en fut rédacteur, Il était publié par Vytautas Vaineikis, Zigmas Laugalaitis, Vytautas Naudžiūnas et quelques autres. Quelques exemplaires du programme du LNPP furent également imprimés. P. Skėveris, Z. Laugalaitis et E. Burokas ont mis deux exemplaires de ce programme et un journal

dans deux bouteilles en verre et les ont scellés. L’une fut cachée dans le bâtiment central de production d’étuis pour radio, dans le coin dà droite près de la plus grande machine à travailler le bois dans une profondeur de 50 centimètres. L’autre près de ce même bâtiment, du côté droit du portail à une profondeur égale.

En 1961 un groupe d’observation fut créé dans le camp de Sosnovka. Il a suivit l’agence des tchékistes et a dévoilé son activité. C’est grâce à l’initiative de Juozas Tribušauskas que cette opération a été menée.

Pendant l’été 1975 cinq prisonnières politiques ont entamé une grève de la faim de cinq jours dans le camp de Barachev en Mordovie pour dénoncer le meurtre du poète ukrainien dissident Vassiliy Stous tué par des tchékistes. (N. Sadūnaitė Dépêchez-vous de faire le bien (Skubėkite daryti gera) 1998, p. 124)

En été 1977 les prisonniers des camps de Mordovie ont refusé d’aller travailler. Ils réclamaient le statut politique dans les camps de concentration soviétiques. N. Sadūnaitė a poursuivi cette grève pendant trois mois. (Ibid. p.128)

Dans son livre „La perte de la compagnie de Vaičėnas“ („Vaičėno būrio žūtis“) J. Semaškaitė écrit qu’un journal clandestin „Vytis“ dont le rédacteur fut Stasys Gerlikas était publié dans les camps.

Au mois de septembre 1983 Jadvyga Bielauskienė et d’autres prisonnières politiques ont entrepris une grève de la faim de 8 jours pour dénoncer la violation des droits de l’Homme dans les camps.

Comment pourrait-on nommer les évènements de 1953 à 1955 dans les camps? Des grèves, de l’agitation, des insurrections ou des rébellions? Les tchékistes voudraient bien diminuer l’impact de ces évènements, les considérer comme des actes des hooligans. Le refus de travailler c’est du désordre, de l’anarchie.

Pourtant en envoyant les membres du comité de la révolte dans des prisons sans passer par de vrais procès les juges et les enquêteurs utilisaient le terme „insurrection contre-révoliutionnaire antisoviétique“. Les prisonniers insurgés constituaient leurs comités, s’occupaient eux-mêmes de la gestion et instauraient des services internationaux. Ils discutaient de leurs revendications dans des meetings et les soumettaient à Moscou ou à d’autres commissions chargées de ces affaires. Ils refusaient d’aller travailler et organisaient même des grèves de la faim. Ils essayaient de s’adapter le plus possible aux lois soviétiques en vigueur. Une nouvelle société se créa dans les années 60 qui était très différente de celle des années 40, non seulement du point de vue social mais aussi idéologique. Les camps se sont remplis de jeunes gens qui avaient lutté pour l’indépendance en Ukraine, en Lituanie, en Lettonie et en Estonie. Il y avait pas mal de gens qui avaient aussi goûté aux sciences militaires et à la culture de l’Europe Occidentale, des membres de l’armée de Vlassov et d’autres groupes antisoviétiques qui avaient combattu du côté allemand. Il y avait aussi quelques dissidents venus des grandes villes qui n’hésitaient pas à soutenir un juste.

C’est seulement par leur sang et après des souffrances énormes, des grèves de la faim que les prisonniers politiques ayant compris leur destin misérable ont vaincu le collaborateur de l’administration, un lèche-botte appelé „pridourak“, les anciens prisonniers criminels, et ont construit une nouvelle société qui s’appuyait au moins sur des idées humanistes et qui constituait les prémisses d’une existence conditionnée par les lois soviétiques en se rendant compte qu’on ne peut survivre qu’en se soutenant les uns les autres. Il fallait changer son destin en s’unissant dans une force commune et ne plus se fier aux oppresseurs. Il y avait la possibilité de jouer sur le levier éco-

nomique, en étant les principaux créateurs de cette économie. Il n'y a pas de société comparable à celle-ci dans l'histoire de l'Humanité. C'était des villes ou des républiques de prisonniers moralement libres avec des services, comparables à ceux du camp, une autogestion totale concernant la sécurité, la nutrition et la culture. Il n'y avait pas de juridiction figée sur le papier, mais elle existait, il y avait des liens réels avec les autres camps et avec ceux qui vivaient en liberté. Cela ressemblait beaucoup à des états dans l'Etat.

Même si les insurrections étaient préparées à l'avance, jusqu'en 1955 elles étaient provoquées par des incidents imprévus: des actes très agressifs de la part des tchékistes, des moqueries et mêmes des prisonniers battus à mort. Pendant la préparation des insurrections il n'y avait pas d'idées que tout le monde acceptait ni d'opinions qui exprimaient la position de tous. En plus il y avait toujours des indécis, des gens effrayés et complètement détruits moralement et bien sûr des ennemis secrets très actifs. Mais le plus grand mal était causé par ceux qui ont été engagés par les tchékistes, car quand il n'arrivait pas à trouver les organisateurs de ces insurrections ils essayaient de représenter leurs idées comme provocatrices pour effrayer les prisonniers actifs.

Les rebelles devaient tenir compte des lois très totalitaires des soviets, en essayant de se faufiler dans les fentes de leur économie de façon à ne pas se confronter à un système soviétique monolithe encore très solide, c'est à dire, ils travaillaient dans les limites des lois soviètiques en vigueur.

L'importance des rébellions politiques avec des aspects économiques survenues après la mort de Staline est encore très peu analysée. Ces insurrections n'étaient pas seulement les premières de cette période mais aussi les plus importantes et dé-

fiaient toutes les précédentes. Trois ans passèrent ainsi (1953, 1954, 1955). On peut déclarer que près de 200 000 prisonniers on fait la grève pendant ces années. Les gens ont protesté contre le génocide des peuples et de la personne. Ces insurrections, ces manifestations et cette résistance aux soviets a montré qu'on peut se battre même sans armes contre le totalitarisme, en appliquant la méthode de protestations collectives. Bien sûr tous ceux qui avaient rejeté la peur qui les avait pétrifié pendant quarante ans devaient soutenir cette lutte, et c'est de cette façon qu'ils réussirent à éveiller de telles résistances, comme par exemple celles en Lituanie ou en Pologne. Il fallait pour cela des agitateurs, des propagandistes et aussi des victimes qui devaient enfin éveiller „la force dormante" d'esprit des gens. C'est aux dirigeants et aux exécuteurs de ces insurrections qu'on doit le plus grand mérite. Ils ont inculqué à de jeunes générations la force morale, le courage et les autres valeurs humaines au détriment d'eux mêmes, de leur futur, de leur vie et de leur bien-être personnel. C'était quelque chose qui ressemblait aux premiers chrétiens aux temps de la Rome Antique. Dans les camps les insurgés, les grévistes, les protestataires et autres personnes de forte volonté, menées par des idées humanistes travaillaient pour le triomphe de la liberté, sans avoir peur des balles, de la torture et de la peine de mort. Ils ont porté un coup terrible au système de l'empire esclavagiste en fondant des états de prisonniers dans l'Etat. En plus, après être rentré des camps, ces hommes qui avaient une force morale incomparable, ont inculqué des idées de liberté à des gens qui cherchaient et désiraient trouver la vraie liberté. Ils leur ont transmis leur pratique qu'ils avaient acquis dans les camps et finalement ils ont gagné – l'empire du mal s'est effondré.

Edvardas Burokas

We were blowing against the wind. Part IV

History written with blood

Translated by Vaidas Dvilinskas and Rimantas Matulis

Lietuvos trėmimas į Sibirą.
Ссылка Литвы в Сибирь.
Déportation de la Lituanie en Sibérie.
The exile of Lithuania to Siberia.

Dear Reader,

I inserted this book into the series of my books under the general title „We were blowing against the wind“ (“Pūtėme prieš vėją”). It reflects the fight for freedom that millions of repressed people were fighting in camps. I started to collect the stuff for this book when I was confined in camps and afterwards – from various written sources – repressive structures and personal archives.

When we are looking back, we can see, that the history of mankind is marked with the fight between people, who are looking for freedom, and repressers. In the XXth century this struggle reached its apogee, when the slaveholders withdrew millions of people, who wished to be free, from public life and bundled them into the prison cells and concentration camps.

Maybe the level of mankind's consciousness formerly was not very high, or there were not enough fighters, devoted to the objectives of freedom? Or it is the blame of torchbearers of the past, who spread humanistic ideas and heightened human dignity? Or maybe it is a fault of „moneybags”-globalists, who traded on these ideas to establish a global state, that would be a tool to implement their evil intentions? In the XXth century they started their experiments in Russia and Germany by sweeping the whole territories of Europe into one kettle of nations, where they wanted to melt an alloy of people with the mindset of cosmopolitanism or, to be precise, globalism. It turns out, that those, who considered the tyranny of the XXth century as a result of the effort to reach globalism, the global dominion, were right.

But the main purpose of the book „We were blowing against

the wind" is not the analysis of the reasons and results of globalistic tyranny. The main objective of this book is to show reality, in which people in bonds opposed to and fought against this mentioned above masked result of globalism, which even ideologists of communism and their followers Nazis, whose main aim was the development of „Free Europe", did not suspect about. The outcome – global wars, crisis, concentration camps, where they tried directly or indirectly to reeducate people, who were against the ideas of rulers, or apply them for the production of material resources. If these plans failed, they proved to frustrate person's spirit or kill the person himself.

The experiments of globalists are still going on. We have toothless United Nations Organization, that has no decisive power and it is under control of Security Council with its right of veto. European Union, that ties various nations and stimulates lowermost human instincts, invades in the masked form to tear out freedom of conscience, Cristian faith, stimulates pragmatism, that is reasoned only by consumery, seeks to turn a man into the citizen of the world. It tries to veil those people, who seemingly rule this global state, that is not yet established. This process is geting speed so fast, that you can start thinking, that without those glabalists' organizations our world could not survive. Mankind moves into the hands of globalists very fast. We can feel their fierce exploitation and indignity, so in the future we can expect resistance and the same, but only larger concentration camps, that globalists are already planning to build.

Lets browse leaves of „A history written in blood". Maybe our children and grandchildren will need this information.

The book is issued in four languages and designed mostly for foreigners, who neither saw nor experienced communist constraint. A lot of accumulated material is published in Russian,

and the biggest part of it is already notified in my books in Lithuanian. That concerns also English language. Due to the lack of finances and other inauspicious circumstances, only main data about the resistance in the camps is mentioned in French.

I am very grateful for this book to my wife Jadvyga, brothers Jonas and Antanas, Algimantas Zolubas, Vaidas Dvilinskas, Rimantas Matulis, Tatjana Mitrofanova, Algirdas Bikulčius, Dovilė Račkauskaitė, Jonas Milerius, Regina Smetonaitė, Petras Kalibatas, Mintautas Daulenskis, family of Romas Petras Šaulys, Antanas Šakalys, Jonas Burokas, family of Čypas, Gediminas Ruzgys, family of Šemberas, Arvydas Anušauskas, Vytautas Landsbergis, Radvilė Morkūnaitė, Ramūnas Garbaravičius, Jurgis Birutis, Rimantas Jokimaitis, Edmundas Simanaitis, Marcelė Dilienė, Algimantas Patašius, Eugenijus Peikštenis, Vilma Juozaitytė, Viktoras Avgulis, Feliks Krasavin, Bronius Zlatkus, Kristina Kačkuvienė, Lina Rimkuvienė, Donatas Januta and others, who helped me to publish this book in the terms of finances, advices or good words.

Yours faithfully – author ***Edvardas Burokas***

It is rather symbolic that this book will reach its readers the same year as we commemorate the 70th anniversary of the Soviet occupation and the 20th anniversary of Lithuania's independence. The events, phenomena and experiences described in the book encourage us to revisit our thoughts about the price of the freedom that was brought to us as a result of the strong will of our parents and grandparents. When flipping through this book full of memories, we inevitably reappraise all that we have today.

The facts, memories and documents that formed basis for the book *We Were Blowing against the Wind* tell us about the tragic destiny shared by hundreds of thousands of Lithuanians that experienced repression and continued upholding the spirit of resistance in captivity. They tell us about the uprisings and the efforts of brave people to preserve their feelings for their country and the longing for freedom despite the terrible experience and hardships brought about by the invasion of strangers and exile resulting in physical and spiritual destruction. Those of us who are lucky enough to be brought up and live in independent Lithuania have merely heard about it from our parents and grandparents. Nonetheless, it is important to understand the price that was paid for not being willing to give in to an occupying regime full of lies and violence, for not allowing the national and individual conscience to be enslaved, for choosing resistance and fighting for the right to practice their own religion and traditions, and for doing their utmost to protect their desire to build independently their lives and the future of the nation. At that thime teachers, students, professors, farmers, and enlightened citizens became the biggest enemies of the Soviet Union and the hardest 'criminals' and were prosecuted, killed and exiled to Siberia for daring to pronounce the words 'freedom for Lithuania', and for showing respect to the Lithuanian national flag. At a time when the rest of the world was enjoying peace, some people here in Europe were going through Hell because of their efforts to enjoy their natural rights.

These memories, facts and testimonies are especially important nowadays with Lithuania being a full-fledged member of the family of European nations and a member of the European Union for 6 years already. They are of utmost importance because they encourage people to revisit the events, get to know each other better, and understand the painful and difficult moments in our history that have to be brought to daylight and discussed, because our successful future and that of peaceful Europe is possible only if there is mutual understanding.

Radvilė Morkūnaitė
Member of the European Parliament

Foreword

Human memory is a very strange thing – it seems, that these events took place recently, but in fact, so many years have already passed. How notably we all changed. Everything, that was very important 20 years ago, rubbed out from our memory very fast. Restoration of our state on the 11 of March, 1990 forced Lithuanians to have a new look at their lives and the history of our nation. We are talking about our past, about occupation, about the loss of Lithuanian statehood, about the deflection from the natural way of the development of our nation and society, about the unrequited losses of human, state and economical resources. Those, who did not suffer any terror or persecutions and discrimination, especially if they belonged to the ruling circles of nomenclature, estimated that foretime and estimate it now as a „socialistic statehood", when Lithuania was not only sovietized, but also industrialized and urbanized. They want to forget proprietorship, that was smashed by collectivization, a defiance of liberties of man‘s peculiar property, ecological problems, forced atheism and eternal satellite of socialistic society – limited assortment of goods, opportunities, etc. During these 20 years we have already forgotten about the taunting, that thousands of Lithuanians suffered in Soviet army, about dozens of them, who returned home in zinced coffins. We already forgot about the property of Lithuania, that was expropriated for the behoof of Soviet empire, about the psychiatrical compulsion, about KGB and „iron curtain"... But in fact, all these exiles, terror and the resistance of Lithuanians against Soviet system – it is our foretime and we should always remember it. The book of Edvardas Burokas „Pūtėme prieš vėją" ("We Were Blowing against the Wind") helps us to understand, that even in the catastrophic XXth century there were a lot of people, who never capitulated. And thanks to them, Lithuania managed to renew its statehood actually two times.

Dr Arvydas Anušauskas

Member of Lithuanian Parlament

The history of fights for freedom – the source of strength

We have so many recollections about soviet exile, prisons and camps in various languages that maybe it is impossible to tell something more about that macabre inferno. Such sort of literature is necessary for all of us and for the whole world to remember people, who experienced that Golgotha. But it looks like all these descriptions of soviet slavery and how they turned human into workhorse, somehow choked up the resistance against the slaveholding system of the XXth century. Indeed such partisan resistance took place not only among subjugated people with the guns in hands, but also in prisons and camps. It displayed in revolts, sabotage, in the disruption of evil empire's economy. The main purpose of such resistance was not a fight for better life, it was the ideal of Freedom, the fall of slaveholding system. The methods of fight were various – the disruption of empire's economy was among them. The main point of such fight reveals former political prisoner, who personally organized a lot of strikes and revolts of prisoners, the author and compiler of the series of books „Pūtėme prieš vėją" Edvardas Burokas.

Person, who is looking for cold, starving, infirmatory work in these books, will not find them, though the fighters for freedom experienced all this with usury. These books were sacred not for that aim. All we know is an attitude, that slaveholding regime failed due to the unproductive work of slaves, but a lot of people, who were shackled by the fierce soviet slavery did not feel the sense, that they can ruin this regime and disengage from slaveholding empire not only with their unproductive work, but also using sabotage, strikes, revolts, that can disrupt

the economy of empire. The prisoners worked in all so called „greatest projects of communism“. This series of books reveals the facts, that Solzhenytsin did not mention in his „Archipelago Gulag“ or Anne Applebaum in her „The history of Gulag“. After reading these books we can understand, what was the main purpose of this fight behind bolt and bar. Even more, some political institutions now are trying to devalue or even snub the importance of this fight. They don't want to concede the appropriate status for fighters. Their attitude is – if this fight was not bloody enough, it means, that it was not real. It is oddly enough, when sometimes even former political prisoners are trying to expunge the importance of this fight from their memory. In fact, not all prisoners were fighting against enslaver, a lot of them were seeking only for better and easier life in the captivity. They were sticking in silence. Now they feel ill ease, because they did not take part in the general resistance, because they were strike-breakers or did not submit to the organizers of revolts.

In so called capital books we can hardly find educative, propaganda practice, that is prompting to disrupt the soviet economy. In the series of books „Pūtėme prieš vėją", this practice takes a proper place to induce all sceptics. If people, who lived in all eyes environment, who had no link with freedom, managed to print proclamations, various newspapers, „Varpas“ was among them, we can wonder not only at their notion, but also appreciate their potency to reach their aim. In these books a reader can find the authentic documents of the main leaders of repressive structures. These documents show and confirm that fighters for freedom and their actions were estimated very seriously. They were shaking the foundation of archipelago Gulag.

The guerrilla warfare that in Lithuania continued for 10 years, has no analogue in the world. The inside fight against so-

viet empire, the fight of fighters in captivity, who were fighting not for their personal freedom, but for the fall of soviet empire, for the freedom of subjugated people, also has no analogue in the world. We can be proud of the fact, that mostly Lithuanians were the movers of this fight. The author and former of these books was one of the most active fighters.

When you are fighting with enemy, when it is a clear front line, when you have a chance to entrench, when you know the direction of defence or offensive, the fortune depends on moral and material resources. It is more difficult to fight in the encirclement of the enemies. It is very difficult to fight in the guerrilla warfare, when the absolutely more powerful invaders press you from all sides, when the resources are limited, when there are a lot of ambushes and betrayals, when the soldier, avoiding captivity, should keep the last cartridge for himself. But it is hard to figure, how to fight in captivity, when you are environed by bars and barbed wire, by watchtowers with machineguns, trackers with dogs. Outside the fences with barbed wire – there are conscripted and prepared for betrayal locals, tundra and taiga. And you have no any material resources.

In the books of Edvardas Burokas the reader can find a unique phenomenon in the world that is not fictional, but certified by the documents of various bystanders. It is the fight of shackled prisoners against the slaveholding system, against the powerful empire. And the most remarkable is that this fight was successful: the archipelago Gulag collapsed, the empire fell down.

The IV part of the book of fighter for freedom inside and beyond the walls of prisons Edvardas Burokas' „Pūtėme prieš vėją", is like a recapitulation work of first three parts. It is released in four languages and designeded for the wider cyrcle of readers. It is very important, because if in Lithuania we knew

about the fight of political prisoners undersell, so people abroad knew only about some episodes of this fight and they were slowly sinking into the unrighteous forgetfulness.

According to the eminent publicist Vilius Bražėnas, there are lots of cobblers of bastard history and belles-lettres, who are humbling or snubing the guerilla warfare. Former collaborators of soviet system and their offsprings can see that institutions of law and order do not put muzzles on them. So now they can not only woof, but also bite. They are snubbing the guerrilla warfare and fight in captivity and are pushing it into the forgetfulness. This wrong attitude to the fight for freedom in the archipelago Gulag should be disclosed and denounced. We should publicize fight for freedom, honour the fighters for freedom, they should be known abroad. We should scoop the power from the past and educate our young people in the spirit of patriotism.

Algimantas Zolubas

On the trail of struggle for freedom

When in 1917 communists seized the power, they immediately started to institute concentration camps, where various revolts, general hunger strikes and rebellions started from the very beginning. More and more underground organizations appeared. Therefore, near each big group of the camps there were punitive camps of death, where the most active members of the resistance were murdered. People, who incidentally survived, overspread the ideas of resistance in the camps with lighter regime. Strikes and revolts started on. The ideas of freedom and anti-communism occupied the heads of prisoners. Many rebels were killed for that, but after some time, here and there, the legend about revolts fanned the flames of mass rebellion against oppression. Chekists, under the direction of communists, maimed prisoners physically, but they were unable to break the will and spirit of people. After shooting and other victimization, prisoners succeeded to revive. In 1955, in Vorkuta, substantial turning point was reached. The firing of prisoners ended. About 50 most active prisoners were brought to Vladimir prison and about 300 – to Taishet camps. The remittal was adjusted for some prisoners; the others were allowed to work in the mines without convoy. The „comrades“ in Kremlin got scared for the brewing troubles and revolts in GULAG. In 1956 they established the Committee of the Supreme Soviet Presidium and acquitted 80% of the prisoners and 100% of the deportees.

When we recall the victims of communism and the hard times of soviet genocide, when about 70 million people were killed (one million per year), all this is related with the doom of

each person, with his physical and spiritual sensibility and pain, with the oppressive trials of his family and nearest relatives. I want to remind the heroic repercussions of the camps' resistance legends, which are alive in the mind of people who survived. We can also read about that in the miserable written documents of the genocide principals. I do not pretend to the comprehensive chronology of the events, I cannot give an exact number of people, who took part in these events. But I want to talk about the handcuffed and unarmed heroes, who faced out to resist the evil Lords of the XX century, against whom all the free world was trembling with fear and is still trembling now.

Here I'll offer you some extracts from the chekists' reports to their commanders, from the other sources, proclaimed in the press and also from the bystanders' reminiscence of these events. The editions, that I had used, are the following: Soprotivlenije v GULAG'e. M., 1992, hereafter (SvG) and A.Šerėnas, Vorkutos mirties lageriai (The death camps of Vorkuta), V., 1997, hereafter (A.Š.).

In 1923 prisoners in the Solovki islands declared a hunger strike. They were murdered (Volia Rosiji, No. 16-17, 1924, Prague).

In October 1929 300 people were murdered for the riot on the Solovki islands. Later on the criminal prisoners, who buried bodies, were killed too.

In 1930 prisoners from Verchneuralsk Central declared a hunger strike. They demanded for the status of state prisoners. They were beaten and squirted.

On August 24, 1936 prisoners in Kolyma declared a hunger strike.

1936, Kotel (Komi autonomous region). The talks about prisoners' workforce exploitation started to spread in Europe.

Before the visit of the Committee of the League of Nations chekists whipped prisoners into the cattle-trucks and took them to the deepest recess of the train station. Without water and food they started to die from the thirst and hunger. Shouts and wails proceeded all over the station. Those prisoners, who survived, swung the cattle-trucks so that they overturned. Chekists started to fire rifles. The prisoners, who survived, were brought to other places.

In 1936 in Vorkuta 500 prisoners, the followers of Trockij (50% Jews, 40% Russians and 10% Georgians), declared a hunger strike, requiring for the status of political prisoners (A.Š. p. 222).

In December 1937 in Zelionyj Mys, Kolyma, prisoners started rebellion. They all were executed and burned (SvG., p. 170).

In 1937-1938 in Kolyma, by the order of the commander Garanin, 26000 people were killed for the recalcitrance. Later on, Garanin was also shot.

…In 1938 the scientist Piotr Polevoj, who had narrowly bolted carbonic basin of Vorkuta, together with other 200 famous „enemies of the people", demanded to peserve elementary human rights. They were burned alive in the bunkhouse near Uchta (A.Š., p. 221).

In 1936-1937 a number of hunger strikes rippled down the camps of Komi region. Prisoners of state demanded to be segregated from the criminal prisoners. When the strike was suppressed, all the activists were brought to Vorkuta brickyard and shot. According to the documents, 173 people were killed. There were two Lithuanians among them – Povilas Venckus (born in 1899) and Galinaitis, who died during inquisition. At the same time, many prisoners were killed beside the river Uchtorka. The victims were buried and burned alive. All this was done by the

order of the chief of camps Kashketin. By the way, he was also shot in Kotel in 1938. He cried over the window of the prison: „People, I am Kashketin! I am the very man, who shot all the enemies of people in Vorkuta! Help !“ (A.Š., p. 223).

In 1940 in Uchtizhemlag oil mine counter-revolutionary sabotage group of 15 prisoners was detected. They damaged the machine tools and tackle.

In June 1941 in Urals 15 prisoners escaped from the Neroj mine base. They disarmed the guards, put on their uniforms and took the documents.

In July 1941 a group of 15 people escaped from Pechiorlag. They were detained, but later on they killed the guards, took their guns, uniforms and disengaged again. They crowded together to the „robbing and killing gang“ (A.Š., p. 292).

On August 16, 1941, a group of 8 prisoners escaped from Jedzhyd Kyrt, Vorkutlag. They were sailors, who were convicted of counter-revolution. The leader of this group was marine lieutenant (Sevmorflot) Piatych (A.Š., p. 292).

On September 22, 1941, a group of prisoners, who were convicted of counter-revolution, escaped from Ustvymlag. They killed the rifleman and took his gun (A.Š., p. 292).

On September 20, 1941, a counter-revolutionary group was liquidated in Sevzheldorlag. Their intention was to rise, capture armory, free the prisoners and unite with Germans (A.Š., p. 89 and 294).

On October 16, 1941, a counter-revolutionary organization was liquidated. They distributed proclamations, wherein prisoners were invited to rise and overturn the Soviets (A.Š., p. 294).

In 1941 prisoners, who were brought to open trenches, started a strike near Leningrad. NKVD forces killed 300 prisoners.

On December 10, 1941, a rebels‘ organization in Abeze Center, which was preparing a rebellion on December 11, 1941, was liquidated. Their intention was to occupy Abeze village, aerodrome, radio station. 22 people were arrested (A.Š., p. 83 and 295).

On December 31, 1941, prisoners burned down the post-office in Kanin district.

During the year 1941, 2500 prisoners escaped from the camps in Komi autonomy, SSR. 465 prisoners were not captured. 7 people escaped with armament (A.Š., p. 295).

On January 5, 1942, Pechiorstroj power-station was burned down (A.Š., p. 292).

On January 8, 1942, VKP(b) regional committee building in Kozhva was burned down (A.Š., p. 292).

In January 1942 antisoviet organization in Sevzherdolag Josez section was liquidated. It was informing prisoners about the reasons of failures in the war and was calling to establish a committee of rebellion in the camp (A.Š., p. 83).

In January – February 1942, 103 people escaped and were not captured: 37 from Pechiorlag, 30 from Uchtizhemlag and 36 from Sevzherdolag (A.Š., p. 292).

Bellow is a fragment from Zachlamin’s, chief of the NKVD Vorkutstroj political department, report (February 20, 1942):

„On purpose to arrest fugitives, in the second half of the year we established 54 operational posts, 115 soldiers overall. 80 interaction groups were established among locals. There are more than 900 people in these groups“ (A.Š., p. 116 and 276).

On January 24, 1942, armed rebellion started in one camp near Vorkuta. There were a lot of talks about it. Besides, there is a lot of information in the official archive of chekists‘ and communists‘ nomenclature. I’ll use the attainment of Irina Osipova

about the impeachment case No. 785 of the Task force No. 41, proved by Fotijev, the procurator of Komi ASSR, and the archival material of Algirdas Šerėnas.

REPORT

About the liquidation of armed gang near Pechiora. On January 24, 1942, the gang attacked Ust Usa. 9 robbers were killed and 40 ex-members were captured alive. 14 our people were killed by bandits: Selkov, the second-in-command of region NKVD, 3 militiamen, Rodin, the employee of the State Bank, 4 workers of the Pechiora shipping, 3 camps' riflemen. 11 people were injured. 15 bandits were killed on January 24, 1942, in the forest, 105 kilometers from Ust Usa, beside the river Lyzha. We lost 15 people. The chief of Sevzherdorlag department Barabanov was among them. 9 injured soldiers died later on.

MEMBERS OF THE GANG

The gang chieftain Retiunin's jottings about the distribution of the members of the gang. These jottings were found in his plane-table.

Nerve-centre:

Gang leader – J.Zverev, born in 1906, ex-VKP(b);

Chief Executive – Dunajev, born in 1904;

War commissar – Makejev, born in 1902;

Divisional chief – V.Solomin, born in 1905;

Divisional chief – S.Prostakov, born in 1907;

Train chief – A.Jashkin.

Only A.Jashkin was caught alive. The others were killed in the battle or suicided.

109 prisoners took part in the armed rebellion from the very

beginning. 51 were judged for criminal offences. After the battle near Ust Usta criminals separated from the gang. 41 men left in the gang – 35 were sentenced for counter-revolutionary movement, 2 – freelances, ex-bandits and 4 criminals.

Bandit A.Jashkin, who was arrested and inquired in the forest, told personaly to me about the main purposes and concrete plans of the rebellion. They started to prepare it in August 1941. The rebels expected much more than they had reached. Together with „Raid“ they planned to disarm Pechiorlag mission „Pulja Kurja“ with the freelance chief Poljakov and attach them to Retiunin gang. These two gangs were to capture all Ust Usa regional organizations, arrest all soviet activists and declare their own governance. After that, they were supposed to deliver an ultimatum to the Vorkutlag chief Tarchanov – to liberate all the prisoners. In the case of his refusal, they were going to invoke the rebellion in Vorkutlag and, later on, in Pechiorlag.

There is no question of particularly interview of A.Jashkin. Now he is aviated to Ust Usa, but he is very sick, so it is imposible to coax evidence out of him.

The ammunition of the gang (41 people) on January 25:
Rifles – 41, cartridges for them – 11 558.
Revolvers „Nagan“ – 15, cartridges for them – 1270.
Pistols TT – 2, cartridges for them – 187.
Mauzers „Korovina“ – 4.
Hand-grenades – 5.
Flares, lighting cartridges – 878.
Rifles MK – 2, cartridges for them – 2872

Total hardware – 67. Total cartridges – 16 765.

LIQUIDATION OF THE GANG

On January 28, 40 km from Ust Lizha at 10 p.m. I met Prochorov’s brigade (100 people). They were returning back after the battle with the gang. Soldiers sought the bandits near Chiuma reindeers sovchoz, 70 km from Ust Lizha. The battle started on January 28. The bandits were armed better – they had a machine-gun, Russian rifles. They were entrenched very well and opened strong fire. After losing hope to defeat the gang the brigade decided to retreat. Soldiers were depraved. It is possible that some of them deliberately caught a chill in order to avoid the battle.

February 12, 1942
Department of the Interior of Komi ASSR
Substitute of Commissar
Security captain Simakov

Indictment proclaims:

„On January 24, 1942, at 4 p.m. the prisoners in „Lesoreid”, Vorkuta, under the command of freelance Mark Retiunin, performed a military rebellion against the Soviet authority …”

„…On January 24, 1942 (on Saturday), chief of the camp, the leader of military rebellion Retiunin told the prisoner Liu Fa, who was the head of the bathhouse and the member of the military rebellion, to inform military guard, that the bathhouse will work only till 5 p.m. When the guard received this message, all of them, except those, who were on the patrol, went to the bathhouse. Retiunin together with his faithful friends, who were armed with cold steels, disarmed the guard and armed the prisoners. <…> Zverev, Paškevič, Dunajev, Avakjan, Cvetkov and

others attacked the barracks, <…> seized 12 rifles, 4 revolvers, 1682 cartridges for the rifles, 105 cartridges for the „Nagans", etc. When the prisoners were armed, Retiunin arrested the guards in the bathhouse and locked them in the vegetable storehouse. <…> When Retiunin finished with the military guard in the camp, he proposed to the prisoners, who took part in the rebellion, to join to him.

…Retiunin ordered to unlock the food and clothing stores and to parcel out new and warm uniforms for the rebels, to freight all moving transport with provision and to organize the provision train <…> of 8 carriages <…>. A part of prisoners ran away in fright, but other rebels, 82 people, at 5 p.m. took a trip to the center of Ust Usa. They were under the command of the rebellion leader Retiunin and the prisoners – the clerk Dunajev, quartermaster Zverev, manager Makejev and engineer Solomin.

The Ust Usa center attack was planned beforehand. <…> At 5.30 p.m. the rebels aborted telephone communication in the center. After that, disbanded into groups, armed and unarmed, at 6 p.m. at one time they attacked the regional communication service and the office of the State Bank, surrounded the department of the regional NKVD and interrogation ward. The barracks of the Pechiora shipping department were surrounded too. 38 prisoners were released from the interrogation ward. 12 people, who were charged for the counter-revolutionary actions, joined the rebels and took active part in the rebellion.

…Around 9 p.m. the rebels destroyed all the telephone and telegraph equipment and radio station.

The fourth group of rebels tried to occupy the aerodrome with 2 airplanes in it. At 8 p.m. 6 rebels were sent to the aerodrome, but operation failed <…>: they met an organized resistance and retreated.

…All main institutions of Ust Usa region were in the arms of armed rebels from 6 p.m. till 12 p.m. But the militiaman Artemjev succeeded to escape to Pechiorlag NKVD camp center „Polja Kurja“. He reported that Ust Usa was attacked by armed rebels.

15 soldiers with light machine-guns were sent from „Polja Kurja“ camp center to Ust Usa. At 12 p.m. armed rebels were attacked.

…The result of the battle in Ust Usa: 9 rebels were killed and 1 was injured. 40 rebels were arrested. When the rebels left Ust Usa, 21 man surrendered. The rebels killed 14 and wounded 11 people. 41 rebels with armament, captured in Ust Usa, all in all 10 carriages, moved towards villages Akis and Ust Lyzha beside the river Pechiora. When the rebels left Ust Usa, they split into two groups. The leader of the first group was Cvetkov, the leader of the second group - Dunajev“.

In the mean time the rumour about the incident in Ust Usa reached the capital city of Komi, Syktyvkar. All the committees of the region were informed about the events in Ust Usa and they started to recruit powers for the liquidation of the rebellion. The rebels were often visiting the camps, taking armament and provision. They knew that the weaponry was being transported to Vorkuta. The groups of Dunajev, Solomin, Prostakov and Kriukov succeeded to overtake the train with the armament and capture it. One soldier was killed. The patrol commander was wounded. The rebels took 18 rifles, 2 revolvers and a lot of grenades and cartridges.

…On January 25, from 10 p.m. through 3 p.m., the rebels were in the village of Ust Usa. After the robbery of the store one of the leaders of the rebels F. Makejev left the receipt to the shop girl about the goods taken. It was signed by „Task-force

No 41" – so the rebels were calling their counter-revolutionary group.

The first two groups (55 and 70 people), who were organized for the liquidation of the rebels, arrived at Ust Lyzha on January 26, at 2.30 p.m. At 8.30 p.m. one of them started to pursue the rebels. On January 27 at 4 a.m. another group joined them. On January 28 the rebels prepared for defence on the right and left banks of the river Lyzha

…On January 28 morning the battle between rebels and soldiers started.

…Position of the soldiers was worse than that of the armed rebels. Soldiers sustained heavy losses – 16 of them were killed and 7 were wounded. Additionally, about 50 people got a frostbites of the first or second degree. 16 rebels were killed. After such losses the rifle command decided to pull the force out of the battle, regroup and pursue further on until all armed rebels' groups are liquidated. In the mean time, the military command of the rebels got the picture of the situation and decided to disperse into small groups and to escape running into various directions.

…The third main group of the rebels (11 people), under the command of Retiunin, was caught on February 1 near the river Malyj Terechovej (affluent of the river Lyzha) and embattled. The battle continued 23 hours and on February 2, at 4 p.m., this group was smashed. 3 rebels were killed. The command of the rebels – Retiunin, Dunajev, Avakjan and other 6 people in the desperate situation commited suicide. Two rebels, Jashkin and Liu Fa, were arrested alive.

…Our wastage during the operation in the center of Ust Usa district – 33 people were killed or died from wounds, 20 were injured, 52 got frostbites of the first or second degree.

…In October 1941 the followers of Trockij established counter-revolutionary rebellion organization. M. Retiunin, the former chief of „Usinskij Lesoreid“ camp center (Vorkutlag), was persuaded and included into their organization.

During the interrogation it was cleared out that in December 1941 in Retiunin's flat the meeting of the counter-revolutionary rebellion organization took place and the headquarters of the rebellion was established.

The recorded evidence of Jashkin:

The plan of the military counter-revolutionary rebellion in „Lesoreid“ and the other camps of Komi Republic, with an aim to overthrow the Soviet power, was planned this way:

to release all prisoners from the camps and jails,

to incorporate into rebellion deportees and locals, who are dissatisfied with the Soviets.

to establish a regular armed army of volunteers, who are hostile to the Soviet government,

to restore immediately peoples' property in all economic areas – industry, agriculture. To destroy the kolkhozes.

The prisoners, the followers of Trockij - Zverev, Dunajev, Makejev, Solomin and others, who had an experience of political fight with the Bolsheviks and the Soviets, understood, that the military rebellion will not be successful only in one, sequestered „Lesoreid“ in Ust Usa, Vorkutlag. So, they organized parallel counter-revolutionary groups in „Polja Kurja“ camp in Pechiorlag MVD, in Kozhva OLP in Vorkutlag and in „Kyz-Raz-Dy“ camp in Vorkutlag“.

Other prisoners also were mentioned in this case: J. Doichij, B. Murmill, V. Shatalov, A. Plechiov, A. Randveej, N. Stepnin, A. Bobrov, B. Alchimovich, G. Atomchiuk. But they pleaded

not guilty. 68 people were convicted under the case No.785 about military rebellion in Vorkutlag. 49 whereof were shot (A.Š., p. 288-293 and *I. Osipova,* The Task force No. 41.).

In 1942 the organization, called „The liberation of Lithuania", was detected in Krasnojarsk PDL. Its leader was Šilingas, the former minister of justice of Lithuania. Participants – former members of government and intransigents.

On December 17-18, 1942 J. Tatarinov, V. Starkov, V. Ladyshev were condemned to death for counter-revolutionary rebellion in Abeze camp, Vorkutlag.

They were the leaders of the organization „Komitet Samoosvobozdenija Kolony“ (Committee of the Self-liberation of Kolona) (SvG., p. 143).

There is the report in the archive of Gulag that the people from Baltic States, Ukrainians, the members of Polish counter-revolutionary organization „nacionaly", were incriminated for planning rebellions and armed runaways on purpose to fight against the Soviets and to break their countries from the Soviet Union. Members of „The union of the liberation of Baltic States“ were Latvians and Lithuanians. Inta PDL, 1944 (A.Š., p. 348).

At the beginning of 1944 the military rebels' organization was functioning in the group of enterprises of Vorkutlag. This organization was detected at the end of the year. In 1945 leaders of this organization were convicted. They were:

B. Ivanov, born in 1903, Russian, engineer,

M. Perelshtein, born in 1907, Jew, journalist,

N. Ordinskij, born in 1897, Russian, academician.

Total 29 people were convicted under this case (SvG., p. 144).

In 1941-1945, in total, 31 counter-revolutionary military rebels' groups were liquidated in the camps. 4452 people were

punished in the intervening period; 3561 of them had been accused for counter-revolution (politically). 3121 prisoners were convicted, 1232 of them condemned to death (A.Š., p. 82).

Irina Osipova appeals to different official Home Office facts: 225 877 people were convicted in the camps during the whole period of the war, 9680 whereof were shot (SvG., p. 205).

1946-1947 „…In 1946 and in the first five months of 1947, 556 escapes were prevented, 139 were clustered escapes. 129 betrayers, hirelings and other enemies were arrested and prosecuted. Only in the first quarter 73 specially displaced persons were judged… A group of 20 armed people escaped" (A.Š., p. 299).

In 1946 in one of the Northern camps 5000 prisoners were accused for the rebelion and murdered using gas (S. Jurusov. Na rubezhe 1952).

In 1946 again 9141 prisoners were convicted in the camps (SvG., p. 208).

In 1947, within the first quarter – 10 261 prisoners (Ibid).

An extract from the resolution of the report of the chief Mojsejev of Ustvymlag, June 1947:

„…May, this year.

discovered and prosecuted for counter-revolutionary sabotage – 12 people,

denounced escapes – 130 people (A.Š., p. 428).

On August 10, 1947, the afoot military rebellion under the command of Tulyzin, was liquidated. The rebels planned to blow up mines, to liberate prisoners from the camps and march towards Baltic. About 250-300 prisoners participated in the rebellion. Kėkštas, Vaškevičius and others were the leaders of Lithuanians (A.Š., p. 204).

In 1947 near Igarka the prisoners, former front-line soldiers, protested against local license. Administration, with the help of

criminal recidivists, put a halt upon them. Later on these recidivists themselves were shot.

Jonas Krakauskas, who afterward took part in the rebellion in Vorkuta mine No. 29, is reporting:

„On December 27, 1947, the court was held in the camp. A group of prisoners had organized the headquarters of prisoners' rebellion in Komi. Its purpose – to lead insurgent prisoners via Ukraine, Carpathians to free Europe. The decision of the court – capital punishment for Draugelis, Gruodis and J.Krakauskas. Later on the punishment was changed into 25 years of prison…"

In 1947 there was armed escape from the atomic object Arzamas – 16 (Sarov). All the members (about 50 people) were enclosed and killed (SvG., p. 209).

In 1947 rebellion happened in the hold of the ship „Kim". The prisoners were transported to Kolyma. At sub-zero temperature they were squirted from fire-hose. The result: several hundred of corpses and plenty of nipped invalids.

In March 1948 under the order of MVD No. 00233 special prisons were established: in Vladimir, in Aleksandrov (Irkutsk region), in Verchneuralsk (Cheliabinsk region). 5000 prisoners were accommodated in these prisons.

The special camps, for conspiracy purposes, had their special names:

No. 1 Minlag. Inta.
No. 2 Gorlag. Norilsk.
No. 3 Dubrovlag. Mordovija.
No. 4 Steplag. Kazakhstan.
No. 5 Berlag. Kolyma.
No. 6 Rechlag. Vorkuta.
No. 7 Ozerlag (December 7, 1948). Taishet.
No. 8 Peschianlag. Kazakhstan.

No. 9 Lugavojlag.
No. 10 Kamyshlag. Kemerov region.
No. 11 Dalnijlag. Pavlodar.
No. 12 Vodorazdelnyjlag.
Š., p. 237 and *Žak Rossi.* „Spravočnik po GULAG'u", p. 2. M., 1991., p. 378).

NOTE

"There are 62 camp points and subdivisions in Vorkutlag. So only 54 of them can be reported. The living space for 1 prisoner in Ajach Jag mines – 2 m², in the mine No. 18 – 1,21 m², in the lime factory – 1,13 m², in Kozhva – 1,12 m². Total barracks – 830. There are three sections in one barrack. In each section – 100 prisoners".

1948 05 18

Major Chepiga (A.Š., p. 244)

Total: 830 x 3 x 100 = 249 000 people (my calculation. – Author).

From the report of the Rechlag Party board bureau secretary:

„It seems that everybody slept, when in the manufacturing base of the mine No. 7 prisoners organized production of the grenades and carried them into the living zone of the camp without permission or hindrance. Besides, they carried ammunition and prepared to attack the personnel of MVD, to rise in armed revolt and escape… There are 12 629 working people in the camp No. 14, 2478 whereof do not fill a norm…"

Rechlag board Party secretary
Avdochin (A.Š., p. 246)

From the speech of Sazhin, vice-chief of the political department of MVD GULAG, in the conference on February 17-18, 1948:

„…The facts are as follows: it was thought, that the first explosion of the van was only a casual phenomenon. Political department and project direction over-passed that, although the facts of stirring of rails had been recorded in the past. Or let's take the facts of contacts between prisoners and free people – it is a scandal“ (A.Š., p. 300).

In 1948, in Ashkhabad, during the earthquake prisoners made rebellion, forced the doors of the prison down and escaped. Those who left, were surrounded and shot by the militia. There was no place to keep them.

A. Šerėnas, A. Vologodskij, K. Zavoiskij and A. Dobrovolskij separately describe the rebellion in 1948, in the project No. 501.

Political bureau was waiting for the successful end of the creation of powerful nuclear weapon and was planning where to allocate it and protect from the Western countries. On February 7, 1947, resolution No. 228-104 was adopted – to build the super-secret port with the far-reaching rockets in the lower reaches of the river Ob, on the coast of the Arctic ocean. Ad hoc, it was required to build 700 kilometers of railway lines through the impenetrable Northern Urals. The head of this project was Colonel Baranov. He concentrated 60 000 people, about 4 000 whereof were women and 1 200 Lithuanians. Prisoners called that construction „ Five hundreds are crying, one – is laughing“ (A.Š., p. 393, 401).

From the report of Ponfilov, chief of the political department in the party conference on May 28-29, 1949:

„In 1948 we did not prevent the escape of a very big armed group of particularly nasty prisoners. 64 escapes took place, 129 prisoners had escaped. <…> 66 bandits succeeded to defeat and disarm the guard force, to rob the weapons and open the gates of the camp. There were 500 prisoners. The main thing is, that they all were condemned to large penalties“ (A.Š., p. 403).

A. Šerėnas writes: „In autumn 1948 from the project Nr. 501 escaped not 500 prisoners, but much more. The rebels wanted to go to Vorkuta and on their way to liberate prisoners from the camps <…> and also to appeal to the world society by radio and to tell everyone about the breaches of human rights in the Soviets. The rebellion was suppressed with tanks and airplanes. The rebels were killed all to a man. There were many Lithuanians among rebels“ (A.Š., p. 403-404).

Up till now the official press was keeping silence about the rebellion in the project No. 501 in 1948. But in September 1995 in the newspaper „Argumenty i fakty“ the article of A. Dobrovolskij „The lesser war in polar Urals“ was published“.

„…The number of slaves – the conquerors of the North – was growing <…> 40 000 people were brought, mostly they were sentenced under the famous clause No. 58. In autumn of 1948, in full swing of the work, the rebellions took place in some camps… Its core – former soldiery, under the command of one colonel.

It seems likely that they were preparing for this risky action beforehand. In one sand quarry at appointed hour the group of prisoners attacked the guard of trucks and disarmed them. Prisoners, armed with tommy-guns, immediately arrived at their camp on these trucks, laid the guard and opened the gate. In

the same way the rebels seized some other neighboring camps. Several thousand of prisoners became free. The rebels divided into groups. Part of them went to Vorkuta. They expected to play havoc among the abundance of the prisoners in Vorkutlag. The other big group of „disengaged“ prisoners turned to the northeast – to the gulf of the river Ob. They expected to seize ships, to set sail to the east and to hide in the boundless littoral places of the Arctic Ocean (There was another version – purportedly, the leaders of the rebellion had relations abroad and they were expecting that the ships from abroad will come to the estuary of the river Ob and take the rebels.)

The rebellion was repressed cold-bloodedly. It was declared, that the rebels were followers of Vlasov and it is no need to repent them. The MVD troops from Komi Republic were sent to fight against the rebels. Even echelon with the tank battalion was sent from the big land, but it came out, that tanks are useless in polar Urals. The main rule in the struggle against rebels fell on the local aviation. „Kukuruzniki“ were hurriedly armed with machine-guns and in some days they reconnoitered the territory from the air. Then the „occlusive forces“ of MVD came to work“ (A.Š., p. 404).

„While there was a battle in tundra, the prisoners, who remained in the camps, were closed in zones for some days. In the daytime the „agitation trains“ made stops at the camps. The bodies of rebels were piled up on the platforms. At night the bodies of killed MVD soldiers and officers were brought in the closed vans. The number of killed people during the „small war“ in the polar Urals is unknown. Archives, naturally, are not preserved and there are no alive witnesses – there were no captives or fugitives in this war“.

A. Šerėnas writes in his comments, that freelance K. from

Vorkuta told him: ,,Before rebellion a complement came to one zone – about one thousand prisoners. MGB had specially selected them – to provoke a rebellion. Maybe they were criminal prisoners, maybe prisoners of state – but the freedom was promised to them after the operation. On the back of their ,,bushlats", near collar, they had the pistols camouflaged (generally, when passing the escort, the guards did not ransack the back, but only ,,caressed" the flanks). And so, these narks organized the rebellion. Many courageous heads decided to dog their steps. All narks and those who entrusted them, were killed. There is a whisper going round that four Generals of Red Army were murdered" (Unbelievable – *E. B.*), (A.Š., p. 405).

Cruel treatment of the revolted prisoners did not stop even after the death of Stalin. This is an extract from the article of J. Belikov ,,The Deathly Tourist Hike" (Komsomolskaja pravda, February 2, 1996):

,,…The officer of GB listened to me and said: ,,At the end of 6th decade the hunger-strikes of prisoners started on the North of Sverdlovsk region. The prisoners killed the guard and, by the way liberating other camps, sprinted towards railway. The army was concentrated near railway – with tanks and artillery. A part of criminals submitted, but the bigger part turned back to taiga. There were very many prisoners. They had a good chance to reach Komi ASSR and then Leningrad region. The government knew about this danger. They decided to pelt passages and places of concentration of the rebels with vacuum bombs of cruise missiles. A lot of prisoners, hunters, geologists, foresters were killed…" (A.Š., p. 406).

1949, armed escape from Berlag (Nizhnij Aturjak). The leader of escape – general Semionov. All fugitives were killed (SvG., p. 209).

1949, big rebellion in Suchjan (the Far East). Criminal prisoners and prisoners of state uprised there. More than 1000 prisoners were killed (SvG., p. 176).

1949-1950, armed rebellion of criminal prisoners and prisoners of state in „Elgenugol“ camp (Kolyma) (SvG., p. 209).

Benediktas Trakimas in his reminiscences speaks about unsuccessful rebellion (about 30 000 prisoners) in Inta in 1949-1950. He was not sure about the success of it. Lithuanians also took part in the rebellion. Commander of the battalion and of the 3rd company was Benediktas Trakimas; the commander of the 1st company – Jonas Boruta, his adjutant – officer Algirdas Gasiūnas; the commander of the 2nd company – Anicetas Kalytis; the chief of medical post – surgeon Jonas Daulenskis.

The result: the prisoners-organizers of the rebellion were arrested – Lieutenant-colonel Pavlov, one Romanian, one Ukrainian, Estonians and Latvians. Some of them were sentenced to death. One was really killed, the fate of others is unknown. The traitor was a dispatcher of the mine No. 2 (A.Š., p. 375).

In 1950 there was a rebellion of prisoners in Uchta. They broke a package store and food store. When the rebellion was suppressed, all the prisoners in the camp were drawn up into lines. Every fifth man and also all the organizers were shot without trial (A.Š., p. 180).

In 1950 Social-democratic party of Russia was re-created and started to act in the camps. Jemiljan Repin was elected vice-chairman of this party (His attestation).

In 1950 armed group of prisoners-officers (leader Kudriavcev) made an attempt to escape from Dzhezkazgan camp. All the members of this group were convicted (SvG., p.174).

In 1951 anti-Soviet organization was disclosed in the 9th section of Rechlag (A.Š., p. 268).

On May 4, 1951, a large rebellion of prisoners occurred in Kraslag. 64 prisoners were killed (SvG., p. 172 and 209).

In 1951, 500 prisoners were on hunger-strike for 5 days in Vachrushensk camp, Sachalin Island (SvG., p. 209).

On April 4, 1951, Zakir Gabaidulin was arrested in Sosnovka, Taishet region. He, together with other prisoners, disarmed the guard, captured the locomotive and went towards Reshioty. The chekists mined the railway and the waysides. Half of the fugitives were shot. There were victims among chekists too (Volia, 1993, No. 1, p. 9).

1951, mass hunger-strike in Uchtizhemlag. Many members were taken out to Norilsk (SvG., p. 209).

In 1951 in Leningrad, in the remittance jail „Kresty", The Union of Fighters for the Liberty of Lithuania (LLKS) was re-created. Its chairman – doctor Rubenšteinas.

In 1951-1952 there were 10 escapes from Inta, 4 whereof – massive, attempts of escape – 21, preparations for escape – 139 (A.Š., p. 367).

In 1950-1951 in Mordovia, in the camp 385/14, the newssheet „Žalgiris" was in print. 20 numbers were issued. The editor – teacher Valys (*A. Ruzgas*, The underground periodical of resistance in 1940-1989 /computer edition/, 2002 and „An archive of struggle for freedom" 19, p. 274-275).

From the report of the chief of Uchtizhemlag camp on August 1, 1952:

„28 people, who printed anti-Soviet literature, were detected. 900 manuscripts and anti-Soviet newssheets were confiscated" (A.Š., p. 490).

„In 1952 in lagsection 1 of Vorkuta a lot of proclamations of anti-soviet and terrorist purpot were confiscated. The free-

lances are associated with them. In lagsection 2, the prisoners brought explosive and tactical grenades into the living area“ (A.Š., p. 268).

In January 1952 in Vorkuta two prisoners (Dobroshtan and Sablin) tried to escape from the main mine through the hole (the vent of the mine) (A.Š., p. 276).

January 1952, a mass hunger-strike in Ekibastuzlag (SvG., p. 209).

1952, large rebellion of prisoners in Ozerlag. It started when prisoners, who were in the column on the way home from the work, were shot without any reason (Ibid).

In 1952 prisoners, under the command of the hero of USSR colonel Jershov, started military rebellion in the project No. 505 (A route of the way of death: Labytnang – Yenisej). They disarmed some squadrons, liberated some camps and retreated to taiga. There they were smashed (Ibid).

I heard about this rebellion (1953-1955) in the mines No. 1, 7 and 4, and also in the referral center in Gorkyj prison. The project No. 505 was building the track through the Urals to Salechard. There were two large camps – several thousands prisoners (mostly convicted followers of Vlasov) in each.

They were under the command of high military rank officers. Colonel Mechtejev was one of them. On Saturday, when the soldiers were in the bathhouse, prisoners arrested them. They put on uniforms, disarmed the guard and captured the armament stores, radio station and land-rovers. Rebels declared the mobilization of prisoners. Only those, who had received light sentences or those, who were kept in the camp for awhile, were excused from the mobilization. Those who disobeyed were shot. The soldiers and officers were locked in the BUR and the interogation infirmary. Then the rebels marched to the neighbouring camp (20 kilome-

ters), disarmed the guard and released the prisoners. They made the same actions and then called the war council. A dissent appeared – some of them proposed to march towards continent, releasing prisoners by the way and taking cover in taiga. The majority, together with colonel Mechtejev, suggested to go towards Vorkuta, liberate the camps there and then march towards the sea in the direction of Kara Gates. There they expected to get help of NATO – to reach a free world with their ships.

The minority contradicted, that the major plan is Utopia. Even if Americans come to the rescue, the Soviet army will not let rebels to approach the sea. So, a part of rebels marched towards taiga. They were under surveillance of airplanes. Near some village soldiers beat them. Some of them succeeded to escape. Later on, after some years, the majority of them were caught. A part of them were condemned to death, others got life sentences. One of them, Mitia Safronov (or Safonov), told about this in referral center of Kirov, in autumn of 1955. He told that he had a confrontation with colonel Mechtejev. He and some other leaders were captured alive near North Vorkuta. They all were sentenced to death.

The others told (in the above-mentioned referral center and taken from the other sources) that rebels seized several camps and came near the camps of North Vorkuta. There they met mobilized and armed free people from Vorkuta, garrisons and the division of paratroopers, who were brought from Leningrad by airplanes and armed with cross-country weapons. A fight to death started near Ajach Jaga and the camps of 7 mines. The chekists were not in a fit position to withstand an attack of rebels. They called for the military aviation. The positions of rebels were bombarded without a break. A part of bystanders say, that the battle continued for 3 days, the others – a week. The car-

tridges expired, the rebels expired too. Those, who remained alive, got a command to leave one cartridge for themselves. Of several thousand of rebels only one hundred were surrounded. With the denuded breasts they raised up, attached bayonets to the rifles and attacked the enemy. They were shouting: „For motherland! For freedom!“. The chekists started to shoot from the machine-guns. But they were unready for such an attack. They threw their armament and tried to run away. Scattered rebels refilled their armament and approached the camp of prisoners sentenced to death: „Cementnaja“. There, near the restricted area of the camp, they were defeated. When Uzbek paramedic was brought from this camp to give medical aid to the rebels, who were specially left alive in order to show the power of the Soviets, one rebel blurted out: „Ah, you are slaves, we wanted to liberate you, but you even unmoved your fingers!“. And he spat on the face of paramedic. The officer of paratroopers, who was standing by, put the pistol to the head of injured rebel and shot. Then he said: „We ought to worship enemy hero. It will be better for him“.

In 1952, in Uchtimzhemlag, 1000 prisoners declared a hunger-strike. They were deported to Norilsk. Prisoners from Salechard – Igarka railroad sector, where the rebellion had occurred too, were also deported to the same place. The prisoners from Omskstroj camp, where the keeper and the operational servant were killed and the administration of camp was attacked and captured, were also sent to Norilsk.

An extract from the secret party meeting of Uchtimzhemlag MVD protection department on August 1, 1952:

…A speech of Romanov: „A big <…> operational work I made in the camp center No. 46 <…>, I detected instigators – 28 people. The strike was terminated in very short time: in May

I detected a man, who agitated to proceed starvation. After 4 hours of interogation, I proposed minister Noginov and comrade Judin (the chief of Uchtimzhemlag) to call him, because I thought, that it will be a starting point of the end of starvation. My expectation came true.

In April and May I did a hard work in the camp section No. 13, where the attacks of rebels were expected: therein I detected 8 people, they all were isolated…

Besides, there and then I divested and reviewed 900 manuscripts and detected the author of anti-Soviet instigating leaflets. He is prosecuted" (A.Š., p. 460).

„In May – July 1953, in the second camp of Inta, prisoners put on fire conveyor belt and electric cables. In the sixth camp the notes „Freedom for prisoners!" were found. This was the reaction to the events in Vorkuta and Norilsk. West Ukrainians and people from Baltic States, instigated by the followers of Trockij, are instigating a mess".

In summer of 1953 in Uchta a mass escape of prisoners took place (runaways were not caught) (A.Š., p. 197).

June 2, 1953, an extract from the report (Vorkuta):

„On March 20 this year four people, who had escaped from the camp section No. 15, were arrested. On the way to the zone, according to the order of the operational agent of camp section No. 57 - Jevsejev, they were shot by guards Cherkashin, Belousov and Ovsianikov" (A.Š., p. 269).

In 1953 in Vorkuta there were 18 mass and individual escapes. Totally 31 people escaped. 21 people were captured. Besides, in 1953 prisoners made 10 816 violations of camp regime (A.Š., p. 246).

The protocol of the meeting of Rechlag party organizations, July 21, 1953:

„Today, in the mine No. 2, one brigade went on strike and did not go to work. They demanded to change convoy“ (A.Š., p. 247).

„In the mine No. 18, where the prisoners had made radio and were listening to „The voice of America”, were detected“ (Ibid).

„The brigade from the mine No.19 was on strike: they sat down on the road and demanded the commission from Moscow“ (Ibid).

An extract from the report of Fatov, the chief of Inta Minlag, August 31, 1953:

„Now we have in Minlag: Ukrainians – 28,5%, Rusians – 12,5%, Lithuanians – 15,5%. The journal „On the nation's way“ was secretly printed in women camp“.

The priest Adomas Alminas organized a material support for Lithuanians in Abeze invalids' camp (A.Š., p. 373).

„…The most dangerous categories of prisoners in Minlag are <…> the prisoners from West Ukraine and Baltic States. The main purposes of prisoners of this category are:

to obtain illegally the cold weapon,

to persecute most active prisoners workers – they were threatened and frightened, physically punished;

to set illegal or some other sort of contact with the people of the same views outside the camp via former prisoners.

It was noticed that the prisoners of this category are very active in the camp sections No. 2, 3, 6 and in Kozym camp section. When the prisoner's made grenade had exploded in the mine No. 5, one prisoner was killed and another disabled. This fact shows, that the grenade was produced for the criminal purpose.

Besides, the criminals had deliberately put the mine on fire twice – for the first time they put fire on the conveyor belt and for the second time – on the electric cable.

Latterly, in the third camp section we can see very active movement of Bandera followers – they terrorize the population of the camp, in broad daylight ruffianly attack the camp attendants, beat the criminal elements. They are trying to contradistinguish these two groups deliberately and make disorder.

Operational data from the neighbouring MVD Rechlag (Vorkuta) show, that many active participants of the events there, are again trying to make uprising and, according to them, „to repeat everything and correct the previous mistakes"; their main criminal tasks are:

to prepare and organize all population of the camp for the rebellion. To get in touch with all camp sections and together with other camps uprise at one time in mass revolt;

to get in touch with all neighbouring camps, with former prisoners and other persons, who endorse them, and to invite all of them to the rebelion;

to organize and to do factious work among paramilitary guard and keepers in cooperation with friendly locals. So they can woo morally frailed and undisciplined persons" (A.Š., p. 372).

An extract from the report of party meeting in Minlag on August 31, 1953:

„On August 29 this year the operational section prevented the diversion in mines No. 11 and 12; 3 kilograms and 200 grams of explosive and detonators were found. <…> We have a case of prisoner B. This prisoner wrote a proclamation on the linen" (A.Š., p. 374).

„On October 19, 1953, and on November 6-7, 1954, the mi-

nes No. 11 and No. 12 in Inta were on strike. On June 29 and July 6, 1954, a hunger-strike of state prisoners and criminal prisoners occured in Kozym camp center“ (Ibid).

In 1953 a riot started in camp center Poliarnyj, near the river Sobj. Prisoners liquidated Udot, the chief of the camp (Journal Karta, No. 4, 1994., G. Archipenkov).

1953, mass strike in Vorkuta. „The committees of rebellion were founded. The representatives of various nations were in them. The militia and the committee of food distribution were established too. The fight started on July 20, 1953 – rebellions began in the mines No. 7, 12, 14, and 16“ (All mines were on strike except the mine No. 6. This mine was on strike in 1954). All the prisoners stopped working except those, who worked at the mine’s water pumps and ventilation. The brick-field was also on strike. The prisoners refused to negotiate with the local administration of Vorkuta. General procurator R. Rudenko, the chief of MVD army general colonel Maslenikov, solicitor-general Barsukov and other persons had arrived.

The strike committee of the mine No. 9 sent the declaration to the Soviet government (A.Š., p. 248-249).

On August 1 the same commission arrived to the mine No. 29. General Maslenikov introduced himself as a member of Central Committee (CK). The prisoner teacher from Belarus and others had talked. They demanded freedom. General Maslenikov said, that the sentences nevertheless should be served, but promissed:

„To take off the numbers from the clothes;

To let grow hair;

To institute a system of credits for good work;

Not to limit receivable and writing letters;

To take off the grating from the windows of the barracks;

To issue passes to walk free outside the camp zone for those, who had served more than two thirds of their sentence“ (A.Š., p. 249).

Prisoners dispersed, but did not go to work. The soldiers, armed with submachine-guns and machine-guns, entrenched and surrounded the camp. On the following day a group of officers arrived to the zone and started to make photographs. Prisoners smashed the camera and keeping arm in arm pushed chekists out of the zone. There was an attempt to disperse prisoners with water from the fire-hoses, but they cut the hoses. Then General procurator R. Rudenko gave the order to open fire. He himself also was shooting from the pistol. The fire continued for two-three minutes, then was a pause and fire again.

A group of sectarians detached from the crowd and started to pray. Soldiers killed them from the watchtowers.

All this happened on August 1, 1953, at 11.30 a.m. According to the inexact information, 66 people were killed, 134 – wounded. According to other information, hundreds of prisoners were killed and 11 Lithuanians were among them:

Augustas Bernotėnas (born in 1912),
Afanasijus Kazanas (born in 1898),
Alfonsas Kilbauskas (born in 1923),
Mykolas Čechavičius (born in 1919),
Kazys Kairys (born in 1917),
Vaclovas Milkauskas (born in 1925),
Vitolis Martinavičius (born in 1929),
Bronius Pukys (born in 1930),
Juozas Riauba (born in 1927),
Edvardas Velička (born in 1929),
Lenconas (maybe Lenciūnas).

…Captain Afanasijus Kazanas was the representative of

Lithuanians in the rebellion committee in the mine No. 29. The main organizers of the protest actions were Edvardas Bučas and Igor Dobroshtan“ (A.Š., p. 250).

The strike started in mine No. 7, in Vorkuta. The strike committee was founded. One of its leaders was Lithuanian Jaškūnas. State prisoners, who were brought from Karaganda and Kemerov, started the strike. Thermoelectricity station No. 2, Ajach Jag mines No. 12, 14, 16 and others, also subsidiary camps started to strike.

The prisoners, who were brought from Karaganda, were closed in Ajach Jag BUR (barak usilennogo rezhima – the barracks of the reinforced regime). When they found out that the strike started, they tried to burst into the camp zone. The guard from the watchtower opened fire and killed two innocent prisoners, who were siting at the barracks. One of them was Lithuanian, Vytautas Maknevičius, the student of Kaunas University. This event filled up the cup and the rebellion inflamed with all power. Committee of the strike was founded. The official leader of this committee was Kolesnikov, but the actual – Stasys Ignatavičius, who organized a reliable net of the committees of prisoners in all barracks. Student Vladas Šiška from Zarasai and Vytautas Vaineikis from Šiauliai helped him heartily. Through the telephone switchboard of Ajach Jag the strikers were in touch with other camps. At first the chekists were at a loss and did not disconnect this communication channel. Later on, when the work in all the mines of Vorkuta was done, they disconnected it. Then the prisoners started to use mirrors for communication.

Soldiers, armed with machine-guns, demanded to stop the strike. General Derevianko appealed to the attendance and asked „not to do nonsenses”, but he was hissed off and separated, the prisoners recoiled from him. Maslenikov, the undersec-

retary of MVD, spoke. He asked to end the strike. He promised to take the numbers from the clothes, to find and punish the killers of two prisoners, to dismantle the grating from the windows and doors of the barracks, to allow free correspondence, to pay money and to propose to the government to reconsider the cases of prisoners. But if the prisoners do not obey, it can be the irreparable mistake.

A lot of prisoners jerked out their thoughts in this meeting. They spoke about their troubles, indignities and the global shame of the XXth century, which is approved by the government of the Soviet Union. The speech of Vytautas Vaineikis was particularly drastic.

When the strike committee of Ajach Jag summed up the situation, and when they saw the loaded machine-guns of chekists and drunken soldiers, they decided temporarily to stop the strike. On the following day, July 31, Ajach Jag camp went to work. In a few days the leaders of the strike were arrested. Stasys Ignatavičius, Viktor Kolesnikov, Stepan Kovaliov and Jurij Prusalov were brought to the interogation ward of the mine No. 8. In a few months a martial tribunal condemned them to death. A month later the judgement was changed to 25 years in reinforced regime camps.

In the mine Nr. 1 the secret strike committee was founded, which instigated not to go to work. If you go to the mine, then protest in an Italian mode – sit-down and don‘t give production. The coal mining declined several times and the bomb, which was found and demined in the pithead, frightened not only the chekists, but also the passives and the opponents of the strike. Nobody wanted to die in the mine, full of gas. But the strike committee was still waiting. The prisoners, who had suffered the licences of the chekists in the previous years,

were very conservative. Finally, the chekists allowed to take of the grating from the windows, the numbers from the clothes and declared other privileges. Only the second and the third shifts did not work. They obviously were afraid of the burst of the mine. When it was rumoured about the shooting in the mine No. 29, the strike committee invited to start working. According to the words of Vytautas Svilas, the following Lithuanians participated in the committee: he himself, Edvardas Laugalys, Juozas Grušys and Albinas Bliujis. The chairman of the committee was Russian Rybalko.

When in 1953 the rebellions in Norilsk and Vorkuta were drowned in blood, the prisoners suffered a shock, but only for a short time. When they recovered, they started to correct the mistakes and to prepare for the rebellions and future fights, for winnings and defeats with more dogged determination, because the monolithic soviet regime was still strong enough. The active masses of the camps refilled with radical elements. They did not think much and were eager to fight, because they had tasted a bitterness of sacrifice and a sweet shake of heart of at least of small victory and believed in rightful victory. It was necessary to line the columns, to check their quantity and quality, to divert the radicals for detection and liquidation of spies, to persuade all state prisoners, that it is possible to survive only being together.

In 1953-1954 in Vorkuta a lot of snitches were detected and liquidated“.

The power-station in the mine No. 7 and the meeting of the Communist party in the mine No. 7 were blown up (on January 14, 1954), the electricity wire in the mine No. 4 was also blown up (in 1955) and several hundred metres of the main transporter of the mine were damaged. The coal mining declined in a half.

In 1954 the mine No. 6 in Vorkuta (camp section No. 4) was on strike.

„In 1954 in the camp section No. 4 (chief comrade Zhilin) misbehaviour with a gun caused an act of disobedience. <…> In 1953 half of Rechlag did not go to work for a long time. Events of the last year now were repeated in the camp section No. 4…"

An extract from the report of the chief of political department Popov in the party conference in Vorkuta on April 24-25, 1954 (A.Š., p. 268).

Algirdas J. Kujalis is narrating about the fighting organization „Black mask" in the mine No. 7, in Vorkuta. They were punishing the snitches and implementing acts of sabotage in the mine. He says (1954-1955):

„… I joined up the secret organization „Black mask". The main purpose of this fighting group was to punish the snitches and implement acts of sabotage…

I would like to remind you, that even the prisoners of state were different. There was a group of prisoners, who were serving their sentences quietly, passively. The others tried to fight against all the odds" (The recollection of Vorkuta state prisoners, V., 1998, p. 107).

„In Spring of 1954 there was a strike of prisoners in OLP (otdelnyj lagernyj punkt – separate camp center) No. 21 in Kniazhpogost. The organizers were criminal prisoners. The keepers were expelled from the zone. The hostages were taken: vice-chief Zavjalov and the chief of medical department Okunev. <…> The brass band got on the roof of the bunkhouse and played a funeral melody of Shopen for 24 hours. <…> Five days later prisoners stopped the strike" (A.Š., p. 423).

In 1954 the movement of LLKS became more active in the camps of Vorkuta.

In 1954 the organizations „Sojuz borcov za svobodu“ (Union of the Fighters for Freedom) and „Severnyj sojuz za svobodu“ (Northern Union for Freedom) were established. The leader – Jemeljan Repin.

In 1954 the underground newspaper in Russian „Severnoje sijanije“ and some proclamations to the prisoners of Vorkuta were printed. They urged to prepare for the rebellion.

In 1954-1955 the underground newspaper „Žiburėlis tundroje“ („The Twinkle in Tundra”) was in print in Inta women camp (No. 4). Editor – Natalija Pupeikienė (A. Ruzgas, the article mentioned above.)

In 1954 the underground satirical newspaper „Po šimts kalakutų“ was in print in Inta camps. Editor – Algirdas Čeponis and Stasys Pancerna (Ibid).

In 1954-1955 the underground newspaper „Tėvynės Aidas“ („The Echo of the Motherland”) (up to 24 pages) was in print in Zhiguli camp (the project of Kuibyshev power-station). 13 numbers were printed. It was edited and published by: B. Jancevičius, A. Stasiškis, A. Ramanauskas, K. Ramanauskas, J. Vaidelis and others (newspaper Širvinta, 1990, and A. Stasiškis).

In 1954-1955 the underground newspaper „Toli nuo Tėvynės“ („Far from the Motherland”) (up to 30 pages) was in print in the camps of Magadan. The publishers: A. Ruzgys, J. Vyšniauskas, P. Paulikas, P. Karčiauskas, B. Šapka, Č. Kavaliauskas and others (A. Ruzgas, Ibid, and B. Zlatkus).

In 1954-1956 the underground occasional newspaper „Svajonė“ („A Dream”) was in print in Dzhezkazgan Rudnik camp. 8 numbers were printed. Editor – Celestinas Ajauskas. Stasys

Sloveckas conducted the publishing and shaping (A. Ruzgas, Ibid, and C. Ajauskas)

In 1954, 22 years old prisoner Smirnov, who did not uncap in front of the chief of Inta Chalejev, was sentenced to sit in the sweatbox. There he immolated himself – burnt himself alive. After that the prisoners declared a 7 days hunger-strike. The most active were Lithuanians (A.Š., p. 356).

1954, Moscow, to Lukjanov:

„Under the order of GULAG it was decided to send the foreign citizens from all the North camps to Inta. It was scheduled to send 3000 people. When they arrived, they started to lay claims. <…> All of them rejected to work in organized way…" (A.Š., p. 278).

In 1954 large rebellion occurred in Dzhezkazgan. It was the greatest rebellion in the USSR. Its price – 600 lives of prisoners. The rebellion was suppressed by tanks.

1955, a strike in the penalty camp „Izvestkovaja" in Kolyma (SvG., p. 209).

In 1955 a crystal radio set was made in the special penalty camp No. 62 in Vorkuta. The prisoners constantly could listen it for two months. The general strike committee of Vorkuta was founded. It prepared the strike in 1955 and gradually took the lead of it.

In 1955 in the same camp the underground newspaper in Russian „Severnoje sijanije" was regenerated. Editor – J. Repin. Publishers – V. Vaineikis and others.

In 1955 in the same place the underground hand-written newspaper „Varpas" („The bell") was in print. Editors – Pranas Veverskis, Edvardas Laugalys, Aloyzas Kudukis, Povilas Vaičekauskas, Adomas Lukaševičius and others.

In 1955 in the same camp the underground newspaper „Pro-

tėvių takais" („On the Trails of Ancestors") was published. Editor – Teodoras Kilikevičius. Publisher – LLKS. Also some proclamations were printed. Some of them now are in the special archive of Lithuania, in Vilnius.

In 1955 the underground anti-Soviet martial school was founded in the camp No. 62, in Vorkuta. The teachers were Russians anti-communists.

In autumn of 1955 about ten high military rank officers of GULAG were interned in the same camp. It was demanded to free illegally sequestered prisoners from the sweatbox.

„After Stalin's death an amnesty was proclaimed. But the expectations of state prisoners were unfulfilled: the criminal prisoners, murderers, thieves and other criminal elements were released primarily. The patience of prisoners ended. The strikes started (I strike – on July 21, 1953; II strike – in summer of 1955, in Vorkuta. The initiators were Lithuanians)". (B. Brazdžionis, Poezijos pilnatis, V., 1989, p. 531).

„In 1996 in the newspaper „Varpas" No. 2 (21) and No. 3 (22) Vincas Gurskis describes the re-creation of LLKS organization and the rebellions in Soviet concentration camps: „There were fighting groups in Vorkuta concentration camps. The acts of sabotage took place in the coal mines. Mechanical devices and power stations were blown up. Groups of E. Burokas, E. Laugalys, V. Svilas and E. Smetona played their role in this action. In 1954 these groups joined the LLKS. Collaboration with the organized groups of state prisoners of other nations, which were named by general title „Sojuz borcov za svobodu" (The Union of Fighters for Freedom), had started. So the prisoners were accumulating forces for the general rebellion of state prisoners".

When a wave of rebellions in Vorkuta camps ended (1953) and people recovered from the shock of shooting of prisoners,

the recreation of underground groups and their unification with LLKS started in 1954.

To meet the goal LLKS planned to use agitation, propaganda, sabotage and diversions. All these means were already in practice. The main purpose in the camps was the general rebellion of the prisoners. Demands, depending on the situation, were partial or full freedom.

With the help of freelance employees of camps and mines LLKS made contacts with all Vorkuta camps. They dispatched interim rules and the plans of action. LLKS committees were founded almost in all the camps. Their leaders were authoritative and hardened in fight people. As I recall: V. Svilas and E. Laugalys – in the mine No. 1; J. Klastauskas and A. Brunza – in the mine No. 8; Skačkauskas, Ivaškevičius and Mileris – in the mines No. 12, 14, 16 in Ajach Jag; P.Aleksiūnas in the mine No. 3; M. Kemtys, T. Kilikevičius and E. Smetona – in the mine No. 4; J. Žilinskas – in the mines No. 9 and 10; J. Skaržinskas – in the mine No. 6; Z. Paldavičius – in the medical village; S. Ignatavičius – in the special camp No. 62; V. Svetikas and A. Petraitis – in the special camp No. 40. Later on in 1955 all of them were elected as the leaders of strike committees of the mines.

The privileges of the camp regime, which were gained in 1953-1954 in the camps of Norilsk, Vorkuta and Dzhezkazgan through the blood of prisoners, now did not serve the prisoners. They desired to get freedom and to reach the triumph of their ideas – the ideas, that would cost them liberty. Both sides of the barricades understood that there is no question of peace, that the resistance of prisoners will begin.

Embarrassed chekists outraged. For the lowest suspicion they jailed prisoners in the sweatboxes or brought them to the famous special camp of extreme regime No. 62. Hereby, the di-

rection of the camps, against their own will, organized a group of fighters for freedom, the main purpose of which was mass rebellion of Vorkuta prisoners. Povilas Ulozas, the student from Kaunas, had raised a crystal. It was used to produce a crystal radio set. From „The voice of America“ in Russian we understood that in 1945 in Jalta conference the rights to administer Lithuania, Latvia, Estonia, West Belarus and West Ukraine for the time being was granted to the USSR. The preparation for the general Vorkuta strike in 1955 started on that ground.

After the coordination with the sections of LLKS in other camps, the staff was resettled to the special camp of extreme regime No. 62. A new system of communication was created. The repair brigade from the neighbouring mine No. 8 was working in the camp. The master of this brigade was Stasys Laskauskas. He was a direct signaler. He hollowed a shaft of the mattock and making high risk every day was delivering proclamations, guidelines, newspapers and money backwards and forwards. Money was from prisoners of the other camps – it was their support. The correspondence was intended for Jonas Navickas. Then the Germans, who were expatriated from the banks of Volga, delivered the correspondence according to the addresses on motorcycles.

Vorkuta strike committee, which was responsible for the preparation and prosecution of the strike, was founded: chairman – S. Ignatavičius, press – V. Vaineikis, martial subjects and discipline – J. Valaitis, security and communication – E. Burokas, strategies and tactics – I. Uogintas, communication with people who were born abroad – V. Šiška, economics and other questions – A. Plepys.

S. Ignatavičius (pseudonym „Mindaugas”) wrote a letter-appeal to the state prisoners of Vorkuta and Inta. The leitmotif of the letter was – the West betrayed us in Jalta conference in 1945.

Ten years had passed, but we did not arrange an action neither in our Motherlands nor in the camps. Therefore, we were appealing to Lithuanians, Latvians, Estonians, Byelorussians and Ukrainians. We were inviting them to declare a general strike in 1955. We could agree only with one compromise – we can work in captivity only in our Motherland. Here we can work only as free people. We called the prisoners of other nations to identify with us. When we are free, we will help them. The strike must be peaceful, we must avoid conflicts with CHK at any cost. If the risk of the punishment of prisoners, like it happened in 1953, will spring up, we must stop the strike. We were warning the chekists: in the case of bloody events, coalmines of Vorkuta will be on the blink for a century. The date of the strike will be announced later on.

The chekists nosed out what was going to happen in Vorkuta. But they did not know for sure the leaders and the date of the strike. At first their agents frightened people that the strike will not occur, that the organizers of the strike are agents - provocateurs and they are doing everything with the knowledge of chekists, that they are only trying to shed blood of prisoners and to re-create the old regime in the camps, but the Soviets are strong like never before. The prisoners will not break ice with the ultimatums.

An issue of the newspaper „Severnoje sijanije“ („The Northern Lights”) in Russian appeared again. Two numbers were published. The newspaper in Lithuanian „Protėvių takais“ („On the Trails of Ancestors”) was launched, editor – T. Kilikevičius. Proclamations and instructions of the strike were in print. Up to 20 people, who knew a copper-plate, were working at one time. They were: V. Korsakas, P. Vyturys, J. Mikelionis, E. Smetona and others.

When E. Laugalys, P. Veverskis, A. Brunza, A. Kudukis, A. Lukaševičius, P. Vaičekauskas and other our intellectuals were brought to the camp No. 62, it was decided to publish the hand-written newspaper „Varpas“. It was an exercise book size political and literary newspaper. „Varpas“ was calling prisoners to strike and to fight for freedom. Ukrainians were publishing one page newspaper, it seems to me, „Nepodleglost“ („Independence”).

State prisoners were very careful: they were checking letters, no single person had the right to accost the keeper personally. The main work in the range of security did T. Kilikevičius. He, alongside with the intellectuals, it seemed detected some trusty people, who served as real agents. Thanks to them, he succeeded to disorientate the chekists – he induced them, that the strike will start two weeks later, in August.

„X“ day of the strike – July 21. Only the Central Committee of the strike and the leading persons of the strike committees in other camps were informed about that. But the untimely strike began in the mine No. 4. After the disagreement with convoy prisoners refused to return to the living zone. The others refused to proceed from the camp. The chekists misinformed that prisoners in the mine No. 4 were killed. Agents - provocateurs yelled: „The strike is a provocation!“ Divisions from Leningrad and Kontemirov, the commander – general procurator Rudenko, reinforced the guard, which was already well-armed. The will-power of weaker prisoners faltered, the murmurs started: „What for, they will kill us like hares”… There was no time to delay. It was time to start a strike. The crucial day, July 19, 1955, was dawning. The day of general rebellion in Vorkuta. The chekists called it „The strike of people from Baltic States“.

The instructions of strike committee were: in all the camps

at 5 a.m. LLKS activists, armed with the knives, arrive to the living barracks and forewarn prisoners not to go to work. After that all the zones of the camps switch to the martial regime. During a strike day and night the prisoners keep watch.

Prisoners in the camp TEC-2 did not obey this instruction. At night the drunken soldiers nipped off a prickly wire, found the prisoners sleeping and defeated them. It was the only camp, that suffered during the strike.

The upshot was fast. The authorities understood, that they will not break the ice, or maybe they startled that prisoners can start to blow up mines, and decided to assume peaceful measures. The trials proceeded in several mines. Juvenile offenders and those, who had served two thirds of the sentence, were released. Those, who served one third of the sentence, were released out of the zone.

In the mine No. 7 the guard in the watchtowers was cancelled. State prisoners were let to live outside the zone. Authorities expected, that they will start working.

The victory in Vorkuta strike in 1955 satisfied the main mass of state prisoners. The work started in all the mines.

The losses of the strike in 1955: 47 people were brought to the closed isolation ward – Vladimir prison. The other active prisoners, about 300 people, were brought to the camps of Taishet in Bratsk region.

The rebellions in Norilsk, Vorkuta, Dzhezkazgan, etc. in 1953-1954 were spontaneous and were drowned in prisoners' blood. But each of them reached the results: eased the unbearable fate of prisoners, showed and formed a trust that they can overcome „unbeatable" USSR only in mass cooperation.

The strikes in the concentration camps of Vorkuta were already organized. This was a dress rehearsal to repeat everything

and to correct mistakes of the past – that was written in one of the chekists' documents, which was found in the archive of Komi ASSR (PAKO, f. 2174 A. 1, b. 258, l. 188-19P). As the economical system of the USSR in 1956-1957 was built on violence and forced work of twenty million of political and criminal prisoners, the general strike of prisoners economically prostrated the „Empire of Evil".

Communists forestalled the events. In 1956 they sent commissions of the Presidium of Supreme Soviet to the places of imprisonment. Approximately 90 % of prisoners were released. The sentences of others were reduced.

The members of underground organizations (LLKS, „Sojuz borcov za svobodu", „Norilsko Vyčiai") were not saddened that the mass strike did not occur in 1956-1957. Its eventualities were unknown. Prisoners were happy with their temporary victory. The enemies had to retreat. Soviet empire started to crumble not because of the death of Stalin. The main reason was the strike of state prisoners. Stalin's death did not stop victimization, slaughter and genocide. The communists with their ideology were killing their own and foreign nations during all their period of rule. In 1953-1954, already after the death of Stalin, by the order of „democrat" Chrushchov, unarmed state prisoners, men and women, were shot and crushed with tanks. In 1959 – workers of Telman factory in Voronezh, in 1960 – in Temir-Tau (Karaganda district), in 1962 – the population of Novocherkask (Rostov district).

Maybe we forgot a slaughter in Tbilisi, Baku and Vilnius, that were inspired by Gorbachiov? Many people, who are now writing recollections, were happy: Stalin was dead, the shackles were broken! The prisoners got a blessing from „good communists" and were released. Do not mislead uncertain people – we

are free thanks to the virginal blood of prisoners, their strength and duty to proceed a fight for Justice. They released us, but not the death of Stalin. Let us remember the letter of „good communist" A. Sniečkus to the CK of the SSKP on December 6, 1956:

„Persons, who had made the heavy counter-revolutionary crimes in the past and now had returned home after the amnesty or after serving their sentences, are working against the political situation in the republic. Most of them formerly were leaders of the bourgeois parties, the commanders of armed resistance forces" (Russkije vojenyje archyvy, CH, 1, M., p. 257-258).

There is one, prima facie meaningless, but very interesting, document in A. Šerėnas book „Vorkutos mirties lageriai" ("The death camps of Vorkuta"), p. 260. It was found in Syktyvkar, in the party archive of Komi ASSR.

„To comrade Osipov, the secretary of SSKP of Komi region

MESSAGE

About the work of the political department of Vorkuta PDL in the II half-year of 1955 (the period of strike – author).

…Till January 1, 1956, 14 919 people were accommodated out of the zone. Light regime – 12 264 people. Common regime – 19 210 people. Gratings in some camps were demounted (in OLP No. 27, which services the mine No. 7, in camp section No. 3, which services the mine department No. 2 (SU-2), in former camp section No. 15, which services the mines No. 3 and No. 4).

Vice-chief of political department, colonel Popov"

(A.Š., p. 260).

The zones of the camps were demounted in 1955, 14 919 people were released. But the commission of the Presidium of Supreme Soviet of USSR started to amnesty prisoners only in summer of 1956.

So, why the state prisoners of Vorkuta turned better and merited premature freedom? For their work? No – for the strike! (it's a pity that nobody wants to speak officially about the strikes in Vorkuta in 1955, except BBC and Bernardas Brazdžionis).

Adomas Lukaševičius. „Su „Varpu"… („Alongside with „Varpas"…)

„After strikes in 1953 and bloody results in 1955 prisoners again started to prepare for a new strike.

Albinas Brunza, Edvardas Laugalys and Adomas Lukaševičius, who theretofore were working and positively arranging the prisoners for the strike in „Capital" coalmine No. 1, were brought to the special punitive camp No. 62. In the camp No. 62 I got involved into the strike with all my body and soul. We started to print newspaper „Varpas". It was passing from hand to hand in the gulags of Vorkuta and was calling to fight to death against communist ideology, for nations and human rights, for right to live… P. Veverskis, E. Laugalys, A. Kudukis, A. Lukaševičius and others were collecting material for the newspaper.

Our struggle gave results. In 1956 many cases of state prisoners were reviewed. A great part of them were released from the camps and prisons" (Varpas, 2000, No. 6, p. 20).

Ignas Uogintas. „Vorkutos kaliniai sukilo" („The prisoners of Vorkuta rose in rebellion")

„In 1955 I was brought to the camp of special regime No. 62 as a strike agitator. There I found many other people, who did not fit to the regimes of other camps. When we met, we discussed international situation and economical situation in the USSR, which was alive only thanks to the work of prisoners and deportees. We decided to prepare and declare a strike of „Peo-

ple from Baltic States“ in 1955. I thought that it ought to grow into a mass strike of Vorkuta prisoners. We established Vorkuta strike committee. Stasys Ignatavičius was elected a chairman. I was his substitute and was responsible for strategy and tactics. When Stasys was brought to the closed prison Staraja Russ, the leadership of the strike fell on me. We sent a guideline to all the camps, where we asked not to repeat mistakes of 1953 and to avoid victims. On sight that the chekists can deal worst with prisoners – immediately suspend the strike. This strike had to be a general repetition. We received approbations from the other camps. Preparation was successful and the result was positive. The only bad thing was that a few dozens of prisoners were taken from Vorkuta to Vladimir prison. After the wave of strikes in 1953-1955 the communists were forced to open the gates of the camps – thousands of people returned to their families“ (Ibid).

Stasys Ulevskis. „Streiko įkvėptas“ („Inspired by the strike”):

„According to the instruction of Vorkuta strike committee and an agreement of prisoners of the mine No. 7, the strike of state prisoners took place in July, 1955.

The prisoners made demands to release them. During the strike chief of the camp Sychiov arrived together with a group of unknown officers and softly asked prisoners to start working. He promised to liberate them. The prisoners disbelieved his words. Then he gave a sign to the guards in the watchtowers and they disappeared. The prisoners were asked to go to work and to settle wherever they want, even out of the camp zone. The guards climbed down from the watchtowers. People took their personal things, bedding and went out of the camp.

Since the leader of the strike in the mine No. 7 Feliksas Kirvelaitis was earlier relocated to TEC-2, I took the lead instead of

him. I addressed Juozas Žilinskas and others and asked them, what we had to do. I got an answer: we reached a goal, now it is time to go to work and to start preparing for future fights. People located themselves anywhere they could. The chekists sergeants' school was founded instead of a former camp. The prisoners had to register in the commandant's headquarters. In June-July 1956 a commission from Moscow arrived and about 90 % of prisoners were released.

After these events I understood that only fight, at any conditions and circumstances, can bring freedom to Lithuania. Therefore, when I returned to Lithuania, I immediately integrated into LLKS. I, together with Juozas Žilinskas, participated in the anti-communist Congress of USSR in Klaipėda, and also assisted in the capture of high-ranking chekist in Vilnius. Till the start of atgimimas (revival) I was distributing newspaper „Varpas" and other anti-Soviet proclamations in Sudovia" (Ibid, p. 21).

Juozas Grušys. „Pradėjom…" („We started…")

„In 1954 Vytautas Svilas, Edvardas Laugalys, Adomas Lukaševičius and I, according to the directives from LLKS, started to prepare a strike in the mine „Capital". I was detected and closed in the infirmary ward. The chekists did not manage to prove my presence in the preparations for the strike. But they said that it would be better to isolate me from the public. In the same year I was brought to the camp No. 59. The criminal prisoners were kept in this camp. The chekists did not manage to break the determination of LLKS – the strike in the mine „Capital" and in all the other camps of Vorkuta happened as planned.

I am very happy that I myself also had contributied to the downfall of the monster of the XXth century" (Ibid, p. 23).

Vincas Korsakas. „Vieningai" („With one accord")

„It happened in July 1955 in the mine No. 7, in Vorkuta. I went to work rarely. Seven days I was sitting in the infirmary, then three-four days in the living or labour zone and again in the infirmary ward. When I was returning back from the infirmary, friends told me, that preparation for the strike is in process. But it is not so simple to prepare a strike in the camp, where there are four-five thousand prisoners of various nations, different ages and various contemplations. I started to visit barracks and speak with those prisoners, who were not in favor of the strike. Part of them were afraid to be shot, others – to lose the lighter jobs. Some of the prisoners were worrying about their packages from the menage. On their side they were right, but the mass strike – it is not the business of several individuals. In this case, we spoke about the fate of thousands of people. We felt an atmosphere of strike not only inside the camp, but also outside: the machine-guns were hoisted up on the watchtowers. Instead of one guard were standing two.

The strike began on the day according to the plan. Not a single prisoner from the first shift went to work not only in the mine, but also to the works above the ground. But the camp administration, obviously, was looking ahead. They installed several loudspeakers in the zone and repeatedly shouted: „Respectful prisoners, do not support the saboteurs and strikers. You can go to work without guards!“ The camp gates were opened, the guards were removed from the watchtowers.

That overshadowed everything the strike organizers had ever heard in the USSR. They expected harsh punishments or even repressions. But they heard only good promises from the loudspeakers. The first and the second shifts rejected to go downstairs to the mine. The third shift went to work. But there were people, who did not agree to stop the strike. They were brought

away along with me to the camp No. 62 and after that to the isolation prison in Vladimir" (Ibid).

In January 1955 disorder started in the project No. 501. Instead of disarmament of the guards and liberation of the camps, armed prisoners escaped to tundra. Prisoners, who had remained in the camp, were killed by chekists.

Ona Lešinskaitė-Švedienė

„When I was in the camp, I was caught with the illegal camp press – newspapers. I ran away and hid. The keeper found me. I returned back, but it was forbidden to me to leave the zone for half a year. Two times I went to the men' camp of rigorous regime. There I met my acquaintance Juozas Jancevičius" (one of the leaders of the strike in 1955) ("Vorkutos kalinių atsiminimai") (The recollections of Vorkuta state prisoners), V., 1998, p. 115).

Antanas Latūžys:

On July 26, 1955 (*the strike started on July 19 – E. B.*), I was called up and ordered to return a bedding. About one hundred men had gathered. We marched through the gate and sat on the ground. There were neither guards nor dogs. We were sitting still and waiting. After some time two soldiers appeared from their place with our documents and took us with them. We were amazed that nobody followed us. The guards took us to the women camp and left us alone. We were waiting for a long time, but our guards stayed away. We were afraid to rise up, because they could start fire from the automatic weapons from watchtowers. Half a day passed and natural matters started to press. At a chance we got up to our feet – silence and no shooting… We got certificates. We were able to leave or return at our own

will. We became free people (Ibid, p. 143).

In September 1955 with the help of provocations the chekists succeeded to break our solidarity with the criminal camps in Vorkuta. Vincas Korsakas writes in his recollections: „… The chekists wanted very much to deal with the prisoners of the punitive camps in the worst way, because they could not expect no good from them in the future. They did not want to do this job themselves, so they chose a widespread method. In one camp several thousand of criminals attacked two hundred of state prisoners, who were brought from the punitive camp No. 62 and were lodged in one of the barracks. The cruel, open and unequal battle had started. <…> When the state prisoners could not withstand an attack, they ran away to the no-go area and were killed from the watchtowers. <…> I remember two Lithuanians, who were killed there: Jokūbauskas from Sudovia and, it seems to me, Makaras from Lower Lithuania. <…> After this tragedy the uproar started in our camp No. 62. We found a high pole and planted on the building a black flag, that was made of 6 sheets. We got the command to remove the flag. We did not obey. We stayed on watch for three nights. The worst thing for the chekists was, that the flag was visible not only from the neighbouring village, but also from Vorkuta town. Three days later a funeral meeting had started. The prisoners made a lot of speeches, denouncing chekists and the Communist party. There was a one-minute silence in honour of casualties of all nations and we removed the flag“ (Ibid, p. 68-69).

A guard of honour were on duty for three days near the imitated coffin, which was coated with grey moss of tundra. Two hundred soldiers of the self-defense of the camp defended the camp from the chekists. V. Vaineikis and Estonian E. Russ planted one

more flag, red with black edges, on the roof of infirmary.

„On January 1956 a mass hunger-strike took place in Taishet „death track". In Ozerlag camp centre No. 307, 950 prisoners were demanding to revise their cases. On January 12, 800 prisoners from the camp centre No. 308 showed solidarity and joined to them. On that very day the prisoners from the infirmary of the camp centre No. 26 declared a hunger-strike. Many prisoners were released, but 23 prisoners, together with the author of this item, were brought to the prison in Vladimir. In September 1956 we were released" (G. Klimovich, 1990 12 12, Gomelj. – SvG, p. 176).

In summer of 1956 a rebellion of prisoners started in Vladimir enclosed prison. The windows of the prison were knocked out. The calls from the prison were audible in the town: „Freedom!", „Shame on KPSS!". The rebellion ended when the truce was proclaimed and a promise, that no one will be punished, was given. A regime of the prison was lightened.

In the prison of Vladimir General Human Rights Declaration was translated into Lithuanian. This declaration, alongside with the LLKS memorandum and statute, was accepted as a programme of LLKS (The documents mentioned are in the museum „Aušra" in Šiauliai).

On February 16, 1957, the prisoners from Inta camp No.5 started to print an underground newspaper „Laisvės Varpas" („A Bell of Freedom"). The publishers were: priest Kazimieras Vaičionis, priest Pranas Račiūnas, Stasys Ignatavičius, Kostas Lekšas, Jonas Pratusevičius, Augustinas Liaugaudas, Alfonsas Čijunskis, Povilas Zagredskas and Edvardas Burokas. Thanks to Kostas Buknys, three numbers of this newspaper were distributed in the towns of Inta and Abezj. (Varpas, No. 12(86), p. 20-21 and A. Ruzgas, Ibid).

In September 1957 in the camp „Cementnaja", Vorkuta, LLKS had established an underground school for the fight with the Soviets. The lessons delivered were: political economy (the weak sides of the Soviets and the West countries), conjuncture, the basics of intelligence and counter -intelligence, martial arts, the history of revolutions, liberation of nations and the history of narodovolcy (Russia). The teachers were reasonable state prisoners with certificates: diplomat Feleks Krutikov, the Frunze military academy teacher Jemiljan Repin, historian German Stepaniuk and others. The school was working till the spring of 1958, when the camp was liquidated and all the prisoners were brought to the camps of Taishet.

In 1959 in the camp of Vichorevka, Taishet track, the Party of Lithuanian Independence and Progress (LNPP, in the aim of conspiracy instead of LLKS), was established. A General Human Rights Declaration was fixed in its programme. An underground newspaper „Nepriklausoma Lietuva" („Independent Lithuania") was printed. The publishers were: Petras Paltarokas, Zigmas Laugalaitis, Vytautas Naudžiūnas and others.

In 1960 in Chiuna camp the typewriter was stolen from the administration lodgment in the manufacturing zone of the woodwork factory. Two bunkers were equipped: one was dug out by Zigmas Laugalaitis, another was equipped in the boiler-house by Viktoras Petkus. Some proclamations to the Soviet soldiers were printed. A General Human Rights Declaration was printed too (about 100 copies). The editors were: atom physicist Rivolt Pimenov and Karl Frusin. Prisoners started to prepare for the mass escape. They made three Nagan type pistols (the designers and producers – Gediminas Kraponas and Zigmas Laugalaitis). Ibrahim (Abraham) Shifrin made the original chekist's documents.

In 1960 former chief of the staff of general Vlasov army Kudreshov, the hireling of chekists', was liquidated in Chiuna camp. He was trying to split the solidarity of state prisoners and to legalize the combatant militia supporters' organization. The camp administration expected, that this organization will implement their orders.

In 1960 it was decided and the preparations were made to burn down the Chiuna woodwork factory, one of the biggest in Siberia. The operation was suspended because of the inauspicious circumstances. Juozas Tribušauskas, Stasys Čėpla, Albinas Kaulius, Stasys Žukauskas, Zigmas Laugalaitis and two Ukrainians from Uzgorod were ordered to perform this operation. The factory was burned when Taishet camps were liquidated and the prisoners were brought to Mordovia.

In 1961 in the camp No. 14, in Mordovia (closed prison), it was decided to joint LLKS (LNPP) and The Union of Fighters for the Liberty of Lithuania. Petras Paulaitis was elected a chairman of LLKS (LNPP) – instead of general Motiejus Pečiulionis, who died in 1960.

In 1961-1962 an underground LNPP newspaper „Laisva Lietuva" („Free Lithuania") was in print in Sosnovka camp (Mordovia). The editor was Pranas Skėveris. The publishers were Vytautas Vaineikis, Vytautas Naudžiūnas and others. Some copies of LNPP programme were printed. P. Skėveris, Z. Laugaitis and E. Burokas put two copies and the newspaper into two glass bottles and flooded them with wax. One bottle they buried at a depth of half a metre in the production zone in the main building of the workshop of radio sheathes, near right corner of the foundation of the biggest machine. Another bottle was buried at the same depth near the right gatepost of the same building.

In 1961 a watch group was established in Sosnovka camp. Its aim was to trace the chekists' agency. The initiator of this group was Juozas Tribušauskas.

In summer of 1975 the women state prisoners were on hunger-strike for five days in Baryshev camp, Mordovia. The reason – chekists made savage act against the Ukrainian poet and dissident Vasilij Stus (N. Sadūnaitė, Skubėkite daryti gera, V., 1998, p. 124).

In summer of 1977 prisoners refused to go to work in Mordovia camps. They demanded to recognize the status of political prisoners in Soviet concentration camps. N. Sadūnaitė refused to work for three months (Ibid, p. 128-133).

J. Semaškaitė writes in her book „Vaičėno būrio žūtis“ about an underground newspaper „Vytis", which was printed in the camps. Its editor was Stasys Gerlikas.

In September 1983 Jadvyga Bieliauskienė and her friends women state prisoners were on hunger-strike for 8 days. The reason – breaches of human rights in the camps.

How can we denominate the events in the camps in 1953-1955? Strikes, disorder, rebellions or revolts? Chekists seek to de-emphasize these events, they look at them as the manifestations of hooliganism. The refusing to work – is mess and anarchy. But the investigators and judges sent the members of the Rebellion committee to the closed prisons without any court – they used a term „anti-Soviet counter-revolutionary rebellion“. Revolted prisoners in camp centers were instituting committees, installing self-government and international services. In the meetings they were debating their demands and were sending them to Moscow or to the other commissions. Prisoners refused to go to work or even organized mass hunger-strikes. As far as possible, they tried to accommodate to the working Soviet

law. A new society of the 6th decade had settled. It was apparently different from the 4th decade society not only in social, but also in ideological standing. Camps refilled with young people, who fought for independence of Ukraine, Lithuania, Latvia and Estonia. There were many people, who had military knowledge and knew Western culture. Also, there were many followers of Vlasov and members of other anti-Soviet groups, who fought on the side of Germany. Some dissidents from big cities appeared in the camps. They were not afraid to stand in favour of justice.

Through blood, torment and hunger the state prisoners, who understood their invidious situation, defeated the subsidiary of the administration („pridurok"), criminal elements and raised a new society, which used the ideas of humanism. This society made premises for existence in the conditions, which were determined by the Soviet law. It was possible to survive only when one is for all, and all – for one. It was the necessity for prisoners to look after their fates collectively and not to trust the repressors. Prisoners were the main founders of the economy, so, under the necessity, they were able to use economic production lever. There were no analogues of this society in the world's history. There were spiritual free towns or republics of prisoners with all departments – of self-defense, nourishment and culture. These towns had their own unwritten legal jurisdiction and communication with other camps and free people. They were like states in the state.

The rebellions were prepared beforehand. But till 1955 the reasons for rebellions were casual: particularly aggressive actions of chekists, the jeer or violent deaths. In such cases there were no totality of ideas and unambiguous opinion of the multitude. Besides, every time there were many uncertain, scared

and spiritually frustrated people, or even many active and secret opponents. But the biggest harm was made by the people, who were conscripted by the chekists. When they could not find out the organizers of the rebellion, they tried to show their ideas as provocative. So they tried to deter the active masses of prisoners.

The rebels had to trim using the totalitarian Soviet law, to intervene in their economy and to avoid direct conflict with the powerful monolithic Soviet system – they had to act within the limits of the Soviet law.

The importance of the political (with the economic shade) rebellions after Stalin's death is yet poorly explored and reasoned. These rebellions were not only first in this period - they also were much more massive than the previous ones. They continued for three years (1953, 1954, 1955). We can say firmly, that about 200 000 prisoners were on strike in this period. People were protesting against the genocide of nations and private persons. These rebellions, protest strikes and disobedience proved to the Soviets, that it is possible to fight against the totalitarianism without guns, using the legal method of collective protests. But this fight demanded the support of people, who had to deny fear, which kept chained them for forty years and who managed to fan the flames of rebellion in Lithuania and Poland. The agitators and activists were necessary. The victims were necessary too – to evoke the „drowsy“ spiritual forces of the human beings. We ought to pay our greatest respect to the leaders and members of these rebellions. They had no mercy on themselves, on their future, on their lives, they resigned from the individual wellbeing and implanted spiritual strength, courage and other human values to the young people. They were similar to the first Christians in the old times of Rome. The rebels, strikers, protesters and other people of strong will were working in the

camps for freedom. They were not afraid of bullets, torments and death penalties. They consolidated the prisoners' states in the state and launched hard blows to the system of slaves' empire. Additionally, when these giants of spirit returned from the camps, they started to implant the ideas of freedom among people of restless soul, who were seeking and desiring to be free. Former prisoners passed them the experience, which they gained in the camps, and finally won the battle – the empire of evil crumbled.

REVOLTS IN STEPLAG

The archipelago of GULAG is a system of real soviet socialism, that consists of plenty camps of forced labour. Here, instead of the word „camp", we should use a term „concentration camp“. Such terms-abbreviations, as soviet prisoners-zeks, KGB, MVD, MGB, GULAG, that are common for the soviet society in fact are untranslatable. The system of GULAG was essentially refered to the same regulations that were obtained in the life outside the barbed wires of the camps. During the years of occupation the signs of jail regime were visible in nearly all spheres of social and political life. The obligatory parts of this regime were the permanent derogation of human dignity and sneering. The political prisoners sustained them constantly – both in the camps and on the outside.

After the death of dictator Stalin soviet society and the hugest part of it – the „nation of zeks", was expecting and waiting for the positive changes of regime. The treatment of camp's administration, penal servitude, starving and permanent infra dig dealing with political prisoners raised a huge discontent among them, instigated revolts and rebellions. But GULAG was not only a system of „folk enemies“ decimation, that was called „rehabilitation“. Its economic function was none the less important. The main supporter of the economy of GULAG was unpaid work of slaves.

The mechanism of repressions was acting without foul-ups

The overall majority of soviet political prisoners were people of Russia with democratic standpoint and also enlightened persons and patriots from occupied countries of Europe and Asia:

teachers, students, farmers, the defenders of freedom of subdued nations – partizans and dissidents.

The repressive structures of Stalin regime persisted during all the Soviet period. Under the instructions of Kremlin, all mavericks, all faithless and doubtful people had their own labels – normally they were „kulaks", bourgeois nationalists, fascists, exploiters, pests, saboteurs, et cetera. All people with such labels, together with their families (including babies and antecedens) were inscribed into the category of „enemies of people". All actions of mass genocide, for example, deportations, were planned in Moscow. They always succeeded to exceed their plans. It was the main way to support and reinforce the economical potential of GULAG.

Stalin tightened the regime of GULAG

In 1948, under the order of Stalin, the system of GULAG was reformed. The criminals, who were, according to A.Solzhenytcyn, „socially allied" to communists authority, were separated from absolutely trustless political prisoners, who were penalized under the famous article of penal code number 58. They were moved to the reinforced camps of hard regime for the penal servitude. Generally they worked in the mines of metal ore or collieries, rarelly in the construction sites. By the way, exception was made for those political prisoners, who were convicted of „simple propaganda" (article 58-10). They were left in the general camps together with criminals. Meanwhile all political prisoners – citizens of subdued countries – fighters for freedom, partisans, those who were sentenced by the occupation court for the crime, that while fighting for freedom of their motherlands they „renegaded soviet „rodina", (article 58-1a), all they were sent to

the special camps of tightened regime. On February 28, 1948, so-called „Steppes Camp“ was established (Steplag, a special camp No.4). It was instituted on the base of Spasozavods camp of MVD for the prisoners of war.

Camp administration failed to make a bad blood between the prisoners

After the death of dictator, political prisoners hoped for the commutable regime. Unfortunately, the whole thing turned the different way. Guard shot one young girl Lyda, wounded Chinese. The events in the ore-dressing factory, when 16 people were wounded, heated the atmosphere in the camp. Chekist captain Bieliajev with his sadistic likes was shocking people. The 3’rd station of Kengyr camp refused to go to work for 3 days. They were waiting for the commission from Moscow. They drived a hard bargain. Some prisoners were moved to the enclosed prisons. But the disturbance did not stop. Then the administration of GULAG decided to use an old, certified method. The position of Soviet government and GULAG’s administration was that political prisoners are „folk enemies“ and there is no need to muddle along with them. Thieves and other criminals were „socially allied“ and faithful contingent. About 650 thieves and other criminals were immediately brought to the 3’rd station of the revolted camp. NKVD expected that real thieves will follow the unwritten law of thieves and will raise a slaughter. When it happens, NKVD will be constrained to intervene and commit acts of violence to re-create the order. The administration of the camp made no secret of the fact that a new, „healthy contingent“ has arrived. It was a warning to all political prisoners.

But rebels kept their wits about that. They negotiated with

the leaders of thieves and told them that in the camp there are four time more political prisoners than newcomers. All the bars are torn from the barraks‘ windows and it is a very good material for knives, daggers, bayonets and even swords. The thieves were wise enough to understand that they should show different attitude towards political prisoners and decided not to conflict with them.

The first victims of Chekists' terror

On May 17-18 about 400 political prisoners demounted the fences of camp stations and whooshed to the economical yard and female zone. In the morning the soldiers moved into the female zone. The rebels met them – men and women. Soldiers started to pour water from water-cannons and shoot from rifles. 18 political prisoners were killed, 70 – injured. The administration of the camp demanded men to leave the female zone. They threatened prisoners and also gave their word not to punish those, who'll surrender. But the rebels were not frightened. 3200 political prisoners refused to go to work. They controlled all the zone and released 252 prisoners from the inquisitorial isolator.

K.Kuznecov, in the name of political prisoners, demanded to call a governmental commission from Moscow. He also prompted prisoners to stop antisoviet and nationalist agitation and to eliminate the extremist catchwords. The number of possible victims did not frighten the rebels. They hoped that their voice would be heard.

On May 19 the rebels instituted a commission of 6 members to negotiate with the administration of the camp and the representatives of the government.

The members of political prisoners negotiating commission

Colonel **Kapiton Kuznecov** (1913-1991?). In 1942 he was in the German captivity and on 1948 he was sentenced to 25 years in the camp. When the revolt started, he received a report from Moscow about his rehabilitation. It is unclear, whether it was a coincidence, or it was the manoeuvre of KGB in order to finagle the leader of the revolt from the camp zone? There were allways two strong Ukrainians nearby K.Kuznecov – bodyguards with knives. Some information sources give different backgrounds about him. In this case we appeal to the version of A.Solzhenycyn.

Aleksej Makejev (1913-1976), teacher of geograpgy, the member of APK, was sentenced for the antisoviet agitation in 1941, 1942 and 1947.

Vladimir Batoian, the member of APK, invalid, in June 1954 was stricken from the commission under the demand of Ukrainians.

Marija Shimanskaja (1940-?), economy specialist, in 1936 was sentenced to 5 years of the camp for the support of Trockij movement, in 1950 was sentenced to 10 years for antisoviet agitation. She was the leader of the purchase group.

Liubov Bershadskaja (1916-?). In 1960 in Moscow she was concerned about the Jewish emigration. In June 1954 she was stricken from the commission under the demand of Ukrainians and Lithuanians. In 1970 she emigrated from the USSR.

In June new members were added to the commission

Engels Sluchenkov, camp pseudonym „Gleb“ (1924-1956). The member of APK, prisoner of war, officer of Russians freedom army, was sentenced in 1945, 1948, 1952. He was the leader of the rebels‘ security service. During the negotiation he took his stand on consistent and hard-line position.

Jurij Knopmus (1915-?). German, was sentenced in 1945, 1951. He joined up the Gorlag's revolt in 1948. He was the leader of rebels‘ propaganda service, supervised radio set, agitators, proclamation spreaders and 4 men of God. They flied ballons with the appeal to the CK of the communist party of the USSR. Some sources state, that J.Knopmus was Russian, others – that he was Lithuanian Knopkus. The history of Kengyr revolt is still waiting for its researchers.

Gersha Keller, pseudonym „Jew“ (1924-?). Jew, Ukrainian partisan, who struggled agains Nazi and Soviets. Was sentenced in 1944, 1948, 1950. He was one of the leaders of Secret Revolt Center (SRC), the commander of the military section. There were stricking forces, that were formed mostly from Ukrainians, Lithuanians and Chechens, guard service and self-defence groups, instituted according to the residential sectors. These people bothered about the building of barricades, about the production of cold steels – knives, daggers, bayonets.

Artavazd Avakian (1917-?). Armenian, the lecturer of pedagogical institute in Jerevan. In 1949 he was sentenced to 25 years of the camp for the support of Trockij movement. He was the leader of the sanitation group.

Anna Michailevich (1925). Ukrainian, the member of Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), sentenced to 20 years of servitude.

Lidia Suprun (1904-1954). She was wounded to death on the 26th of June, during the assault. Ukrainian, teacher, the member of OUN. In 1945 was sentenced to 15 years.

Emeljan Sunichuk (?), a man of God. Under the demand of Ukrainians he changed V.Batoian. Supposedly he was a member Ukrainians Rebels Army. He also was a member of SSC.

Juozas Kondrotas, Lithuanian, lawyer. He investigated the

crimes of camp's administration, was involved in the negotiation with the camp's administration and took part in all the K.Kuznecov's discussions with political prisoners.

The leaders of revolt were not simple-minded

The leader of the revolt was soviet officer colonel Kapiton Kuznecov. He provided revolt with proper but under the circumstances of soviet regime absolutely impossible form of political protest. According to the standard mindset of soviet leaders and agitators, such revolt can be organized only by destitute and hungry people, who are exploited by the capitalists. And the leaders of the masses should be only the communists, who know the shortest beeline to the bright future of mankind – to the communism.

The most surprising thing for GULAG administration and soviet generals in Kremlin was the ability of „folk enemies" to represent in a very clear form their political, cultural, economical and social requirements. Actually the leaders of revolt were not simple-minded and did not reckon that all their requirements will be satisfied. But they made the first step and now they were waiting for the reprisals of camp administration. They saw a very narrow break of democratic manifestations in soviet empire. „The nation of zeks" was consolidated under the stupid compulsion, sneering, inhuman treatment and terror. The rebels expected for the softer camp regime, they wanted to bestow attention to the breaches of human rights on the both sides of camp‘s fences.

Surprising activity of the commission

Supposedly, the main organizers of the revolt were not included into this commission. Political prisoners‘ centers, that

were formed according to the prisoners nationalities, acted very positively. The commission worked openly. They organized their meetings in the chancery of female camp station. The military section was located in the bathhouse of camp station No.2.

The first days of their movement were especially active. They ought to dispute, to lay a scheme and to start operating. The brigades were left untouched, but now they were named squads. Prisoners set up pickets in all dangerous places. Pickets were changing according to the schedule. By the way, these pickets were mixed. Psychologists claim, that in the face of women men start to show more responsibility. Rebels also simply hoped that soldiers and chekists would not beat, kick, shoot or crush women by tanks. Unfortunately, the reality was different.

The rebels shaped their flag: red cross against a white background with black edges. That mean: „Disaster. Women and children are in danger."

The members of technical section were very inventive. When the chekists disrupted supply of electricity, they constructed a hydroturbine that was spined by the water from the tap. They also used a motor and made a generator of it. So they received electric power, that was enough for communication system, radio and illumination of the headquarters. For the illumination of baraks they used splinters.

The feeding of political prisoners also did not disarray. Alimentary rates were left the same, as befor the revolt. Generals were very disappointed with the criminals – they did not organize any sortie. The conceptions of truth were different. But political prisoners and chekists agreed upon one aspect – they did not use such words as revolt, rebellion, revolution. The most popular word in the camp was „sabantuj" – bright and breezy rally. And such „sabantuj" continued on.

Negotiation is going on but with no results

On May 20 Kengyr met some guests – vice-chief of GULAG Bochkov, the representative of the procurator of the USSR Samsonov and the Kazakh Secretery for Home Affairs.

They were negotiating about the terms on which the prisoners can stop their insubordination to the administration of the camp and resume working. The commission of political prisoners raised their own claims: to prohibit the entrance of officers into the camp zone, to investigate the slaughter of political prisoners and punish the causers, to cancel the numbering of political prisoners. Al the prisoners were numbered. They had to cut four holes on their jackets and sew a white band with the number on it. It was a common scorn and mockery of „folk enemies“ and a good tool to deter prisoners from breakouts. Even if fugitive tears his number out, he still has his mark. Such numbers were sewed on the chest, on the back, on the left sleeve, on the right trouser-leg above knee and on the front of the hat.

The negotiation was going on.

Tanks and aviation suppress the revolt

Generals understood that the thieves will not raise the carnage that will deny a permission to start quasi legitimate suppression of the revolt. So, a task-force from Kuibyshev arrived to Kengyr. Their snipers shot the political prisoners scouts who were on watch on the roofs of barracks. A lot of tractors appeared in the camp's territory. On June 25 in the morning the prisoners greeted the sound of cannons and saw a lot of planes above the camp, flying in grass-cutting flight. All this was made in order to raise panic among political prisoners. The soldiers made some breaks in the fence and tanks rolled into the territory of the camp. Tanks were shooting blank cartridges and crushing

men and women with their tracks. The soldiers went behind the tanks. They used true bullets. More then 700 victims were buried in the steppe, part of them – on the edge of the zone.

On the 8th of August 1955, the Supreme Court of the Kazakh SSR sentenced to death two main leaders of the revolt – K.Kuznecov and E.Sluchenkov. Later on, the capital punishment for K.Kuznecov was changed to 25 years of the camp. On the 12th of March 1960 he was exculpated. E.Sluchenkov was fusilladed in 1956, 12th of September.

The riot in the camp of Zheskazgan

The rebellion in Kengyr stirred up the „zeks“ of Zheskazgan camp. Stimulated by the feeling of solidarity, they started to organize the teams to maintain the inside order. Prisoners refused to go to work for a week. Every morning there were highly-charged meetings to support prisoners of Kengyr. But their strike did not grow into revolt. There were no cold steels. Tanks, when they finished their bloody job in Kengyr, rolled up near Zheskazgan and made some circuits around the camp. It was a warning – you should know, what to anticipate for. Local leaders of political prisoners, who knew the demise of Kengyr tragedy, weighted up a varied situation and made decision to start working next day.

Edmundas Simanaitis
Jonava, 2010 January 1
Translated by Vaidas Dvilinskas
Corrected by Rimantas Matulis

WE ARE FROM TAISHET

This Siberia town is only one hundred years old. It is not a notability of Siberia. But many of our countrymen know it very good: many our parent and grandparent were in prison here and their bones are rotting in this rude land. Many of us wrote letters to Taishet, to our exiled and jailed kinsfolk or neighbours.

Taishet and Bratsk are linked with 300 kilometres length railroad. Till the 8th decade of last century this railroad was not marked on the maps. Ozerlag camps are sited near it. I acquainted with them in 1958, when the occupation authorities arrested me for second time. I was in prison for more than two years; after that this „route of death" was liquidated and the prisoners were brought to the same „route" in Mordovija.

State prisoners who left in the camps of Taishet were affected with apathy – they were not amnestied by the amnesty of Chruschiov and when the Supreme Soviet of USSR reviewed their cases, they continued to stay in prison. But the most active anticommunist „elements" who were brought from Vorkuta, Kolyma, Karaganda and other places took the lead into their hands and refreshed the spirit of resistance.

At first they started to punish the renegades and the toadies of the camp administration in the camps of Andzioba, Vichorevka and Chiuna. The acts of sabotage in the workplaces and in the industrial zones started on. Prisoners started to instigate each other to work bad in order to make their work inefficient and not to give any benefit for the system of violence.

Short-lived „heating" of the policy of Kremlin enlivened up free people, who were looking for the truth and who thought not in the same way as the communist party told. Later on they were

named as dissidents. They won over their fear and started to remonstrate against the communist ideology. Regime detected a danger and started repressions. They started to send dissidents to the camps and tried to crush them down. These young people plumped into real mincer and required for help – they ought to be protected from the wrong ways and mistakes, from other menaces from the side of camp administration or the prisoners offscourings.

We can only feel honoured that we succeeded. When dissidents got over after inquisitions, courts and arrests, they entered into the underground activity in the camps, started to spread the ideas of freedom and the knowledge, that they got in the higher education establishments.

The most active prisoners old-timers were determined to fight on till the victory, independent of the conditions. When they got a dose of youthful power from the dissidents, they decided that it is not enough to sabotage the work, to maintain strength of mind and to wait for the disengagement. They made a resolution to prepare escapes from the camps, to spread the ideas of anticommunism among free people or, in the case of success, even to restore the partisans movements in the occupied Baltic States and Ukraine.

Always there were many escapes from the camps, but at that time their number increased several times. Nearly all of them, with small exceptions, were unsuccessful. The forces of prisoners and chekists were not equal. But strong confidence and youthful power did wonders. They were shot and caught, but again and again like moles they were digging underground tunnels and trying to escape. They did not concerned about the time that was left to „sit" in the camp. It was such an attitude: „what is the diff, if I will leave through the gate a year away, or to-

day – through the burrow”. They were running to their subdued Motherlands to continue a fight for human rights.

The prisoners Lithuanians Petrusevičiai, Skaržinskai, Laugalaičiai, Čėplos and Rutkauskai became living legends. I am using these surnames as appellatives, because there were many people and it is impossible to remember or to enumerate all names. The objectives of those prisoners, who escaped, and those, who remained in the camps and observed the actions of the fugitives, bewailed when they were shot dead, caught or put to the sweatboxes or closed prisons, were the same.

Till 1960, when the camps of Taishet were liquidated, the life in these camps was going its own way. One part of prisoners was working and implementing insupportable rates. They themselves were starving, but when they received any copeck, they sent it to their needy kinsfolk. Others all their time committed to the resistance against administration, to the preparation of escapes and to the support of fellows in misery. Juozas Tribšauskas was preparing an act of sabotage - he planed to set „DOK” of Chiuna (supreme in process of construction wood manufacturing enterprise in Siberia) alight… Gediminas Krapanas was producing „Nagan” type handguns for the fugitives… Jew Abraham Šifrin was tampering documents of chekists officers; his countryman, scientist Karl Frusin, who is now living in Australia, managed to carry out a typewriter from the administration building of „DOK”. Later on it was used to print proclamations for soldiers… Viktoras Petkus together with others was digging bunkers, where this typewriter and fugitives were hidden. He tried to uplift prisoners, instituted small bookstores and even attempted to punish collaborators of administration… Pranas Skeiveris, Zigmas Laugalaitis and others were editing newspaper and creating a fight programme of LLKS, translat-

ing „Human rights declaration" to Lithuanian … Ukrainians German Stepaniuk, Evgenij Prišliak, Michailo Saroka, Ivan Kulik and Josif Chiminec established a military underground… Russian Volf Mitreikin was versifying, atom scientist Rivolt Pimenov provided prisoners with the underground literature from outside… Cardinal Slipij, Polish bishops and our clergy called to trust in God in the truthful fight… Feliks Krasavin, who is now famous in Lithuania (he spoke in Anticommunist congress several years ago in Vilnius), kept watching for morality… The sentence time of Antanas Terleckas and Antanas Stasiškis was terminating at that time. They were in a hurry to return to Lithuania and again integrate to the great fight for freedom… And others… and others…

They always trust in freedom of their nations, in independence of their countries and in democracy.

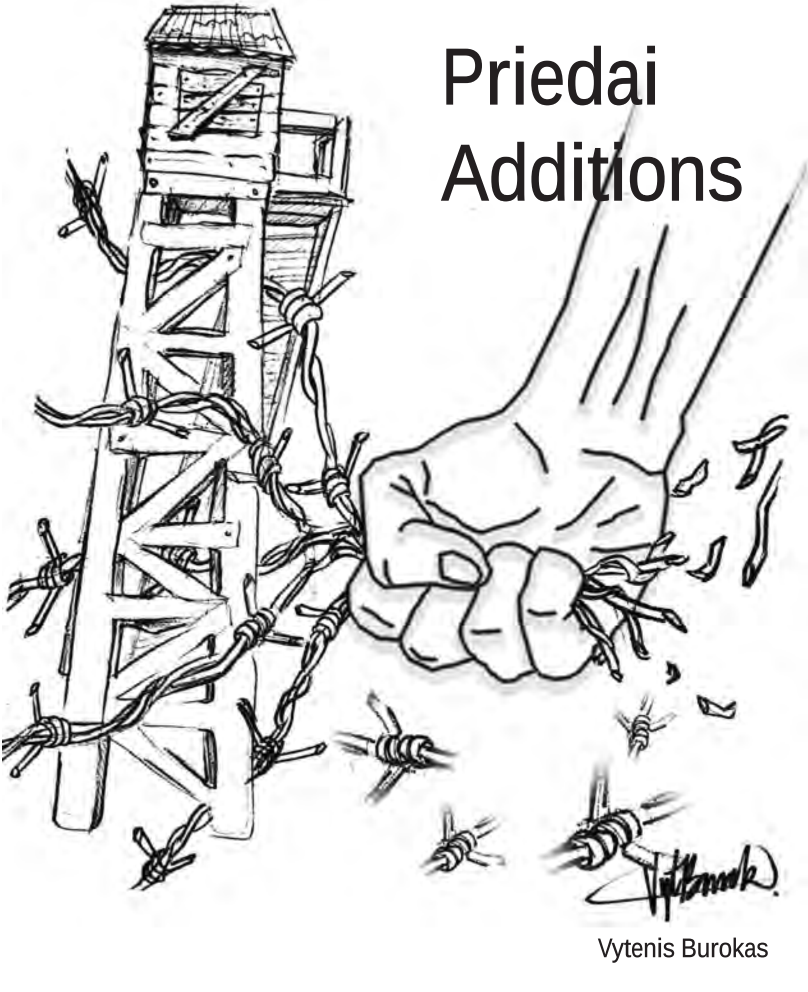
Lets take a look at girls, women and men, that are shown in this album by former state prisoner, diligent Natalija Gudonytė… How many of them subsisted?.. They were rock-steady, they stumbled and upraised again, they were bedeviled more sorely than crucifixion… Some of them endured physical and mental suffering, others did not suffered atrocity of the chekists – bunting of nails, „shirting" and other, more cruel methods of torment.

They are Siberians from Taishet, unshaken slaves, fighters for freedom…

Would these, who are looking only to the future, understand them?..

Edvardas Burokas

Priedai
Additions

Vytenis Burokas

THE UNION OF FIGHTERS FOR THE FREEDOM OF LITHUANIA

THE MANIFEST

Lets look at the history, lets return to our past for a while and we will see, who guided, guides and will guide us to the fight, that our parents began. History is an unfailing source of strength. The flushes of freedom elixir are rushing from this source and leading us to the fight for tomorrow. We partake in this fight from generation to generation. This process is improving and fluctuating progressively, according to the stages of mankind development. If we start to analyse this fight, that lasts for thousand or even more years, we will see, that it is a fight for our everyday life entity. If we look a little bit forward, we'll discover the traces of territorial fighting. One more step forward and we will see the load, that was pressing chests of those people, who lost their lives for holy ideal of nation and folk – freedom.

Fight,... fight for freedom is not over. Like an early stage of mankind's development. We have not reached civilization yet, even many people say: „from ferity, through barbarity, to the civilization!"

Yes, there are some countries, like Sweden, Switzerland, that achieved huge gains in this field. They already trespassed the threshold between barbarity and civilization. But if we are talking about East Europe, particularly USSR, civilization has not reached this part yet. This country is still wading in barbarity and is not approaching civilization but conversely, it is going back to ferity.

Why? Because of the storm of October revolution, that due

to its blindness destroyed the old, but did not build anything new. Man here is ineligible. They were so sorbid and started to ruin old, sloppied with ancestry blood and down the ages guarded traditions of nations. They divested the only one goodness anchor of people in the XXth century – faith.

What results they were expecting from such actions?

The main: by eliminating all feelings of virtue, all relics of love in the sense of people, they'll be able to spread their demagogy inside the country and without any discreditation from outside. Demagogy, that in the shade of the name of „The Union of Soviet Socialist Rebublics", can veil the reborned regime of ancient Roman Empire, can veil reborned classes: patricians, free slaves and slaves; and political actions of government inside the country. It means, that it should veil the suppression of nationalists' movement, prisons policy and the exploitation of forced labour. All these actions should prolong the existence of Red Empire.

Do people, who fell into the stream of red imperialists demagogy and genocide, have any salvation and what it is?

Yes... In front of us we can see an intervention, that is covered with pacifism and colonial policy. In such situation we need to establish a common motto of fight for freedom. In this case we will be able to destroy or at least localize the hegemony of Red Imperialism.

When we start to sift the fight against bolsheviks, that lasts over 38 years, when we analyse the fight against the yoke of red imperialists (in Lithuania, Latvia, Estonia, West Ukraine, West Belarus), that continues about 15 years, we can see, that those are places, where this fight was guided wrongly. There were no results, only victims.

It means, that it is time to organize a coalition of all fighters,

who are fighting for freedom of their nations. Single persons, groups and organizations unite to one front for the collective fight. Their ideal is Freedom and Democracy. Their attitudes, objectives and aims are pointed in The Manifest of The Union of Fighters for Lithuania's Freedom. This is a Coalition of Fighters for Liberation of Lithuania under the name „The Union of Fighters for Lithuania's Freedom". It confirms the methodology of fight, that was created in 1954, additionally originates the internal statute of UFLF and denounces the first statute, that was established in 1953. Accepts the common programme of The Union of Fighters for Lithuania's Freedom (the methods are confidencial for outsiders). Though the main purpose of UFLF is the defence of social and national interests of Lithuanian nation, other nations also have the right to join this organization and establish their own national UFLF committees...

Free Democracy and Communism in the USSR. We and They.

The history of mankind's social and national liberation proclaims a fight for freedom, that continues from oldest times till now. Ancient Rome, later on – tsarism, devouring in East Europe... Those, who are pressed and those, who press them, the oppressed and the oppressors – there was antagonism between them all the time. They were fighting constantly. Sometimes this fight was open, sometimes secret. This fight ended with the winnings of rebellions or the death of the fighters.

Don't look around. Lets look at the USSR, that 38 years ago was Russian tsarist empire. For hundreds of years a lot of nations were fighting against tsar's oppression. Revolution happened. The tsar was deposed. It seems, that mankind made a step forward? But people didn't achieve liberation. Instead of

that, this aim started to recede. After dethronement of the tsar, a lot of new „Neros“ reborned in East Europe, together with their „kingcrafts“.

So what, historical circle really turned back?

Yes! The picaroons of the XXth century, who made „a huge step forward with the great October revolution”, in fact turned historical circle back! They produced new methods of nations‘ enslavement. They took advantage of all sorts of recidivists, formed a safeguard van and called it „communist party“. This gang of various backsliders seized the power and established red imperialism. The main purpose was „the dictatorship of the proletariate, strictly speaking – despotism.

Free West world was looking for the progress of future life. People were going forward, they originated and accepted in their life the best political principles. We are not going to study a word „democracy“. It is clear for everyone. All governance belongs to citizens elective delegates, all citizens are on an equality and termless... Democracy allows all organizations, that protect folk’s interests and enables to progress things, that are in the territory of democratic regiment.

Lets make a good analyse what are the differencies between todays communism, with its „dictatorship of the proletariate“ and real democracy. Thus we’ll make a conclusion – who are We and who are They. And also, are we right when we are positively looking to the freedom – to the democracy.

Proletariate. What is it?

It is such a public class, that does not have its own implements of production and survives due to its manual labour.

Stalin highlighted: “ The proletariat in the USSR turned into purely new class. It destroyed a capitalist economy system and now drives soviet society to the communism...”

Was Stalin right?

Yes! He said the right thing in the last sentence, that proletariat in the USSR turned into purely new class. But he veild his next thought. He veild it under the mantle of demagogy. He covered truth with untruth and expected, that millions of slaves will not notice and understand that. But this business did not pay out. An indefatigable movement of nations for their freedom is the best evidence of this understanding. Conclusion: „The proletariat in the USSR turned into purely new class. It is proletariate from proletariate. To be more specific, pauper turned into a beggar. A gang of picaroons, who call themselves communists, shaded with nice scenery and established a forcible system of exploitation of forced labour and prison policy. They instituted large penal servitude camps, where people are sweating without any recompense. Red imperialists, who are prevailing in the USSR, turned former proletariate into slaves!"

"Virginija"

Dictatorship. What Is It?

Dictatorship is an absolute, unrestricted governance of single person or small group of people. It leans on the violence.

How can we describe the dictatorship of red imperialists, the dictarorship of proletariate, that exists in the USSR?

The dictarorship of proletariate, that exists in the USSR, is a tyranny of a picaroons' gang. A government, that exists in the USSR is exploiting their people and a lot of subjugated people.

Now lets look to the promises of the communism in the abstract.

Productive capacity and industrial relations will grow to the very high level of development and maturity. 2) There will be only one, common proprietary form of implements of produc-

tion and output. 3) Main differences between the town and the country will be finally eliminated. 4) Social consciousness of masses and cultural level will reach a very high empyrean. 5) A labour will not be only a mean of subsistence; the main principle of the communism: „take everything from everyone according to one's means, give everything to everyone according one's needs".

Yes, it sounds good, but lets look, what communism with its „dictatorship of proletariate" gave to the mankind practically?

It is no need to argue about this question. Everyone, who spent some time in the atmosphere of the „soviet heaven" and who can see the difference between good and evil, knows the answer:

"Practically communism turned into the "red imperialism"! This imperialism raised the last degree of antagonism in the mankind, that was produced by the despotism of the dictatorship. Main components of it are: inquisition, intervention, genocide, economical degradation of the country and monotonous demagogy. In practice, communism with its „proletariate dictatorship" brought slavery of the Red Empire, that was poured over with tears and blood!"

"Paulius"

Someone could start challenging and disclaiming the answer of „Paulius". In this case, he should look deeper. What the gangs' picaroons wanted to prove: „No classes, no class differences."

Today they are yelling: „There are only workers and peasants in the USSR, and soviet intelligentsia among them, that is called a streak..."

Sneaks! They dare to lie dead in front of the face. There are

no other classes? How can we entitle those millions of prisoners in the USSR? Railed in with barbwire, surrounded with steel bayonets, without any civic rights, half-naked and half-starved, in the abhorrent living conditions, they are forced to do the hardest manual labour. This bloody labour gives a giant revenue for the state. And nobody can deny this, because the best evidences are: fast development of heavy industry, thousands kilometres of railroads, new cities and huge construction sites, that raised on the bones of sufferers and are wet from innocent blood.

How can we name these people? Slaves! They are slaves prisoners!

Lets look at the main part of the USSR population – at the peasentry and the working-class. How can we name them? The peasants, who live in the country and who were whiped into the collectives under coercion, are paid for their bloody workday so slight, that they cannot meet their minimal requirements. They are half-starving. They have no right to change their location.

Lets look at those, who are spending all the day in the hot smoke of plants and other insupportable conditions, and doing the hardest work with their blistered hands in order to survive. When they are back home, they see their starving babies, because the working man cannot feed them with his salary.

Lets turn our attention to the army, that is formed from the above-mentioned peasants and workers. They submit to the legislation of the picaroons‘ gang and are constrained to kill their fathers, mothers, sisters and brothers in the case they scarcely declare even the bare desire for freedom.

How can we name above-mentioned peasants, workers and soldiers? Do they vary from the plebeians of the ancient Roman Empire? There are no differences between them!

It means, that we already found two classes. Slaves-prisoners

and plebeians. Now lets look at those millions, who were isolated from the others, guarded with machine-guns, who were whiped into the nauled-up vans and exiled from their motherland to the taiga of Siberia or tundra of the remote North. They have no right to return to their native land. They are forced to work for the very low salary. Their kids have no chances to study their native language. Who are they? They constitute a class of free slaves.

But we have not finished yet. There is one more group of people in front of us – intelligentsia. They call them streak. Their daily living needs are also unsatisfied. They are persecuted. If intellectual is not a member of communist party, he is not allowed to get a good job. He is forced to yield this place to the spoony members of the party, because all authority is in their hands. So, how can we name this group of people? Maybe plebeians? Yes! Yes, because communists have all the authority of the USSR in their hands – courts, national security and army. They use their brutal legislation and suppress whatever vent of free mind! Their main aim is to keep the forcible system of exploitation of forced labour, that enables them to meet all their fancies for the account of the multitude.

How can we name them? The patricians of the ancient Rome? Yes! It is the ruling class of the USSR, that appeals to the words of Stalin:

"The critical and most valuable capital is our people – working stuff. When we are exploitating them, we gain commercial, permanent, alternating and other capitals..."

So, now we know, what are the differences between the USSR communism with its proletariat dictatorship and free democracy. Now we can draw a conclusion: who are we and who are they. And also, are we right, when we are looking positively to the free democracy and point-blank negative to the regime of

the USSR. We defined, that there are classes of slaves-prisoners, free slaves and plebeians in the USSR. They constitute all of us – oppressed people. We also found the patricians. It is the ruling class in the USSR. They are oppressors! It means, that UFLF is right looking positively to the free democracy. Herewith we are whiping the policy of the USSR. Its supporters are our enemies!

How does the Government of the USSR React to its Republics and their National Interests?

In the chapter „We and They“ we cleared up, that we are the oppressed, and they are the oppressors. Now lets make a skin-deep look, how does the government of the USSR react to its republics and their national interests.

There are 16 main republics. 16 main nations. Did all of them adopt this bloody flag of dictatorship on a voluntary basis? Did the whole millions of people climbed into this poke of picaroons voluntarily?

Ah, no... Azerbaijan, Armenia, Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kirkhizia and Russia in front of them, all are the victims of the waves of October revolution. Most of them were incorporated thanks to single picaroons. Picaroons, who took the advantage of the occupation of red imperialists and dared to say „yes“ in the name of the whole nation, although the nation was against the accession to the USSR.

What is it? Several persons made something, that millions disapproved? Yes, they succeeded to make this in the occupied country. We will not analyse the accession of all 15 republics to the Russia. We'll take only Lithuania as an example. It will not take us a lot of time, but everything wil be clear enough. The question about the freedom of Lithuanian nation equally clashes with the questions and answers of other nations.

Lithuania

We all know very well, what the word „Lithuania“ means. Everyone knows its historical past, from ancient Lithuanian dukes till today. Lithuanian nation suffered a great deal of pain during centuries. A lot of times Lithuanians were constrained to cross their swords with the swords of crusaders, Tartars, Poles and Russians. They were defending their language, script and mores. Defending Lithuania‘s freedom and dignity of nation. Even now we can see the old walls of the castle of Trakai. Look! The tower of Gediminas castle is still standing on the hill! It is the symbol of our nation. Just look into the blue distance and you will see a lot of hillforts, that our ancestry poured in. And if you keep your ears open, you'll hear them crying: „There is no such power, that can extinguish the love to the motherland Lithuania!"

When Lithuania was under czarist oppression, it suffered the process of russification. They tried to kill the culture of our nation and assimilate our language. The famous Muravjov used gallows and set a task to rip out Lithuanian patriotism. But Lithuanian nation did not refuse its desire for freedom. Encouraged by the subjugated people and general interests of populace, after a very long czarist oppression, they finally planted a flag of Lithuanian nation. That happened on February 16, 1918. The whole world hailed Lithuania as independent country, that has a right to exist.

In 1918-1920 the history of Lithuania was refilled with new episodes. A lot of enemies tried to strike our regenerative motherland. Every Lithuanian had an unflinching tone of the nation. This fight was very hard, but Lithuanians withstood assailants and started to generate a new, wonderful life!

Lets compare USSR and independent Lithuania. After the

long years of slavery, after World War I and fights for independence, Lithuania was a big pile of debris. Though our country have no its own metal, coal, salt, oil and other minerals, in a very short period of time till 1940, we managed to raise economical and cultural standards of our country very high. The main basis of such an uprise was rural economy. Ruined towns regenerated. New bridges, highroads, highways and public buildings were built... People of Lithuania sensed a freedom.

Of course, there were some mistakes, but these limitations were so low, that there is no need to analyse them. The strides during this 20 years period were much more important and we can proudly raise our heads against the USSR. We can swagger about the progress of Lithuanian nation. In 1933 in the USSR, with its huge territory and riches of the land, more than 12 millions people died of hunger. Lithuania in this year had a very large excess of agricultural produce.

Some time passed. Lithuanian nation declared its neutrality. Irrespactive of that, „the peaceable USSR“ attacked and smashed Poland, and in 1939, under the veil of pacifism, established military bases all over the Baltic States. On June 15, 1940, their military commands invaded into peacefull and neutral Lithuania. Several sneaks, nation's renegades with J.Paleckis ahead, seized an opportunity and went to Moscow. On July 21, 1940, they said „yes“ to the entrance of our country into the USSR in the name of the whole Lithuania. On this gruond red imperialists istituted their regime in Lithuania and in other Baltic States – „the proletariate dictatorship“. They called Lithuania confederate republic and since that day the red monster started to despoil little occupied Lithuania. An innocent blood of babies and tears of their mothers started to flow. People were whispering in scare: „Russians! Chekists!“ And asking a question: „What

for?“ The answer was clear: „For the love to our motherland! For the respect to the language and script of our nation! For the refusal to tread the cemetery of our ancestry.

That was the only reason! That was the only reason why 500 of our brothers were shot in the concentration camp at Lukiškės. For that only reason a group of 76 (3 of them were soldiers of Red Army) people were killed in the grove of Rainiai. Pricked eyes, sawn-off sexual organs, truncated ears, a skin, peeled from hands and legs, carved guts, stripes, snapped out from the back,... all that testifies torments that were brought by „proletariat dictatorship“. Also that was the only reason, why 300 officers of Lithuanian Army were shot in remote North, on the hill „Shmit“. And besides these mass slaughters were hundreds of individual terrorist acts.

Now we have a clear answer to the question of this chapter. But it is only one step „forward”, that communism made during one year period. Plus, it was made in perfunctory manner. On the 22 of June 1941 a glow of the war flashed in the sky. Red imperialists, who were terrorizing the Baltic States in cold blood, were constrained to retreat under the pressure of modern German military technologies. Our tricolours waved in the air again. But it was only scenery, because Germans also bleeded Lithuanian nation and were looking for their own predatory objectives. In 1944, the Red Army hustled Germans out, returned back and started to show their virtual face. And again we got a wind of our dying brothers shouting: „Begone, red invaders! Viva freedom!“ The air filled with the smoke of burning homesteads. A lot of echelons started their journey to the long-distance Siberia. And again people started to ask one question: „What for?“ The answer was the same as in 1941 with little differences. Initially even the hymn of Lithuania was not forbid-

den. In 1941 a lot of people were exiled from their motherland to the distant backwoods of the USSR only for the melody of this hymn.

What, does it really mean that now they will not restrain human rights?

No. They restrained them. But this time their demagogy was more knacky. They succeeded to turn brother against brother, son against father and mother. They wanted us to start decimate each other, to contaminate with egoism and to forget the general aim of national liberation.

A new school course of history was originated. It was supplemented with the history of the USSR and other material that was designed to hide a historical past of Lithuania. They appealed to the fact of a very long lordship of tsar in Lithuania and wanted to prove that Lithuania always was a part of Russia. Kids in the schools were taught that Lithuanian nation is near of kin to the Slavonic nations. They trampled on the ancient Grand Dukes of Lithuania and the recent heroes of the resurrection of Lithuanian nation – Basanavičius and Kudirka. The destruction of ancient architectural monumets started. They instituted a forcible collectivization, forcible soldiering in the Far East and Far North.

Is it really possible? Are such things possible in the second part of the XXth century? Can a human intellect impel to the position of opportunism, when the despotic power is prevailing and when nobody respects the social and national interests?

No! It can't be true! The intellect of people in the XXth century can easily unpack the policy of the „proletariat dictatorship". They can easily unpack the objectives of bolsheviks, that are unacceptable for mankind, because today we can expand a list of the main people ideals and include a humanism in it. The populace of Lithuania understood, that the demagogy of red

imperialists is guiding them to slavery. People showed a huge resolution and started to defend their social and national rights and went all-out to the liberation movement. A fight to the death continued for long weeks, months and years. Tens of thousands of best suns and daughters of our nation perished in the battle for Lithuania's freedom. The villages of Lithuania emptied. People's welfare did not progress, it regressed. Red imperialists and their toadies traded on some mistakes of the fighters for Lithuanian freedom (they thought, that the war between East and West is inevitable) and continued a severe annihilation of nation, that was greedy for freedom!

Invaders wanted to scare people. They turned the squares of towns into the places of exposition of their executions. Every day they reposed bodies of our brothers and sisters, who were martyred and shot on the muddy paving. They started to use a policy of mass arrests and slaughters. The „art of soviet inquisition“ was exposed in all its „beauty“. People, who succeeded to suffer the „art of chekists inquisition", were judges and sent to the camps of penal servitude for 25 years. They were dying from cholera and typhus, because there was no medical service. They also were dying from the strikes of stakes, knives and axes. The chekists traded on the help of criminals, when they wanted to kill in the short period of time many people, who were conscious and willing for freedom.

If you will take a close look at what we were talking above, you will notice, that we were talking in the preterite. You can ask a question: „But what about our days?"

Yes, the process of decimation mentioned above, took place a little bit earlier. But it is still running today, only due to the society consciousness and giant endeavour, its rate now is not so fast. Let's hope that people before asking the question men-

tioned above, will look around. When they'll see the Red Empire that still exists, they'll eliminate this question. The feature of millions of subdued people today will confirm the same brutality of red imperialists. Our brothers, who are dying in the world of prisons will prove this! The only difference is that today they are doing their crimes more warily, because their perpetrations, made in 1953-1955, were too public and finally opened an iron curtain in front of the eyes of the whole world. Norilsk, Karaganda, Vorkuta, North Urals, Dzeskazgan... These are the places, where mass shootings of innocent unarmed people took place even in the presence of the ministers or their substitutes.

Now we can formulate a very clear answer to the question: „How does the government of the USSR react to its republics and their national interests?“ The facts that were mentioned above in the chapter „Lithuania", are telling us:

"The main purpose of today's communism and its key upright – the „proletariat dictatorship“ is:

to eliminate whatever interest of social and national liberation in the sense of people!

to use every person as a tool, that helps to preserve the authority of red imperialism."

"Virginija"

What We Are Reaching for?

The word „reach“ means that we are doing some actions in order to reach some purpose. But we can reach for a lot of things. Purposes are various. So, in order to find a correct answer to this question, we should focus to our main purpose.

Usually public calls this main purpose an ideal. Our ideal is freedom! Freedom under the motto: „Lets the light and the truth accompany our steps!"

Freedom! A very horrible word. But very often we can see

a prosecution of war that brings only the chains of captivity, under the „flag of freedom“.

It is no need to look very far. It is enough to look at what is covered under the flag of „soviet freedom“. A gang of picaroons with bloody hands try to hide under this flag and proceed their intervention, colonial policy and genocide! They mortify the best sons of our nation in the vaults of prisons. A lot of nations jingle with the chains that were fettered by red imperialists. And it already lasts for 39 years. Our nation suffers the slavery of bolsheviks for 16 years!

On the grounds of all that was explored in this Manifest of The Union of Fighters for Lithuania's Freedom, we can arrive at a conclusion, that our fight against the subjugators is right!

And we are reaching for:

The removal of the slavory of red imperialists.

We set a task:

To score a freedom and implement it in full democracy point.

Everyone, who has the desire of freedom should be able to understand the attitude, objectives and main purposes of UFLF. If he is not a regular member of UFLF yet, but he is under obligation to reach the common purposes, he'll certainly join the collective fight for freedom. Herewith he will voluntarily do his UFLF member's duty. He will march ahead and his friends will march after him against the red imperialists towards the liberation!

We understand, that there will be people who would shout:

“It is illusion!”

Remember, that such a word can be pronounced only by the man, who doubt about our fight. It is the cry of the opposition!

And what opposition can be for the attitude, objectives and main purposes of UFLF?

First of all it can be an active and violent enemy of our ravenous for freedom of the nation.

Second, it can be an obscurant-opportunist.

The first one hates those, who witness the truth and disturbs bolsheviks to implement their objectives.

Obscurant-opportunist. He does not understand people, who are fighting for their freedom and despises them. He despises them due to his slave's temper. He denounces the holy ideal of mankind – freedom. He accommodates to the actualities and tries to save his carcass.

Both of them are caitiffs. Now we can hear a lot of criticism in the address of the UFLF. This is the initiative of the obscurants. This is not a criticism, this is untruth! They should look further into the UFLF that organizes liberation movements not only in Lithuania, but also in all territory of the USSR. These movements are pointed against the existing gang. The main purpose of UFLF is the liberation of various nations. They are trying to unite all forces into one common front. UFLF thinks that:

It is enough to hide our real purpose at that point, when they discriminate and massacre our nation of 3 million people, when the millions all over USSR are not pleased with present regime. It is a crime, when one, who feels desire for freedom, hesitates to fight for it!

UFLF in its Manifest claimed straight in the face of the whole world all its purposes. The mask of „communism heaven" is already ripped off. Let the red imperialists shake with fear!

Shake with fear, red invaders. We, who are in chains, already started our fight to the death and we will win!

Viva Freedom!

Viva sovereign Lithuania!

Lets the light and the truth accompany our steps!

THE UNION OF FIGHTERS FOR THE FREEDOM OF LITHUANIA

THE STATUTE

I

The union

The UFFL was formed thanks to the activity of Lithuanian nation. The main purpose of the UFFL is liberation from the slavery of the USSR and creation of free and indepent Republic of Lithuania. The member of UFFL can be – every man or woman, who is at least 16 years old, who yearns for freedom of his nation, accepts the attitudes and purposes of the UFFL and adopts the obligations of the members of this organization.

The UFFL member's obligations: a) the cource of action and life should match the purpose of UFFL; b) the energy of fight should be related with the propaganda; c) execration for the enemy and dispersal of the ideas of freedom; d) abstention from other organizations, who are opposite to the purposes and activities of the UFFL; e) to follow all decisions of the UFFL; f) to pay membership fee; g) to organize his own squad; h) to keep all secrets of the UFFL; i) to lend assistance to other members against all the odds; j) to inform the leadership about relocation to the other residence; k) to keep a close watch on the behaviour of the strangers and inform leaderships about that; l) to inform the commander of the squad about all intrigues, that are hostile to the attitudes and main purposes of the UFFL.

Every member, in the aim of conspiracy, has his own pseudonym.

The UFFL is organized of separate squads, sections, platoons, regiments, districts, counties, central committee and convention.

II

The Squad

The squad is comprised of 4 persons. One of them, who has established this squad, is a commander of the squad.

The commander of the squad liaises with the commanders of other squads on regular base.

Every squad has its own number, for example, I-st, II-nd or III-rd.

Commander's duties:

organizes the meetings of his squard on regular basis and provides fighters with proper information and receives their reports.

all reports should be transfered to the superior leaderships.

sets missions to fighters and keeps a close watch on their accomplishment.

supplies his squad with all necessary literature.

administers the payments of membership fee and sends money to the chest of the squad.

III

The Section

The section is comprised of 3 squads and has its own number, I-st, II-nd or III-rd.

Every section has its commander – controller, who theretofore was a commander of the squad whereof the section was formed.

Controller heads the section by the commanders of the squads. His personality, except his pseudonym, is unknown to other members of the section.

The controller has a substitute, who is selected from the commanders of the section's squards. His personality, except

his pseudonym, also is unknown to the other members of the section.

Controller's duties:

officiates the meetings of the section's squads commanders. These meetings are called on regular basis. Their subjects: the questions of the day, present conditions and new tasks.

supplies his section with all necessary literature.

maintaines permanent contacts with the leadership of the platoon.

manages the chest of the section, etcetera.

Controller's substitute's duty:

when the controller is gone, his substitute deputizes for him and performes all his job.

This is only the beginning of The Statute. It is a lengthly document, so we decided to truncate it.

The recollections of political prisoners and documents testify a fight for freedom ir captivity

ао-2

" УТВЕРЖДАЮ "

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЛИТОВСКОЙ ССР

Подполковник

(КИСМИНАС)

"24" июля 1957 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о выделении из дела следственных материалов)

гор. Вильнюс, "24" июля 1957 года.

Я, старший следователь Следственного отдела КГБ при Совете Министров Литовской ССР капитан КАРЯБКИН, рассмотрев материалы следственного дела № 19709 по обвинению ВАЙНЕЙКИСА Витаутаса с. Каролиса и других, -

НАШЁЛ:

По показаниям обвиняемого ВАЙНЕЙКИСА В.К. и свидетеля ВАЛАЙТИСА И.А., как главари, действовавшие в Воркутинском ИТЛ, так называемого "литовского комитета союза борцов за свободу", ставившего своей целью провокацию забастовок среди заключённых, изобличаются следующие лица: ВЕВЕРСКАС Пранас, ЛАУГАЛИС Эдвардас, ВАЛАЙТИС Ионас, БУРОКАС Эдвардас, ИГНАТАВИЧУС Стасис, КИРВЕЛАЙТИС Феликсас, ЯНЦЕВИЧУС Иозас, КИЛИКЯВИЧУС Теодорас, ШИШКА Владас, СУНГАЙЛА Антанас, УОГИНТАС Игнас, УЛОЗАС Повилас, КЕМТИС Мартинас, ПИКЕТИС Вацлавас.

Как лицо знающее об антисоветской деятельности ВАЙНЕЙКИСА В.К. изобличается БАРАУСКАС Витаутас с. Марии.

Ištrauka iš 1957 m. liepos 24 d.
KGB prie LTSR Ministrų Tarybos
tardymo skyriaus nutarimo
(vertimas iš rusų kalbos)

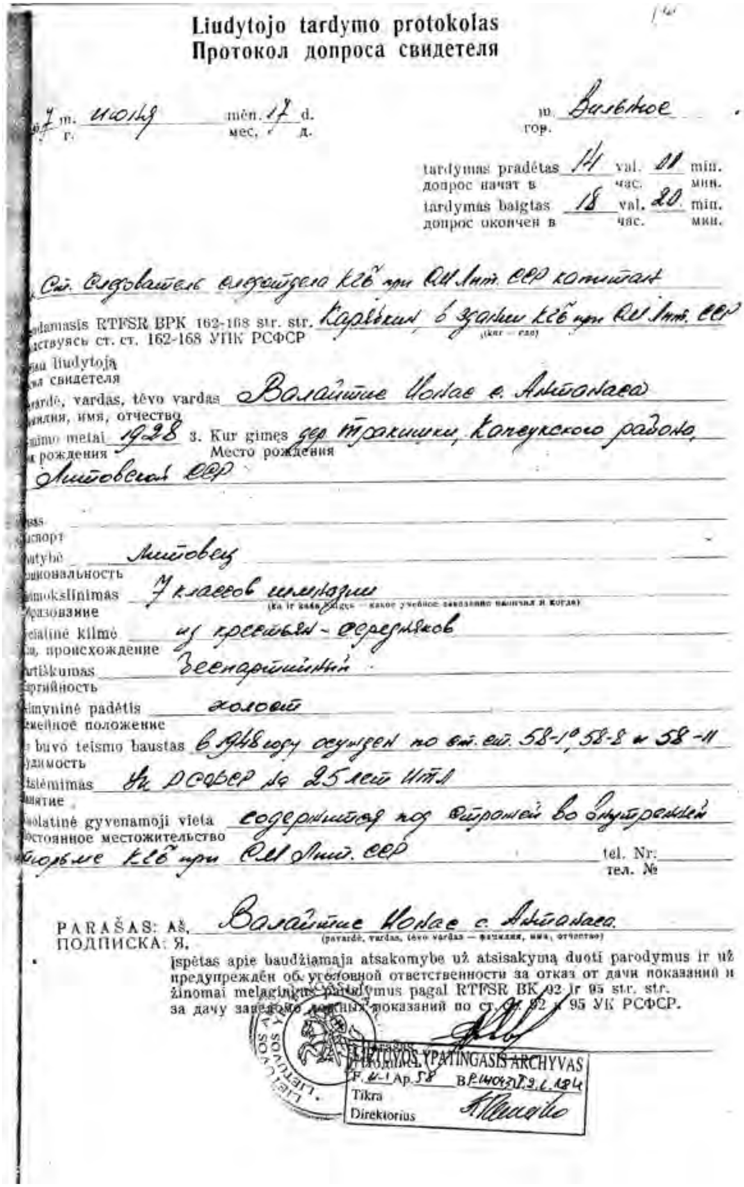
Pagal kaltinamojo Vaineikio V. K. ir liudininko Valaičio I. A. parodymus, kaip vadeivos, veikę taip vadinamame „lietuviškame kovotojų sąjungos už laisvę komitete“ Vorkutos ITL, savo tikslu laikę streikų provokavimą tarp kalinių, įkaltinami šie asmenys: VEVERSKIS Pranas, LAUGALIS Edvardas, VALAITIS Jonas, BUROKAS Edvardas, IGNATAVIČIUS Stasys, KIRVELAITIS Feliksas, JANCEVIČIUS Juozas, KILIKEVIČIUS Teodoras, ŠIŠKA Vladas, SUNGAILA Antanas, UOGINTAS Ignas, ULOZAS Povilas, KEMTYS Martynas, PIKETIS Vaclavas.

Faksimilė 430 p.

The extract from the resolution
of the inquisitorial department of KGB
of July 24, 1957, Ministerial Soviet of LSSR
(translation from russian language)

According to the evidence of criminatives Vaineikis V.K. and Valaitis I.A, as the leaders of „The Committee of The Union of Fighters for Freedom of Lithuania“ in the camp of Vorkuta, these persons are sentenced to imprisonment for instigating prisoners to strike: Veverskis Pranas, Laugalis Edvardas, Valaitis Jonas, Burokas Edvardas, Ignatavičius Stasys, Kirvelaitis Feliksas, Jancevičius Juozas, Kilikevičius Teodoras, Šiška Vladas, Sungaila Antanas, Uogintas Ignas, Ulozas Povilas, Kemtys Martynas, Piketis Vaclavas.

Faksimilė 430 p.

14

Liudytojo tardymo protokolas
Протокол допроса свидетеля

..7 m. июня mėn. 17 d. m. Вильнюс
г. мес. д. гор.

tardymas pradėtas 14 val. 01 min.
допрос начат в час. мин.
tardymas baigtas 18 val. 20 min.
допрос окончен в час. мин.

Ст. следователь следотдела КГБ при СМ Лит. ССР лейтенант

...damasis RTFSR BPK 162-168 str. str. Карпухин, в здании КГБ при СМ Лит. ССР
...ствуясь ст. ст. 162-168 УПК РСФСР (kur — где)

...na liudytoją
...ал свидетеля
...ardė, vardas, tėvo vardas Волайтис Иоанас с. Антонаса
...милия, имя, отчество
...imo metai 1928 г. Kur gimęs дер. Тракишки, Калвукского района,
...рождения Место рождения
Литовской ССР

...ss
...спорт
...tybė Литовец
...иональность
...mokslinimas 7 классов гимназии
...разование (ką ir kada baigė — какое учебное заведение окончил и когда)
...ialinė kilmė из крестьян-середняков
...а, происхождение
...rtiškumas беспартийный
...ртийность
...imyninė padėtis холост
...ейное положение
...buvo teismo baustas в 1948 году осужден по ст. ст. 58-1а, 58-8 и 58-11
...димость
...išlėmimas УК РСФСР на 25 лет ИТЛ
...нятие
...olatinė gyvenamoji vieta содержится под стражей во внутренней
...стоянное местожительство
тюрьме КГБ при СМ Лит. ССР tel. Nr.
тел. №

PARAŠAS: Aš, Волайтис Иоанас с. Антонаса
ПОДПИСКА: Я, (pavardė, vardas, tėvo vardas — фамилия, имя, отчество)
įspėtas apie baudžiamąją atsakomybę už atsisakymą duoti parodymus ir už
предупреждён об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и
žinomai melagingus parodymus pagal RTFSR BK 92 ir 95 str. str.
за дачу заведомо ложных показаний по ст. ст. 92 и 95 УК РСФСР.

LIETUVOS YPATINGASIS ARCHYVAS
F. K-1 Ap. 58 B. P-14043 T. 2 L. 184
Tikra
Direktorius

Вопрос: Можете ли вы давать показания на русском язы[ке]?
Ответ: Русским языком я владею в достаточной степени. [По-]
русски могу читать, писать и говорить, а поэтому не возра-
жаю, если мой допрос будет произведен на русском языке.
В переводчике я не нуждаюсь.

Вопрос: Знаете ли вы Вайнейкиса Витаутаса с какого времени
и в положительном случае ваши взаимоотношения с ним?
Ответ: Вайнейкиса Витаутаса я знаю с февраля 1955 года,
когда вместе с ним находился в заключении в 62 отдельном
лагерном пункте Воркутинского ИТЛ. Взаимоотношения ме-
жду нами были нормальными, личных счетов у меня с ним не[т].
Вопрос: Что вам известно об антисоветской деятельности
Вайнейкиса Витаутаса?
Ответ: По данному вопросу я могу рассказать следующее:
Находясь в 62 отдельном лагерном пункте Вайнейкис был уч[а-]
стником антисоветской организации „Лайсвес ковотою Са[юнга]“
— „Союз борцов за свободу“, существовавшей в это время в лагере
среди заключенных. Кем и когда была создана эта организац[ия]
я не знаю, но в 62 ОЛПе ею руководил Игнатавичус Стасис.
То, что Вайнейкис был членом этой организации свидете[ль-]
ствуют следующие факты. С Вайнейкисом я жил в одном ла-
герном бараке и мне неоднократно приходилось наблюдать ка[к]
он, вместе с заключенными Буркасом Эдвардасом и Шим[ку-]
вичусом печатали антисоветские листовки с призывом к
заключенным организовать забастовку в лагерях по невыходу на
работу. Тексты листовок составлял Игнатавичус Стасис,
а Вайнейкис, Буркас и Шимка их печатали. Печатание
листовок они осуществляли следующим образом. На мелко-
нарезанной бумаге, тушью они наносили текст листовки об[рат-]
ным шрифтом. Затем смачивали водой другие листы бума[ги,]
на которые и накладывали текст листовок. Напечатанные
таким образом листовки они подписывали от имени „Союз[а]
борцов за свободу“ и затем через освобождающихся заключен-
ных переправляли эти листовки в другие отделения Ворку-
тинского лагеря. В мае 1955 года, когда Игнатавичуса [illegible]

нашего лагеря на тюремный режим, однажды Вайнейкис
обратился ко мне с предложением быть членом их организации.
Когда же я спросил его, что это за организация, но он мне
сказал лишь то, что она существует во многих лагерях и была
создана, но кем не сказал, еще в 1953 году. Вайнейкис говорил
и, что он имеет программу и устав этой организации, но
поскольку я отказался сразу быть членом „IKE", он меня с этими
документами не ознакомил. Как я уже показал выше, путем
распространения антисоветских листовок Игнатавичус и Вай-
нейкис имели намерение спровоцировать забастовку заклю-
ченных и, когда Игнатавичус в мае 1955 года уехал из нашего
лагеря на тюремный режим, он попросил меня возглавить дело
распространения листовок. Я согласился, но вскоре я поссо-
рился с Вайнейкисом и Бурокасом из-за своего товарища по
[illegible] Кишкявичуса Теодораса, которого они подозревали в
связях с лагерной администрацией и отказались участвовать с
ним в антисоветских действиях. После этого нам стало
понятно, что для заключенных в девятом лагерном отделении не
[illegible] участвовать в забастовке и, Вайнейкис по собствен-
ной инициативе написал в этот лагерь штук двадцать листо-
вок, в которых угрожал расправой тем заключенным, которые
откажутся бастовать. Вскоре с Вайнейкисом и Бурокасом я
помирился и возглавил дело по распространению листовок. Как
по моему предложению, а также по предложению Вайнейкиса и
Бурокаса заключенные нашего лагерного отделения устанав-
ливали связь с другими заключенными путем направления им
писем с призывом организовать забастовку в их лагерных пунктах.
[illegible] заключенные, в том числе и Вайнейкис, эти письма отда-
вали мне, а я их направлял в другие лагеря через расконвоиро-
ванных заключенных, чтобы они не могли попасть к цензору. В июле
1955 года в наше лагерное отделение приехал заключенный Всеверис(?)
[illegible], который сразу же взял в свои руки дело организации за-
бастовки. Он предложил создать комитет по организации за-
бастовки и в этом его поддерживал Вайнейкис, однако я с
организацией комитета не соглашался и он создан не был.
[illegible] предлагал организовать группу „Вартае" и стала [illegible].

Майоршталь, где разных статей антисоветского содержания, в „Варпас" писали многие заключенные в том числе и Вайнейкис однако какие именно статьи им были написаны я теперь не помню. Вот все, что мне известно об антисоветской деятельности Вайнейкиса, совершенной им когда он содержался в лагере. Занимался ли он антисоветской деятельностью после освобождения из заключения я не знаю.

Вопрос: Что вы желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Все, что мне было известно о Вайнейкисе и других лицах названных мною выше я рассказал правдиво. Вместе с этим я хочу заявить органам следствия о том, что мне предстоит отбывать еще длительный срок заключения, быть свидетелем в судебных органах по их делам я не желаю, так как в противном случае это может впоследствии быть связанным с опасностью для моей жизни. Других дополнений я не имею.

Протокол прочитан лично все записано правильно

[illegible]

Допросил: [illegible]

The recollections of political prisoners and documents testify the fight for freedom ir captivity

Jonas Valaitis‘ investigation protocol

Vilnius
June 17, 1957

Investigation started: 2 p.m.
Investigation finished: 6.20 p.m.

Question: Can you give your testimony in Russian?

Answer: I know Russian guite enough. I can read, write and speak Russian, therefore I do not contradict my inquiry to proceed in Russian. I do not demand any traslator (signature).

Question: Do you know Vytautas Vaineikis. If you know him, what are your intercommunion?

Answer: I know Vytautas Vaineikis since February 1955, when we were in separate camp station No. 62 of Vorkuta corrective work camp. Our relationship was normal. I do not have any personal grievances against him.

Question: What do you know about antisoviet actions of Vytautas Vaineikis?

Answer: I can answer you – when I was in separate camp station No. 62, Vaineikis was a member of antisoviet organization, which existed in the camp at that time, „The Union of Fighters for Freedom“. I do not know, who and when established this organization, but its leader in the separate camp station No. 62 was Stasys Ignatavičius. I can tell you some facts, which prove that Vaineikis was the member of this organiza-

tion. I lived in the same camp bunkhouse with Vaineikis and many times I saw how he together with prisoners Edvardas Burokas and Vladas Šiška were printing antisoviet proclamations, which were prompting prisoners to strike. They used toner and draw letters on the graph paper using specular type. They titled such proclamations under the name of „The Union of Fighters for Freedom“ and distrubuted them to other stations of Vorkuta camps. In May of 1955, when Ignatavičius was sent away from our camp to the prison regime, Vaineikis suggested to me to become a member of their organization. When I asked him about this organization, he answered me, that it operates in the majority of the camps and that it was established in 1953. But he did not tell me, who established it. Vaineikis told me, that he has a programme and statute of organization, but when I refused to become a member of it, he did not show me these documents. The main aim of Ignatavičius and Vaineikis was to provoke a prisoners strike. When in May 1955 Ignatavičius left to the prison regime, he asked me to supervise the distribution of proclamations. At first I said „okay", but then I split with Vaineikis and Burokas. They both suspected my camp friend Teodoras Kilikevičius, that he was collaborating with the administration of the camp. So I refused to take part in their antisoviet actions. Then it was noised about the part of prisoners from the 9th section of the camp, who did not want to take part in the strike. Vaineikis personally wrote about 20 threatening proclamations and sent them to this camp. Soon after that I conciliated with Vaineikis and Burokas and started to supervise the distribution of proclamations. We proposed to prisoners from our camp section to get in touch with other prisoners and to agitate them to organize the strike in their camp stations. Vaineikis personally wrote letters and I distributed them to prisoners. It was Pranas

Veverskis, who was brought to our camp in July 1955 and who immediately intercepted the organization of strike into his own hands. He suggested to establish a strike organization committee. Vaineikis backed his idea, but I refused to organize such a committee and it wasn't established. Veverskis also suggested to publish a newspaper „Varpas". He was a chief editor. There were a lot of antisoviet articles in this newspaper. Their authors were various prisoners, Vaineikis among them, but now I do not remember concretely what articles he wrote. That is all what I know about antisoviet actions of Vaineikis in the camp. I do not know, if he is proceeding his antisoviet activity after he was discharged from the camp.

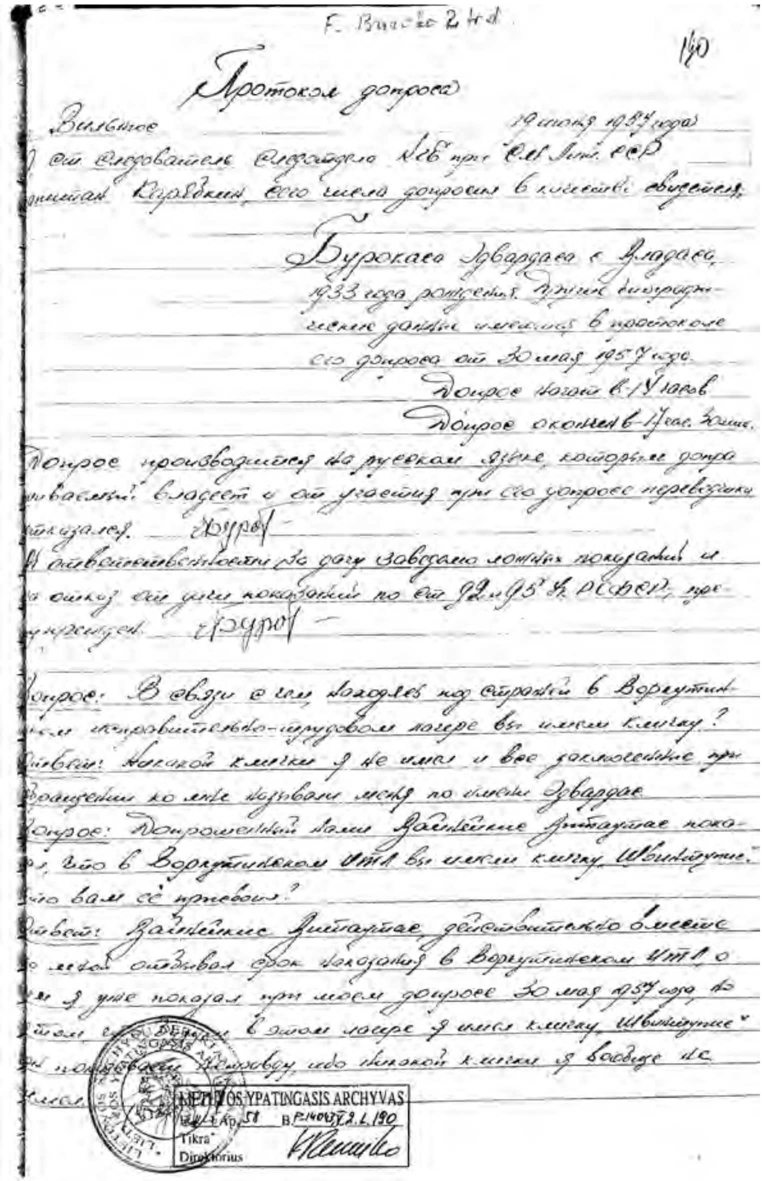
Question: Do you want to supplement your evidence?

Answer: I told everything what I know about Vaineikis and other persons mentioned above. I would like to inform court of inquiry, that I have a lot of time left in prison, so I don't want to be a witness in their cases. This is associated with the danger for my life. I have no more complements.

I read this protocol. Everything is written under my words (signature)

The superior interrogator of KGB, captain Kariabkin
(signature)

Faksimilės 432-435 p.

F. Bunc ko 2 t. d.

140

Протокол допроса

Вильнюс 19 июня 1957 года

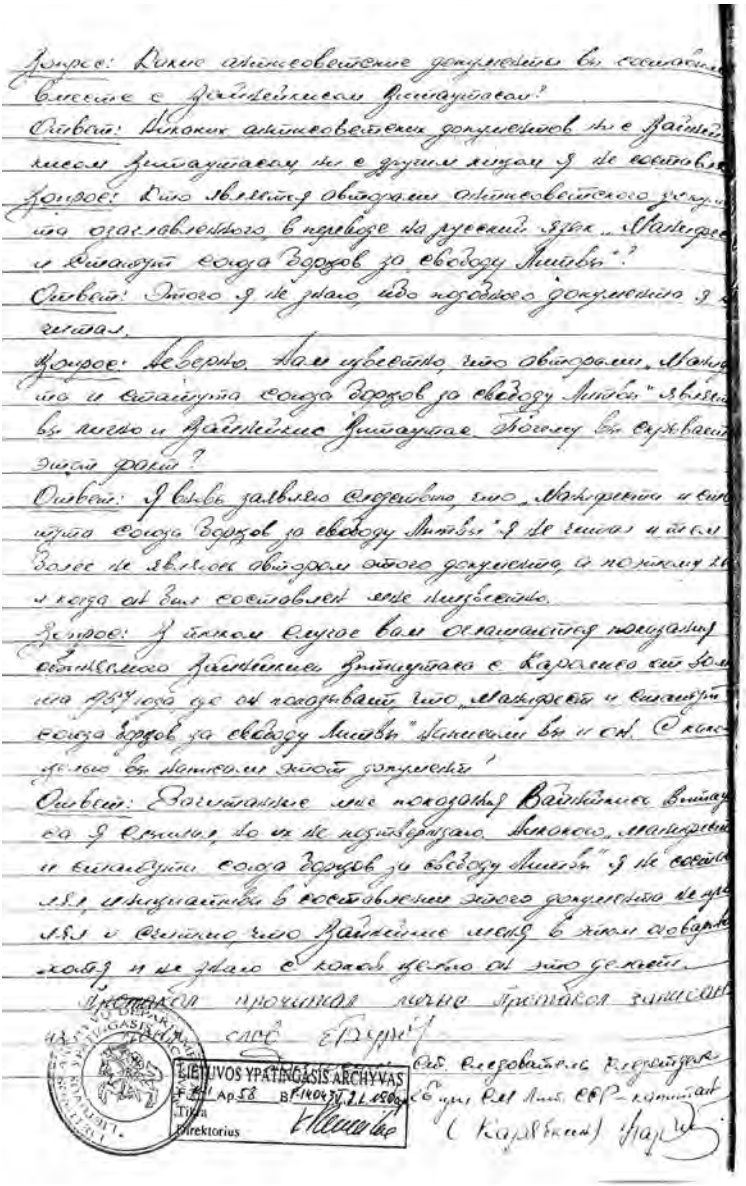
Я ст. следователь следотдела КГБ при СМ Лит. ССР
капитан Карабкин, сего числа допросил в качестве свидетеля

Бурокаса Эдвардаса с. Владаса,
1933 года рождения. Другие биографи-
ческие данные имеются в протоколе
его допроса от 30 мая 1957 года.
Допрос начат в 14 часов
Допрос окончен в 17 час. 30 мин.

Допрос производится на русском языке, которым допра-
шиваемый владеет и от участия при его допросе переводчика
отказался. Буро[...]
Я об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и
за отказ от дачи показаний по ст. 92 и 95 УК РСФСР предупрежден. Буро[...]

Вопрос: В связи с тем, находясь под стражей в Воркутин-
ском исправительно-трудовом лагере вы имели кличку?
Ответ: Никакой клички я не имел и все заключенные при
обращении ко мне называли меня по имени Эдвардас.
Вопрос: Допрошенный нами Зайкаускас Антанас пока-
зал, что в Воркутинском ИТЛ вы имели кличку „Швиндутис".
Что вам об этом известно?
Ответ: Зайкаускас Антанас действительно вместе
со мной отбывал срок наказания в Воркутинском ИТЛ, о
чем я уже показал при моем допросе 30 мая 1957 года, но
в этом лагере я имел кличку „Швиндутис"
он показывает неправду, ибо никакой клички я вообще не
имел.

LIETUVOS YPATINGASIS ARCHYVAS
F. 1 Ap. 58 B. P-14043 T. 2 L. 190
Tikra
Direktorius

Вопрос: Какие антисоветские документы вы составляли вместе с Вайтейкисом Витаутасом?
Ответ: Никаких антисоветских документов ни с Вайтейкисом Витаутасом ни с другими лицами я не составлял.
Вопрос: Кто является автором антисоветского документа озаглавленного в переводе на русский язык „Манифест и статут союза борцов за свободу Литвы"?
Ответ: Этого я не знаю, и подобного документа я не читал.
Вопрос: Неверно. Нам известно, что авторами „Манифеста и статута союза борцов за свободу Литвы" являетесь вы лично и Вайтейкис Витаутас. Почему вы скрываете этот факт?
Ответ: Я вновь заявляю следствию, что „Манифеста и статута союза борцов за свободу Литвы" я не читал и тем более не являюсь автором этого документа, и по[illegible] и когда он был составлен мне неизвестно.
Вопрос: В таком случае вам оглашаются показания обвиняемого Вайтейкиса Витаутаса с Карасевым от 30 [illegible]ня 1957 года где он показывает, что „Манифест и статут союза борцов за свободу Литвы" написали вы и он. С какой целью вы написали этот документ?
Ответ: Зачитанные мне показания Вайтейкиса Витаутаса я слышал, но их не подтверждаю. Никакого „Манифеста и статута союза борцов за свободу Литвы" я не составлял, инициатором в составлении этого документа не являлся и считаю, что Вайтейкис меня в этом оговаривает, хотя и не знаю с какой целью он это делает.
Протокол прочитан лично. Протокол записан с моих слов [signature]
Ст. следователь следотдела КГБ при СМ Лит. ССР – капитан
(Карабанов) [signature]

LIETUVOS YPATINGASIS ARCHYVAS
F. K-1 Ap. 58 B. P-14043
Tikra
Direktorius [signature]

The recollections of political prisoners and documents testifiy a fight for freedom in captivity

Edvardas Burokas investigation protocol

Vilnius
June 19, 1957

Investigation started: 2 p.m.
Investigation finished: 5.30 p.m.

Today I, the superior interrogator of KGB, captain Kariabkin, investigated a witness Edvardas Burokas, born in 1933. Other facts of his biography are mentioned in the protocol of May 30, 1957.

The interrogation goes on in Russian. The witness said, that he knows Russian and he doesn't need any traslator (signature).

Question: When you were imprisoned in the camp of Vorkuta, you got a pseudonym. What for?

Answer: I did not have any pseudonym. All prisoners called me by name Edvardas.

Question: But Vytautas Vaineikis certified, that your pseudonym in the camp of Vorkuta was „Švintupis". Who gave it to you?

Answer: It is true, that Vytautas Vaineikis was in Vorkuta ITL together with me. I confirmed that during my inquest on May 30, 1957. But it is not true, thar my pseudonym in this camp was „Švintupis". I did not have any pseudonym ever.

Question: What antisoviet documents you drawed up together with Vytautas Vaineikis?

Answer: I did not draw up any antisoviet documents, neither with Vytautas Vaineikis, nor with others.

Question: Who is the author of antisoviet document entitled as „The Manifest and Statute of Fighters for Freedom of Lithuania"?

Answer: I do not know. I haven't seen this document.

Question: It is not true. We know, that the authors of „The Manifest and Statute of Fighters for Freedom of Lithuania" are personally you and Vytautas Vaineikis. Why are you trying to veil this fact?

Answer: Once again I take up the position, that I did not read „The Manifest and Statute of Fighters for Freedom of Lithuania" and I am not the author of this document. Its author is still unknown.

Question: In this case I ought to acquaint you with the evidence of Vytautas Vaineikis, which he gave on March 30, 1957. He testifies, that you both wrote „The Manifest and Statute of Fighters for Freedom of Lithuania".

Answer: I heard the evidence of Vytautas Vaineikis and I do not confirm it. I did not write „The Manifest and Statute of Fighters for Freedom of Lithuania". Though I do not know his objectives, but I think that he is trying to slander me.

I read this protocol. Everything is written under my words (signature)

The superior interrogator of KGB, captain Kariabkin
(signature)

Faksimilės 439, 440 p.

НВ-4.

F. Slaptai

Lietuvos TSR Valstybės saugumo KOMITETAS prie Lietuvos TSR Ministrų Tarybos	Литовская ССР КОМИТЕТ государственной безопасности при Совете Министров Лит. ССР

26. сентября 1957 г.

№ 4/2-2318

Vilnius — г. Вильнюс

Совершенно секретно

экз.№ 3

36267

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

генералу армии –

товарищу СЕРОВУ А.А.

г.Москва

Копия: ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СОВЕТНИКУ ЮСТИЦИИ

товарищу РУДЕНКО Р.А.

Начальнику учетно-арх. отд. КГБ при СМ СССР

г.Москва

Подполковнику т. Пильщикову

Представляем на Ваше рассмотрение архивно-следственное дело № 26767/3 на ранее осужденного государственного преступника

БУРОКАСА Эдвардаса сына Владаса, 1933 года рождения, из крестьян-середняков, со средним образованием.

БУРОКАС осужден 26 января 1953 года Военным Трибуналом войск МВД Вильнюсской области, Литовской ССР на 25 лет ИТЛ, как руководитель антисоветской националистической организации.

Определением Военного Трибунала Прибалтийского Военного Округа от 28 января 1955 года мера наказания БУРОКАСУ снижена до 10 лет лишения свободы.

25 августа 1956 года Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по тюрьме № 2 УМВД Владимирской области по рассмотрению дел на лиц отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления меру наказания БУРОКАСУ снизила до пяти лет лишения свободы без поражения в правах. Срок отбытия наказания БУРОКАСУ кончается 4 октября 1957 года.

Учитывая, что БУРОКАС совершил тяжкое контрреволюционное преступление, и ... срока наказания в Воркутинском ИТЛ МВД,

LIETUVOS YPATINGASIS ARCHYVAS

F. K-1 Ap. 58 SB. 26767/3 L. 255

Tikra

Direktorius

\- 2.

проводил активную антисоветскую работу, считаем возвращение его на территорию Литовской ССР преждевременным и необоснованным.

Просим Вас войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР, об отмене решения Комиссии Президиума Верховного Совета Союза ССР по тюрьме № 2 Владимирской области и водворении его в места заключения для отбытия срока наказания согласно приговору и определению Военного Трибунала ПрибВО от 26 января 1955 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СМ ЛИТ ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР -

(К.ЛИУДИС)

ПРОКУРОР ЛИТОВСКОЙ ССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ 3 КЛАССА

(В.ГАЛИНАЙТИС)

Верно; Ст. оперуп. 2 отд.
4 Упр. КГБ при СМ
ЛССР капитан

The recollections of political prisoners and documents testify the fight for freedom ir captivity

Lithuanian SSR
The committee of national security,
Ministerial Soviet of Lithuanian SSR
September 27, 1957, No. 4/2-2318
Top secret
To The committee of National security,
Ministerial Soviet of USSR
Five-star general comrade Serov A.A.,
Moscow

Copy: For USSR General procurator comrade
Rudenko R.A., Moscow

We are sending to you an archival inquisitorial case No. 26737/3 of earlier convicted state prisoner Burokas Edvardas, son of Vladas, born in 1933, from medium peasants, secondary education.

Burokas was sentenced on January 26, 1953, by the Military tribunal of Home Office of Vilnius region, Lithuanian SSR, for 25 years in the camps of corrective work, as a leader of antisoviet nationalist organization.

Due to the judgement of Military tribunal of Territorial department of Baltic States (January 28, 1955), the penalty time for Burokas was reduced to 10 years of prison.

On August 25, 1956, the commission of the Presidium of the Supreme Soviet of USSR, whose task is to judge political, official and economical crimes in the prison No. 2 of Vladimir region, reduced the pealty time for Burokas to 5 years. The penalty time for Burokas will end on October 4, 1957.

In justice to hard counter-revolutionary crime of Burokas and concidering the fact, that during his sentence time in Vorkuta camp he implemented the active antisoviet actions, we assume, that his reentry to the territory of Lithuania is premature and baseless.

We ask you to appeal to the Presidium of the Supreme Soviet of USSR to cancel the judgement of the commission of the Supreme Soviet of USSR, that was carried in prison No.2 of Vladimir region and to leave the judgement of Military tribunal of Territorial department of Baltic States (January 28, 1955).

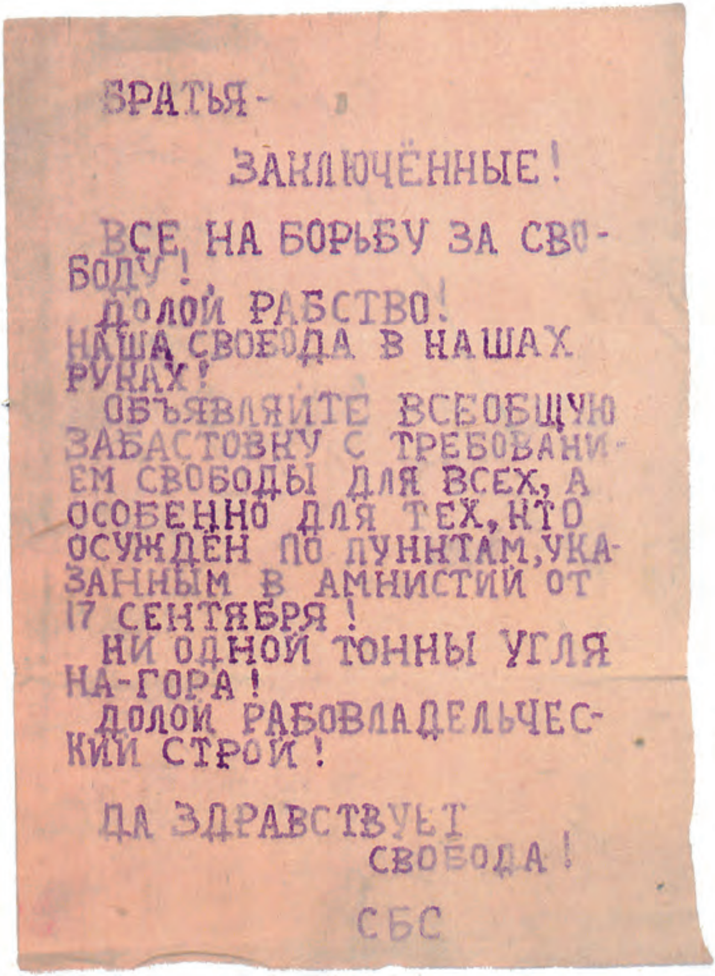
Chairman of the Committee of National security
K.Liaudis
Procurator of Lithuania SSR
V.Galinaitis

Faksimilės 443-444 p.

THE MANUSCRIPTS SPEAKS OF A FIGHT FOR FREEDOM

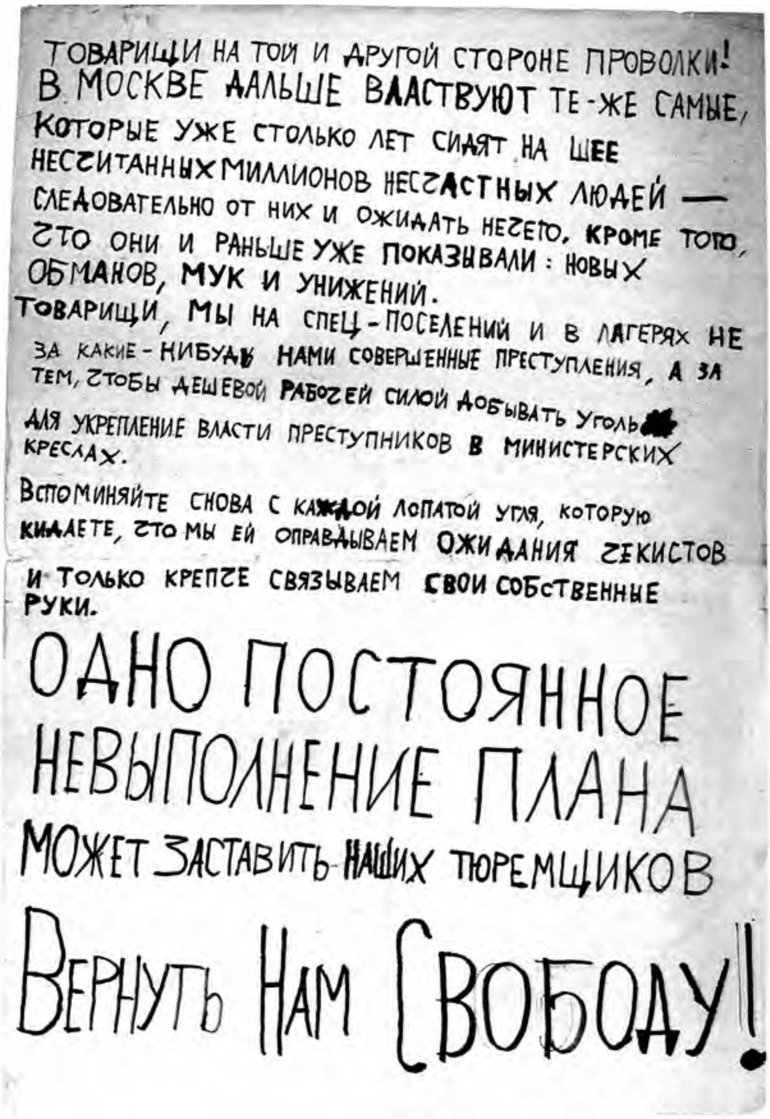
They say that manuscripts do not flame. The manuscripts of prisoners rebels of Vorkuta did not flame and convert to ash. They were increasing and spreading among state prisoners in the form of proclamations, they were ruining GULAG internally. They even reached our days. These manuscripts were not written - they were drawn in printable mirror-image letters. Manuscripts were printed using ink that was made by smart prisoners from the utility materials. They were manifolded in primitive but very ingenious manner. There are no worldly device which can measure up the wish of Freedom for Motherland and for themselves, that prisoners had expressed in every leaflet, in every letter. It is impossible to image the resolution that was proclaimed among the friends of fortune beyond the barred windows, barbed wires, in the face of machine-guns. The proclamations were written in the language of enslavers – that language was more usable than mother-tongue, because the unfortunates of various nations were fighting for Freedom; the language of enslaver backfired on enslaver himself. We can find a lot of mistakes in the style and grammar of proclamations – it means that Lithuanians were preparing them. It was simply for trackers to find the organizers of the resistance. But it was also clear for the prisoners of various nations what nation to mass around.

Below we will propose you some translations of the proclamations from Russian. A reader can hear the echo of desire for Freedom, resolution, militant soul and hope.

БРАТЬЯ-
ЗАКЛЮЧЁННЫЕ!
ВСЕ НА БОРЬБУ ЗА СВО-
БОДУ!
ДОЛОЙ РАБСТВО!
НАША СВОБОДА В НАШАХ
РУКАХ!
ОБЪЯВЛЯЙТЕ ВСЕОБЩУЮ
ЗАБАСТОВКУ С ТРЕБОВАНИ-
ЕМ СВОБОДЫ ДЛЯ ВСЕХ, А
ОСОБЕННО ДЛЯ ТЕХ, КТО
ОСУЖДЁН ПО ПУНКТАМ, УКА-
ЗАННЫМ В АМНИСТИЙ ОТ
17 СЕНТЯБРЯ!
НИ ОДНОЙ ТОННЫ УГЛЯ
НА-ГОРА!
ДОЛОЙ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕС-
КИЙ СТРОЙ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
СВОБОДА!
СБС

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

Brothers prisoners! Everybody to the fight for Freedom. Down with slavery! Our freedom is in our hands. Declare a general strike and demand for freedom, especially for those, who were sentenced under the items, mentioned in the amnesty of October 17. No one ton of coal! Down with slavery system. Up with Freedom! LKS (The Union of fighters for Freedom).

ТОВАРИЩИ НА ТОЙ И ДРУГОЙ СТОРОНЕ ПРОВОЛКИ!
В МОСКВЕ ДАЛЬШЕ ВЛАСТВУЮТ ТЕ-ЖЕ САМЫЕ,
КОТОРЫЕ УЖЕ СТОЛЬКО ЛЕТ СИДЯТ НА ШЕЕ
НЕСЧИТАННЫХ МИЛЛИОНОВ НЕСЧАСТНЫХ ЛЮДЕЙ —
СЛЕДОВАТЕЛЬНО ОТ НИХ И ОЖИДАТЬ НЕЧЕГО, КРОМЕ ТОГО,
ЧТО ОНИ И РАНЬШЕ УЖЕ ПОКАЗЫВАЛИ: НОВЫХ
ОБМАНОВ, МУК И УНИЖЕНИЙ.
ТОВАРИЩИ, МЫ НА СПЕЦ-ПОСЕЛЕНИЙ И В ЛАГЕРЯХ НЕ
ЗА КАКИЕ-НИБУДЬ НАМИ СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, А ЗА
ТЕМ, ЧТОБЫ ДЕШЕВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ ДОБЫВАТЬ УГОЛЬ
ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ ПРЕСТУПНИКОВ В МИНИСТЕРСКИХ
КРЕСЛАХ.
ВСПОМИНЯЙТЕ СНОВА С КАЖДОЙ ЛОПАТОЙ УГЛЯ, КОТОРУЮ
КИДАЕТЕ, ЧТО МЫ ЕЙ ОПРАВДЫВАЕМ ОЖИДАНИЯ ЧЕКИСТОВ
И ТОЛЬКО КРЕПЧЕ СВЯЗЫВАЕМ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ
РУКИ.
ОДНО ПОСТОЯННОЕ
НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА
МОЖЕТ ЗАСТАВИТЬ НАШИХ ТЮРЕМЩИКОВ
ВЕРНУТЬ НАМ СВОБОДУ!

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

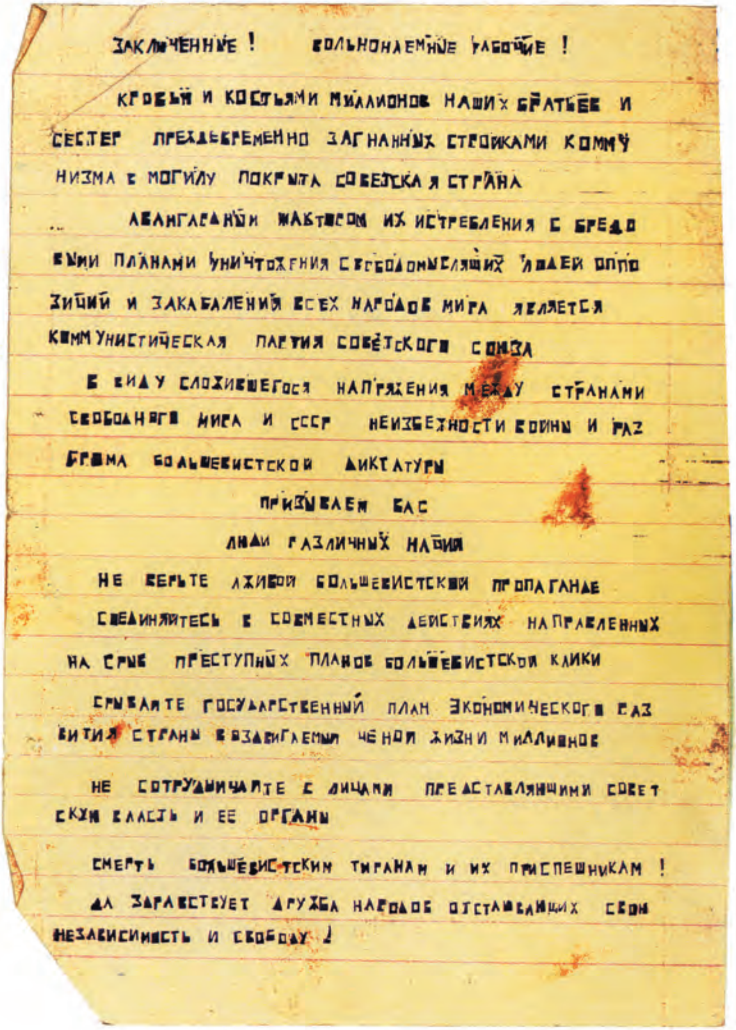
Friends – on this side and beyond the wires! The same slaveholders that were sitting on the necks of millions of wretched people for many years are still ruling in Moscow. It means, that we will not reap anything from them. They can bring only cheat, indignity and torment. Friends, we, who are in the special exile and in the camps, are suffering not for the crimes, we are only a cheap labour force to take coal and to firm an authority of criminals, who are sitting in the chairs of ministers. Remember, that with each shovel of coal we are excusing the hopes of the chekists and lacing up our hands harder. Only permanent noncompliance of the plans can induce slaveholders to return us a Freedom.

Faksimilė 449 p.

Prisoners! Freelances!

The constructions of communism killed millions of people, their blood and bones are scattered throughout the Soviet country. The organizer of decimation, the initiator of subjugation of all nations, who loves freedom, is the communist party of Soviet Union. In the face of pressure between the free world countries and USSR, in the face of inevitable war against the bolshevik dictatorship, we are appealing to You, people of different nations – do not trust in bolshevik propaganda, consolidate in order to wreck the plans of bolshevik gang, to disrupt the plan of economical development of USSR, that is in hand under the price of millions of lives. Do not collaborate with persons, who are representing Soviet government and its authorities. Death to the bolshevik repressors and their auxiliaries! Up with the friendship between all nations, who are fighting for freedom and independence!

Faksimilė 451 p.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ! ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ !

КРОВЬЮ И КОСТЬЯМИ МИЛЛИОНОВ НАШИХ БРАТЬЕВ И
СЕСТЕР ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЗАГНАННЫХ СТРОЙКАМИ КОММУ
НИЗМА В МОГИЛУ ПОКРЫТА СОВЕТСКАЯ СТРАНА

АВАНГАРДНЫМ ФАКТОРОМ ИХ ИСТРЕБЛЕНИЯ С БРЕДО
ВЫМИ ПЛАНАМИ УНИЧТОЖЕНИЯ СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ ОППО
ЗИЦИЙ И ЗАКАБАЛЕНИЯ ВСЕХ НАРОДОВ МИРА ЯВЛЯЕТСЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В ВИДУ СЛОЖИВШЕГОСЯ НАПРЯЖЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ
СВОБОДНОГО МИРА И СССР НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙНЫ И РАЗ
ГРОМА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ПРИЗЫВАЕМ ВАС

ЛЮДИ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИЙ

НЕ ВЕРЬТЕ ЛЖИВОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

СОЕДИНЯЙТЕСЬ В СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ НАПРАВЛЕННЫХ
НА СРЫВ ПРЕСТУПНЫХ ПЛАНОВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ КЛИКИ

СРЫВАЙТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАН ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗ
ВИТИЯ СТРАНЫ ВОЗДВИГАЕМЫЙ ЦЕНОЙ ЖИЗНИ МИЛЛИОНОВ

НЕ СОТРУДНИЧАЙТЕ С ЛИЦАМИ ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ СОВЕТ
СКУЮ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОРГАНЫ

СМЕРТЬ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ТИРАНАМ И ИХ ПРИСПЕШНИКАМ !

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА НАРОДОВ ОТСТАИВАЮЩИХ СВОЮ
НЕЗАВИСИМОСТЬ И СВОБОДУ !

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

Klišės pagaminimas:
Negatyvas - metalinėje plokštelėje kalteliu įkaltos raidės.
Iš jo išlieta pozityvinė plokštelė.

Товарищи!

Прошло уже больше года, с этого дня когда безвинная кров заключеных была пролита за Свободу. За етое долгое время, мы уже наслушались довольно много разных обещяни, которые в нашей жизни фактами неявляется.

Малолетки, инвалиды, лица отбывшие 2/3 части своего срока наказаний, до сегодчешнего дня продолжают находится вместе с другими безвинными людьми, которые тенут тежелый двадцатипетилетний иг наложеный Берии и его сторонникам. Мы уже знаем, его нет. Но его наследники продалжают експлуатировать жизнь рабочего класса. Разними обманами оттягивают от нас, то, что обещала правительства.

Товарищи, довольно гнутся перед ними. Все иные барикады созданые из старого ложа и обмана. Будущим, следует нам вечный позор если мы своей могуей силой непробем путь в Свободу!

Перед! Долой предателей которые послушные Бериявским наследником!

Долой выполнения плана, до тех пор пока нам нет Свободы!

Да здравствуют могучий рабочий класс в борбе за Свободу!

Да здравствуют Свобода!

Севрный Союз
- Борцов за Свободу -

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo.

Friends! More than a year passed since that day, when the innocent blood of prisoners was spilled in the struggle for Freedom. We heard many promises in the intervening period – they did not come up with the goods. The juveniles, the disabled, persons who sentenced more than two thirds of their penalty are still in the prison together with other innocents – they are enduring the yoke of Berija, that is holding on for twenty five years. We know, that he is dead, but his followers proceeds the exploitation of the working class, postpones the promises of government. Friends, it is enough to truckle against them. All their barricades a made from lie and tricks. If we'll not win our way – perpetual shame on us. Forward! Down with the traitors, who submits to the progeny of Berija. Down with performance of the plan till we will not retrieve a Freedom! Up with the powerful working class, which is fighting for freedom! Up with the Freedom! The Union of North Fighters for Freedom.

Faksimilė 452 p.

Меморандум

Прошло десять лет после окончания второй мировой войны. За это время во всех странах и в нашей родине уже не осталось следов войны: отстроены города и село, экономика страны достигает до передвоенного уровня.

Заживают все раны второй мировой войны. Осталось открытой только одна тяжелая рана — миллионны полит-заключенных. Десять лет мы все надеялись, что своим честным и безупречным трудом и безукоризненым поведением докажем свои взгляды на жизнь и свои намерения мирно жить: надеялись вернутся к своим семьям, воспитывать детей, облегчить горкую старость наших родителей.

Иногда мы эту надежду теряли, доходили до отчаяния /1953г./ но все таки опять примирялись.

Все эти годы мы знали, что народы России, Украины, Белорусии, Прибалтики и других стран не считают нас изменниками родины или военными преступниками, от нас не отказались наши родные, родственники, друзья и знакомые, хотя банда Берии и запугивала, так перед кем мы совершили преступление за которое нас приговорили к суровой каторге? Мы просто рабы, которые должны развить тяжелую индустрию, построить города и дороги. На протяжении долгих лет мы работали в шахтах и на стройках. Терпели голод и холод, тысячи наших братьев лишились жизни. Из года в год мы истощаемся морально и физически, чувствуем что жизнь мирная и радостная

2

о которой мы так много мечтали в годы нашей юности, и за которую мы кров пролевали, изкользает от нас.

Произвол и насилие местных властей продолжавших преступную политику врагов народа Берия-Абакумова, проявляются все в новых и новых фактах. Неисполняются правительственные указы и постановления.

Материально-бытовые производенные и моральные условия стают все более невыносными. Все это и привело к нашей сегодняшней общей забастовке. Выходя из вышедоведенного от имени всех полит-заключенных требуем:

1. Амнистии для всех полит-заключенных, особенно для осужденных позорным варварским сроком наказания на 25 лет.
2. Исполнение и применение в жизнь всех правительственных указов и постановлений:
   а/. указ об несовершеннолетних „преступниках"
   б/. " " инвалидах
   в/. " " освобождении всех отбывших 2/3 срока наказания.
   г/. " " росканвоировании всех отбывших 1/3 срока наказания.
   д/. Постановления об выводе за зону /максимальний/ на спец-поселение отбывших 1/3 своего срока наказания.
3. 100% оплата труда для заключенных.
4. 6-ти часовый день для работающих на подземных тяжелых работах.
5. Несмотря на отбытый срок наказание, всем полит-заключенным в свой выходней день, два раза в месяц, выдавать увольнительный лист для

3

выхода за зону.

6. Ускорить пересмотр жалоб и заявлении и дать ответ через два месяца.
7. Улучшение питания, отдыха и бытовых условий.

Надеемся, что наши справедливые требования будут учтенны и восторжествует справедливость и правда; а мы оправдаем себя своим достойным трудом.

Полит- заключенные
Комбината „Воркутуголь"

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

Laisvės kovą nelaisvėje liudija politkalinių prisiminimai ir dokumentai

MEMORANDUMAS

Praėjo dešimt metų nuo Antrojo pasaulinio karo pabaigos. Per šį laiką visose šalyse ir mūsų tėvynėje jau neliko karo pėdsakų: atstatyti miestai ir kaimai, šalies ekonomika siekia prieškarinį lygį.

Užgyja Antrojo pasaulinio karo visos žaizdos. Liko tik viena gili žaizda – milijonai politinių kalinių. Dešimtį metų mes visi tikėjome, kad savo sąžiningu ir nepriekaištingu darbu bei elgesiu parodysime savo požiūrį į gyvenimą bei pasirengimą taikiai gyventi. Tikėjomės grįžti į savo šeimas, auginti vaikus, palengvinti karčią gimdytojų senatvę.

Kartais šią viltį prarasdavome, krisdavome į neviltį, tačiau vėl susitaikydavome su likimu.

Visus šiuos metus mes žinojome, kad Rusijos, Ukrainos, Baltarusijos, Pabaltijo ir kitų šalių žmonės nelaiko mūsų tėvynės išdavikais ar kariniais nusikaltėliais, kaip Berijos banda gąsdino, mūsų neatsisakė mūsų artimieji, giminės, draugai ir pažįstami. Tai kam mes nusikaltome, už ką mus nuteisė žiauriai katorgai? Mes paprasti vergai, kurie turi plėtoti sunkiąją pramonę, statyti miestus ir kelius. Per daugelį metų mes dirbome šachtose ir statybose. Kentėjome badą ir šaltį, tūkstančiai mūsų brolių prarado gyvybes. Metai iš metų mus išsekina fiziškai ir dvasiškai, jaučiame, kad taikus ir džiaugsmingas gyvenimas, apie kurį mes tiek daug svajojome jaunystėje ir už kurį mes kraują liejome, slysta iš po mūsų.

Vietos valdžia tęsia nusikalstamą liaudies priešų Berijos-Abakumovo sauvalę ir prievartą, išryškėja vis nauji faktai. Nevykdomi vyriausybiniai nurodymai ir sprendimai.

Materialios, buitinės bei moralinės sąlygos tampa vis labiau nepakenčiamos. Visa tai ir atvedė į šiandieninį mūsų bendrą streiką. Remdamiesi tuo, ką tvirtiname, visų politinių kalinių vardu REIKALAUJAME:

1. Amnestijos visiems politiniams kaliniams, ypač nuteistiesiems barbarišku 25 metų terminu.
2. Visų vyriausybinių nurodymų ir sprendimų vykdymo ir taikymo gyvenime:

   a) nutarimas dėl nepilnamečių „nusikaltėlių“;

   b) nutarimas dėl invalidų;

   c)nutarimo dėl visų, atlikusių du trečdalius bausmės, išlaisvinimo;

   d)nutarimo dėl visų, atlikusių trečdalį bausmės, išlaisvinimo nuo konvojaus;

   e) nutarimo dėl išvedimo už zonos, atlikusiųjų trečdalį kalėjimo laiko, ir spec. apgyvendinimo.
3. Šimtaprocentinis apmokėjimas kaliniams už darbą.
4. Šešių valandų darbo diena, dirbantiems požeminius sunkius darbus.
5. Neatsižvelgus į atliktą įkalinimo laiką, visiems politiniams kaliniams, jų išeiginių dienų metu, du kartus per mėnesį išduoti leidimus išeiti už zonos ribų.
6. Pagreitinti skundų ir pareiškimų nagrinėjimą ir atsakyti į juos per du mėnesius.
7. Pagerinti mitybą, poilsį ir buitines sąlygas.

Tikimės, kad į mūsų teisėtus reikalavimus bus atsižvelgta ir teisingumas bei tiesa įsigalės, o mes atsiteisime savo deramu darbu.

„Vorkutlago“ kombinato politiniai kaliniai

Faksimilės 454-456 p.

The recollections of political prisoners and documents testify a fight for freedom ir captivity

MEMORANDUM

10 years passed after the end of World War II. All countries, including our Motherland, disposed of war traces: the cities and villages are renovated, the economy already reached the prewar level.

The wounds of World War II are recovering. Only one but very deep wound is left – the millions of political prisoners. For all 10 years we believed, that due to our fair and impeccable work and behaviour, we will show our viewpoint to life, our readiness to live in peace. We expected to return to our families, to grow our kids and to help our old parents.

There were moments, when this hope was lost, we sensed the despair, but each time we succeeded to resign to our fate.

All these years we knew, that people in Russia, Ukraine, Belarus, Baltic States did not treat us as a motherland's traitors or war criminals, like the gang of Berija wanted to show us. Our fellow-men, relatives, friends and aquaintances did not renounce from us. So, for what crime we were convicted to such a severe servitude? We are common slaves, whose job is to develop heavy industry, to build towns and roads. For a lot of years we were working in mines and construction sites. We suffered starvation and cold. Thousands of our brothers lost their lives. Year after year we are losing physical and spiritual forces. And we feel, that peaceful and joyful life, which we were hoping for since our youth, that we bleeded for, now slides away from us.

Local authorities proceed with the criminal licence and compulsion of folk enemies Berija-Abakumov. They ignore all the orders and decisions of the government.

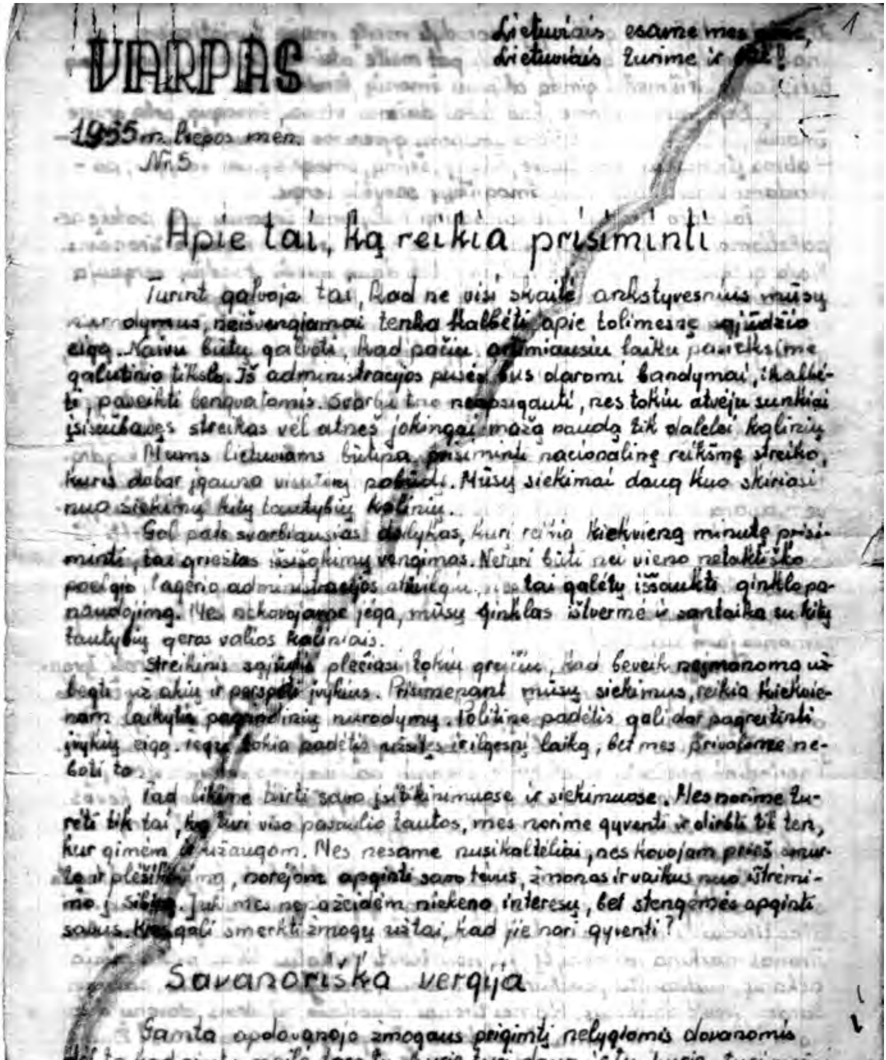
The material, daily and moral conditions of our life are insupportable. All this led us to today's common strike. In the name of all political prisoners we demand:

1. Total amnesty for all political prisoners, particularly for those, who were sentenced for 25 years.
2. To implement all the orders and decisions of the government:
   a) a decision about the "juvenile offenders";
   b) a decision about invalids;
   c) a decision about the release of all prisoners, who already spend 2/3 of their penalty;
   d) a decision about the rejection of convoy for all prisoners, who spend 1/3 of their penalty;
   e) a decision about the possibility for prisoners, who spend 1/3 of their penalty in prison, to leave the zone and live in the special places.
3. 100% payment for prisoner's job.
4. 6 hours long workday for the workers, who are working underground.
5. Independently of the time, spent in the camp, all political prisoners during their days out must receive 2 permits per month to leave the zone.
6. To quicken the investigation of complaints and statements. The answers must be given in 2 months.
7. To improve nutrition, rest and daily conditions.

We hope that you will react to our legitimate demands and justice and truth will win. We will return our thanks with our proper work.

Political prisoners of "Vorkutlag"

Faksimilės 454-456 p.

VARPAS

Lietuviais esame mes [illegible],
lietuviais turime ir [illegible]!

1

1955 m. liepos mėn.
№ 5

Apie tai, ką reikia prisiminti

Turint galvoje tai, kad ne visi skaitė ankstyvesnius mūsų nurodymus, neišvengiamai tenka kalbėti apie tolimesnę sąjūdžio eigą. Naivu būtų galvoti, kad pačiu artimiausiu laiku pasieksime galutinio tikslo. Iš administracijos pusės bus daromi bandymai įkalbėti, paveikti lengvatomis. Svarbu tai nepasiduoti, nes tokiu atveju sunkiai įsisiūbavęs streikas vėl atneš jokiai mažą naudą tik dalelei kalinių.

Mums lietuviams būtina prisiminti nacionalinę reikšmę streiko, kuris dabar įgauna visuotinį pobūdį. Mūsų siekimai daug kuo skiriasi nuo siekimų kitų tautybių kalinių.

Gal pats svarbiausias dalykas, kurį reikia kiekvieną minutę prisiminti, tai griežtas išsišokimų vengimas. Neturi būti nei vieno netaktiško poelgio lagerio administracijos atžvilgiu, nes tai galėtų iššaukti ginklo panaudojimą. Mes atkovojame jėga, mūsų ginklas ištvermė ir santaika su kitų tautybių geros valios kaliniais.

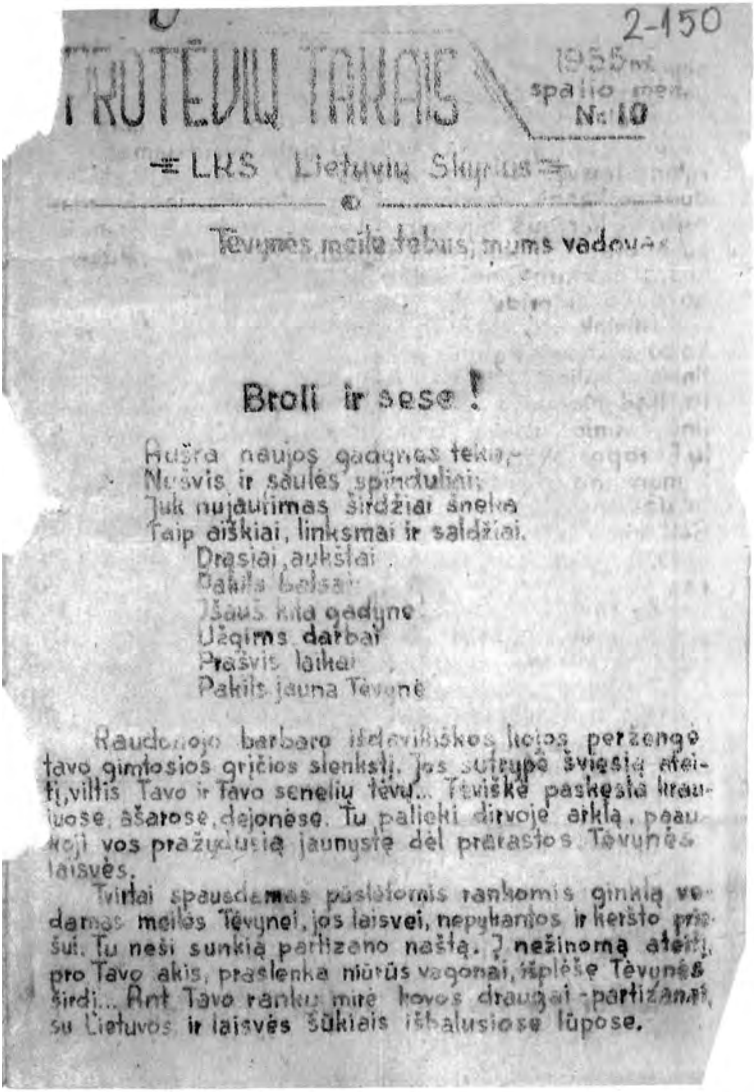
Streikinis sąjūdis plečiasi tokiu greičiu, kad beveik neįmanoma užbėgti už akių ir perspėti įvykius. Prisimenant mūsų siekimus, reikia kiekvienam laikytis pagrindinių nurodymų. Politinė padėtis gali dar pagreitinti įvykių eigą. Tegu tokia padėtis ir užsitęs ilgesnį laiką, bet mes privalome neboti to.

Tad likime kieti savo įsitikinimuose ir siekimuose. Mes norime turėti tik tai, ką turi viso pasaulio tautos, mes norime gyventi ir dirbti tik ten, kur gimėm ir užaugom. Mes nesame nusikaltėliai, nes kovojam prieš smurtą ir plėšikavimą, norėjom apginti savo tėvus, žmonas ir vaikus nuo ištrėmimo į Sibirą. Juk mes neužėidėm niekeno interesų, bet stengėmės apginti savus. Kas gali smerkti žmogų už tai, kad jie nori gyventi?

Savanoriška vergija

Gamta apdovanojo žmogaus prigimtį nelygiomis dovanomis dėl to, kad gimtų meilė tarp tų, kurie turi daug, ir tų, kurie turi mažai

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

2-150

PROTĖVIŲ TAKAIS

1955 m. spalio mėn. Nr. 10

LKS Lietuvių Skyrius

Tėvynės meilė tebus, mums vadovas

Broli ir sese!

Aušra naujos gadynės teka,
Nušvis ir saulės spinduliai;
Juk nujautimas širdžiai šneka
Taip aiškiai, linksmai ir saldžiai.
Drąsiai, aukštai
Pakils balsai
Išaus kita gadynė
Užgims darbai
Prašvis laikai
Pakils jauna Tėvynė

Raudonojo barbaro išdavikiškos kojos peržengė tavo gimtosios grįčios slenkstį. Jos sutrypė šviesią ateitį, viltis Tavo ir Tavo senelių tėvų... Tėviškė paskesta kraujuose, ašarose, dejonėse. Tu palieki dirvoje arklą, paaukoji vos pražydusią jaunystę dėl prarastos Tėvynės laisvės.

Tvirtai spausdamas pūslėtomis rankomis ginklą vedamas meilės Tėvynei, jos laisvei, nepykantos ir keršto priešui. Tu neši sunkią partizano naštą. Į nežinomą ateitį, pro Tavo akis, praslenka niūrūs vagonai, išplėšę Tėvynės širdį... Ant Tavo rankų mirė kovos draugai - partizanai, su Lietuvos ir laisvės šūkiais išbalusiose lūpose.

Iš Lietuvos Ypatingojo archyvo

The manuscript that had reached a faithful prisoner in the mine or in the bunkhouse, was floating from mouth to mouth, raising the fighting spirit, refreshing the hidden force of resistance, awaking the hope. Now it is difficult to imagine the camouflage of this secret activity among the thousands of prisoners. Also it is difficult to imagine how they survived during searches, how they absconded from the eyes of staff trackers and conscripted prisoners. In the consideration of conspiracy and disorientation, proclamations were underwrote as „The Union of North Fighters for Freedom" or „The Union of Fighters for Freedom". But really it was The Union of Fighters for Freedom of Lithuania; the members of this Union were the main organizers of the resistance, the main authors and spreaders of the proclamations.

When we are thumbing seedy leaflets, inquisitorial protocols and other documents of the past, the witnesses of the resistance fight, we can hear only an echo, can only uncurtain a cranny for our look. It is unlikely that somebody will be able to describe or to show on the scene the experiences of the participants and the bystanders of these events. The heavy mind is racking them, they are avoiding to touch an extant hurts and welts, because their tellings and writings today do not attain a proper sensibility from those, who are improving the fruits of the fight for Freedom. We can recognize fighters for Freedom only from the reserved presence, from the white hair, from the eyes that are beaming the love for Motherland and Freedom. Unfortunately, their way in this world is going to the end. We will forever remember them and their love for Motherland and Freedom. God, please sing the way of fighters who are still alive with Your favours.

Algimantas Zolubas

SSRS ČK, NKVD, MGB ir KGB vadeivos

The chieftains of USSR KGB

Dzeržinskij Feliks Edmundovič
1917-XII–1926-VII

Menžinskij Viačeslav Rudolfovič
1926-VII–1934-V

Jagoda Genrich Grigorjevič
1934-VII–1936-IX

Ježov Nikolaj Ivanovič
1936-IX–1938-XI

Berija Lavrentij Pavlovič
1938-IX–1953-III

Merkulov Vsevolod Nikolajevič
1941-VII --1946-V

Abakumov Viktor Semionovič
1946-V -- 1951-VI

Kruglov Sergej Nikiforovič
1945-XII–1956-I

Ignatjev Semion Denisovič
1951-VIII -- 1953-III

Serov A. Aleksandrovič
1954-III -- 1958-XII

Šelepin Aleksandr Nikolajevič
1958-XII--1961-XI

Semičastnyj Vladimir Jefimovič
1961-XI–1967-V

Andropov Jurij Vladimirovič 1967-V–1982-V

Fedorčuk Vitalij Vasiljevič 1982-V–1982-XII

Čebrikov Viktor Michailovič 1982-XII–1988-XII

Kriučkov Vladimir Aleksandrovič 1988-X–1991-VIII

LSSR
KGB ir VRM vadeivos - Maskvos parankiniai
The chieftains of Lithuania KGB – the bottle-washers of Moscow

LSSR vidaus reikalų ministras
1944 04-1953 04
Josifas Bartašiūnas

LSSR valstybės saugumo liaudies komisaras
1944 07-1945 08 02
Aleksandras Guzevičius

LSSR vidaus reikalų ministras
1953 04-1953 07
Piotras Kondakovas

LSSR vidaus reikalų ministras
1953-1954
Jonas Vildžiūnas

LSSR KGB Pirmininkas
1954-1959
Kazimieras Liaudis

LSSR vidaus reikalų ministras
1954-1968
Alfonsas Gailevičius

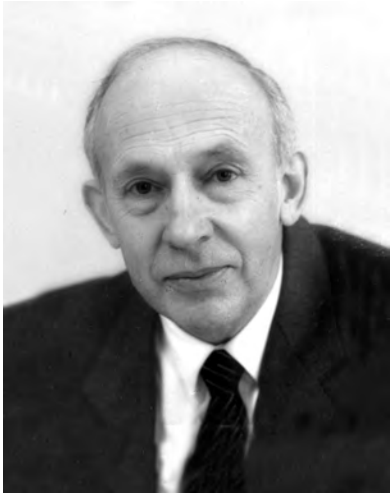
LSSR KGB Pirmininkas
1967-1987
Juozas Petkevičius

LSSR vidaus reikalų ministras
1968-1984
Julijonas Mikalauskas

LSSR vidaus reikalų ministras
1984- 1990 03
Stasys Lisauskas

LSSR KGB Pirmininkas
1987 04-1990 05
Eduardas Eismuntas

LSSR KGB darbuotojų bendras portretas. XX a. 6-7 deš.
Pirmoje eilėje sėdi iš kairės: 1. Stankevičius, 2. Musulas, 3. Michailas Aleksandrovas, 4. Fiodoras Akimovas-Afanasjevas, 5. Efremenko, 6. Juozas Petkevičius, 7. Georgijus Lebedevas, 8. Jevgenijus Gecmanas. Antroje eilėje stovi iš kairės: 2. Vasiliauskas, 4. Dreminas (?), 6. Maslauskas, 7. Švėgžda. Trečioje eilėje stovi iš kairės: 3. Eduardas Eismontas, 4. Vytautas Jarmulavičius, 6. Žemys.

EDVARDAS BUROKAS

Edvardas Burokas gimė 1933 m. vasario 13 d. Ukmergėje. 1950 metais, besimokydamas Ukmergės berniukų gimnazijoje, jis drauge su bendraminčiais subūrė pogrindinę antisovietinę organizaciją "Keršytojai už Tėvynę" ir buvo išrinktas jos pirmininku. Organizacijos nariai priėmė priesaiką, turėjo organizacijos antspaudą, buvo sukaupę ginklų. E. Burokui, V. Vagoniui ir V. Turlai, nepaisant ginkluotos sargybos, pavyko išnešti rašomąsias mašinėles. Su viena jų beveik dvejus metus organizacijos nariai spausdino antisovietinius atsišaukimus ir perspėjimus kolaborantams. Po kelių mėnesių organizacijos pavadinimas buvo pakeistas į "Lietuvos Patriotą". E. Burokas per P. Puodžiūną užmezgė ryšius su Balninkų apylinkių partizanais, kurie jam paskyrė savo ryšininką K. Grigą. Be to, organizacija per savo narį A. Petrašiūną palaikė ryšius su Gelvonų partizanais. Organizacija partizanams teikė žinias apie kariuomenės judėjimą, aprūpindavo juos spausdinimo popieriumi bei vaistais, kuriuos gaudavo iš Ukmergės Šv. Trejybės bažnyčios zakristijono J. Rutkausko.

1951 m. vasario 16 d. Lietuvos išlaisvinimo komiteto įsteigimo JAV proga buvo paruošta daug atsišaukimų ir per 100 vėliavėlių, kurios buvo užmėtytos ant laidų pagrindinėse Ukmergės gatvėse.

Organizacija surengė pasikėsinimą į atsiųstą iš Vilniaus Ukmergės gimnazijų mokytojų komsorgą Augustiną Masanduką. Detalų pasikėsinimo planą paruošė E. Burokas, o įvykdė V. Turla ir V. Vagonis. Pasveikęs, bet drąsos neatgavęs kolaborantas išsinešdino į Vilnių, Ukmergės sovietizaciją palikęs savieigai. Paskatinti šio žygio sėkmės, partizanai pasiūlė likviduoti Želvos stribų vadeivą ir Smėlių rajono prokurorą bei susprog-

dinti MVD kariuomenės garažus Ukmergės miesto Vytauto gatvėje. Tuo tikslu garaže buvo įdarbintas organizacijos nario A. Grėbliausko žmogus ir prinešta sprogmenų. Deja, partizanams nepavyko gauti detonatorių.

Užmezgusi “draugiškus” santykius su prokuroru, Gražina Bėrytė sugebėjo iš jo išgauti dalį numatytų ištremti žmonių sąrašų. Apie tai buvo perspėti Gelvonų ir Grežionių partizanai. E. Burokas, Z. Vašatkevičius, S. Aukštuolis bei kiti organizacijos nariai nuo stulpų nukapojo visus ryšio laidus, jungusius Ukmergę su kitais miestais. Okupantai buvo priversti atidėti trėmimą visai dienai.

1951 metais E. Burokas išvyko mokytis į Kauną. Čia su Kauno matininkų kursų klausytojais ir medicinos fakulteto studentais subūrė „Lietuvos Patrioto“ pogrindinės organizacijos filialą, kurio pirmininku paskyrė J. Venckų, Kauno organizacija per V. Valatką užmezgė ryšius su Dainavos partizanais, o E. Burokui pavyko išplėsti ryšius iki Balninkų. Kauno „Lietuvos Patrioto“ organizacijai priklausė 24 nariai. Jie išplatino iš Ukmergės gautas dvi siuntas atsišaukimų, trukdė steigtis komjaunimo organizacijoms.

Kauno organizacija nenukentėjo, tačiau suėmus E. Buroką, palaipsniui sunyko.

Prasidėjus 1952 m. naujokų šaukimui į okupantų armiją, keturi organizacijos nariai norėjo eiti partizanauti, tačiau partizanai jiems patarė eiti į sovietų kariuomenę. E. Burokas buvo išvežtas į Vladivostoką. Tuo metu Lietuvoje organizacija buvo išduota ir jai žlugus 1952 m. E.Burokas buvo suimtas. Po beveik tris mėnesius trukusių etapų po įvairius kalėjimus jis buvo patalpintas Vilniaus MGB kalėjime. Pagal sovietinio kodekso 58-1a, 58-8, 58-10, 58-11 straipsnius jį nuteisė 25/5/5 metams griežto režimo lagerio.

1953 metais E.Burokas buvo nugabentas į Vorkutos 1-ąją šachtą. Čia jis iškart įsitraukė į kalinių pogrindinę veiklą. Dalyvauja baudžiant "stukačius". Už tai po ilgo kalinimo karceriuose išvežamas į 7-ąją šachtą. Čia tampa J. Žilinsko ir Z. Paldavičiaus vadovaujamos pogrindinės grupės nariu ir vykdo bei pats vadovauja užduotims baudžiant "stukačius" ir kitus išdavikus, įskundusius 1953 metų visuotinio kalinių streiko organizatorius 7-ojoje šachtoje. Be to, reikėjo pakelti kalinių dvasią, kuri po 1953 metų streiko kruvino numalšinimo buvo smarkiai puolusi. Kalinių rankose ir valioje buvo didžiausias ginklas - jų pačių kuriama SSRS ekonomika. Reikėjo, kad kalinys liktų ištikimas savo idealams, vėl patikėtų savo jėga ir atgautų valią kilti į kovą.

E. Burokas pradeda derybas su visų tautybių kalinių bendrijomis. Ypač greitai pavyksta susitarti su vakarų ukrainiečiais. Numatyta sužlugdyti anglies gavybos planus. Z. Paldavičius ir E. Burokas susprogdina šachtos elektros pastotę. Šachta stovėjo visą dieną. Žmonės pradeda sabotuoti darbą. Šachtos administracijos partinė organizacija surenka partiečius į susirinkimą aptarti susidariusią padėtį ir rasti išeitį. Susirinkimo metu Z. Paldavičius ir E. Burokas susprogdina lubų perdangą. Po šio incidento komunistai pradeda imti įkaitus, tarp kurių patenka nemaža pogrindžio narių. E. Buroką ir Z. Paldavičių apie 9 mėnesius tardo aukšti čekistų karininkai iš Leningrado ir Vorkutos. Kankinami, velkami tramdomaisiais marškiniais išlieka tvirti ir neprisipažįsta. Z. Paldavičius išprotėja. Kai kurie liudininkai pakeičia parodymus. E. Burokas grąžinamas atgal į lagerį. Čia jam čekistai jau turi paruošę pinkles: gal prasitars...

1954 metų rudenį iš Ajač Jagos šachtos atkeliami du aktyvūs lietuviai - V. Šiška ir V. Vaineikis, kurie pasiūlo E. Burokui įsijungti į Lietuvos Laisvės Kovotojų Sąjungą ir pamėginti pabėgti iš lagerio arba surengti Vorkutoje dar vieną streiką. Bandant

įgyvendinti šiuos planus, po vasaros estrados rampos grindimis kasamas tunelis. Be to, buriant antisovietinius aktyvistus į LLKS organizaciją, ruošiantis ateities kovoms, buvo bandoma susisiekti su kitomis šachtomis. Tokie ryšiai užmezgami per laisvai samdomus tremtinius. V. Šiškos ir V. Vaineikio išrastu spaudos būdu pradedama leisti atsišaukimus ir laikraštėlį rusų kalba "Severnoje sijanijie". Šis darbas tenka V. Šiškai, V. Vaineikiui ir E. Burokui. Konspiracijos sumetimais, kad įtarimas iškart nekristų ant lietuvių, įsteigiama pagalbinė organizacija "Seviernyj sojuz borcov za svobodu", o vėliau dar "Sojuz za svobodu". Šioms organizacijoms ėmėsi vadovauti kalinys Emelijanas Repinas.

Išdavikui įskundus apie tunelio kasimą, bet nepavykus įrodyti kaltės, E. Burokas buvo išvežtas į 4-ąją šachtą, o V. Vaineikis - į 12-ąją. 4-ojoje šachtoje E.Burokas sutvirtina pogrindį, sukuria naujas grupes, paskiria vadovus, numato būsimas diversijas šachtoje. Po operatyvinio darbuotojo kabineto grindimis įrengia klausymosi punktą, kuriame kasdien budėjo po vieną kovotoją. Demaskuoja "stukačius", vieną jų, lietuvį, bando perverbuoti. Deja, pastarasis vėl grįžta pas čekistus ir išduoda E. Buroką, kaip vieną iš neiti į darbus kurstančių agitatorių.

1955 metų kovo mėnesį po kalinimo karceryje E. Burokas išvežamas į specialųjį ypatingo režimo lagerį Nr. 62. Čia jis susitinka su nuteistais 1953 metų sukilimo organizatoriais ir kitais aktyvistais. Vienam jų pavyksta pagaminti detektorinį radijo imtuvą, per kurį iš "Amerikos balso" išgirsta, kad 1945 m. Jaltos konferencijoje SSRS buvo leista laikinai valdyti Baltijos šalis, Vakarų Ukrainą ir Vakarų Baltarusiją. Tai paskatino surengti visos Vorkutos kalinių streiką. Šios akcijos surengimą turėjo palengvinti esami geri ryšiai tarp lagerių. Streiko tikslas: Maskvos valdymui laikinai atiduotų tautų kaliniai atsisako dirb-

ti lageriuose. Jie sutinka kalėti ir dirbti tik savo tėvynėse arba už zonos ribų kaip laisvai samdomi darbininkai. Per lietuvį brigadininką Stasį Laskauską, kasdien su brigada atvedamą dirbti iš 8 šachtos lagerio, perduodami paklausimai į kitus lagerius. Gavus sutikimą, LLKS ima rengti visos Vorkutos streiko planą ir įsteigia streiko komitetą: S. Ignatavičius tampa komiteto pirmininku, V. Vaineikis - atsakingu už spaudą, J. Valaitis - už kovinius reikalus ir drausmę, E. Burokas - už saugumą ir ryšius, J. Uogintas - už strategiją ir taktiką, V. Šiška - už ryšius su kitataučiais, A. Plepys - už ūkio bei kitus reikalus.

Čia T. Kilikevičius ir E. Burokas organizuoja spausdintinių laikraštėlių "Severnoje sijanije" (rusų kalba) ir "Protėvių takas" leidybą bei ranka rašo "Varpo" leidybos planą (drauge su šio leidinio redaktoriais P. Veverskiu ir E. Laugaliu). Be to, aktyvistai internuoja 10 aukštų karininkų, atvykusių iš GULAG'o inspektuoti lagerio.

Streikas įvyksta 1955 m. liepos 19 d. Greitai 7-osios šachtos kaliniai buvo išleisti. Už poros savaičių išleido ir 3 - 4 šachtos kalinius, o daugelyje kitų šachtų buvo duoti leidimai eiti į darbą be sargybos.

1955 metų rudenį 62-asis lageris buvo likviduotas. 47 streiko organizatoriai ir aktyvistai, tarp jų ir E. Burokas, išvežami į uždarą Vladimiro kalėjimą. Visi kiti buvo išgabenti į Taišeto lagerius.

Po neramumų Vladimiro kalėjime, kuriuos surengė iš Vorkutos atvežti kaliniai, režimas palengvėjo. Kaliniams buvo leista pasirinkti kameros draugus. E. Burokas, V.Vaineikis, P. Zagreckas, M. Kemtys ir J. Jancevičius buvo apgyvendinti vienoje kameroje. Čia nelaisvės draugai aptarė ir surašė LLKS manifestą ir organizacijos statutą, iš rusų kalbos išvertė Visuotinę Žmogaus Teisių Deklaraciją, kuri tapo LLKS pagrindiniu įstatymu.

Komunistai, bijodami visoje SSRS turėjusio įvykti streiko, sudarė SSRS Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo komisiją. Ši komisija paleido laisvėn apie 80% kalinių, o beveik visiems likusiems sušvelnino bausmes. V. Vaineikį išleido į laisvę. Jis slapta išsinešė ir minėtuosius dokumentus. E. Burokui bausmė buvo sutrumpinta iki 5 metų, ir drauge su dešimčia kitų kalinių jis buvo sugrąžintas į Vorkutą. Vėliau už šv. Kalėdų šventimo organizavimą jį pervežė į Intos baudžiamąjį lagerį. Čia jis drauge su kitais kaliniais organizuoja pogrindį ir leidžia spausdintinį laikraštėlį “Varpas”.

1957 metais Lietuvoje suimamas V. Vaineikis, K. Korsakas ir radijo siųstuvą sukonstravęs Šiaulių karinio oro uosto radistas H. Kiudulis. Panaudojus provokaciją, čekistams pavyko pas V. Vaineikį atrasti iš lagerio išneštus dokumentus, o Vorkutos operatyvininkai dar atsiuntė lageryje išleistus atsišaukimus ir laikraštėlius. Į E. Buroką vėl nukrypsta čekistų akys. Remiantis šiais dokumentais bei kai kurių liudininkų parodymais, E. Burokas iš Intos atvežamas į Vilniaus KGB kalėjimą. Pagal liudininkų parodymus bei įkalčius jam bandoma sukurpti bylą už dalyvavimą streike. Iki laisvės buvo likę vos 4 mėnesiai. Nei E. Burokas, nei kiti neprisipažįsta. Liudininkams atsiėmus parodymus, E. Burokas išvežamas atgal į Intą, o šį lagerį likvidavus, perkeliamas į Vorkutos “Cementnyj” baudžiamąjį lagerį. Čia iškalėjus porą savaičių baigėsi bausmės laikas ir E.Burokas buvo išleistas laisvėn, tačiau į Lietuvą grįžti jam neleidžiama, o gyvenamoji vieta paskiriama okupantų “Kaliningrado sritimi” pavadintame Karaliaučiaus krašte. Tėvams per pažintis pavyksta jį “prirašyti” Ukmergėje. Čia jis įsidarbina, tačiau praėjus 2 mėnesiams po V. Vaineikio teismo Vilniuje E. Burokas drauge su broliu Jonu suimami. E. Burokui paliekama sena bausmė ir jis vėl sugrąžinamas į Vorkutą. Čia jis dalyvauja steigiant po-

grindinę kovos su sovietais mokyklą ir pats tampa jos studentu.

1958 metais Vorkutos lageris likviduojamas ir E. Burokas pervežamas į Taišeto lagerius. Čia jis dalyvauja kasant pabėgimo tunelį ir baudžiant stukačius. Vėliau Čunos lageryje jam drauge su žydu Karlu Frusinu (dabar gyvena Australijoje) iš DOK'o gamybos administracijos pastato pavyko išnešti rašomąją mašinėlę. Kaliniai įrengia bunkerius. Vienas tokių bunkerių įrengiamas katilinėje, kurioje dirbo V. Petkus. Buvo spausdinami kareiviams skirti atsišaukimai. Be to, kaliniai bandė sudeginti kombinatą. E. Burokas dar organizuoja su G. Kraponu konstrukcijos "Nagan" sistemos pistoletų gamybą. Bandyta surengti ir pabėgimą. Deja, iškasus apie 40 metrų tunelio, sąmokslininkai įskundžiami, ir E. Burokas su draugais vieneriems metams išgabenamas į uždarą Vichorevkos kalėjimą.

1960 metais Taišeto lageriai buvo likviduoti ir E. Buroką pervežė į Mordovijos lagerius. Per etapą uždarame kalėjime Nr.14 jo siūlymu naujuoju LLKS pirmininku vietoj Lietuvoje mirusio generolo M. Pečelionio buvo išrinktas P. Paulaitis.

1961 metais E. Burokas perkeliamas į Sosnovkos lagerį. Čia drauge su Z. Laugalaičiu, P. Skėveriu, V. Vaineikiu ir kitais organizuoja spausdintinio laikraštėlio "Laisva Lietuva" leidimą bei (drauge su J.Tribušausku) operatyvinio įgaliotinio kabineto sekimą. Atskleidus vieną lietuvių "stukačių", jį pabandyta perverbuoti. Deja, neišlaikęs abiejų pusių spaudimo, pastarasis vėl išduoda. E. Burokas, Z. Laugalaitis ir J. Tribušauskas išvežami į Javaso lagerį. Iš šio lagerio E. Burokas buvo paleistas 1962 metų gruodį.

Per 10 metų lageriuose E. Burokui buvo bandyta sukurpti 9 bylas. Maždaug 6 metus jis iškalėjo uždaruose ir tardymo kalėjimuose. Daugiau kaip 150 parų teko praleisti karceriuose. O kur dar BUR'ai, griežto režimo ir specialios paskirties ypatin-

gieji lageriai. Per visą kalinimo laikotarpį bendrojo režimo lageryje jam teko išbūti tik 20 dienų.

Grįžęs į Lietuvą, E. Burokas tuojau susitinka su Kaune įsikūrusios LLKS nariais ir Sąjungos štabą perkelia į Vilnių. Čia, Jeruzalės priemiestyje, suburia S. Ignatavičių, A. Stasiškį, A. Terlecką (turėjo būti dar du atstovai) ir nutaria toliau tęsti kovą su okupantais.

1964 metais J. Navicko bute Klaipėdoje, Didžiojo Vandens gatvėje Nr. 4 įvyksta SSRS antikomunistų ir laisvės kovotojų susitikimas. Jame priimamas nutarimas koordinuoti SSRS disidentų veiklą, o Lietuvoje nustatyti visas sovietų karines bazes ir apie jas paskelbti pogrindžio spaudoje.

1975 metais E. Burokas drauge su okupuotoje Lietuvoje nelegaliai gyvenančiu V.Vaineikiu, Petru Grainiu, A.Buroku bei kitais organizuoja "Varpo" laikraščio leidybą. Leidinys buvo spausdinamas šilkografijos būdu Inturkės klebonijoje pas kunigą J. Dabravolską. Kilus įtarimams, persikelta į Vilnių pas Antakalnio gatvėje gyvenusią A. Zalatoriūtę bei į Ukmergės rajoną pas Jogvylų kaimo gyventoją Stasę Vaineikienę. Kaupia ginklus, rengia bunkerius bei karo atvejui ruošia šauktinių sąrašus.

Išleidžia daug plakatų: "Laisvę kun. A. Svarinskui", "Laisvę kun. S.Tamkevičiui" bei atsišaukimų dėl Vilniaus Arkikatedros grąžinimo tikintiesiems.

Artėjant Atgimimui, kuriantis Sąjūdžio komitetams, E. Burokas drauge su R. Kudžmauskiene, A. Adomaičiu bei kitais įsteigia Aukštuosiuose Paneriuose buvusioje "Lietuvos buitinės chemijos" įmonėje Sąjūdžio grupę. Šioje įmonėje dirbo daugiau kaip 1400 žmonių. Sąjūdininkai įtraukia į aktyvią veiklą įmonės direktorių V.Milinavičių, kurio nurodymu pradedami gaminti ašarinių dujų balionėliai Parlamento gynėjams apginkluoti. Įmonė Krašto apsaugos departamentui perduoda po 35 000 ru-

blių kainuojančias dvejas gręžimo stakles ginklų gamybai bei padeda įrengti brangią šaudyklą kariams. E. Burokui prašant, V. Milinavičius du kartus skyrė po keliasdešimt tūkstančių rublių Savanoriškosios krašto apsaugos tarnybos (SKAT) rengiamoms sporto varžyboms.

1991 metų sausį E. Burokas drauge su kitais dalyvauja ginant parlamentą ir televizijos bokštą.

1994 metais E.Burokas pakviečiamas dalyvauti Izraelyje surengtame Komunizmo aukų asociacijos suvažiavime. Grįžęs iš suvažiavimo, jis rūpinasi LLKS atkūrimu bei organizuoja jos leidinio “Varpas” leidybą.

E. Burokas yra išleidęs savo atsiminimų trilogijos 1-osios knygos “Pūtėme prieš vėją” I dalį (“Ko nepasakė Solženicynas”), II dalį (“Sukilimas”), III dalį (“Vytauto Vaineikio Juodos Dienos Baltos Naktys”). Jis taip pat aktyviai dalyvavo išleidžiant J. Grušio knygą “Lietuvos Laisvės Kovotojų Sąjunga 1940 - 2000 metais”.

Lietuvos Prezidento apdovanotas Vyčio Kryžiaus Ordinu ir kt. medaliais.

Jonas Burokas

Biography
Edvardas Burokas

Edvardas Burokas was born on February 13 1933 in Ukmergė. In 1950, when he was studying in boys' gymnasium in Ukmergė, he and his friends organized underground antisoviet organization „Revengers for Motherland" and he was elected its chairman. All members of this organization were under the oath, they had the stamp of the organization and they were armed. E. Burokas, V. Vagonis and V. Turla, despite the military guard, succeeded to steal some typewriters. For about two years they were printing antisoviet proclamations and warnings to the collaborators. A few months later this organization was renamed into „The Patriot of Lithuania". E. Burokas, under the help of P. Puodžiūnas, reached out with partisans of the vicinity of Balninkai. He got his own signaller to contact with the partisans – K. Grigas. They were also in touch with the partisans of Gelvonai. The members of the organization informed partisans about the movements of the troops, they delivered them typographical paper and medicine. The provider of the medicine was the sacristan of the church of St. Trinity in Ukmergė J. Rutkauskas.

On 16 of February 1951, on the occasion of the establishment of The Committee of the Liberation of Lithuania in USA, they prepared a lot of proclamations and more than 100 small flags and distributed all this stuff in the streets of Ukmergė.

The organization arranged an attempt on Augustinas Masandukas, a komsomol leader of the teachers of all gymnasiums of Ukmergė, who was sent here from Vilnius. E. Burokas prepared a detailed attempt plan and V. Turla with V. Vagonis realized it. This collaborator was injured. After recovering he lost all his bravery and splitted back to Vilnius. Stimulated by this success, partisans proposed to liquidate the leader of the troops, based in

Želva and the procurator of Smėliai disctrict and also to blast the military garages on Vytauto street in Ukmergė. On this purpose one friend of A. Grėbliauskas was engaged in the garage. He brought a lot of explosives but unfortunately partisans didn‘t succeed to find detonators.

Gražina Bėrytė hooked up with the procurator and received a part of lists of people, who were scheduled to exile. The partisans of Gelvonai and Grežioniai were forewarned about that. E. Burokas, Z. Vašatkevičius, S. Aukštuolis and other members of the organization cutt away all communication lines between Ukmergė and other towns. Invaders were forced to suspend the exile for one day.

In 1951 E. Burokas went to study to Kaunas. Here he, together with the listerners of a surveyors class and the students of the medicine faculty, rounded up a branch of the underground organization „The Patriot of Lithuania". Its chairman was J. Venckus. V. Valatka helped this organization to affiliate with the partizans of district Dainava and E. Burokas succeeded to extend links in Balninkai. There were 24 members in the organization „The Patriot of Lithuania" in Kaunas. They distributed a lot of proclamations, which they had received from Ukmergė. They were blocking istitutions of various komsomol organizations.

When E. Burokas was arrested, the organization of Kaunas rotted away.

In 1952, when the induction to the invaders‘ army took place, four members of the organization decided to join partisans. But they were advised on going to the army. E. Burokas was taken out to Vladivostok. At that point the organization in Lithuania was betrayed and E. Burokas was arrested. After three months of journeys through different jails, he was commited into the prison of MGB in Vilnius. He was sentenced for 25/5/5 years.

In 1953 E. Burokas was taken to Vorkuta, to the mine No. 1. Here he joined the underground prisoners‘ movement immediately. He took part in the chastisements of the renegades. The-

refore he spent a long time in the sweatboxes and was sent to the mine No. 7. Here he bocame a member of the underground group (leaders J. Žilinskas and Z. Paldavičius). He participated and directed the actions of chastisement of the renegades, who put the finger on the organizers of the general strike of prisoners in the mine No. 7 in 1953. Besides, it was essential to raise the spirit of the prisoners, which was crashed after the bloody suppression of the strike. Prisoners had the most powerful weapon in their hands – the economy of the USSR, that they were building. It was urgent for prisoners to keep devotion to their ideals, their power and their volition to continue the struggle.

E. Burokas started to negotiate with the communities of prisoners of all the nations. Very soon he found understanding with the west Ukrainians. They decided to mucker the plans of coal mining. Z. Paldavičius and E. Burokas blasted the electrical substation of the mine. The mine was stopped for one day. People started to sabotage the work. The party organization of the mine‘s administration summoned a meeting of party members. They wanted to discuss the situation and to find the way out. During this meeting, Z. Paldavičius and E. Burokas blasted the ceiling. After this incident the communists started to take hostages. There were a lot of underground members among them. High-ranked officers from Leningrad and Vorkuta examined E. Burokas and Z. Paldavičius for about 9 months, but neither tortures nor straitjackets could break them. They remained strong and disowned. But at the end Z. Paldavičius went crazy. Some of the bystanders changed their witnesses. E. Burokas was returned back to the camp. The chekists were waiting for him – may be he will make a bad break...

In the autumn of 1954 two very active Lithuanians came from the mine of Ajach Jaga – V. Šiška and V. Vaineikis. They proposed E. Burokas to join The Union of the Fighters for Freedom of Lithuania (UFFL) and try to escape from the camp, or to organize one more strike in Vorkuta. They started to dig a tun-

nel under the floor of the summer stage. They wanted to round up anti-soviet activists into the UFFL and prepare them for the future fights. On this end they tried to get in touch with other mines. These contacts were carried through the expatriates freelances. V. Šiška and V. Vaineikis invented one typographical method, that was used to print proclamation and a small newspaper in Russian „Severnoje sijanijie“ („The northen lights“). V. Šiška, V. Vaineikis and E. Burokas were responsible for this work. On the considerations of conspiracy, they established two subsidiary organizations – „Severnyj sojuz borcov za svobodu“ and „Sojuz za svobodu“. The leader of these organizations was the prisoner Emiljan Repin.

One renegade betrayed the digging of the tunnel. Though the blame was not proved, E. Burokas was sent to the mine No. 4, and V. Vaineikis – to the mine No. 12. In the mine No. 4 E. Burokas consolidated the undergruond, organized new groups, constituted their leaders, scheduled future diversions in the mine. Under the floor of the cabinet of the operational servant he rigged a listening station. One fighter every day was present in this station. Unfortunately, the renegate disclosed the station and made an attempt to conscript one prisoner from Lithuania. He split on E. Burokas as one of those, who were agitating not to go to work.

In March 1955, after a long time spent in the sweatbox, E. Burokas was taken to the special extraordinary regime camp No. 62. Here he met up with the organizers and the activists of the rebellion of 1953. One of them succeeded to make a crystal set and from the radio station „The Voice of America“ the prisoners learned that in 1945, in Jalta, the USSR was qualified for temporary administration of Baltic states, West Ukraine and West Belarus. This information stimulated the strike of all the prisoners of Vorkuta. This action was easy to organize, because there were very good links between the camps. The main purpose of the strike – the prisoners of nations, that were temporary placed in the care of Moscow, are refusing to work in the camps. They

agreed to sit in prison and work only in their countries or outside the zones as freelances. Lithuanian foreman Stasys Laskauskas from the camp of the mine No. 8 helped them to communicate with the other camps. After receiving of an accord, UFFL started to prepare the plan of the general strike in Vorkuta. They established the strike committee: S. Ignatavičius – the chairman of the committee, V. Vaineikis – responsible for press, J. Valaitis – responsible for combatant things and discipline, E.Burokas – for security and communication, J. Uogintas – for strategy and tactics, V. Šiška – for communication with the foreign-borns, A. Plepys – for fatigue and other things.

T. Kilikevičius and E. Burokas organized publishing of newspapers „Severnoje sijanije“ (in Russian) and „Protėvių takas“. Also they issued a hand-written plan of the publishing of „Varpas“ (together with the editors of this edition P. Veversys and E. Laugalis). Besides, the activists interned 10 high military rang officers, who came from GULAG to inspect the camp.

The strike took place on 19 of July 1955. On the same day the prisoners from the mine No. 7 were released. Two weeks later the prisoners from the mines No. 3 and No. 4 were released too. A lot of prisoners from the other mines got permition to go to work without any escort.

In autumn of 1955 the camp No. 62 was liquidated. 47 organizers and activists of the strike, E. Burokas among them, were taken out to the enclosed prison in Vladimir. Others were sent to the camps of Taishet.

After the disorder in the prison of Vladimir, that was caused by the prisoners from Vorkuta, the regime started to lighten. The prisoners got a chance to choose their ward‘s friends. E.Burokas, V.Vaineikis, P.Zagreckas, M.Kemtys and J.Jancevičius were housed in one ward. Here these prison friends discussed and wrote on paper the manifest of UFFL and the statute of this organization. They traslated The Global Declaration of Human Rights from Russian and it became the organic law of UFFL.

Communists were afraid of the mass strike. They instituted the commission of the Supreme Soviet Presidium. This commission disenthralled about 80% of prisoners. The others were remittaled. V. Vaineikis was disenthralled. He stealthily took the above-mentioned documents with him. The sentence for E. Burokas was reduced to 5 years and he, alongside with the other 10 prisoners, was transported back to Vorkuta. Then, for the organization of the celebration of Christmas he was sent to the punitive camp in Inta. Here he, together with the other prisoners, organized an underground organization and started to publish newspaper „Varpas“.

In 1957 V. Vaineikis, K. Korsakas and H. Kiudulis, the radioman of the military airport of Šiauliai, who produced a radio transmitter, were arrested in Lithuania. After some sort of provocation, the security officers found documents, that V. Vaineikis succeeded to take from the camp. They also received proclamations and newspapers from Vorkuta. The eyes of the security officers once again turned to E. Burokas. With the reference of these documents and also of the witnesses of some of the bystanders, E. Burokas was brought from Inta to the KGB prison in Vilnius. The authorities tried to fabricate a case against him for his presence in the strike. At that time there were only 4 months left to the freedom. Neither E. Burokas, nor others confessed. Bystanders reclaimed their evidence and E. Burokas was taken back to Inta. After the liquidation of this camp, he was moved to the punitive camp „Cementnyj“ in Vorkuta. Here he spent two weeks till the end of his sentence. But he was not allowed to return back to Lithuania. He housed in „Kaliningrad district“. His parents had good firends and they succeeded to record him in Ukmergė. Here he found a workplace. But after two months he and his brother Jonas Burokas were arrested. E. Burokas was sent back to Vorkuta. Here he helped to establish a school of the fight against the soviets and became the student of this school.

In 1958 the camp of Vorkuta was liquidated and E. Burokas

was sent to the camp of Taishet. Here he participated in the digging of the tunnel and the chastisement of the renegades. He, together with the Jew Karl Frusin, who now lives in Australia, suceeded to steal a typewriter from the office block. Prisoners started to equip bunkers. For one of these was used the boiler-house, where V. Petkus was working. Prisoners started to print proclamations for soldiers. They also made attempt to burn a combinat. E. Burokas was the organizer of this action and J. Tribušauskas, who now lives in Panevėžys, was the principal of it. E. Burokas and G. Kraponas organized the manufacturing of the „Nagan" system pistols. They also tried to organize the escape. Unfortunately, but they succeeded to dig only about 40 metres and were peached. E. Burokas and his friends were brought to the enclosed prison in Vichorevka.

In 1960 the camps of Taishet were liquidated and E. Burokas was sent to the camps of Mordovija. During one of the stages in the enclosed prison No. 14 he proposed to elect P. Paulaitis as a chairman of the UFFL instead of general M. Pečelionis, who died in Lithuania.

In 1961 E. Burokas was moved to the camp of Sosnovka. Here he, alongside with Z. Laugaitis, P. Skėveris, V. Vaineikis and others organized the issue of the newspaper „Laisva Lietuva" and, together with J. Tribušauskas, the surveillance of the office of the operational procurator. They unfolded one Lithuanian renegade and tried to conscript him. Unfortunately, the pressure from the both sides was too high and he failed. E. Burokas, Z. Laugalaitis and J. Tribušauskas were sent to the camp of Java. E. Burokas was released from this camp in December of 1962.

During 10 years spent in the camps, the authorities tried to sue 9 cases against E. Burokas. He spent about 6 years in the enclosed prisons and inquisitional jails. He was put to the sweatbox for about 150 days. During all this time, which he spent in prison, he was sitting in the common regime prison for only about 20 days.

After his return to Lithuania, he immediately met with the members of UFFL in Kaunas and transfered the headquarters of the organization to Vilnius. Here, in the suburb of Jeruzalė, he drew in S. Ignatavičius, A. Stasiškis, A. Terleckas and others. They decided to proceed the fight against the invaders.

In 1964 in the apartment of J. Navickas in Klaipėda (Didžiojo Vandens 4) there was a meeting of the anticommunists and the fighters for freedom in USSR. The participants of this meeting adopted resolution to coordinate the actions of the dissidents. They also set a task to determine all the military bases in Lithuania and to declare about them in the underground press.

In 1975, E. Burokas, V. Vaineikis, P. Grainys, A. Burokas and others organized the publishing of the newspaper „Varpas". This edition was printed in the way of serigraphy in the presbytery of Inturkė, in the house of priest J. Dabravolskas. When the suspicions raised up, they moved to A. Zalatoriūtė, who lived in Vilnius, in the street of Antakalnis and to the village of Jogvylai in the district of Ukmergė to Stasė Vaineikienė. They started to gather armament, built the bunkers and prepare the lists in the event of war.

They published a lot of banners: „Freedom for priest A. Svarinskas", „Freedom for priest S. Tamkevičius", a lot of proclamations about the restitution of the cathedral of Vilnius.

When the the committees of Sąjūdis started to build up, E Burokas, R. Kadžmauskienė, A. Adomaitis ant others established a group of Sąjūdis in Aukštieji Paneriai, in the former enterprise „Lietuvos buitinė chemija". About 1400 people worked in this factory. The members of Sąjūdis sucked in even the director of the factory V. Milinavičius, who commanded to start the production of the balloons of the tear-gas for the protectors of the parliament. This enterprise transfered two drillers for the Department of national defence, that cost 35 000 rubles each and also helped to equip a costly shooting-range for the military. E. Burokas asked and V. Milinavičius two times awarded several

dozens of rubles for the sport contests, that were organized by the Voluntary national defence department.

In 1991 E. Burokas participated in the defence of the parliament ant the TV tower.

In 1994 E. Burokas was invited to Israel, to the congress of the victims of the communism. After his return from this congress, he continued to re-establish the UFFL and publish its edition „Varpas“.

E. Burokas has published the first part of his trilogy „Pūtėme prieš vėją“ („We were kicking against the pricks“), the second part called „The Revolt“ and the third part – „Vytautas Vaineikis. Black days, white nights“. He also played up in the publishing the book of J. Grušys „The Union of the Fighters for the Freedom of Lithuania in 1940 – 2000“.

He was medalled by President of Lithuania with the Medal of Vytis Cross and other medals.

Jonas Burokas

Pavardžių rodyklė
Name Index

TURINYS СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS